

Неизбежность

СЕРИЯ: ПРЕДЧУВСТВИЕ

ЭМИ А. БАРТОЛ

Может быть, я неопытная семнадцатилетняя девушка, но я совершенно обычная... и в здравом уме. До тех пор, пока я не встречаю второкурсника Рида Веллингтона, однако, я не пойму смысл. Всякий раз, когда он рядом, я чувствую влечение к нему — он притягивает словно магнитом. Я знаю, что вы подумаете... это, звучит довольно обычно. Да, это было бы так, если бы он любил меня, но Рид ведет себя так, как будто я самое худшее, что когда-либо случилось в Крествуд... или с ним. Но тогда почему наши пути постоянно пересекаются.

Эми. А. Баргол
Неизбежность

Над переводом работали:

Переводчик: dark_angel (Мария Волошина), nasya29, Mary15 — первая глава, со второй и до конца только dark_angel (Мария Волошина)

Бета-редактор: Женя Бермас, с 20-й главы и до конца серии — Даша (дарьяна).

Глава 1

День переезда

Когда я проезжаю мимо фасада Крествудского колледжа с часами на величественной башне, понимаю, почему это здание предпочитают называть центральным. Это главная достопримечательность университета, и этот образ используют на всем, что представляет интерес. На письме о моем поступлении была печать с такой же эмблемой. Вместе с колоколом, что отбивает каждый час, в окно проник запах осени. От звонкого одинокого звука по коже пробегают мурашки. Мне кажется забавным, как одновременно эта башня с часами может быть очаровательной и зловещей.

Дядя Джим несколько раз сигналил из следующей за мной машины. Взглянув в зеркало заднего вида, вижу, как он жестами говорит мне свернуть налево на следующем повороте. Его паранойя по поводу того, что мне придется идти пешком до своего общежития, заставляет улыбнуться, и, чтоб как-то его успокоить, я сигналию ему в ответ. Кампус Крествуда состоит всего из нескольких улиц и, если я пропущу свою, то это не будет большой проблемой. «Если мне удастся тут заблудиться, то я недостойна той академической стипендии, которую мне дали», — думаю я, поправляя блеск на губах.

Не торопясь проезжаю дубовую аллею, что тянется по бокам от дороги. Всегда думала, что поеду учиться в какой-нибудь крупный город, типа Нью-Йорка или Чикаго, но когда мне пришло предложение из Крествуда, я не смогла упустить такой отличный шанс. Хочу сказать, кому нужен большой город, где все расписано по секундам? А Крествуд всегда входил в список лучших частных колледжей страны. Плюс, буду находиться в Мечегане и смогу чаще навещать дядю Джима. До него будет всего несколько часов езды, это важно, ведь я нужна ему. Кроме друг друга у нас больше нет родственников.

Когда перед моим взором появляется общежитие, то тревога подбирается ко мне совсем незаметно. Я совершенно никого не знаю в Итс Холле, да впрочем, как и в самом Крествуде. Хотя и познакомилась с некоторыми, когда приходила на экскурсию по колледжу в прошлом году, но тогда я была просто потенциальным студентом, поэтому не старалась заводить знакомства. Меня накрывает новая волна паники, или, возможно, раскаяния за то, что покидаю так много привычного для меня. «Не переживай», — убеждаю я себя и делаю глубокий вздох. — «Это место мне понравится. Все будет хорошо».

В парке под развесистым вязом я заглушаю двигатель и жду своего дядю, пока он доедет до меня. Притормозив, он припарковывает грузовик, поставив его на ручник. Из его стерео доносится Боб О'Райли, он качает головой и играет на воображаемой гитаре под такт громкой музыки.

Обычно, лицезрение родителей, перетаскивающих из своих машин коробки, настольные лампы и прочие вещи, приводило меня в ужас, но только не сегодня. Сейчас я стараюсь запомнить этот момент, потому что дядя Джим для меня очень важен.

Мы поддерживаем друг друга. Вскоре после моего рождения, когда мама умерла, он стал моим опекуном. Это было нелегко, тогда ему было всего лишь двадцать лет.

Я наблюдаю, как он открывает рот под фонограмму рок-н-ролла, и улыбаюсь, зная, что он делает это специально для меня. Дядя пытается развеселить меня, чтобы я не нервничала. Когда выбираюсь из моего старого джипа, то стараюсь не замечать, как от дверцы отлетают

кусочки ржавчины.

— Твой рок на воображаемой гитаре... — произношу я, когда он заглушает двигатель и улыбается мне через окно грузовика.

— Знаю. Это мое призвание. Я был рожден для рока, — хвастливо говорит он и подходит ко мне.

— Безусловно, — соглашаюсь я. Тем временем дядя закидывает руку на мое плечо и зажимает мои длинные каштановые волосы.

— Готова? — спрашивает он, поправляя свои темно-каштановые волосы, которые сразу же падают ему на лицо.

— Да, — киваю я, протягивая ему расческу из моей сумочки.

Он улыбается и берет ее у меня.

— Знаешь, что мне больше всего в тебе нравится, Иви?

Я приподнимаю брови.

— Ммм, то, что я не потею? — вопросом на вопрос отвечаю я.

Он широко улыбается и качает головой.

— Конечно, и это тоже, но я имел в виду то, как ты ко всему относишься. Я не сильно беспокоюсь за тебя, потому что знаю, что ты обследуешь каждый угол, прежде чем начать решать проблемы, — произносит он.

Украдкой бросаю взгляд на него, прежде чем пытаюсь возразить.

— А ты знаешь, что мне в тебе нравится?

— Мой музыкальный талант? — с невозмутимым лицом отвечает он. Улыбаюсь, потому что нам обоим известно, что он напрочь лишен слуха.

— Да, именно он, — соглашаюсь я, — и тот факт, что ты всегда знаешь, что сказать.

— Тебе это нравится? — удивляется дядя, пока мы идем в сторону моего нового места жительства — Хорошо, потому что я занимался этим в машине всю дорогу.

— Это выглядит очень по-родительски, — хвалю я его, когда он придерживает дверь, чтобы я зашла.

— Я этого и добивался, — признается дядя Джим в фойе, подходя к широкому столу из красного дерева.

— Иви Клермонт, — говорю улыбающейся брюнетке, сидящей на стуле за столом.

Прежде чем сказать, она пролистывает список:

— Женестьева Клермонт?

— Да, это я, — нервно вздыхаю, — но все зовут меня просто Иви.

Она переводит взгляд с меня на моего дядю и широко улыбается. Мы замечаем, как она начинает флиртовать с ним, и, зная своего дядю, я понимаю, что ему это не нравится. В любом случае, я к этому уже привыкла, так как это случается довольно часто. Думаю, что каждая из моих подруг в тот или иной момент была влюблена в моего дядю.

Пока она рассказывает ему о предстоящих мероприятиях, я решаю осмотреться. Как известно, раньше этот дом принадлежал семье Крествуд, но на рубеже прошлого века они пожертвовали его школе. Интерьер дома был элегантным: голубые шелковые обои, мебель с темно-коричневой обивкой и окна с утолщенными стеклопакетами.

Перед тем как отдать мне ключ, дядя Джим обнимает меня за плечи и кивает в сторону лестницы.

— Она была приветлива, — дразню его, пока мы поднимаемся на второй этаж.

— Очень мило, — бормочет он, кивая головой.

Отыскав мою комнату, мы открыли ее. Входя, я ставлю сумку на низкий столик возле двери. В комнате стоит одна кровать, стол, комод, тумбочка и маленькая лампа, а в ванной только раковина и туалет... и ничего более.

— Дом, — посмотрев на меня, жизнерадостно произносит дядя Джим. Должно быть, он понимает это по моему задумчивому выражению, потому что поспешно добавляет:

— Не волнуйся, когда мы все здесь обустроим, ты перестанешь чувствовать себя странно.

— Я не волнуюсь, — говорю я, натянуто улыбаясь ему.

— Да брось, — кладя руку мне на плечо и увлекая к двери, замечает он. — Давай принесем твои вещи.

Мы стали переносить вещи из его грузовика. После нескольких заходов все коробки были уже здесь, и я остаюсь в комнате разбирать их.

— Где мне поставить эту коробку? — спрашивает дядя Джим, останавливаясь в дверном проеме.

Прищурившись, я говорю:

— Хм, думаю, что на полу можно еще найти свободное место... Что это? — интересуюсь, увидев коробку перед собой.

— Судя по весу, либо труп твоего бывшего парня, либо книги, — ворчливо замечает он.

Нажав на выключатель, он старался удержать коробки, чтобы не выронить их.

— Ах, должно быть это книги — всех бывших парней, я хороню на заднем дворе дома, так что сегодня вечером желаю тебе приятных снов, — с улыбкой отвечаю я, ставя будильник на прикроватную тумбочку. — Ты просто можешь поставить ее под стол.

Дядя Джим проходит через всю комнату и с шумом опускает коробку.

— Мне интересно, что случилось с последним. С тем, что водил тебя в кино, — интересуется он и вытирает пот со лба рукавом футболки с Ramones. Бедный Ди Ди Рамон выглядит так, как будто он промок.

Снисходительно улыбнувшись ему, пожимаю плечами:

— Его звали Грег, и как я и говорила... он на заднем дворе.

— Хорошо, он мне никогда не нравился, — с той же улыбкой говорит он и спрашивает, указывая на разбросанные по всей комнате коробки. — Тебе нужна помощь с распаковкой вещей?

— Не знаю, куда все это девать. Возможно, я сделаю это сама, — скорее вопрос, чем утверждение.

— Я настроил интернет, так что можешь получать и отправлять E-mail, — говорит дядя Джим, находя мой ноут и ставя его на стол.

— Спасибо, завтра я записываюсь на занятия, так что отправлю тебе E-mail. Ты ведь помнишь, что я знаю, как это делать.

Он подключает локальную сеть и настраивает мне собственный вход в интернет и брандмауэр, так что я сохраню личную жизнь в секрете. Я и сама могла это сделать, ведь он учил меня этому, но я благодарна дяде за то, что сделал все сам.

Завершив установку, он смотрит на меня своими серо-голубыми глазами и торжествующе улыбается. Думаю, что цвет глаз моей мамы был такой же, как у ее брата и у меня, но я полагаюсь только на старые черно-белые фотографии, которые у меня остались. В остальном же мои физические характеристики — золотисто-каштановые волосы и рост — наверное, достались мне от отца, но так как я никогда не знала кто он, то в эту теорию

сложно проверить.

Улыбка дяди Джима гаснет, когда он осматривается вокруг и видит что все уже почти готово.

— Так, у тебя есть сотовый, — произносит он тоном родителя, — так что, если тебе что-нибудь понадобится, звони. Тебе нужны деньги?

— Ты мне их уже дал, — говорю я, видя, как он лезет в карман за бумажником. И беру его за руку, чтобы остановить. — Денег у меня более чем достаточно, чтобы поэкспериментировать с пивом и наркотиками, — с опаской подраживаю его. — Когда разорюсь на всех интернет-играх, то позвоню тебе.

Он улыбается мне в ответ, и я вижу, как в уголках его глаз появляются морщинки. Мне нравится думать, что именно я являюсь причиной появления смешливых морщинок в уголках его глаз.

— Я не говорил тебе, как горжусь тобой, Иви? — спрашивает он, его голос наполнен нежностью и любовью.

Чувствую, как запылала моя щека.

— Ну, раз или два, — отвечаю я. — В любом случае, теперь, когда меня нет дома, ты можешь сосредоточиться на всех тех вещах, которые ты откладывал. Может быть, посетишь свою страничку на сайте знакомств. Но... не проверяй устаревшие сообщения, это может раскрыть все секреты, — подраживаю его.

Мне грустно, что не могу вспомнить даже имя его последней подружки. Долгое время у дяди Джима не было свиданий. Мне кажется, я знаю причину этого — его профессия. Он программист. В основном работая на частных детективов, дядя Джим обрабатывает информацию о бракоразводных процессах, в частности, обман супругов.

С разрешения одного из якобы обманутых супругов получает доступ к компьютерам и копирует жесткие диски, обычно так называемое совместно нажитое имущество. В свободное время взламывает электронные почты и банковские счета. Таким образом, можно сказать, что измена сохраняет на плаву нашу маленькую семью. Мне нравится думать, что именно это послужило причиной, по которой дядя перестал ходить на свидание, а вышел из игры, только чтобы заботится обо мне.

В ответ на мой комментарий он заявляет:

— Именно по этой причине я переоборудую твою спальню в домашний спортзал. Так что когда ты приедешь погостить домой, тебе придется спать на лавке.

— Как ты смеешь! — притворно возмущаюсь я, пытаюсь скрыть от него свое беспокойство. Он скоро уйдет, а я останусь здесь. Мы всегда были вместе, и я всегда могу на него рассчитывать. От осознания того, что теперь все изменится, мои глаза наполняются слезами.

— Я уже скучаю по тебе, — видя мои слезы, говорит дядя Джим.

От его слов я начинаю паниковать, так что решаю пробежаться по своему списку.

— Вчера я ходила в магазин, так что у тебя достаточно еды, которой хватит как минимум на неделю. Купила тебе новые бритвы, они лежат в ванной. И еще, я отнесла твой костюм в химчистку. Не забудь в среду забрать его, потому что в пятницу ты должен быть на суде по поводу развода Хандесона.

— Я помню, — с улыбкой соглашается он.

Чтобы не расплакаться, делаю глубокий вдох и шепчу:

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — отвечает он и добавляет, — хочу, чтобы ты позвонила мне. Ну, знаешь... если тебе снова начнут сниться кошмары.

— Думаю, что теперь, когда я здесь, они прекратятся, — глядя в пол, бормочу я.

— Если они не прекратятся, я хочу, чтобы ты мне позвонила, — отвечает дядя, прикасаясь к моей щеке.

— Хорошо, — тихо шепчу я, и он опускает руку.

— Мне пора, не хочу попасть в пробку на Энн Арбор, — говорит он наигранно веселым голосом и с ободряющей улыбкой. — Все будет хорошо. Тебе понравится в Крествуде, Иви.

— Да, ты прав. Все будет хорошо, — отвечаю я с наигранным энтузиазмом. — В любом случае, ты должен идти, чтобы не попасть в пробку. Я провожу тебя, — заявляю я, делая вид, что все в порядке.

Держа его за руку, я иду вместе с ним к его грузовичку. Перед тем как сесть в него, он обнимает меня.

— Мне еще приехать к тебе? — через опущенное стекло спрашивает дядя Джим.

— Не могу дождаться, — с тенью улыбки отвечаю я.

Он начинает отъезжать, а я закусываю губу, чтобы сдержать дрожь. Мое сердце учащенно бьется от страха, когда вижу, как он улыбается мне через зеркало заднего вида. Когда его машина скрывается из виду, я медленно возвращаюсь назад.

Повернув ключ в замочной скважине, толкаю дверь своей комнаты. Переступив через порог, я застываю на месте, когда вижу ускользающую тень на стене.

— Кто здесь? — спрашиваю я, но в ответ мне тишина.

Прежде чем закрыть дверь, я тру глаза и пару раз моргаю. Подбегаю к окну, что находится в конце комнаты, и осматриваю пожарную лестницу за ним. Она была пуста — тяжелые железные решетки подъемника все в ржавых пятнах, словно им уже долгое время никто не пользовался.

Вздыхнув, отворачиваюсь от окна и осматриваю комнату: голые стены и пустые полки, которая может принадлежать кому-то. Словно как смотреть на чистый холст — так если бы до этого здесь жил человек с яркими цветами, сложными формами и текстурами, которые были нарисованы на этом холсте, что на протяжении всей жизни меня не преследуют никакие голоса — здесь нет будущего. Думаю, чтобы я себя почувствовала нормально, нужно распаковать вещи.

Я начинаю с коробки, которая стоит возле раковины. Пока я ставила на прикроватную тумбочку фото дяди Джима, большие часы, стоящие в холле, напугали меня своим звоном. Бом... бом... бом... три часа. Глубокий тембр боя зловещим эхом зависает в воздухе. Надеюсь, что они не будут стучать всю ночь, потому что они действительно раздражают. Думаю, нужно синхронизировать мои часы с часами на башне.

Распаковав вещи, я раскладываю их в ящики. У меня в запасе есть еще много свободного времени, перед тем, как идти в главное здание. Собрание по адаптации первокурсников начнется в четыре часа. Хочу прийти туда вовремя, чтобы проскользнуть в конец аудитории и найти укромное место, потому что слоняться перед ориентацией в коридоре не очень комфортно.

Заправив кровать, я прилегла на нее, завернувшись в теплый домашний плед. Последнее время я плохо сплю, поэтому сейчас зеваю, и мои глаза слипаются. Но я борюсь со сном. Когда сплю, мне снятся сны, в которых я тону. Снова зевнув, потягиваюсь и смотрю на коробки, которые еще не разобрала. Хочу лечь спать очень уставшей, тогда у меня будет

меньше шансов на то, что мне вновь приснится кошмар.

Отыскав под раковиной небольшую коробку, поднимаю ее и пытаюсь распаковать. Взяв за упаковочную ленту, несу ее на стол и ставлю ближе к свету. Вытащив из кармана джинсовой юбки складной нож, раскрываю его.

На мгновения солнечный свет закрыла тень, мимолетно пролетевшая перед окном. Это отвлекает меня, потому что в следующую секунду острая боль пронзает мой мозг, и кровь капает на коробку. Зашипев от боли, я отшвыриваю нож на стол. Осмотрев палец, замечаю порез, из которого текла кровь. Подойдя к раковине, подставляю его под холодную воду.

Неглубокий порез. Может быть, если я забинтую палец, то остановлю кровотечение. Нахожу небольшое полотенце, зажимаю рану и открываю шкафчик над раковиной, чтобы достать все необходимое, которым запаслась ранее. Пока вожусь с бинтами, нажимаю на рану, отчего кровь пошла сильнее, просачиваясь сквозь махровое полотенце.

Не обращая внимания на пульсирующую боль, вновь подхожу к окну, чтобы посмотреть на источник беспокойства. Снова разглядываю пожарную лестницу, которая находится в двадцати футах от земли. Но лестница должна была помешать кому бы то ни было запрыгнуть сюда. Высунув голову из окна, смотрю наверх, но там нет выхода.

Почувствовав себя некомфортно, закрываю и запираю окно.

«Я так устала, что мне уже кто-то мерещится», — руками потираю глаза. Подойдя к кровати, ложусь на нее и изучаю покрашенный белым потолок. Зевнув, смотрю на часы. На секунду закрыв глаза, чувствую, будто плыву. Моргнув, подтягиваю к себе подушку и обнимаю ее. Снова взглянув на часы, я изо всех сил стараюсь не заснуть.

«Почему в моей комнате так холодно?» — удивляюсь я, повернувшись на другой бок. — «Замерзаю...» Открыв глаза, затуманенным взором упираюсь в виниловое покрывало под моей щекой — в шахматную клеточку, темно-бежевого и тусклого оттенка. Коснувшись кончиками пальцев до ноющей челюсти, я приподнимаюсь. Густые, красные дорожки крови, стекают по шее, и словно капли дождя падают на мой элегантный топ.

Красивая музыка успокаивающими волнами колышется вокруг меня, перемежаясь со скрипом решетки, от чего у меня кружится голова. Растерянная, прислушиваюсь к музыке.

И вижу самое красивое лицо, которое никогда прежде не встречала, но его совершенные черты лица были покрыты запекшейся кровью. Крупные струйки крови по бокам его рта вселяли ужас. Он улыбнулся уголками губ, когда увидел, что я наблюдаю за ним.

Страх, что душит меня, не позволяет отвернуться. Он осторожно берет меня за руку и разжимает мои пальцы. И вкладывает в мою руку коричневый кожаный ремешок с серебряными подвесками.словно маленькие, прекрасные монстры, они переливаются на свету...

Голос, что звучит в моей голове, нашептывал:

— Познаешь силу жизни и потеряешь солдата, возлюбленного и друга. Так всегда происходит... всегда, — бом-бом. — Не сможешь остановить это до прихода... Не сможешь...

Глава 2

Ориентация

Бонг... Бонг...

Распахнув глаза, я тяжело дышу, как после пробежки. Инстинктивно прикоснувшись к щеке, чтобы узнать, есть ли на ней что-нибудь...например, кровь. Когда вижу, что рука чистая, с облегчением вздыхаю. Рука опускается на грудь, в которой бешено колотится сердце.

Растерянная, я приподнимаю голову, перед тем, как посмотреть на часы, стоящие на прикроватной тумбочке. Уже четыре, мое сердцебиение ускоряется. Ориентация для первокурсников...

В панике, я соскакиваю с кровати, подбежав к раковине. Открыв кран, умываю лицо. Остановившись, моргая, смотрю на свой палец, но не нахожу места пореза. От него не осталась и следа.

Не приснился ли мне этот порез? Мой мозг лихорадочно работает, избавляясь от последних крупиц сна. Нет, я беру полотенце, которым ранее оборачивала палец. На нем все еще была кровь. Оглядывая комнату в поисках ответов, снова смотрю на часы — четыре часа. Я опоздала на ориентацию!

В спешке, я снова поворачиваюсь к зеркалу. Приподнявшись на цыпочки, пытаюсь разглядеть, подходит ли моя джинсовая юбка для ориентации. Быстро разглаживаю юбку, она оказалась короче, чем я думала, но у меня нет времени для переодевания, к тому же, она хорошо считается с моим топом. Я быстро подправляю свой макияж.

Заперев дверь своей комнаты, я иду через короткий коридор, ведущий в главный зал на втором этаже. Пробежав вниз по лестнице мимо стойки регистрации, я толкаю стеклянную дверь, которая с грохотом за мной закрывается, и бегу вниз по тротуару в сторону зала.

У меня совсем не осталось времени, покраснев от полуденного солнца, напряжения и стресса из-за опоздания. Прислушиваясь к своему тяжелому дыханию, я думаю, что было бы не плохо просто прогуляться по кампусу.

Деревья на территории кампуса образуют арочный зеленый проход. В листве, простиравшейся высоко над головой, гнездятся стайки птиц. Это было бы прекрасное место для прогулки, если бы я не опаздывала. Слушая пение птиц над моей головой, я завидую их способности летать.

Пробежав последние несколько метров до центрального корпуса, вижу, как пожилая женщина с кислым выражением лица закрывает дверь в аудиторию. Она с неодобрением смотрит на мое извиняющееся лицо.

— Все уже на месте, дорогая, — говорит она, указывая на дверь в задней части вестибюля.

— Спасибо, — пробормотала я.

Остановившись, чтобы отдышаться, я хватаюсь за живот, ощущая дискомфорт как во время турбулентности при полете. Но нет... такое чувство, будто что-то внутри, подталкивает меня идти вперед. Должно быть это с непривычки, после пробежки полумили.

Пройдя через вестибюль к аудитории, я была благодарна за кондиционер. До сегодняшнего дня у меня не было возможности побывать в этом здании, и я с восхищением осматриваюсь вокруг. Задняя стенка вестибюля была стеклянной. В центре находился

фонтан. Алмазные отблески света, рассыпались по полу и потолку и переливались на бронзовых статуях, по которым струилась вода. Подойдя к фонтану, я читаю бронзовую табличку: «Подарок от семьи Вэлингтон».

На мгновение отвернувшись, я обнаруживаю элегантную, широкую лестницу, ведущую на балкон. Покраснев, я смотрю по сторонам, заметил ли кто-нибудь мой проступок, но холл был пуст, потому что все уже зашли в аудиторию.

Я спешу к тяжелой деревянной двери, находящейся на противоположной стороне холла. Открыв ее, я останавливаюсь на пороге, потому что освещение в аудитории было слабее, чем снаружи, так что было сложно что-нибудь увидеть. Прежде чем мои глаза привыкли к полумраку, я понимаю, что совершила еще одну большую ошибку, потому что когда за мной с грохотом закрылась дверь, сидевшие неподалеку студенты с любопытством покосились на меня. Смутившись, я отхожу в тень и начинаю искать свободное место.

За несколько рядов от того места, где я стою, кто-то начал размахивать руками, шепотом подзывая меня.

Я двигаюсь вперед, и когда узнаю звавшего меня, то внутренне сжимаюсь и колеблюсь. Это был единственный человек, которого я знала в Крествуде, и он с энтузиазмом махал мне. Альфред указывает на место рядом с собой, которое находится в середине нижнего ряда. На мгновение, я закрываю глаза в попытке заблокировать лица студентов, которые теперь уже открыто пялятся на меня.

Я почти не знала Альфреда — но для всех остальных мы знакомы. Этим летом, до поступления в Крествуд, я была приглашена на завтрак. Мать Альфреда Стэндиша пригласила некоторых потенциальных первокурсников Крествуда к ним домой, надеясь перед колледжем найти Альфреду друга. Теоретически, это была прекрасная идея, но поскольку я была единственным гостем, это больше походило на допрос, нежели на дружественный воскресный завтрак.

Когда я встретила с Альфредом, он практически не разговаривал, за него все время говорила его мать. В тайне я немного беспокоилась о нем, потому что рядом с ним я похожа на бабочку. Весом в 140 фунтов он мог стать легкой добычей хулиганов в общежитии, будучи новичком.

Я натягиваю улыбку на свое лицо, потому что избегать его теперь, когда он знает, что я его видела, было бы грубостью. Поэтому я тащусь вперед, чувствуя, как глаза каждого прикованы ко мне.

— Привет, Альфред, как провел лето? — спрашиваю я, садясь на сиденье рядом с ним.

— Не очень. Я много готовился к поступлению, — усмехнувшись, отвечает Альфред. — Я рад видеть тебя здесь. Ты единственный человек, которого я знаю в Крествуде.

— Ничего себе, правда? — говорю я, пытаюсь быть заинтересованной. — У нас есть кое-что общее — я тоже здесь никого не знаю. Я пропустила что-нибудь? — нахмурившись, спрашиваю я.

— Нет, они просто собрали нас здесь. Но еще не начинали, так что можешь расслабиться, — отвечает он, глядя на мою напряженную позу.

Я выдохнула.

— Спасибо, — говорю я, чувствуя неожиданную благодарность за возможность разговаривать с кем-то. Я сидела, сложа руки, пытаюсь успокоиться, но было такое чувство, как будто в моем животе порхают бабочки.

— Лучше тебе убедиться, выключен ли твой телефон, — тихо говорит мне Альфред. —

Они сообщили, что если услышат хоть один звонок, то заберут телефоны. Такая хрень, как будто мы еще в школе или что-то вроде того, — бормотал он, качая головой.

Я лезу в свою сумку и выключаю телефон. — Уверена, что в основном это раздражает тех, кто пользуется Wi-Fi, — улыбаюсь я, имея в виду людей, которые используют Wi-Fi, даже когда говорят по телефону.

Альфред усмехнулся. — Да, ты бы видела, как специалисты по рекламе пытаются заглушить их сигналы, — смеется он, — представляешь, они покупают специальные телефоны для набора сообщений.

Мы оба смеемся, а в уголках его голубых глаз появляются морщинки.

В аудитории приглушают свет и как только декан начинает свое обращение к собравшимся, все затихают. В результате ориентация включала в себя: краткую историю университета, общую лекцию, ее тенденции и обзор кодекса поведения учащихся.

Когда декан заканчивает говорить, к аудитории обращается администратор с информацией регистрации первокурсников. Она будет проходить по первой букве фамилии студента. Например, К, Клермонт. Я записалась еще рано утром. Я улыбаюсь, потому что я знаю, что у меня было преимущество перед остальными, попасть в желаемый класс.

Далее к нам обращаются несколько представителей от женского общества и братства домов на территории кампуса. Один из студентов, говорил о различной деятельности объединений Греческой системы. Во время этой диссертации Альфред лихорадочно делал заметки на своем iPhone. Внезапно я почувствовала себя защитником Альфреда. Я могу представить его перед некоторыми властными старшеклассниками, с комплексом Бога, помешанных на дедовщине и контроле, а не на дружелюбии. Альфред, кажется, был младше меня, но, может, я так думаю, потому что мы оба были первокурсниками. Может быть, я почувствовала это неосознанно, или потому что, он занял мне место. Кажется, он относится ко мне просто как к другу, это не мешает мне проследить за тем, чтобы он освоился здесь как в школе.

подавив зевоту, мой взгляд блуждает по профилям сидящих неподалеку учеников. Через несколько рядов впереди меня, мой взгляд задерживается на очень широких мужских плечах. Скользя взглядом вверх, я замечаю изгиб шеи и прямую линию подбородка, пухлые губы, которые я описала бы как... чувственные. У него прямой нос, и когда я смотрю в его глаза, то замечаю, что они... очень, очень злые? Мертвые — было более подходящее слово, чтобы описать выражение глаз, которые смотрели на меня через несколько рядов.

Мое сердцебиение ускоряется, а щеки заливают румянец, когда он посылает в мою сторону полной злобы взгляд. Я поворачиваю голову, в надежде увидеть того, кто навлек на себя гнев совершенства передо мной, но никто не выглядит как объект его ненависти. В замешательстве, я снова смотрю в его сторону и вижу, что он по-прежнему смотрит в мою сторону. Мои щеки пылают, когда я замечаю, что выражение его лица совершенно не меняется.

«Может это из-за жары?» — удивляюсь я. Он смотрит так, будто кто-то сломал его цветные карандаши. Я быстро отворачиваюсь от него, прежде чем расплачусь от жары его ненавистного взгляда.

«Кто он?» — пытаюсь разглядеть его своим периферийным зрением, так, чтобы он не догадался, что я его рассматриваю. — «Возможно, он есть в списках первокурсников».

Я получаю справочник со списками всех первокурсников, он был прислан мне прямо домой, Крествудским материнским обществом. Я нашла там себя и обнаружила свою

ужасную фотографию, которую отправила при поступлении в Крествуд. Рядом с фотографией, была моя краткая биография, школьные достижения, которые, полагаю, были собраны представителями университета.

Вероятно, личная жизнь не интересовала материнский клуб, но я могла использовать это в своих целях. Из-за размышлений я едва слышу оглашения плана прогулки к озеру в Арденнском лесу, которая состоится сразу, после ориентации. «Женщина за кафедрой сказала что-то о поиске группы?» — люди в аудитории стали понемногу вставать и уходить.

— Я должна была мечтать об этом весь день, о прогулке к Арденнскому озеру? — спрашиваю я Альфреда, когда мы поднимаемся с наших мест.

Потянувшись, он отвечает, — Да, мы должны найти свои группы, чтобы пойти на озеро, которое находится далеко от кампуса. Это традиция университета, устраивать барбекю у озера для первокурсников. Я думаю, что ты относишься к группе на букву К. Верно? — спрашивает он меня.

Включая обратно свой телефон, я смотрю на группу студентов, столпившихся у выхода из аудитории.

— Да, — говорю я рассеяно, — я в группе К.

Я пропускаю мимо ушей все, о чем дальше говорит Альфред. Вместо этого, все мое внимание обращено на прекрасное лицо парня — которое ранее выглядело рассерженным.

Он небрежно оперся о дверной косяк, окруженный восхищенными лицами. Среди стайки его поклонников стояла миленькая первокурсница, играющая со своими светлыми волосами, и кокетливо касаясь его руки, постукивая по клипборду (прим.: доска с зажимом). Я задаюсь вопросом, не он ли наш гид, который должен сопровождать нас к озеру.

Сделав пару шагов в направлении моей группы, я останавливаюсь, потому что со мной происходит что-то странное. Невесомое, трепещущее чувство в желудке, которое я ощущала с тех пор как приехала, казалось, увеличилось в разы. Внутри меня словно порхают крылья маленькой бабочки.

Подсознательно, я снова делаю еще один шаг в сторону своей группы, но останавливаюсь, когда Альфред говорит: — Думаю, я тоже в этой группе. Я хочу, чтобы мы пошли на прогулку вместе. Может быть, нам взять с собой немного еды, чтобы перекусить у озера? — рассматривая свою обувь и говоря это, он кажется действительно уязвимым. Внезапно, я чувствую, что должна защитить Альфреда.

— Звучит здорово, Альфред... хм, у тебя есть прозвище? Что-то менее формальное, чем Альфред? — спрашиваю его я, когда он поднимает взгляд на меня. Когда он не отвечает, я продолжаю:

— Ты знаешь, как дома тебя называли твои друзья?

— Ммм, все мои друзья называли меня просто Альфред, — хмуро отвечает он.

Прежде чем спросить, я улыбаюсь, округлив глаза: — Никто не называл тебя Аль или Фред?

— Э-э, нет, просто Альфред, — сказал он, улыбнувшись в ответ.

— Ну, думаю, поскольку мы собираемся быть друзьями, и, поскольку я настаиваю, чтобы ты называл меня Эви, а не Женестьева, было бы здорово, если бы ты позволил называть тебя не Альфред... а например Фредди? — дружелюбно спрашиваю я, надеясь, что он будет не против прозвища.

— Да, это хорошо... мне нравится... Фредди, — он улыбается мне, словно в оцепенении.

— Ладно, нам лучше пойти и присоединиться к нашей группе, — говорю я, оглядываясь вокруг.

Моя группа уже готова идти, но, прежде чем присоединиться к ним, я критически осматриваю Фредди. Он выглядит так, как будто собирается пойти в поход с фашистским диктатором, но ни как, ни на озеро. На его белой, оксфордской рубашке воротник плотно застегнут, а шорты цвета хаки доходят до пояса. Повинуясь какому-то внезапному импульсу, я расстегиваю верхнюю пуговицу на рубашке Фредди. Потом немного треплю его волосы, чтобы они не выглядели чересчур прилизанными.

— Так, — вздыхаю я. — Так-то лучше. Теперь вытащи рубашку, и пойдём на озеро.

Он отходит от меня, улыбаясь и делая, как я прошу.

Пока я медленно иду к своей группе, то изучаю прекрасное лицо нашего лидера, пока он стоит у двери все в той же позе. Когда я останавливаюсь рядом с ним, его взгляд задерживается на мне, а лицо искажает гримаса.

«Это из-за меня!» — с тревогой думаю я. — «Он ненавидит меня! Может быть, он любит только блондинок». Нервно, я кручу кончик своих волос и осматриваю толпу перед собой, пытаюсь найти высокого человека, за которым я могла бы спрятаться от его взгляда. Наконец, я нахожу такого, довольно высокого парня, и скрываюсь за его спиной.

«Ты просто трусиха», — мысленно ругаю я себя. — «Ты все неправильно поняла. Он не ненавидит тебя, он даже не знает тебя. Возможно, у него сегодня просто неудачный день, или ты просто напомнила того, кого он ненавидит».

Отличительное трепетание в моем животе вспыхивает снова, заставляя чувствовать, слово меня слегка подталкивает вперед, к выходу — в его сторону. Выглядывая из-за спины мужчины, я стратегически маневрирую сзади и вижу, как он идет ко мне. «Стреляйте! Вот он идет!»

Через секунду я стою лицом к лицу с самым потрясающе красивым человеком, которого я когда-либо видела. Хорошо, может быть не «лицом к лицу», так как он, по меньшей мере, на пять дюймов выше меня. Он останавливается так близко ко мне, что я вынуждена вытянуть шею, чтобы увидеть его глаза — они зеленые с серым ободком вокруг края радужных оболочек.

Наклонившись близко к моему уху, его дыхание шевелит мои волосы, когда он тихо говорит: — Это не ваша группа, и вам пора уходить.

Его голос звучит словно шелк, но в нем что-то неправильное. Голос продолжает нашептывать у меня в голове, даже после того, как его губы перестают шевелиться, и дыхание перестает щекотать мои волосы. Небольшая дрожь страха скатывается вниз по моему позвоночнику, а волосы на моем затылке шевелятся.

Отступив, я смотрю в его красивое лицо, видя в его взгляде ожидание.

— Откуда вы знаете, что я ошиблась группой? Мы с вами уже встречались? — смело говорю я, приподняв бровь, даже не пытаюсь скрыть раздражение в голосе.

Когда он слышит мой ответ, то на миг его глаза темнеют. Кажется, его это удивляет. Кажется, он не привык получать отпор. Бьюсь об заклад, что женщины выстраиваются в очередь, чтобы угодить ему.

— Как ваше имя? — мягко спрашивает он, снова наклоняясь к моему уху. Я снова напрягаюсь, потому что в моей голове снова раздаётся незнакомый голос.

Мои глаза сужаются.

— А вы кто? Мефистофель? — возражаю я. — И что у вас с голосом? — спрашиваю я,

рассеянно потирая кожу, в попытке унять дрожь. Его голос не раздражает — он оскорбителен. От него в моей голове зудит, но я не могу его унять.

Я с удовлетворением вижу, что поразила его — хотя он хорошо это скрыл, но было видно, как на мгновение его глаза расширились. Если бы я не была так сосредоточена на его глазах, то не заметила бы изменения. Его лицо меняется, превращаясь в маску. Я забеспокоилась, потому что без каких-либо эмоций, трудно было понять, о чем он думает.

В отчаянии я оглядываюсь вокруг и понимаю, что мы привлекли внимания всей группы. Симпатичная блондинка, с которой он говорил чуть ранее, смотрела на меня как на соперницу из противоположной команды.

Я снова поднимаю взгляд на него, но он говорит:

— Я просто хочу убедиться, есть ли вы в моем списке. — Его голос звучит мягко и вкрадчиво, без стальных ноток. — Так как ваше имя? — спрашивает он меня, в подтверждение своих слов, помахав клипбордом.

— Эви, — отвечаю я тихо, почти шепотом, заметив, что остальная группа смотрит на нас.

Он изучает список имен, словно вышибала перед входом в модный клуб. Я с осторожностью смотрю на него, прекрасно зная, что имени Эви он там не найдет, и ожидаю его реакции. Когда он наклоняется над списком, прядь его темных волос падает ему на лоб. Мне захотелось прикоснуться и убрать непослушную прядь, чтобы ощутить их текстуру. Как странно, еще минуту назад я ощущала дискомфорт, а теперь я хочу дотронуться до его волос. «Может быть я шизофреничка?»- осторожно думаю я, в то время как в моем животе снова запорхали бабочки.

С самодовольной улыбкой на губах, он отрывается от списка и произносит:

— Я сожалею, но в моем списке нет никакой Эви. Так что, скорее всего вы должны быть в другой группе.

Этот голос должен исходить от кого-то сильного и привлекательного.

— Это потому, что меня зовут Женестьева Клермон, и в списке я нахожусь примерно в середине второй колонки, — спокойно отвечаю я. Он легко находит мое имя. — Но друзья называют меня Эви... — продолжаю я с намеком на улыбку, и замолкаю, когда осознаю, что он снова хмурится.

— Так вы... Женестьева, — повторяет он с вежливым спокойствием, убирая клипборд. — Мы должны немедленно идти, а то задерживаем всю группу.

Затем он поворачивается и направляется к группе студентов стоящих у двери. Все начинают выходить. Я следую за ними в сторону заходящего солнца, шаркая ногами позади всей группы и молясь, чтобы все это закончилось как можно скорее.

Глава 3

Лесное озеро

Я слышала, что если очень долго стоять на одном месте, то, в конце концов, весь мир проходит мимо тебя. Я не верю в это, но если у тебя впереди четыре мили до озера, а ты тащишься позади кучи девчонок-подростков, то услышишь достаточно сплетен о Крествуде и его студентах. Я уже достаточно узнала, о Рид Велленктон, старосте второго курса, склонному к грубости. По словам Кристи, брюнетки в босоножках, Рид, член Крествудской команды по бегу. Он не состоит ни в одном сообществе университетского городка, но иногда посещает вечеринки в доме Дэлът.

Здесь у него нет подружки, но он думает, что она у него есть в его родном городе, потому что он слишком горячий, чтобы не иметь пары. Его дом находится за городом, он переехал туда откуда-то с Востока. Его семья очень богата, у них несколько резиденций по всему миру, но никто ничего толком о них не знает, потому что они никогда не приезжают в Крествуд, чтобы навесить его.

Я прислушалась к фан-клубу Рида, они обсуждали грязные сплетни, и распускали их вокруг, словно городскую легенду. Девушка в босоножках украшенных стразами сваровски, слышала, что на деньги семьи Рида оборудовали научное крыло Крествуда. И добавила, что декан настаивает, чтобы Рид стал послом от университета.

Услышав это, я фыркнула. Посол это чья-то злая шутка? Думала я.

Я почувствовала толчок, как если бы шедший рядом со мной человек дал мне локтем под ребра. Я посмотрела вверх на парня, который сидел в аудитории на задних рядах и наблюдал за мной.

— Выстрел, говорит он, растягивая слова и, выдавая свои южные корни, — если они и дальше продолжают в том же духе, то к концу этой прогулки Рид может оказаться в опасности..., и я имею в виду не физически, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Он улыбнулся мне, демонстрируя ямочки на щеках и искорки в теплых карих глазах.

— Кстати, меня зовут Рассел, и прежде чем ты спросишь, я из Эшвила, штата Северной Каролины, — проинформировал он меня.

Потерев то место, где я уверена, будет синяк от удара, я усмехнулась над его утверждением.

— Северная Калифорния да? Что привело тебя так далеко на север? Дай угадаю, ты просто хочешь ощутить на себе Мичиганскую зиму? спрашиваю я, увидев, как он съежился от моего сарказма.

— Я имею в виду, что они не возились со мной, когда говорили про груды холодного белого вещества, падающего с неба? — спрашивает он с блеском в глазах. — Где вербовщик? оглядываясь с притворной злостью, говорит он.

— Я боюсь, что вожусь с тобой не меньше. Так ты новичок в Крествуде? — спросила я.

— Да, на стипендию игрока в футбол. В противном случае, я бы не смог поступить сюда. Мне дали шанс, потому что я гоняю мяч. Так здесь снега будет больше чем в Северной Каролине? — невинно спрашивает он.

— Давай посмотрим, что ты скажешь через четыре месяца, когда закончится футбольный сезон, и ты замерзнешь по пути в класс, — сказала я с кривой усмешкой.

— Ну, Красная звучит как-то пессимистично, по отношению ко мне, и я не сомневаюсь,

но я принимаю твое пари, — сказал Рассел.

— Красная? — удивилась я.

— Ну, я точно не выкрикивал твое имя, и я видел только твои волосы — когда мы были в аудитории, мне показалось, что они коричневые, но сейчас, когда мы снаружи при свете солнца, я вижу что они больше красно-рыжеватого оттенка, это довольно симпатично, заикался Рассел, а его щеки покраснели.

— Эм... спасибо, я Эви, — отвечаю я, чувствуя, как мои щеки покрываются румянцем. — У нас с тобой много общего, — говорю я, пытаюсь скрыть неловкость момента. — Я здесь тоже на стипендию. Иначе бы я не смогла приехать сюда, — говорю я, пытаюсь повторить за ним и, терплю неудачу.

— Ты прошел курсы по подготовке в высшее учебное заведение.

— Теперь я знаю о тебе что-то особенное, Красная. У меня нюх на такие вещи, — улыбаясь, говорит он, указывая на свой слегка искривленный нос, как будто он был сломан один или два раза, но при этом добавляет отличий его лицу.

После его комплимента, я залилась краской. Курсы по подготовке в высшее учебное заведение — это как экстремальные температуры, я никогда не думала об этом. Это должно быть морское побережье, или что-то типа того.

За поворотом дороги, под чистым голубым осенним небом появилось лесное озеро. Следуя тропе, которая шла по кромке воды, я мельком увидела белоснежные натянутые шатры. Их украшал залив, встречающийся с небом, смешанным с туманом, переливающимся всеми цветами радуги

Барбекю было в самом разгаре и, запахи, достигшие нашего обоняния, были аппетитными.

— Я не могу поверить, что мы наконец-то сделали это, — сказал Рассел, когда мы подходили к шатрам.

— Прогулка позади этих девушек, похожа на выпас кошек. Бессмысленно торопить их, — шутит он, а я рассмеялась, представив себе эту картину.

— Сейчас, когда я слышу разговоры о барбекю, признаюсь, я был настроен скептически, так как мы находились на Севере и не привыкли к тонкостям приготовления гриля. Но чем ближе мы подходим, я все более и более оптимистичен, его улыбка была заразной, и я улыбнулась в ответ.

— Могу я купить тебя еду? — спросил он.

— Эм, конечно, но я думаю, что все это представляет школа, так что возможно это я куплю тебе ужин, — с иронией сказала я.

— Это свидание, — сказал он, беря мою руку и ведя вперед.

Подойдя к первому шатру, размер которого меня поразил. Столы покрывали снежно-белые льняные скатерти. Стулья тоже были покрыты белой тканью, скрепленные сзади черной атласной лентой. Столы украшали букеты из искусственных цветов, а в центре шатра, висела огромная хрустальная люстра.

Рассел тихо присвистнул:

— Теперь ты узнаешь другое значение слова барбекю, — он говорил это, пока держал свою большую руку на моей пояснице, и ведя меня к линии боковых столиков.

Взяв тарелку, мы побрели среди подносов с едой. Наполнив наши тарелки, мы пошли мимо лотков с закусками, к задней части шатра, где по-прежнему, оставалось несколько свободных столиков. Когда мы оказались рядом со столиком, возле которого стояла группа

спортсменов, я слышала, как они ругались друг с другом и, развязывая шарф, а еды было столько, что можно было накормить маленькую деревню.

Один из них увидел нас с Расселом и присвистнул.

— Эй, Рассел, куда ты идешь? — Рассел проигнорировал его и подвел меня к шумному столику.

— Кто это с тобой? — продолжил он, пока мы шли. — Ты не представишь нас?

Ухмыльнувшись через плечо, Рассел крикнул:

— Нет Мейсон, она слишком умна для тебя.

Краснея, я посмотрела вперед на пару пустых стульев.

— Твои друзья? — спросила я Рассела, приподнимая бровь. — Ты хочешь присоединиться к ним? Я могу сесть где-нибудь в другом месте.

— Нет, — быстро сказал он.

— Нет, они не друзья, или нет, ты не хочешь с ними сидеть? — спросила я, продолжая следовать за ним к другому столику.

— Нет, — сказал он, — я не хочу сидеть с ними, но они моя команда. Во всяком случае, некоторые из них. Мейсон из команды, и еще несколько ребят. Остальные из команды Брэди Хэл. Большую часть лета мы с ребятами проводим вместе, здесь мы в спортивном лагере. Мы можем тренироваться по ночам.

Фредди сидел в одиночестве несколькими столиками дальше, когда мы подошли.

— Фредди! Мы можем присоединиться к тебе? — спросила я, наконец, найдя подходящее место. Когда я поставила свою тарелку рядом с тарелкой Фредди, то начала отодвигать стул, но Рассел сделал это за меня и придержал его для меня.

— Вау, — удивилась я, — истинный джентльмен. Твоя мама должна гордиться тобой.

— Да, она и моя тетя Эмили воспитывали меня и заставляли учиться хорошим манерам, и в конце концов до меня дошло, когда я понял, что они не дадут мне поесть пока сами не сядут, они не садились до тех пор, пока я не выдвигал для них стулья. Когда тебе пятнадцать, и ты активно растешь, и ты только что после изнурительной тренировки, то сделаешь все что угодно, чтобы добраться до еды, — сказал Рассел со смехом.

Я тоже рассмеялась, представляя его в пятнадцатилетнем возрасте. Наверное, он был высоким и долговязым с острыми локтями. Сейчас он не долговязый, я тайно рассматривала его. Его большое тело заполнило весь стул, который по сравнению с ним казался маленьким. Он выглядел накаченным и, возможно, немного опасным, но ямочки на его щеках и хорошее телосложение, делали его довольно привлекательным.

— Ты Рассел Маркс, — говорит Фредди, обращаясь к сидящему рядом со мной компаньону.

— Ты новый квотербек которого только что приняли на работу! — взволнованно продолжил он.

— Извини Рассел, это Фредди Стэндиш, ну а ты, кажется, уже знаешь, что это Рассел, — объясняю я.

— А разве ты не капитан Хэйл Мэри, или что-то вроде того? — спросил Фредди Рассела

— Вообще-то, да и нет. У меня был отличный приемник, в моей школьной команде, по имени Вэс Ларсон. Теперь Уэс самый быстрый бегун всех четырех округов, и он может поймать любой мяч посланный мной. Я просто запускал мяч вниз по полю, черт возьми, если этот парень не летел на другой конец поля, чтобы поймать его. Я думаю, что Хэйл

Мэри нужно только две вещи, чтобы быть эффективной: первое, хороший приемник, и второе, один из них.

Говоря это, он достал из кармана маленький металлический медальон; это медальон Мэри.

— Смотрите, — продолжил Рассед, — чтобы Хэйл Мэри выступала, как положено, он должен быть у меня, — сказал он, улыбаясь и показывая свои идеальные белые зубы.

— Это подарок от моей команды.

Должно быть, Рассэл заметил мое странное ворожение лица, добавил: — Только не говори, что ты атеистка.

— Нет, я не атеистка, — спокойно отвечаю я.

Но у меня какое-то странное ощущение. Как будто я уже встречала Рассела раньше — знала его — но не просто знала, это было нечто большее.

Он улыбнулся мне, и я снова почувствовала это, словно подтверждая. Может быть, я читала о нем на сайте Крествуда, но это, кажется не тем. Я думала об этом, поедая десерт и слушая разговор о следующем регистрационном дне.

Я расслабилась в своем кресле, слушая разговор Рассела и Фредди о шансах футбольной команды в этом сезоне. Увидев, что одну из палаток закрывают, я заметила, что солнце уже садится.

— Уже темнеет, — сказала я.

— Кто-нибудь знает, как мы будем возвращаться обратно? Тоже пешком?

— Нет, — сказал Фрэдди, вставая со своего места. — Я думаю, они арендовали для нас несколько автобусов, чтобы ехать обратно. Я слышал, как они подъезжали, когда мы получали десерт.

Я начала вставать, поднимая свою сумку и отодвигая стул.

— Спасибо, — сказала я Расселу, стараясь не смотреть ему в лицо, которое начинало волновать меня все больше. — Я думаю, я пойду и поищу ванную, прежде чем мы отправимся обратно.

— Я пойду, и займу для нас места в автобусе. Встретимся там, сказал Фредди, кивнув головой в сторону выхода из палатки.

— Спасибо, Фредди. — Я смотрю, как он идет к выходу.

— Ванная комната, не плохая идея, я пойду с тобой красавица, — говорит Рассел.

Мы подошли к одному из закрытых шатров возле задней части палатки и вышли в сумерки. Мы оказались рядом с водой, легкий ветерок нес ароматный запах растений окружающих озеро и самой воды. Пройдя вдоль озера, мы нашли небольшое кирпичное здание, служившее общественным туалетом. Когда я вернулась, то увидела, что Рассел ждет меня неподалеку от озера.

— Ты ждал меня, — немного удивившись, сказала я.

— Ну да, — он улыбнулся, — мы не можем позволить тебе ходить одной ночью, тем более в такой темной части города. Тут могут быть люди из Крествудской банды, которые только и ждут, чтобы наброситься на тебя со щеткой, — насмешливо сказал Рассел.

Приобняв меня, он подчеркнул тот факт, что мы здесь совсем одни. Чувствуя, что его аргумент неубедительный, он улыбается мне и говорит: — Давай вернемся. А то автобусы уедут без нас, и тогда мне придется защищать тебя всю дорогу до общежития.

Взявшись за руки, мы пошли обратно к шатрам.

— Здесь учат южному очарованию, или он у тебя прирожденный? — спрашиваю я,

чувствуя тепло исходящее от его тела.

— Ты считаешь меня очаровательным? — спрашивает он, останавливаясь и глядя на меня с улыбкой.

От его ответа я снова чувствую, как в моем животе начинают порхать бабочки.

Оглянувшись, я увидела темную фигуру, скрывающуюся в тени большой ивы. Пораженная, я подошла ближе к Расселу. Когда картинка немного прояснилась, из тени деревьев вышел Рид, и я неохотно призналась самой себе, что у него довольно сексуальная походка — легкая и плавная. Интересно, знал ли он, насколько привлекательной была его походка, думала я, глядя на него вместе с Расселом.

Некоторые ребята специально так делают, чтобы походить на игроков, но это не было самодовольство; это агрессивная сдержанная сила, которую он держит, под контролем, и на которую я люблю.

— Женестьева, можно мне поговорить с вами? — с прохладной вежливостью спросил Рид, преграждая нам дорогу.

Меня к нему тянет, поэтому я хочу соответствовать всем его запросам.

Глаза Рассела замигали, когда он взглянул на Рида, я увидела, как его тело увеличилось.

— Конечно Рид, что у тебя на уме? — спросила я, пытаюсь сосредоточиться на чем-нибудь другом, кроме того, как он потрясающе выглядит, выходя из темноты.

Если он и удивился, что я знаю его имя, то не подал вида, а посмотрев на Рассела, сказал:

— Нам лучше поговорить наедине.

Это был намек на то чтобы Рассел ушел. Рассел напрягся, выпрямился и внимательно посмотрел на Рида. Кажется, они оценивали друг друга.

— Ну, как видишь, сейчас я немного занята. Может, мы поговорим позже, — отвечаю я, за то, что он так грубо прервал нас.

— Возможно, вы захотите поговорить с Расселом, потому что у него для вас есть предложение.

Я услышала, как вздохнул Рассел, когда услышал шутку сказанную мной. Держу пари, что сейчас вам не по себе, думаю я с иронией. Лицо Рида потемнело, поскольку он понял, что сейчас, я не буду с ним говорить.

— А когда? — холодно спросил он.

— Точно не знаю. Можно я найду тебя позже? — медленно спрашиваю я.

Стиснув зубы, Рид нахмурил брови снова посмотрел на Рассела.

— Я прервал ваше свидание? спросил Рид.

— Наше что? — спрашивает Рид глядя на меня, чтобы убедиться что я понимаю о чем говорит Рид. Я пожимаю плечами.

— Женестьева, очень важно, чтобы мы поговорили прямо сейчас, — сказал Рид, по прежнему, не замечая Рассела.

— Я не понимаю Рид, — сказала я сощурившись. — Когда я была в аудитории, ты хотел, чтобы я ушла, а теперь, когда мы здесь, ты хочешь поговорить. О чем ты хочешь поговорить? — спросила я. Я чувствую, что он хочет обвинить меня в том, что я сделала что-то не так.

Я думаю, что это из-за списков, они не давали ему покоя.

— Я хочу поговорить о том, чтобы ты уехала сегодня же вечером, — ответил Рид,

холодно посмотрев на меня.

— Уехала... почему, автобус что, уже уехал? Разве мы не сможем вернуться назад? — с тревогой спросила я.

— Я на самом деле говорю том, чтобы ты уехала, — Рид выглядел скучающе.

— Женевьева, пожалуйста, постарайся понять. Не будь такой наивной, — ответил Рид, изучая меня с холодным отчуждением.

Я почувствовала, как ускорилось мое сердцебиение и, на щеках появился румянец. Прежде чем я смогла что-нибудь сказать, Рассел спросил:

— Почему она должна покинуть университет?

Все еще держа меня за руку, Рассел загораживает меня собой. Это было незначительное движение, но я его заметила и, посмотрев на Рида, я поняла, что он тоже заметил. И это, кажется, его разозлило. Я никогда не была в такой ситуации и поэтому растерялась.

Рид хмуро посмотрел на Рассела.

— Это касается только Женевьевы и меня. Если ты решишь последовать за ней, это твое дело, но она здесь не останется, — Рид говорил так, словно этот разговор навивал на него скуку и он готов был уйти.

— А если она решит остаться, что ты сделаешь? — спросил Рассел Рида, его голос звучал спокойно, почти дружески... почти.

Рид посерьезнел.

— Для нее это окажется неудачным решением, — серьезно ответил он, наблюдая за Расселом.

Я решила вернуться к шатру, взяв Рассела за руку, я потянула его за собой:

— Пойдем, найдем автобус. Я не хочу пропустить его.

— Ты иди, сказал Рассел, отказавшись следовать за мной. А нам с Ридом нужно немного поговорить по-мужски, а потом мы с тобой встретимся в автобусе, ответил он, не сводя с Рида взгляд.

Мое сердцебиение отдавалась в ушах.

— Это глупо, — ответила я Расселу, пытаясь скрыть нарастающую панику. — Он не может выгнать меня, это бессмысленно. Пошли.

Рассел взглянул на меня.

— Ты права, он не может выгнать тебя, но может запугать.

— Я и не думал запугивать Женевьеву, потому что это было бы глупо, — говорит Рид низким голосом, в котором чувствовалась угроза.

Глаза Рида ничего не выражали, а руки были сжаты в кулаки.

Когда он, кажется, принял решение, то обратился непосредственно к Расселу.

— Ты пойдешь в автобус и сядешь один. Ты не будешь ни с кем общаться и не выйдешь из автобуса до самого университета. Иди, приказал Рид спокойно.

После секундного промедления, Рассел сжал мою руку и потащил к шатрам. Он двигался сухо, почти против воли, как будто каждый шаг ему давался с большим трудом.

Рид разочарованно рычит и добавляет:

— Отпусти Женевьеву.

Рассел немедленно отпускает мою руку. Он продолжал идти впереди меня, каждый шаг по-прежнему давался ему с трудом, не было грации присущей ему.

— Рассел, подожди! — затаив дыхание, говорю я, но он даже не оглянулся на меня.

Через мгновение, Рид оказался рядом со мной. Его голос снова стал шелковистым и

сексуальным, без какого-либо подтекста:

— Должен признаться Женестьева, мальчик намерен защищать тебя. Я не думаю, что он смог бы мне противостать, но он удивил меня, когда пытался защитить тебя.

— Что ты с ним сделал? — спросила я, с чем-то, что больше похоже на возмущение, чем страх.

Стоя рядом со мной, Рид наклоняет голову, словно внимательно к чему-то прислушивается.

— Твое сердце так сильно колотится Женестьева... ты боишься? — спрашивает он пораженно, мое сердце продолжает колотиться, пока я смотрю на него.

— Успокойся Женестьева, я просто хочу поговорить с тобой. Я уверен, ты поймешь, что это место не для тебя.

— Успокойся! Ты это серьезно? — спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно. — Прости Рид, тебе кажется это нормальным? — меня передергивает. — Что это было? Такое чувство, как будто я выпила целую бутылку сиропа от кашля и теперь мне снится абсурдный, кошмарный сон о поездке.

Я держусь из последних сил, пока меня не начинает захватывать истерика.

— Как ты смог заставить Рассела уйти? — шепчу я.

Рид хмурится, но не отвечает. Отшатнувшись от него, я жестом указываю назад и говорю, затаив дыхание:

— Мне нужно идти... Мне жаль, но этот разговор не приносит мне удовольствие... так что позже.

— Это плохо, потому что это был самый интересный разговор, который у меня был, за последнее время. Я удивился, увидев тебя здесь, а меня очень сложно удивить. Я не ожидал увидеть тебе подобных в Крествуде, ты уникальна. Что ты здесь делаешь? — властно спрашивает он, навивая страх.

— Я приехала в университет, что, по-твоему, я должна здесь делать? — спрашиваю я, пытаюсь привлечь его внимание. — И что ты имеешь ввиду под «кто-то вроде тебя»? — с подозрением спросила я.

— Ты знаешь, что я имею в виду, — нахмурив брови, говорит он.

На мгновение, засмотревшись на его безупречное лицо, я замечаю совершенную симметрию и, не смотря на то, что он хмурится, он по-прежнему выглядит идеально. Но во мне разгораются неприятные ощущения, и я чувствую себя еще более отвратительно, потому что эти слова, говорит такой привлекательный человек.

— Ты думаешь, я не должна находиться здесь, только потому, что я не могу оплатить обучение? Ты называешь меня мусором? — спрашиваю я, чувствуя, что краснею от смущения. — Я заслужила право быть здесь, в школе я усердно занималась, чтобы поступить сюда, и если ты думаешь, что я должна стоять здесь, и выслушивать это... это... — я отвернулась от него.

Я начала идти в сторону палатки, потому что очень хотела уйти от Рида, хотя и понимала что это глупо. Я не смогла далеко уйти, потому что Рид оказался передо мной и загородил мне дорогу к шатрам. В замешательстве, я посмотрела через плечо туда, где он стоял всего несколько секунд назад. Расстояние не имело смысла. Когда наши глаза снова встретились, меня пронзила ледяная волна страха. Дезориентированная, начала отходить назад.

Рид схватил меня за локоть и сказал сквозь зубы: — Это не то, что я имел в виду.

— Тогда что ты имеешь в виду? — с трудом шепчу я.

Вывернув руку, я попыталась заставить его отпустить меня. Он, кажется, не заметил этого, его рука даже не сдвинулась.

— Я имел в виду, — сказал он, скрипя зубами, — я удивлен, увидев кого-то, чьи родители такие же, как твои.

Я в шоке открыла рот, прежде чем спросить: — Откуда ты знаешь о моих родителях? Ты назвал меня мусором! Что ты знаешь о моих родителях? — я продолжала бороться с его хваткой, пытаясь освободить свой локоть.

— Отпусти меня, элита! Не могу поверить, что ты заговорил со мной, если учесть, что у меня нет родословной. Я не богачка, Рид, но я порядочный человек. Так что я буду тебе очень благодарна, если ты оставишь меня в покое!

— Ты уйдешь только тогда, когда ответишь на мои вопросы. Я настаиваю. Кто твой отец, Женестьева? — потребовал Рид.

Кровь отхлынула от моего лица, и я перестала вырываться. Было такое чувство, будто этим вопросом он ударил меня в живот. Глядя сквозь него, я не могла ответить, не только, потому, что не знала, но и потому, что от этой печали никогда ни станет легче.

Глупо чувствовать стыд, за то, что я не могу контролировать эмоции, но не всегда нужно стоять до конца, чтобы выйти победителем. Мое горло сжалось и заболело. Медленно, я опустила лямку своей сумки вниз и опустила в нее руку.

— Ты не знаешь? — задумчиво спросил он, будто разговаривал сам с собой. — Ты ничего не знаешь... О тебе никто ничего не знает... это единственное объяснение, почему ты еще здесь, — сказал он, изучая меня.

— Тебя никто не защищает, Тебе придется справляться со всем одной? — спросил он, позволив моему локтю выскользнуть из его руки.

Я больше не могла четко видеть его лицо, потому что мои глаза застилала слезы, но, к сожалению, для него, в сумке я нашла то, что искала.

— Мне никто не нужен для защиты, пока у меня есть это! — говорю я в отчаянии.

Направив электрошокер в его сторону, я отключаю предохранитель и нажимаю на курок. С шипением, электрический разряд проходит через пистолет прямо ему в живот, но Рид не упал, и не начал дергаться, как было показано в демонстрационном фильме. Вместо этого, его брови взлетели вверх, а выражение лица между неверием и удивлением, и он спрашивает: — Ты серьезно?

Страх и удушье, которых я никогда раньше не чувствовала, заставляют мои руки дрожать. Я роняю электрошокер. Он падает и сразу гаснет.

— Прости, мне плохо... я просто собираюсь уйти, — сказала я, пятясь от него на негнущихся ногах. — Мы еще встретимся позже, хорошо? — Прошу я примирительно.

Рид ни чего не говорит, но и не двигается, так что я по-прежнему отступаю от него. Пройдя еще немного, я повернулась и побежала от него в сторону мягко льющегося света, просачивающегося из шатров. Когда я вошла в палатку то, латки с едой, столы и стулья по-прежнему были размещены на погрузочных платформах, для погрузки в машины. Спотыкаясь о стопки скатертей, я вышла из шатра, тем же путем, что и в начале вечера. Отчаянно ища автобусы, я понимаю, что они уже уехали. В попытке успокоиться, я закрываю глаза и делаю глубокий вдох.

Мило, прекрасно! — саркастически подумала я, с тревогой подпрыгивая вверх и вниз. Остается, либо вернуться в шатер и поискать еды, которой наверняка не осталась, или

возвращаться в университет пешком. Проклятье! Не в силах держать желание, сделать хоть что-нибудь, я побежала по дороге, вокруг озера. Уже темно, но в небе светила луна, что дает возможность увидеть дорогу впереди меня. Озеро было спокойное, вода легко колыбалась, под кваканье лягушек и ритмичный стрекот сверчков. По сравнению с ним, мой разум — был бурей.

У меня было несколько вопросов, на которые я хотела бы получить ответы:

Какая техника позволяет голосом управлять человеком? И что это такое?

Или это техника, как гипноз?

И почему она подействовала на Рассела, а не на меня?

Или Рассел притворялся?

Может, Рид и Рассел были вместе, чтобы просто напугать меня

Последний вопрос заставлял меня чувствовать себя еще хуже, поэтому я еще быстрее бегу в сторону кампуса. Я не останавливаюсь до тех пор, пока не увидела впереди зарево огней от студенческого городка Крествуда. Слава Богу, цивилизация! Я с облегчением вздохнула, увидев, как люди выгуливают собак в вечернем воздухе. Кажется, что безопаснее быть рядом с ними — обычными — даже если они другие. Черные фонари, городской тротуар, а я перехожу от одного круга света к другому. Впереди, кто-то бежит прямо ко мне, адреналин тут же пробегает по моим венам. В отблеске фонаря его волосы выглядят белокурыми, а не желтовато-коричневыми.

Глубоко вздохнув, я признаю, что это не маньяк пришел убить меня, а всего лишь Рассел. На мгновение, я испытываю облегчение. Затем меня сбивает с толку его мускулистое тело. Но вместо этого он подхватывает меня на руки и заключает меня в объятия.

— Рид... Я... Все в порядке? — спрашивает Рассел, тяжело дыша и прижимая меня к груди.

Он был весь влажный от пота, видимо бежал, когда вышел из автобуса.

— Расс... я не могу... дышать, — удается ответить мне, несмотря на то, что из моих легких выбит весь воздух. В то же мгновение он отпускает меня и позволяет сделать вдох.

— Я в порядке, — говорю я. — В порядке. Он не испугал меня.

Хмурый взгляд Рассела темнеет — поскольку он продолжает осматривать меня на наличие каких-нибудь видимых травм.

— На самом деле, — мягко говорю я, встречаясь с его карими омутами. — Ты можешь отпустить меня, со мной все хорошо.

Чтобы доказать это, я покачиваю ногой. Рассел мягко ставит меня на землю, но не отпускает. Положив, свою голову мне на макушку, продолжая обнимать меня.

— Рассел, я...

— Ш-ш-ш, — выдыхает Рассел в мои волосы. — Дай мне еще минутку.

У меня довольно богатое воображение, он работал сверхурочно, чтобы заработать на обратный путь.

— Просто дай мне минутку, потом я проведу тебя домой, а потом, найду Рида и оторву ему руки, за то, что он сделал с тобой.

— Нет, Рассел, ты не можешь! — говорю я, отстраняясь от него и вглядываясь в его темные глаза.

— Конечно, могу, и сделаю это, — решительно возражает он.

— Нет, ты действительно не можешь! Я серьезно. Кажется, Рид владеет силой внушения, которое может заставить тебя действовать против твоей воли. Скорее всего, он

может заставить тебя избить самого себя, даже не пошевелив и пальцем, — утверждаю я, пытаюсь вразумить Рассела.

— Поправь меня, если я ошибаюсь, но разве это была твоя идея делать экскурсию вечером.

Взгляд Рассела темнеет.

— Нет, это не моя идея. Так я возьму затычки для ушей.

— Тогда я вырву ему руки и избью его, — говорит Рассел, вовсе не обращая внимания на мои возражения.

— Хороший план, который смог бы сработать, но, у меня ощущение, что у Рида намного больше секретов, помимо тех, что мы видим, — говорю я, пытаюсь сменить тактику.

— Словно кляп, поэтому он не может говорить, — говорит Рассел словно самому себе.

— Что если Рид может сделать гораздо больше, чем управление голосом? — спрашиваю я.

— Что это значит? — в замешательстве спрашивает Рассел.

— Я им имею ввиду, что если он может делать что-нибудь еще? Что-то вроде того, что он сделал с тобой, он сказал что-то про мое сердце, — объясняю я, пытаюсь вспомнить разговор с Ридом.

— Твоего сердца? — спросил он, пытаюсь уследить за мыслью.

— Да... Рид сказал «Твое сердце бьется так быстро, Женестьева», — и что я должна попытаться успокоиться, — медленно говорю я. — Но при этом, он стоял достаточно далеко от меня, чтобы слышать мое сердцебиение, но мне показалось, что он услышал, наклонив голову будто прислушиваясь. Оно билась очень быстро, потому, что я очень испугалась, когда увидела, как ты уходишь.

— Извини Эви, — Рассел смотрел на меня с ужасом, — я пытался развернуться и вернуться к тебе, но я был словно под гипнозом, как если бы меня кто-то контролировал, и у меня не было выбора. Никогда в своей жизни я не чувствовал себя таким беспомощным, — объяснил Рассел, опустив руки.

— Остановись Рассел, тебе не за что просить прощение. Я тоже там была — помнишь? Я слышала его голос, — сказала я, взяв его за руку. — На самом деле, Рид и на меня пытался воздействовать, но на меня он не подействовал.

Я почувствовала вину за то, что Рассел не смог противостоять Риду. Было очевидно, что Рассел также как и я думал над тем, что же произошло вечером.

— Почему он хочет, чтобы ты ушла из университета? — в гневе спросил Рассел. — И почему он не может воздействовать на тебя? Как будто я чувствую щит.

— Щит? — спросила я.

— Словно марионетка, — ответил он.

— Я не знаю, почему он хочет, чтобы я ушла. Может быть, я для него недостаточно богата, — сказала я, не желая объяснять Расселу о моем воспитании и семейном положении. — Он сказал что-то о том, что Крествуд не подходит мне. Что я не такая как все.

— Какое это имеет значение? — яростно спрашивает Рассел.

— Я не уверена, — отвечаю я, чувствуя себя не уютно из-за того, что не полностью честна с ним. Я хочу рассказать ему все, но могу заставить себя объяснить ему о моем воспитании, поэтому не могу рассказать ему все то, что рассказал мне Рид.

Я потираю свой лоб, и говорю:

— Прежде чем кто-нибудь из нас приблизится к Риду, у меня есть вопросы, на которые

мне нужны ответы. Ты должен пообещать мне, что ты не заговоришь с ним, пока мы, побольше не узнаем о его даре убеждения.

— Разве я сказал, что хочу поговорить с ним? — саркастически спрашивает он меня. — На это у меня может быть своя точка зрения.

— Пообещай мне, — снова спокойно говорю я

— Так, где же ты остановилась? В старом городе? — спросил он, пытаюсь уклониться от ответа.

— Нет, я остановилась в Йетсе, но не пытайся поменять тему, — возражаю я.

— Слушай, по крайней мере, по крайней мере, подумай о, своей стипендии. Ты не можешь победить и остаться в команде, по крайней мере, не парня, чьи родители являются основными вкладчиками колледжа.

Рассел сцепляет пальцы за головой и стонет от разочарования.

Мой аргумент попал в цель, и я чувствую прилив сил. Я чувствую облегчения. Я обеспокоена поведением Рассела. Он кажется очень сильным, но мне кажется, что это не так.

— Рид не может быть сбит; лучше всего было бы дать ему в зад ногой, — говорит он, встречаясь со мной взглядом.

Он простонал. — Ты связал мне руки, Рид. Первое правило борьбы с хулиганом, противостоять его внушению, он знает, что тебе не страшны его внушения, — пояснил Рассел, осуждающе глядя на меня.

— Прodelки, да? — спрашиваю я с признаком улыбки.

— Ну, я понял твою точку зрения. Я просто говорю, что может быть мы должны знать больше о нашем противнике, прежде чем мы вызовем его на игру.

Рассел останавливается, глядя на меня сверху вниз: — Кто ты? — спрашивает он меня.

Я опешила. Уже второй раз за вечер, ставят под сомнения мое происхождения.

— Я просто девушка, — немного агрессивно говорю я. Мы идем по моему общежитию. — Ну, вот мы и пришли, — со вздохом говорю я, указывая на дверь моей комнаты и ища свой ключ.

— Я думаю, что еще увижу тебя в студенческом городке, да?

— Да, особенно, если завтра после регистрации согласишься встретиться со мной.

— Я не твой парень, поэтому я просто предполагаю, все в порядке, — улыбается он, ожидая моего ответа.

Он так говорит, потому что я ни чего не говорила про моего парня, он думал, что я не одна.

— Нет никакого парня. В любом случае, мы только разговаривали, — отвечаю я, застенчиво улыбаясь.

— Во сколько у тебя регистрация? — спрашивает меня Рассел, его карие глаза наблюдают за мной.

— Хмм, думаю утром, примерно в восемь тридцать, а у тебя? — спрашиваю я, пытаюсь скрыть свое удивление на его приглашение.

— Я уже прошел предварительную регистрацию. Я просто должен завтра сделать это официально. Регистрация по классам не должна занять больше часа. Встретимся около десяти, и вместе пойдем получать книги, — сказал он.

— Ладно, увидимся в десять, — говорю я в ответ.

Когда я вставляю ключ в замок, то вспоминаю кое-что важное.

Обернувшись, я вижу, как Рассел удаляется по коридору, поэтому я кричу: — Эй! Ты обещал мне ничего не предпринимать на счет Рида!

— Я знаю, — говорит он уходя.

Спотыкаясь, я поднимаюсь по лестнице в свою комнату, бросаю сумку на пол возле двери. Прежде чем я осознала что делаю, подхожу к ноутбуку и открываю его. Я хочу отправить e-mail дяде Джиму и рассказать все то, что со мной произошло за день, но не могу. Мои руки трясутся, пока пальцы порхают по клавишам. Вспомнив встречу с Ридом у озера, мое сердцебиение ускоряется и становится даже быстрее мигающего курсора.

Как мне объяснить те ощущения, которые, я испытала, с Ридом, чтобы это звучало правдоподобно? Это не имеет значение, если дядя Джим не поверит мне. В любом случае он приедет в Крествуд, но что потом? Может быть, мы пойдем в полицию? Но они наверняка не поверят мне, скорее всего даже потребуют от меня немедленно сделать тест на употребление наркотиков. Так может быть, мне стоит просто вернуться в дом дяди Джима.

Я могу записаться на подготовительные курсы, и надеюсь, что в зимний период смогу поступить в другой университет. Мысли о жизни в стране, и работе в торговом центре, заставляют меня сдерживать подступившие слезы. Я хотела этого всю свою жизнь; хотела сделать что-то для себя, так, что если отец, которого я никогда не знала, наконец, встретился бы мне, то увидел бы мой успех и гордился бы мной.

Если сейчас я вернусь домой, то в ближайшем будущем, могу забыть о сне. Медленно, я начинаю набирать текст:

Дорогой дядя Джим.

Привет, я прошла ориентацию и увидела Альфреда. Он занял для меня место, что было очень мило с его стороны. Потом все пошли к озеру на барбекю. Я встретила друга по имени Рассел, который рассказал мне довольно смешной анекдот о том, как толпа девушек проходит перед ним, словно стадо кошек. Я встречаюсь с ним завтра. Очень скучаю по тебе.

Люблю, Эви.

P. S. Мы говорили о контроле над разумом. Тебе что-нибудь об этом известно? О каких-нибудь технологиях, доступных в настоящее время?

P. P. S. Я купила тебе несколько Twinkies. Они в кладовой, на второй полке за крупами.

Вытирая слезы, я нажимаю кнопку «Отправить», достигнув своего предела.

Глава 4

Регистрация

Я проснулась от острой боли на щеке, как будто во сне меня кто-то ударил по лицу. Коснувшись лица рукой, я жду, что удар повторится. Страх, словно змеиный яд, начинает медленно покидать мое тело, позволяя мне вздохнуть с облегчением.

Я включила лампу, и посмотрела на часы — три часа ночи. Я знаю, что должна снова лечь и заснуть еще на несколько часов, но не могу. Я вся потная и испуганная, как будто, в течении нескольких часов во сне, боролась с монстрами. Уставшая, я сажусь в постели, на столе стоит серый ящик с инструментами и коробка.

Мое сердцебиение участилось, я вспомнила, как поранила палец резакон. Подняв палец, я рассматриваю его под мягким светом лампы. Там ничего нет, никаких рубцов или покраснения, просто гладкая кожа.

Дрожащей рукой я, потянулась к резаку, чувствуя его холодную тяжесть. На лезвии, все же, еще видна капля засохшей крови. По моим жилам течет такая же красная кровь, как и у других, все в норме. Я аккуратно провожу пальцем по краю лезвия, оно сверкает в темноте. Думаю это бритва Оккама.

Простая теория: первое предположение обычно оказывается правильным.

Прежде чем я осознаю что делаю, я сильнее нажимаю пальцем на лезвие, пока на нем не образуется порез. На лезвие капает кровь. В упор смотрю на порез; прошло пару минут, и кровотечение останавливается, еще через пару минут и он срастается, еще через пару минут, он превратился в маленькую красную полоску. Приблизительно через десять минут, моя рана полностью исчезает.

Самое простое всему этому объяснение заключается в том, что я настоящий фрик.

— Что со мной происходит? — в слух шепчу я, свернувшись на кровати калачиком.

Я слишком напугана, чтобы выключить лампу, засыпая, я сжимаю лезвие в руках. Немного успокоившись, я чувствую усталость, как будто совсем не спала. Открыв глаза, я собираюсь пойти единственное кафе на территории кампуса. Оно называется «Сага» потому что это, миниатюрный островок еды.

Я беру свою сумку и нахожу в ней карточку кафе, с помощью которой я могу быстро перекусить перед регистрацией. Выбор еды — это то, что я не люблю в кафе — просто ужас. Я выбираю банан и хлопья с молоком. Взяв свой поднос, я ищу свободный столик.

Быстро нахожу табличку со схемой для первокурсников и вижу друзей Рассела — Мейсона и компанию. Я ищу любой признак присутствия Рассела, но, очевидно, что его там нет.

Разочаровано, я осматриваюсь вокруг, чтобы посмотреть, не сидит ли он за другим столом.

Я не нахожу Рассела, но вижу Фредди. Он сидит один, спиной к большому панорамному окну. Проходя мимо столиков, заполненных болтающими студентами, пройдя примерно половину пути к столику Фредди, я слышу, как меня кто-то окликает. Обернувшись на голос, мои глаза расширяются от удивления, когда я вижу Мейсона, который зовет меня.

— Женева! Эй, Женева! Садись за наш столик! — с энтузиазмом кричит он.

Скептически я рассматриваю стол, полный молодых людей, и думаю, что это самое неудобное место, находясь в одиночестве за столом, полным первокурсников.

— Спасибо, — отвечаю я Мейсону — но я обещала другу позавтракать с ним. Извини, может быть в другой раз?

Не дожидаясь его ответа, я иду к столику, за которым сидит Фредди.

— Я не могу рассказать тебе, как я психовала, когда искала тебя! Могу я позавтракать с тобой? — сажась на свободное место рядом с Фредди.

— Эй, Эви! Конечно, — удивленно говорит он.

— Что с тобой случилось прошлой ночью? Я немного беспокоился за тебя. Я искал тебя, но в автобусе тебя не было, а Рассел ничего не сказал о тебе.

— Хм, я опоздала на автобус, и поэтому назад пришлось идти пешком. Извини, что заставила тебя, беспокоиться, — объясняю я.

Его брови взлетают вверх.

— Ты не должна была возвращаться назад, это опасно, — смеясь, говорит он мне, продолжая завтракать.

— Спасибо Фредди. Напомни мне еще раз, за что я люблю тебя, — с сарказмом говорю я, но тут же улыбаюсь ему, потому что знаю, он всего лишь поддразнивает меня.

В этот момент, мимо проходящий парень говорит:

— Привет Женевьева, завтракаешь?

— Привет, — в недоумении говорю я, глядя на него. Я его не узнала.

Повернувшись к Фредди, я спросила:

— Ты его знаешь?

— Хм, я не знаю, как его зовут, но думаю, он живет в Брейди, — сказал Фредди.

— Как он узнал, кто я? — спросила я скорее саму себя.

— Оо, это все из-за справочника для новичков, который раздает материнский клуб. С твоей фотографией и биографическими данными.

Когда я тупо киваю, он продолжает:

— Так, куча парней из общежития собрались вместе и, используя справочник, составили рейтинг девушек-первокурсниц. Я думаю по стандартной десяти балльной шкале. У тебя действительно высокий рейтинг. Более того, все дают тебе больше десяти во всех категориях. Я не знаю, как ты оказалась в данной категории, но я знаю, что ты есть в категории «блестящая задница»...

Кровь отхлынула с моего лица. Я почти опустила голову на руки, чтобы скрыть мое смущение.

— Ты, должно быть, шутишь! — я застываю, все это овладевает мной.

— Не-а. На самом деле, я продал свой каталог ребятам из одного общежития на территории кампуса. Они дали мне за него, пятьдесят баксов. Я думаю, они используют его для знакомства с новенькими девушками, и для того, чтобы узнать о потенциальных обязанностях перед ними, — усмехается он.

— Это так тошнотворно... я думаю, что мне плохо. Хочешь мои хлопья? Потому что я не голодна, — спросила я, с отвращением толкая к нему мой поднос. И как ты мог продать им свой справочник, зная, что они собираются с ним делать?

— Эви, это просто экономика один на один: предложение и спрос, — объясняет он, беря мои хлопья, и корча гримасу.

— Это так тошнотворно, — говорит он, повторяя мою предыдущую реплику, — как ты это ешь?

В ответ я смеюсь, наблюдая за тем, как он пытается прогладить ложку овсяных хлопьев.

— Ладно, проехали, но, что было в материнском клубе. Они получают гневные письма с жалобами за нарушение конфиденциальности! — страстно говорю я.

— Ты собираешься подписать письмо? — спрашивает Фредди, откинувшись назад в своем кресле, словно оценивая мое негодование.

— Наверное, нет, — раздраженно говорю я.

— Ну, удачи! Власть народу и все такое! — говорит Фредди, с саркастической улыбкой, выбрасывая кулак.

— Я не знаю, о чем ты беспокоишься, как я уже сказал, они дают тебе десятку.

Пока он говорит, он держит руки ладонями вверх, чтобы показать мне свою точку зрения.

— Это мерзко, Фредди, — отвечаю я, чувствуя, что пять начинаю краснеть.

— Что у нас сегодня? — спрашиваю я, пытаюсь сменить тему.

— У меня есть время, до регистрации, так то я могу посидеть здесь. До обеда, возможно, сходить купить книги. Зайти в общежитие, а в четыре идти в конференц-зал. Ты знаешь правила, бла-бла-бла, ни каких девушек подпирающих открытые двери, бла-бла-бла. Я не знаю, во сколько обед, — пожимает он плечами.

— Я тоже собираюсь зайти в общежитие, а в четыре идти в конференц-зал. Хочешь встретиться здесь в обед, примерно в пять тридцать? — спрашиваю я, в надежде, что он скажет «да».

Я понимаю, что мне очень комфортно с ним общаться.

Он действительно забавный.

— Конечно, я принесу плакат, и ты сможешь увидеть всех первокурсников, которые ходят на протест, — смеется он, когда я бросаю в него мою смятую салфетку.

— Ладно, мне пора бежать. Пожелай мне удачи в распределении классов, Фредди, — сказала я, собирая свои вещи.

— Удачи тебе, Эви, — говорит он, но когда я начинаю отходить от него, он окликает меня.

— Эви, — я поворачиваюсь, и вижу, как он повторяет слава десять, и снова поднимает руки вверх.

Он снова пытается заставить меня чувствовать себя плохо из-за справочника. Я думаю, у него доброе сердце, в праведном гневе я показываю ему кулак, и машу на прощанье.

Регистрация проходит в одном здании с кафе, только ниже этажом. Входя в здание, я предчувствую, что Рид Веллингтон будет просто в ярости Он должен быть где-то там, думаю я, останавливаясь, на полпути вниз и в страхе хватаюсь за перила.

Утром, я запретила себе вспоминать о, произошедшем накануне вечером. На самом деле, я пыталась все это заблокировать, но теперь, все это снова вернулась ко мне.

Что он сделает, когда снова увидит меня? — я чувствую, как страх, словно змея, ползет по моим венам.

В общественном месте он ничего не сможет сделать со всеми этими людьми. Ты в безопасности, убеждала себя, отцепляясь от перил и заставляя себя продолжить спускаться дальше. Выйдя на лестничную площадку, я подхожу к столу, за которым сидит скучающая студентка и подает мне регистрационную карточку с моим именем. Она подает мне регистрационную карточку с сеткой занятий, и я начинаю выбирать предметы для моего курса. Английский и математика, то, что мне нужно.

Я перехожу к научным классам и врезаюсь в стену, ну, может быть, не совсем в стену, а

Рида.

Он сидит за регистрационным столом, предназначенном для записи в классы естественных наук высшей категории.

Передо мной стоят студенты, у меня есть время на то, чтобы изучить Рида, пока он помогает студенту выяснить расписание его класса. Рид наклоняется к списку студента и указывает первокурснику, где тот должен записаться в его класс.

Его широкие плечи расправились под футболкой, и под ней виднеется несколько рельефных мышц. Он очень горяч, неохотно думаю я. Бабочки в моем животе начинают порхать сильнее, когда я подхожу ближе.

Когда подходит моя очередь я кладу ему для записи мой список, но он даже не поднимает глаза. Вместо этого, он изучает ручку в своих руках, как будто в ней содержится тайна вселенной.

Я пытаюсь прочесть выражение его лица, чтобы понять, как он реагирует на меня, но его лицо остается бесстрастным. Положив перед ним лист с моим расписанием, я жду. Он молчит, не двигается, игнорирует меня. Скрестив руки на груди, я тяжело вздыхаю, переминаясь с ноги на ногу. Наконец я решаю прервать молчание. Я прочищаю горло

— Пожалуйста, Рид, могу ли я записаться на естественные науки к доктору Фарроу, в кабинет номер двести пятьдесят, в 9:00, по понедельникам, средам и пятницам? — спрашиваю я вежливо, насколько это возможно, пытаюсь сделать вид, что у меня не было с ним перепалки менее двадцати четырех часов назад.

Даже не поднимая глаз, Рид устало говорит:

— Нет.

— Он уже заполнен? — подавленно спрашиваю я.

— Как на счет естественных наук в кабинете двести, с доктором Герц, в 11:00, по понедельникам, средам и пятницам? — говорю я, пытаюсь найти свободное место в своем расписании.

— Нет, — снова говорит Рид, скрещая руки на груди.

— Нет... потому, что нет мест, или нет, потому, что я не могу изучать естественные науки? — с подозрением спрашиваю я, наблюдая за его напряженной челюстью.

— Нет, потому, что тебя не должно быть здесь. Нет, потому, что ты должна перевестись в другое место.

Нет, значит, нет, — говорит Рид, он хмурится, и его волосы падают ему на лоб.

— Почему? Почему я не должна быть здесь? Что с тобой? — раздраженно спрашиваю я. — Ты хочешь, чтобы я извинилась перед тобой за перепалку? Окей, прости, пожалуйста, за перепалку. Может быть, это было лишнее, но ты первый начал жутким голосом управлять Расселом. Слушай, я знаю, что ты здесь, словно большая рыба в маленьком пруду. Но, я просто хочу получить лучшее образование. Я просто хочу записаться на естественные науки. Пожалуйста, — по-видимому, моя гордость будет не слишком задета, если я немного унижусь перед ним.

Позади меня стоит студент, чтобы тоже зарегистрироваться на естественные науки. Рид посмотрел на него с вырождением досады на его прекрасном лице.

Я хочу прикоснуться к его щеке, чтобы успокоить его, но прежде чем я переключаюсь, Рид обращается к студенту позади меня, говоря низким голосом:

— Сейчас я занят. Подходите через час.

Эхом, я слышу подтекст в голосе Рида. Без слов, студент немедленно уходит.

Зеленые глаза Рида снова потускнели, как будто ничего не произошло. Его брови задумчиво поднимаются, и он спрашивает:

— Это то, о чем ты думаешь? Что я большая рыба и у меня есть превосходство перед тобой.

Уголки его губ в раздражении подрагивают, прежде чем он говорит:

— Что если я тебе скажу, что мы не в пруду? Что мы оказались в океане с коралловыми рифами, в который в скором времени будет наводнен, худшим видом акул, которых привлекают только такие рыбки как ты?

— И какая же рыба привлекают акул? — слабо спрашиваю я, интересно, кто из нас более сумасшедший, он, или я.

— Рыба, которую они никогда ни видели прежде. Вид рыбы, которая может изменить экосистему океана в целом, — отвечает он, наблюдая за мной.

У меня уходит секунда, на то, чтобы обработать его ответ. Я засмеялась, но даже для моих ушей, он кажется фальшивым. Фальшиво я улыбаюсь, и отвечаю:

— Это особенная рыба... и где в этом огромном океане водятся эти рыбы, вы знаете, как избежать акул?

— Во всем океане для маленьких рыбок, не существует безопасного места, в этом мире, — категорически говорит Рид и, кажется, в его голосе слышится намек на жалость.

Жалость в его голосе, пугает меня больше, как если бы он посмеялся надомной. Я чувствую себя раздавленной, и внезапно мне становится трудно дышать.

— Хорошо, — смогла выдавить я, — что если я останусь, и попытаюсь поучиться здесь, до того, как эти акулы придут сюда? Я обещаю, что не буду выдавать тебя им.

— Акулы узнают обо мне, и без твоей помощи. У них отличное обоняние, — спокойно сказал Рид.

— Но если они придут за мной, зачем им возиться с тобой? В конце концов, со мной у тебя нет ничего общего. Это не так, ты мне помогаешь. Я почти уверена, что ты меня ненавидишь. Это может навлечь на тебя акул.

Мой голос дрогнул, и я добавила: — Я не могу вернуться домой. Я приведу акул туда, не так ли?

Рид торжественно кивает.

— Нет, я не могу этого сделать, у меня есть дядя, который меня любит... — говорю я, проведя дрожащей рукой по моему лбу. Я думаю, почему я не могу думать? — Шок — может быть паника. Я глубоко вздыхаю, прежде чем спросить:

— Так, поскольку ты знаешь, что я не рыба, и я знаю, что ты не рыба, так что, как это нас касается?

Рид встал со стула и наклонившись через стол, кивнул мне, чтобы я сделала тоже самое. Его щетина коснулась моей щеки, он прошептал:

— Это заставляет нас полностью и бесповоротно сжиматься.

Мне нужен кто-нибудь, потому что я ничего не поняла, с того, что он сказал, и рядом с ним я чувствую себя опьяняюще.

— Я не это имею в виду, — шепчу я. Я имею в виду...

— Я знаю, что ты и имеешь в виду, — от осады рычит он.

— Я понимаю, что ты хочешь оставить меня кристально чистой, но хоть на секунду посмотри на это с моей точки зрения.

— Что бы ты сделал, если бы нашел того, кто знает что с тобой? На озере, ты спросил

меня о моем отце, помнишь? Что ты о нем знаешь? — спрашиваю его я, пытаюсь скрыть растущее отчаяние.

— Я не знаю, кто твой отец? — уклончиво говорит Рид.

— Ладно, но ты подозреваешь, что это он? — спрашиваю я с упорным постоянством.

Взгляд Рида смягчился:

— Что ты имеешь в виду? — спросил он.

— Может быть, я еще не решила. Я подумала, что если бы у меня было немного времени, чтобы я смогла во всем разобраться, но видимо, я не права, — мягко говорю я. — Не бери в голову. Я должна знать, то, что ты знаешь. Ты должен рассказать мне, что происходит. Может быть, ты скажешь мне, почему я продолжаю снова и снова видеть один и тот же кошмар.

— У тебя было видение? — внезапно спрашивает он, ища ответ на моем лице.

— Ну, я не уверена, что ты можешь называть это «ведением». Скорее, это кошмар, который повторяется каждую ночь. Как ты думаешь, что это значит? — спрашиваю его я.

Его губы были плотно сжаты.

— Ты знаешь, но ничего мне не скажешь? — в отчаянии спрашиваю я. — Ладно, как на счет более простого вопроса. Почему каждый раз, когда я тебя вижу, в моем животе словно порхают тысячи бабочек? И я не имею в виду, что когда я вижу тебя, а имею в виду, до того, как вижу тебя, — поинтересовалась я, ища его лицо.

Этот вопрос заставляет его удивиться, потому что его лицо изменяется от угрюмого, до самодовольного, но он не отвечает.

— Я могу сказать одно, я буду сожалеть о том, что задала тебе этот вопрос, — говорю я, бормоча про себя.

Он перестает улыбаться, и говорит:

— Я не могу тебе ничего сказать. Может быть, ты, что-то совершенно другое. И прежде чем что-то делать, я должен быть совершенно уверен. Если ты та, кто я думаю, ты не поверишь мне, и не захочешь доказательств, и я не могу тебе сейчас их дать. Я даже не знаю, должен ли помогать тебе, — мрачно говорит он. — Но поскольку ты здесь, и видимо здесь живешь, мы должны посмотреть, что можем сделать, чтобы скрыть тебя, по крайней мере, до тех пор, пока я не буду в тебе уверен.

— Почему я должна тебе верить? — спрашиваю я, прищурившийся. — Ты не скрываешь того, что ненавидишь меня.

Его взгляд смягчился.

— Ненавижу тебя? — спрашивает он. — Не так сильно, как ты думаешь.

А тут еще это... что это было... бабочки? Это не плохо, или плохо?

Я почти верю в то, что он дразнит меня; разве это не самое смешное объяснение, которое я когда-либо слышала.

— Я знаю, что пожалею, что задала тебе этот вопрос, — краснея от стыда, бормочу я. — Я просто переживаю, какой скучной стала моя жизнь.

— Ты хочешь быть осторожной, да Женестьева? — спрашивает он, беря из моих рук регистрационную карточку.

Сглаживая ситуацию, он добавляет в список моих предметов в девять часов класс физики доктора Фэрроу.

— Что ты говоришь? Я так, растерялась, — говорю я, беря свою карточку, едва взглянув на него. — Так на чем мы сейчас остановимся?

— Мы не будем принимать какие-либо решения, пока не узнаем, больше друг о друге, — просто сказал Рид, с непринужденной грацией, которую трудно имитировать, садясь в свое кресло.

— Итак, когда я узнаю, что ты знаешь обо мне? — спрашиваю я, не желая его отпускать. Когда он пожимает плечами, я задаю вопросы, ответов на которые боюсь больше всего.

— Как долго это будет продолжаться... я имею в виду, как много пройдет времени, пока акулы начнут кружиться, и кто такие акулы, и зачем им я?

- Женева, это твое призвание, — говорит Рид, сидя неподвижно. — Лучше поторопись записаться на все занятия.

Я киваю в знак согласия. Как в тумане я иду к следующему столу, и прихожу в себя только тогда, когда понимаю, что кто-то дает мне мой студенческий билет с моей фотографией. После этого, я очень быстро заканчиваю регистрацию.

Я должна была испытывать эйфорию от заполнения моего расписания, но вместо этого чувствую страх от того, что не смогу часто его видеть.

Закончив с регистрацией, я иду в союз. В автомате покупаю бутылку воды. Видимо, чувство страха, заставляет много пить. Сделав быстрый глоток, чтобы очистить горло, я ищу указатель с направлением в союз, и посмотреть, там ли еще Рассел.

Я увидела его, сидящим возле окна. Его легко найти, потому, что даже сидя он высокий. Рассел вытянул под столом свои длинные ноги, его рыжеватые волосы спадали на лоб, глаза внимательно изучал таблицу.

Кажется, он игнорировал весь хаос, происходящий вокруг него. Когда я шла к Расселу, то чувствовала энергию толпы вокруг меня. Будучи в студенческом союзе, словно в центре военной операции, где вместе шли несколько различных единиц измерения, но как союзники, ни один из них не доверяет другому.

Первокурсники и новички сидели вместе. Их было легко найти, так как на них была новая форма. Они казались мне новобранцами, недавно устроившимися на фирму, и пока еще ничего не делали.

Братство занимает свое место в союзе. У них совершенно другой характер, они еще новички, но изображают опытных и уверенных в себе.

Пока я изучаю таблицу, я слышу разговор одного из братьев о коррупции:

— Я пытался установить и проверить его прошлой ночью, но он был выключен...

В женских клубах есть такие же братства, но их отличия в том, что они не бросаются на потенциальных первокурсницах. Они отделились от своей группы, провели разведку и назначили должности. Я услышала сестру из женского клуба:

— Я думала, что она просто симпатичная, но она просто шикарна... издали она довольно... но вблизи она... Давайте назовем ее просто уверенной, может быть сейчас... ребята, что вы думаете?

Но самым смертельным на сегодняшний день, является снайперское подразделение. Они перечислены в таблице, ребята сидят вокруг своей следующей цели, и спорят друг с другом относительно того, у кого больше пистолет и сколько патронов у них в упаковке.

Я почти подошла к столу Рассела, когда ко мне на двенадцать часов подошел снайпер. Ухмылка на его лице говорит мне, что его больше волнует, справится ли подразделение со своей задачей, в отношении со мной. Он пытается скрыть свою ухмылку и в последнюю секунду улыбается и говорит:

— Ты Женева?

— Эээ. привет, — запинаясь я.

— Ты только что зарегистрировалась? — спрашивает он, прежде чем подойти к соседнему столу. Я проследила за ним, все рядом стоящие студенты смотрели на нас.

— Эм... да... А мы знакомы? — спрашиваю я, у него.

— Я Тодд, из общежития Сигма, — выпятив грудь, надменно сказал он. — Я видел твою фотографию в каталоге новичков.

Я краснею, когда осознаю, что он только что сказал.

— Хм... я извиняюсь... э-э... Тодд, но я здесь, чтобы встретиться с другом. — Говорю я, жестом указывая на Рассела.

— Так может быть... я проскакиваю мимо него.

Ребята из его группы начали кричать ему, что он попал в цель.

— Я, наверное, просто промахнулся с выстрелом, и получила статус «убитый».

Подойдя к столу Рассела, выдвигаю стул напротив. Сажусь и улыбаюсь, потому что до этого момента, я не понимала, с каким нетерпением ждала встречи с ним.

— Эй, Рассел, я так рада, что ты здесь!

— Угу, спасибо, — отвечает он, подняв брови.

Взглянув на меня, он улыбается и смотрит на меня с любопытством. Затем, он протягивает мне номер, прежде чем снова заняться своим делом, не обращая на меня внимания.

— Я даю тебе реквизит для того, чтобы сконцентрировать в нем весь шум.

— Что ты изучаешь? — спросила его я, указывая на инструменты лежащие перед ним.

— Это аудио книга. Мы должны держать ее внизу, — резко говорит он.

— Ладно... Эй, не поверишь, что со мной сегодня произошло. Ты знаешь, что в каталоге материнского клуба публикуют фото всех первокурсниц? — спросила я.

— Конечно, я получил его, — озадачено глядя на меня, говорит он.

— Хорошо, я полагаю, что люди изучают ее, как ты изучаешь эту книгу, потому что когда я иду, меня окликают по имени ребята, которых я никогда не встречала. Это немного подозрительно, — с натянутой улыбкой говорю я, потому что чувствую себя не уютно из-за действий Рассела.

Он похолодел, я определенно почувствовала на моем конце стола арктический воздух.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает он.

— Хорошо, это своего рода ирония, чтобы выяснить, что я знаю. Ты прочел мое имя в справочнике?

Я уставилась на него округлившимися глазами.

— Ха-ха, ты смешной, Рассел. Ты знаешь, кто я, — говорю я, — но, посмотрев на его лицо, я вижу, что он растерян.

— Как меня зовут, Рассел? — умоляюще спрашиваю я.

Он нахмурился.

— Ну, я начинаю подозревать, что должен знать ответ на этот вопрос.

Все это кажется мне знакомым, но... Он протягивает руку, и касается моих волос. Он закрывает глаза, и говорит:

— Я все время вижу красный цвет... то имеет какой-то смысл?

— Ты уже давно видишь красный, с тех пор как встретил меня. Ты помнишь, нашу вчерашнюю прогулку к озеру? — с надеждой спрашиваю я.

Его сексуальные карие глаза смотрели прямо на меня.

— Я... эээ, помню... то... озеро... моя голова начинает болеть, как только я вспоминаю, — говорит Рассел, отпустив мои волосы и закрыв лицо ладонями.

— Там были мы... и кто-то еще... и мне пришлось уйти, но я хотел остановиться... сел в автобус... я должен вспомнить... Эви! — глядя на меня, говорит он, с потрясенным видом.

Он переживал.

— Я в порядке, Рассел, я... я в порядке... все нормально. Ты не просто ушел, — говорю я, вставая со стула и подходя к нему. Я взяла его за руку и сжала ее.

— Как ты себя чувствуешь? — с беспокойством спрашиваю его я.

— Я чувствую себя так, как будто играл в футбол без защитного шлема, — сердито отвечает он, — и атакующий защитник не может кого-то блокировать.

— О, значит, ты знаком со стилем игры, команды, из моей бывшей гимназии.

— Это печально, — стала дразнить его я. Какое-то время, я изучаю его, он обхватывает голову руками, тогда я говорю задумчивым тоном — Обещай мне. Когда ты пойдешь, и поговоришь с Ридом? Хорошо, что ты делал прошлым вечером, когда мы расстались, ты видел его сегодня утром?

— Эээ, я не знаю, о чем ты говоришь, но я мог бы принять аспирин, — уклончиво говорит он.

— Рассел, — сердито говорю я, отпуская его руку.

Вскочив со стула, я возвращаюсь на свое место.

— Я же просила тебя, не ходить за мной, — я прищурилась. — Ты знаешь, я видела его сегодня утром, и я заметила, что обе его руки до сих пор связаны, так что я предположила, что ты вышел на большую дорогу. О чем ты только думал? Рид, это действительно опасно, — спросила я. Порывшись в своей сумке, я нашла маленькую бутылочку воды и аспирин, который положила перед Расселом.

Я подталкиваю бутылку воды к нему.

— Черт, Эви! — восклицает он, после того, как принимает аспирин. — Так ты говоришь, что для тебя это нормально, чтобы поговорить с... этой... вещью, но я не признаю этого? — сердито спрашивает Рассел.

— Это именно то, о чем я тебе говорю. Я тебе говорила, его голос на меня не действует.

Я могу общаться с ним, без того, чтобы он контролировал мой разум, — защищаясь, сказала я. — Когда ты с ним говорил? Можешь вспомнить хоть один ваш разговор?

Рассел снова спрятал свое лицо в ладонях, так словно его голова весит тонну. Из под майки, был виден его бицепс, отвлекая меня от моих мыслей.

— Я видел его сегодня утром, когда шел по кампусу, после утренней тренировки, — приглушено говорит он.

— И что ты сказал? — после короткой паузы, быстро подталкиваю я.

— Ну, это между нами, мужчинами, сейчас, правда? — спрашивает он.

— Ну, между мужчиной, и о том, что за ерунду он...

Рассел понял то, в чем не хотел признаваться даже самому себе.

В том случае, если Рид не человек... — и что потом, если это действительно так? И кто я?

— Так Рид, внушил тебе забыть о том, что произошло прошлой ночью, не так ли? — спрашиваю я, стараясь собрать все воедино.

— Нет, если бы он это сделал, то я бы, наверное, сейчас так не бесился.

— Нет, он сказал, что-то вроде, «забудь о Женевьеве, она не для тебя».

Я готова была рассмеяться, потому что Рассел попытался с имитировать голос Рида. Но я не смеюсь, потому что, то, что он сказал, посылает по моему телу дрожь.

— Ох, — задумчиво говорю я. — Но, во всяком случае, ты вспомнил обо мне. Не сразу конечно, но ты сделал это... но не без последствий, — сказала я. — Это очень важно... ты должен быть настойчивее, — запинаясь, говорю я.

— Я всегда хочу чего-нибудь, — отвечает он.

— Ну, это выглядит так, как будто мой друг может навредить твоему здоровью, Рассел, — печально сказала я.

— Как это? — напрягаясь, спрашивает Рассел.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я. — Тебе не достаточно того, что тебе стерли память? Это не твоя проблема. Спасибо за помощь, но это моя проблема. Я не собираюсь упрощать тебе задачу.

— Мишенью для чего, Эви? Ты знаешь больше, чем говоришь? — осуждающе сузил глаза Рассел.

— Это сложно, Рассел. Я действительно не знаю, что происходит. Я еще не успела над этим подумать. Мне просто нужно подумать, — говорю я, тоже выпивая аспирин.

Рассел смотрит на меня несколько мгновений, а потом говорит:

— Ладно, ты можешь не говорить со мной о том, что случилась, но... я понимаю, что... тебя здесь приняли по-другому, чем большинство новеньких девушек. Я думаю, ты более независима и менее склонна обращаться за помощью, даже тогда, когда она тебе нужна.

— Мне не нужна помощь, — начинаю отрицать я, но он поднимает руку, чтобы остановить меня.

— Теперь я не знаю, как я могу помочь тебе, — добавляет он, сузив свои карие глаза. — Я не достаточно понимаю, для того, чтобы помочь тебе. Но я твой друг, и сделаю все что смогу, и может быть... когда, ты будешь готова, то сможешь сказать мне то, что знаешь.

Когда он закончил, я потеряла дар речи. Он едва знает меня, и за последние двадцать четыре часа, он был подвергнут такому, отчего другие бы в ужасе убежали.

Мои глаза наполнились слезами. Я хочу обнять его, хочу оттолкнуть его, я хочу отблагодарить его, защитить его, я хочу рассказать ему обо всем, и я хочу, чтобы он оставался в неведении относительно всего этого.

— Ну, красавица, ты начала в своей голове такой адский бой. Как на счет того, чтобы просто пойти и посмотреть, нужные книги в книжном магазине на нижнем этаже. Это достаточно простая задача, чтобы выполнить ее прямо сейчас, — говорит Рассел, подходя ко мне и подавая мне руку.

Мы вместе пошли в книжный магазин. Мы купили некоторые книги, которые нам нужны. Меня радует, что Рассел предложил помочь мне с книгами, потому, что я подумала, что мне нужен подъемный кран, чтобы донести их до моей комнаты.

— Как ты собираешься нести все эти книги, Рассел? Со всеми нашими книгами, нам понадобится вагон, — сказала я.

— Как, — говорит Рассел, начиная класть по паре книг, в наши сумки. Остальные книги он сваливает, как попало в кучу.

— Если я могу взять твою сумку, то мы можем зайти в Брейди.

Я следую за Расселам на улицу, ведущую в Брейди. Когда мы подходим к дверям в холле, он кладет книги на пол и сортирует их. Заталкивает мои книги в наши сумки, поднимая свою стопку, он спрашивает:

— Может, ты подождешь здесь, пока я занесу свои книги в свою комнату? Не думаю, что когда-нибудь привыкну к тому, чтобы вокруг меня не было девчонок.

Это так неестественно. Он намекает на то, что в будние дни я даже не смогла бы войти в холл мужского общежития.

— Ах, так ты игрок, — говорю я, дразня его.

— Это не то, что я имел в виду, красотка. Просто у меня есть две младшие сестры, возле которых постоянно находятся их друзья. Сейчас здесь нет. Это почти болезненно, не слышать их разговор со скоростью «сто миль в час» о всяких пустяках, — говорит он.

— Оо, понимаю. У тебя есть сестры? Как их зовут? — спрашиваю я, пытаюсь представить Рассела, забоявшегося о двух маленьких сестер.

— Если я скажу тебе, обещаешь не смеяться? — спрашивает он.

— Конечно, а в этом может быть, что-то плохое? — хмурясь, спрашиваю я.

— Та, которая на два года младше меня — Скарлет, а которая младше меня на четыре года — Мелани, — извиняющимся тоном говорит он, и ждет, смогу и я провести параллели.

— Рассел, как тебе удалось избежать имени Ретт, или не дай бог, Эшли? — спрашиваю я, разу вспоминая «Унесенные ветром».

— Ну, моего папу зовут Рассел, так что я должен поблагодарить его за это, — с облегчением говорит он, что я не смеюсь над ним.

— Ты младший, — говорю я, улыбаясь, представляя образ красной Южной семьи.

На что это похоже? Расти с родителями, и двумя младшими сестрами в красивом городе, в котором ты — звезда футбола. Звучит идеально, думаю я.

— На самом деле, я третий. Моего дедушку тоже звали Рассел.

Двери открываются, и из комнаты выходит парень. Рассел кричит ему:

— Ты не мог бы придержать дверь? Я сейчас вернусь, красавица.

— Ладно, — говорю я.

Когда молодой человек подходит ко мне, я неловко улыбаюсь. Чувствуя себя бездельницей, я подхожу к огромному дереву, растущему недалеко от тротуара. Весь университетский городок усеян небольшими дубами и кленами. Не могу дождаться, когда с них начнут падать листья и распустятся цветы в середине осени, Крествуд будет выглядеть просто волшебно. Услышав, как хлопнула дверь общежития, я меняю свою позицию у дерева и сморю на него. Рассел приближается ко мне.

— Готов? — спрашиваю я.

— Да, есть охота. Давай сначала поедим, так как здесь есть кафе, и мы можем получить твои оставшиеся книги, — говорит он, и я киваю, соглашаясь.

— Подожди секунду, я возьму это, — говорит он, наклоняясь, чтобы поднять с земли мою сумку.

Когда он наклонился, из под его воротника показалось ожерелье, сияя в солнечном свете. Я замираю, смотря на две серебряные подвески, лежащие на футболке, висевшие на коричневом кожаном ремешке. Почти задыхаясь, я узнаю ожерелье из моего сна — моего кошмара, я шепчу:

— Рассел, твое ожерелье... это круто... где ты его взял?

— Э-э, это? — спрашивает он, поднимая вверх одну круглую подвеску. — Это, как бы, шутка моей семьи, красотка.

— Твоя семейная шутка? — переспрашиваю я, чувствуя слабость.

— Да, это длинная история. Идем в кафе, я объясню, что имею в виду, за обедом, —

говорит Рассел, беря меня за руку.

Мы вместе идем в кафе. После того, как мы получаем свой заказ, я изучаю ожерелье Рассела со своего места. Одна из подвесок, выглядит как потускневший серебристый круг, а другая, выглядит как вытянутая восьмерка.

Затаив дыхание, я смотрю на него:

— Рассел, твое ожерелье...

Я хочу протянуть руку и коснуться ее, но мои руки дрожат, так что, чтобы скрыть это, я кладу их на колени.

— Ах, да, верно, — говорит Рассел, беря первую подвеску. — Это круг, и я объясню его значение через секунду.

Он отпускает его и берет в руку вытянутую восьмерку.

— Это, символ бесконечности. Чтобы понять мою семейную шутку, ты должна знать, что мой папа — учитель математики, в средней школе, он вернулся домой и его тоже зовут Рассел. Он говорил что-то о математическом парадоксе под названием «Парадокс Рассела»

— Ты слышала о нем?

— Нет, — отвечаю я, качая головой и делая глоток воды.

— Ну, понимаешь, эту логическую задачу, придумал математик по имени Бертрам Рассел. Так вот, я не большой поклонник математики, как и мой папа, так что мне проще объяснить это словами «потому что для меня так легче». Вот это утверждение: «это утверждение ложно.» Сейчас, если утверждение ложно, то оно истинно; и если утверждение истинно, то оно ложно.

На мгновение я задумываюсь о сказанном, пока в моей голове не появляется мысль.

— Я понимаю, о чем ты говоришь. Если утверждение ложно, то есть оно не соответствует действительности, тогда правильнее будет сказать, — это ложно, так что утверждение действительно верно, но если это так, то было бы ложью сказать, что это ложь, так что это не могло быть правдой. Это звучит, как поймать двадцать два.

— Правильно, ты умная, рыжик, я не буду тратить время на выяснение всего этого. Это, то, что я называю прочным кругом; я не могу с ним помочь, но он круглый, очень круглый. Ну, я уже говорил тебе, что я довольна упрямый. Моя семья считает, что я могу быть довольно упрямым, и что, как правило, хожу кругами, чтобы получить то, что хочу. Моя мама называет меня парадокс, потому что иногда я могу быть непоследовательным в своих логических умозаключениях, — говорит он, улыбаясь мне.

— Мой папа добавил к нему знак бесконечности, чтобы выразить тот факт, что это мой вечный недостаток, — говорит он, улыбаясь, я ищу в его лице связь, которая поможет мне разгадать эту головоломку.

— Рассел, есть кое-что, что ты должен знать, — сбивчиво говорю я.

— Вот как? Что, рыжик? — спрашивает Рассел.

— Твое ожерелье снится мне каждую ночь, — тихо говорю я.

Я вижу, как на его лице появляется улыбка, и он изучает меня, затем его улыбка подрагивает.

— Ты не врешь?

— Еще до того, как я пришла в колледж, я видела это ожерелье в своих снах... в своих кошмарах, — говорю я, смотря вниз, чтобы не видеть, как он смотрит на меня как на сумасшедшую.

— Я не знаю, что это означает, но я знаю, что я должна...

— Должна что? — подсказывает мне Рассел, смотря на меня, когда я снова поднимаю на него глаза.

— Я должна как-то защитить его, — говорю я.

— Защитить его от чего? — тихо спрашивает он меня.

— Я не знаю, но он ужасно волнуется, и я не могу перестать видеть эти сны, — говорю я, надеясь, что он не будет надо мной смеяться.

— Что это значит? — спрашивает меня Рассел. — Ты экстрасенс?

— Я не знаю. Я так не думаю. Раньше, со мной никогда такого не было. Это началось после того, как меня приняли в Крествуд, — отвечаю я.

Рассел смотрит по сторонам, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает. Когда он убедился, что нас никто не подслушивает, то наклоняется ко мне и говорит:

— Черт, Эви, что за дерьмо ты говоришь.

Это как ESP, в конце он взрывается, не в силах скрыть своего волнения.

— Ладно, да, это как один из вариантов. Другой вариант заключается в том, что я немного сумасшедшая, — говорю я в ответ.

Удивительно, но я начинаю думать, что предпочитаю второй вариант.

— Я даже не знаю, зачем сейчас тебе все это рассказываю. Мы друг друга практически не знаем. По сути, этим утром, ты еще не знал меня. Просто, между нами, есть еще что-то. Я не могу понять что это, но я это чувствую, и не могу это объяснить.

Перестань говорить о таком, идиотка! — Думаю я про себя. Он понятия не имеет, о чем ты говоришь.

Но Рассел удивляет меня, сказав:

— Да, я понимаю, что ты имеешь в виду. Это так, словно ты ищешь кого-то, но не знаешь, что ты ищешь в действительности. Это как найти часть себя, о потере которой ты и не знал... черт, я рассуждаю как девчонка. Я не могу объяснить это, но я знаю, о чем говорю.

Мы замолкаем на некоторое время, обдумывая слова, друг друга, потом Рассел говорит:

— Может быть, в Риде нет ничего плохого. Ты уверена, что именно я должен быть здесь?

Когда он видит на моем лице гнев, он спрашивает:

— Ты рассказала обо всем этом родителям?

Мое молчание, подталкивает его к правильным выводам.

— Ты еще не рассказала им? Но почему нет, Эви?

Стараясь не смотреть на него, я беру свой поднос и несю на конвейерную ленту. Поставив свой поднос, я повернулась, чтобы вернуться к столу, но наткнулась на Рассела, который стоял прямо позади меня, держа свой поднос.

— Извини, — бормочу я, пытаюсь его обойти, но Рассел кладет вою руку мне на плечо, удерживая меня на месте.

Оставив свой поднос, он берет наши сумки, с моими книгами мы вместе выходим из кафе. Прежде чем я осознала это, мы были уже на середине двора. Когда мы отходим достаточно далеко, от того, чтобы нас мог кто-нибудь услышать, я кричу:

— У меня нет родителей. У меня есть дядя Джим, который любит меня больше чем кто-либо в мире, и это также как иметь родителей. Я могу рассказать ему что угодно, но даже не знаю, что происходит, и как я объясню ему это?

Я знаю, что он пытался поверить мне, но если бы его не было со мной на озере, поверил бы он мне хоть немного? Этот вопрос был риторическим, потому что я уверена, что ответ

будет «нет».

— И я чувствую, что должен быть здесь, поэтому я не уйду!

— Ну, красавица, я думаю, что скажу да? Вроде это тебя притягивают опасности, не меня? — риторически спрашивает он, со сладкой улыбкой. — Так, этот дядя Джим не любит ловить рыбу?

— Потому что дом, где мы жили, с моим папой, находился возле небольшого озера, где было много рыбы. — Он больше техник, чем спортсмен.

— Он может сказать, почему мой компьютер блокируется и перезагружается через каждые пятнадцать минут? — неожиданно спрашивает Рассел.

— Уверена, дай мне свой IP-адрес, и я отправлю его ему, по email. Когда вернешься в свою комнату, включи компьютер, и убедись, что у тебя есть доступ в интернет. Скажешь, что тебе нужно, и он попытается это исправить.

— Ты серьезно? — в изумлении спрашивает Рассел.

— О-о, есть одна вещь, к которой дядя Джим относятся очень серьезно — это техника. У тебя есть брандмауэр? — спрашиваю я.

— Ммм, думаю, нет, — отвечает он.

— Рассел, тогда не удивительно, что он не работает. Ты знаешь, как легко проникнуть в твой компьютер? Не говоря уж о том, что твой компьютер открыт для атак вирусов, червей и троянов. Мы приобретем тебе брандмауэр! — непреклонно говорю я.

— Ладно! Мы получим брандмауэр на пожарной станции, — с сексуальной улыбкой ответил он.

— Теперь объясни мне, что такое IP-адрес и троян, — говорит он, демонстрируя насколько он, не разбирается в компьютерах.

Я закатила глаза.

— Когда ты в четыре часа придешь на собрание, поговори с Фредди. Я думаю, он знает, что такое IP-адрес, и это поможет тебе починить твой компьютер. За ужином, я спрошу у него.

— Ты ужинаешь с Фредди? — спрашивает Рассел, когда мы остановились перед Йетсам.

В его голосе слышалась сталь, которую я не слышала раньше. Это звучало подозрительно, как будто Рассел ревнует.

— Да, я его спросила, хотел бы он со мной поужинать, когда мы завтракали этим утром, — говорю я, замечая, что Рассел опустил глаза.

— Ты тоже можешь прийти. В этом нет ничего особенного.

— Окей, — облегченно говорит Рассел. Я хотел бы прийти. Сегодня вечером тренер планирует собрать команду на поле колледжа, для общего ужина. Он пытается способствовать «единству команды». Не думаю, что смогу освободиться от него, по крайней мере, до семи.

— Там еда может быть лучше, чем в Саге.

— Ну, это само собой разумеется. Так, когда мы снова увидимся? — спрашивает он с улыбкой, показывая на щеках милые ямочки.

— Я не знаю. Как на счет завтра? — спрашиваю я, задаваясь вопросом, когда я перестану удивляться его заинтересованности ко мне.

— Как на счет сегодняшнего вечера? Мы могли бы встретиться после ужина, — предложил Рассел.

— Ладно, — согласилась я, с немного ускоренным сердцебиением в груди.

— У тебя есть телефон? Я могу позвонить тебе или прислать сообщение, после окончания ужина на поле? — спрашивает он, доставая свой телефон из сумки.

— Конечно, — я диктую ему свой номер, и он вносит его в контакты своего телефона.

Найдя свой телефон на дне своей сумки, я забиваю его номер. Потом Рассел протягивает мне мои книги из своей сумки.

— Я увижу тебя сегодня вечером, — говорит он, улыбаясь, и пошел прочь.

Глава 5

Хоккей на траве

Я спускаюсь вниз по лестнице, сворачиваю налево и иду в сторону класса. Собрание в общежитии начинается через пять минут, поэтому у меня есть время, чтобы осмотреться и найти свободное место. На столе перед входом в зал лежит лист, перед которым выстраивается очередь, чтобы зарегистрироваться. Заглянув через плечо брюнета, стоящего впереди меня, я вижу, что в приемной стоит несколько столов и стульев из красного дерева; еще там находится большой камин, вокруг которого стоят кожаные кресла. На стенах, в золоченых рамах, отражающих свет от элегантной хрустальной люстры, висят старые фотографии выпускников. Перед дверьми, словно караульный, ходит одна из студенток, которую я встречала вчера — кажется, ее зовут Меган.

Она изучает подпись каждого студента, словно сотрудник аэропорта.

Я почти подошла к двери, но старшеклассница с волосами цвета меда и глазами василькового цвета, преграждает мне путь, коснувшись моего плеча.

— Извините, — тихо говорит она, глядя мне через плечо.

— Да? — спрашиваю я в ответ, не понимая, почему мы говорим шепотом.

— Ты живешь на втором этаже, верно? — заговорщицки спрашивает она, заправляя свои длинные волосы за ухо.

— Гм, да, — удивленно отвечаю я, — номер двадцать восемь, — я Иви.

— Это одноместный номер, должно быть ты очень умная и учишься на стипендию. Кстати, меня зовут Булочка, — быстро шепчет она, а когда видит мою недоверчивую улыбку, то улыбается. — На самом деле меня зовут Кристина Бондс, но все зовут меня Булочка.

— О, — отвечаю я, не уверенная, как мне реагировать на ее откровения.

— Приятно познакомиться, — быстро шепчет она.

— Ты не могла бы помочь мне? — спрашивает она снова, заглядывая мне через плечо. — Моя соседка не сможет прийти на это собрание, но если она не придет, то у нее будут неприятности с женским клубом. Могла бы ты отвлечь секретаря, пока я впишу ее в список?

Я перевела взгляд от Булочки на Меган. Она до сих пор следила за всем, так, словно в здании были террористы.

Поглядывая на Меган, я замечаю, что неподалеку есть еще один стол из красного дерева, на котором лежат несколько стопок раздаточного материала.

Повернувшись к Булочке, я шепчу:

— Хм, думаю, у меня есть идея. Дай мне секунду.

Когда подходит моя очередь зайти в приемную, я ставлю в списке свою подпись. Небрежно проходя мимо стола с раздаточным материалом, я делаю вид, будто спотыкаюсь о собственную ногу и хватаюсь рукой за стол, при этом скидывая все содержимое на пол.

Когда внимание Меган переключается на меня, я громко ойкаю. Я не смотрю на Булочку, чтобы убедиться, сработала ли моя уловка, я поднимаю бумаги с пола и кладу их на прежнее место.

Меган спешит мне на помощь, и на мгновение я чувствую вину, пока она бормочет себе под нос: — Первокурсник, — и закатив глаза, смотрит на меня уничтожающим взглядом.

— Извините... не слишком аккуратно вышло, да? — спрашиваю я, понимая, что она

думает, будто я разговариваю сама с собой.

Булочка помогает мне собрать оставшиеся бумаги.

Мы берем материалы и спешим вернуться на пару, осторожно пробравшись к стульям с высокими спинками, стоявшими за книжными полками.

— Спасибо, конфетка! — прошептала мне девушка, ее голубые глаза сияют.

— Добро пожаловать, — отвечаю я, поглядывая на других студенток, которые стали свидетелями моего фальшивого падения. Некоторые из них, склонившись, друг к другу, все еще шепчутся у меня за спиной.

Булочка, казалось, не обращала на это внимания.

— Как думаешь, успею ли я сбегать и вписать наши имена в команду по Лакроссу, на листок, который ты дала мне? — фантазирует она.

Я пожимаю плечами и с небольшой улыбкой говорю: — После того как Меган посмотрела на меня своим холодным взглядом, я выронила и эти листки.

Зашла глава сообщества — миссис Вайт — с кислым выражением лица.

Когда шепот в аудитории стихает, она начинает собрание. Сухо читая с листа правила проживания в общежитии.

— Почему они просто не могут выдать нам распечатку с правилами и покончить с этим? — тихо говорю я Булочке.

А Миссис Вайт продолжает читать скрипучим голосом.

— Я имею в виду, что это каждый может прочесть самостоятельно.

— Они читают это сами, потому что понимают, что иначе, эти правила будут читать только первокурсники, — отвечает мне Булочка, подмигивая.

— Эй, а что ты будешь делать сегодня после ужина, в шесть пятнадцать, или около того? — взволновано говорит девушка с таким видом, будто что-то замышляет.

— Хмм, сегодня вечером я планировала прогуляться, а что? — в ответ шепчу я.

— Хоккей на траве! — выжидающе произносит Булочка.

— Хоккей на траве? — переспрашиваю я, осторожно взглянув на миссис Вайт, и убедившись, что она этого не замечает.

Булочка начинает возбужденно подпрыгивать на стуле, даже не пытаюсь быть тише, — Ты будешь в нашей команде! Не считая тебя, нам нужна еще пара девочек, тогда все будет идеально. Ты выглядишь спортивно — ты состояла в какой-нибудь школьной спортивной команде?

— Да, я была в сборной по футболу и лыжне, — вполголоса говорю я, чтобы не привлекать к себе внимание людей, находящихся вокруг. — Но я никогда не видела как играют в хоккей на траве. У меня в школе его не было.

Отмахнувшись от моих возражений, она говорит: — Все в порядке, хоккей на траве — это как футбол. Твоя задача забить гол в кратчайшие сроки, как в домашней лиге.

Она подпрыгивает на своем сидении и шепчет: — Ну, пожалуйста, Эви!

Естественно, нашим разговором мы привлекаем внимание находящихся поблизости девушек.

— Булочка, ты хочешь, чтоб нас отсюда вышвырнули? — тихо говорю я, но она складывает руки в молящем жесте и продолжает просить, не замечая ничего вокруг.

— Ну, хорошо, — соглашаюсь я.

— Блестяще! — восторженно шепчет она.

Миссис Вайт почти заканчивает зачитывать скучные правила. Когда женщина

останавливается, Булочка и я поднимаемся в ее комнату.

— Ты можешь пока использовать университетскую форму, пока не получишь свою. Вот форма моей соседки по комнате, — говорит она. — И мы практически одного роста.

Она с грохотом открывает дверь и щелкает выключателем.

— Примерь форму! — приказным тоном говорит она. — Когда у нас хоккей на траве, мы получаем готовый ужин.

Булочка поднимает палец и указывает на свою кровать, на которой среди одеял лежит форма.

— Ты произвела сильное впечатление, — смеясь, говорит Булочка. — Смотри, я кое-то принесла тебе, в честь нашей встречи.

Отодвинув форму, она садится на кровать, потирая глаза. Она симпатичная — сидя у изголовья своей кровати со светлыми, волнистыми волосами, переливающимися на свету, словно платина.

У ее соседки были такие же голубые глаза, только немного насыщеннее, чем у Булочки.

— Который сейчас час? — сонно спрашивает Брауни, соседка Булочки.

— Сейчас пять часов. Миссис Вайт проводила вечернее собрание, но Эви была звездой.

Булочка переделывает табличку для моей формы и благодарит меня.

— Я пригласила Эви в нашу команду по хоккею на траве. Она была в сборной по футболу и занималась лыжами, — улыбнувшись, рассказывает она.

— Это грандиозно! Ты необходима нам, — говорит мне Брауни. — Если нужно, мы можем всему тебя научить, — восклицает она, с необыкновенной грацией спрыгивая со своей кровати. — Здесь есть руководство по хоккею, — добавляет она, кинув мне книгу, взятую со стола. — И ты можешь использовать мою униформу.

— Я уже сказала ей об этом, — улыбнувшись мне, ответила Булочка, наблюдающая за нами с Брауни, она вытаскивает из шкафа короткую спортивную юбку и вязаный топ и вручает мне. — Так как мы практически одного роста, я дам тебе свою палку, чтобы попрактиковаться на поле.

— Ок, — соглашаюсь я, расправляя форму и взяв руководство.

— Давайте встретимся после ужина в шесть пятнадцать, и вместе пойдем на поле. Примерно час мы попрактикуемся на бейсбольном поле. Мы должны быть готовы к семи пятнадцати, — сказала Булочка.

— Вы едите вместе с парнями? — с надеждой спрашиваю я. — Я не видела здесь никого из них, но было бы не плохо время от времени обедать вместе с ними.

— Нет, мы едим вместе с девочками из женской общины. Наш повар — гурман, — отвечает Брауни.

— О, а ты говорила, что не пропускаешь аппетитные закуски в Саге, — саркастически говорю я.

— Ой, нет, я давно уничтожила свою карту от Сага, — фыркнув рассказывает Булочка.

— Тебе повезло! А мне придется поторопиться, чтобы поесть, перед тем как мы пойдем на тренировку. Встретимся позже.

Я заношу одежду в свою комнату, кладу ее на кровать, подумав о том, что после ужина поменяю ее. Беру руководство по хоккею, чтобы почитать его за ужином.

По пути в кафетерий, быстро набираю сообщение Расселу:

«В 6.30 меня пригласили играть в хоккей на траве. Как ты смотришь на то, чтобы встретиться после игр, примерно в 7.30?»

Я не ожидаю быстрого ответа, но мой телефон вибрирует почти сразу.

«Было б замечательно встретится на поле после игры.»

Улыбаясь от сообщения Рассела, я направляюсь в кафетерий.

Выбрав салат и мясной рулет, я ищу глазами Фредди, но пяти тридцати еще не было, поэтому его еще не было, я сажусь за тот столик у окна, за которым мы завтракали этим утром.

Появление Фредди я ждала долго, и наконец-то он появился.

— Привет Фредди, как ты? — спрашиваю я.

— Разочарован, мне пришлось побывать на самом нудном собрании общины, на котором я когда-либо бывал. Разве они не знают, что я вполне способен все это прочесть? — возмущенно спрашивает он.

— Я знаю, — соглашаюсь я.

— Во всяком случае, пока я не забыл — вот, это тебе, — говорит Фредди, протянув мне листок с нацарапанным на нем номером.

Я сразу узнаю IP адрес.

— У тебя получилось! Я знала, что ты меня не подведешь, — воскликнула я, протягивая руку и похлопывая его по плечу.

— Ты можешь узнать, чей это IP адрес? — спрашивает Фредди, накалывая рулет на вилку и с удовольствием поедая его.

— Спасибо! Я думала, что я единственная находилась в шоке от этого, но может быть, я не одинока в этом, — соглашаюсь я. — Фредди, мы должны проверить, даже если у Рассела стоит фаерволл.

— Я знаю, а мой друг не знает, почему сломался его компьютер, — иронически произносит он, думаю, Фредди может оказаться моим братом, с которым нас разлучили при рождении, ведь мы думаем одинаково.

— Я должна зарегистрировать его брэндмаузер в двадцати восьми битной системе и в автоматической MDIX. Как думаешь, мы могли бы это сделать здесь? — спрашиваю я, надеясь, что Фредди знаком с этой местностью лучше, чем я.

Он усмехается, качая головой.

— Я думаю, ты должна пойти в Колдуотер или Джексон. Весь этот городок застрял в восьмидесятых, — заявляет он, и я не могу с ним не согласиться.

— Хотя, еще ты можешь пойти в Атари, — шутит он.

— Да, это хорошая мысль, спасибо за совет, — благодарю я. — Ты записался в тот класс, который хотел?

— Сама знаешь, что да, — кивнув головой, говорит Фредди. — Это было легко, но вот Джо, мой сосед по комнате, уж очень напыщенный. Он говорит, что хотел бы записаться в класс физики, а в итоге, прослонялся весь час. Псих, правда?

— Ага. Я знаю, какой стресс испытывают некоторые люди, — отвечаю я, подумав, что прекрасно представляю, что происходит с Джо.

— Эй, угадай что? — я попыталась сменить опасную тему. — Меня пригласили в женскую команду от нашего сообщества, для игры в хоккей на траве, которая состоится после ужина, — держа инструкцию в руках, говорю я.

Остаток ужина мы с Фредди изучаем правила игры в хоккей. Склонившись друг к другу, мы читаем справочник.

— Это похоже на футбол, только с использованием палок для перемещения мяча по

полю, и кроме того, ты выигрываешь только тогда, когда загоняешь мяч в шестнадцатую арку. Они называют это D или яркий круг, — изучая книгу, говорю я.

— Да, это как в хоккее на льду, там тоже есть грэйн офф, они называют их Хулиганями. Но самое классное это — девчонки в униформе на поле для хоккея, — самодовольно говорит Фредди.

Задохнувшись от возмущения, я протягиваю руку и шлепаю его по предплечью.

— А что, я ж парень! — ухмыляясь, заявляет он. — Можно я приду на поле, посмотреть на игру?

— Конечно, почему нет. Я не хочу отбирать у тебя возможность, посмотреть на девочек в коротких юбках, — говорю я. Кроме того, мне бы действительно хотелось, чтобы он был там, чтобы поддержать меня.

— Кстати, говоря о коротких юбках, я лучше пойду так, чтобы прямо сейчас встретиться со своими друзьями. Мои новые друзья, я думаю, просто удивительны!

— Если ты не против, мы можем встретиться здесь в семь часов утра, и вместе позавтракать? — спрашиваю я уже на выходе.

— Было б здорово, у меня испанский только в восемь часов, так что мы вполне можем встретиться, — счастливо говорит Фредди.

— Тогда встретимся позже, Фредди! — говорю я и бегу в свою комнату.

Я переодеваюсь у форму, которую одолжила мне Булочка.

У меня остались свои щитки, с того времени, как я играла в футбол, так что я кладу их рядом с бутсами и гольфами.

Девочки выходят из своей комнаты, и мы встречаемся в холле за углом.

— Я готова! — возбужденно кричу я.

— Хорошо, конфетка, у тебя получилась посмотреть справочник? — спрашивает меня Булочка, передавая мне палку для хоккея.

— Да, я и мой друг Фредди, изучали ее сегодня за ужином. Я думаю, что поняла суть игры. Возможно, мне понадобится время для того, чтобы привыкнуть отбивать мяч палкой, — отвечаю я, беру палку в руки, чтобы ощутить ее вес.

— Не волнуйся, Эви, мы и не ждем, что ты станешь звездой. Мы делаем это просто для удовольствия и потому, что парни смотрят на нас пуская слюни, — заговорщически шепчет Брауни.

— Это правда, — соглашается Булочка. — А почему нет? Эти костюмы действительно горячие.

— Ладно, ладно... только ради веселья, да? — глубоко вздохнув, соглашаюсь я. — Думаю, что смогу сделать это.

Мы почти достигли поля, когда в моем желудке что-то екает. Скорее всего, я просто волнуюсь.

— О, смотри, — говорит Булочка, показывая в направлении поля. — Команда по лакроссу тоже тренируется! Ты видела Джей Ти? В этом году он шикарно выглядит! Наверное, он тренировался все лето.

Брауни робко улыбается мне.

— Рид тоже выглядит очень аппетитно, но это естественно, — наблюдает Булочка. — Жаль, что он слишком серьезен. Он очень сладкий, но серьезный. Какая потеря.

Даже за милню, и в надетом шлеме, я узнаю Рида. Хищная грация движений, выдает его с головой.

— Кто-то должен развеселить его, — добавляет Брауни.

Булочка забавно морщится и размахивает руками, будто стирая последний комментарий Брауни.

— Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на это. Я не потрачу ни минуты своего времени на таких парней, — говорит она.

Чтобы подтвердить свою точку зрения, она бежит к полю и делает колесо, приземляясь на ноги. Разминая руки, она бьет по мячу, оставленному кем-то с тренировки.

Я была так поражена, что начала аплодировать. Булочка мило улыбается и делает реверанс.

— Булочка, хватит, пойдем, — дразнит Брауни, — пойдем, встретимся со всей командой.

Девушка представляет мне высокую красивую девушку по имени Венди.

— Но Венди не единственная, мы зовем ее Виза. Это Эви, — Виза доброжелательно улыбается мне.

— А это Бет, но мы зовем ее Бетс.

— А кто-нибудь здесь пользуется своим настоящим именем? — смеясь, спрашиваю я.

— Нет, разве, это не было бы скучным? — смеется Булочка и продолжает представлять мне остальную команду.

Многие девочки были дружелюбны, кроме девочки по имени Тамара, которая смотрела на меня слишком высокомерно.

— Ты играла в хоккей на траве? — спрашивает меня Тамара с явным неодобрением в голосе.

Она опирается на палку, похлопывая себя по бедру, стоя в надменной позе.

Вся ее поза вызывает во мне желание сбить ее с ног и как следует пнуть.

— Ну, нет... но я играла в футбол, — нерешительно отвечаю я, с трудом сохраняя свой тон спокойным.

Тамара в ответ насмешливо фыркает.

Брауни морщит нос и говорит: — Давайте разминаться, пока Тамара ворчит.

Брауни медленно начинает. Она тратит несколько минут на то, чтобы показать мне, как правильно держать палку, а потом показывает мне простые движения, чтобы отбить мяч.

Я удивляюсь своей способности использовать палку, с учетом того, что никогда раньше не играла, но кажется, эти навыки усваиваются мной естественным образом.

Когда упражнения получаются уже достаточно хорошо, Брауни делит нас на две команды, чтобы сыграть в товарищеский матч.

Булочка берет меня в свою команду.

На другом конце поля Булочка дает инструкции, — Эви, я хочу чтобы ты играла за нападающего.

Брауни и я получаем мяч.

— Ты двигаешься к полю D. Если Тамара будет играть за защитника, подойди к ней с левой стороны, потому что ты еще пока новичок, с другой стороны к ней не подойти просто так.

Я киваю, и мы расходимся.

Я подбегаю к Булочке, она делает сквош и мяч приближается к полю D.

Девочки перекидывают друг другу мяч, и когда Брауни смотрит на меня, я кладу свою палку, чтобы отбить подачу. Она бросает мяч мне, и я перепасовываю его таким образом,

чтобы приблизиться к цели. Так как я претворяюсь, что иду влево, Тамара защищает внутреннюю сторону D, но в последний момент я изменяю направление и бегу прямо. Маневрируя мимо Тамары, я сгибаю левую ногу и делаю выпад, замахиваясь палкой. Бью по мечу, и он влетает прямо в ворота.

— Я открыла счет! — восторженно кричу я.

С левой стороны поля раздаются восторженные аплодисменты и свист. Рассел и несколько его товарищей стоят в стороне и наблюдают за разминкой. Я краснею, когда вижу, что он наблюдает за мной.

Такая же буря эмоций бушевала с правой стороны поля.

Мои щеки становятся пунцовыми, когда я понимаю, что вся команда по лакроссу наблюдает за нами. Я вижу Рида — тот стоит, держа в руках палку для лакросса, и смотрит на меня. Когда Рид находится так близко, у меня в животе порхают бабочки, и я даже не замечаю, как иду к нему.

Брауни и Булочка встают по обе стороны от меня и не дают мне подойти к Риду, затянув меня в коллективные объятия.

— Ты сделала это, детка! — кричит Булочка. — Я знала, что ты справишься! Я говорила тебе, Брауни, что она будет хороша? Я предлагаю заключить сделку: как насчет уборки комнаты в течении месяца?

Брауни усмехается.

— Я бы никогда не поставила на это, Булочка! У меня было много игр, подобно этой, — она с улыбкой смотрит на меня. — Ладно, у нас есть время еще для пары таймов. Давайте посмотрим, сможем ли мы забить еще один гол, это не должно быть слишком сложным, так как Тамара все еще злиться.

Мы идем обратно, и я стараюсь игнорировать растущую вокруг толпу.

Брауни снова дала занять мне позицию атакующего. Я передвигаюсь по полю, когда наши защитники из-за своей обиды, не смогли взять мяч. Брауни посылает мяч у меня над головой, когда защитник бросает ей вызов. Видя, что Булочка передо мной открыта, я бросаю мяч ей.

Мы вместе движемся в зону D, я забираю мяч у Булочки и передаю его обратно, чтобы защитить от другой команды. Когда Булочка занимает позицию у ворот, я ускоряюсь, чтобы обойти Тамару, которой было трудно заблокировать меня. Найдя нужный угол, чтобы получить мяч от Булочки, я сгибаю колени и замахиваюсь палкой. Ударяя по мячу, направляю его в сторону Булочки. Это последнее, что я вижу, перед тем как чувствую сильную боль в ноге — Тамара палкой врезала по моей коленке.

Моя коленка взрывается болью, сгибаясь. Хватаясь за ногу, я падаю на землю и корчусь от боли. Прикоснувшись дрожащими руками к своей коленной чашечке, я обнаруживаю, что она не такая твердая, как должна быть. На меня волнами накатывает тошнота, и я пытаюсь сконцентрироваться на чем-нибудь другом, чтобы меня не стошнило прямо на поле.

— Женестьева, — раздается шепот у меня над ухом, — позволь мне посмотреть насколько все плохо.

Даже с закрытыми глазами, я мгновенно узнаю этот голос. Это Рид.

Недолго думая, я протягиваю к нему руки, подавив желание задушить его, я негромко стону от боли. Я кладу голову ему на плечо, пока он тихо говорит мне, — Ш-ш-ш, все хорошо... Все будет в порядке. Я собираюсь прикоснуться к твоей ноге, так что постарайся не двигаться.

Очень нежно он берет в руки мою ногу и осторожно ощупывает ее, оценивая ушиб.

Я шиплю, когда он касается коленной чашечки, и мой мозг пронзает жгучая боль. Моя голова кружится, пока Рид осторожно ощупывает то, что осталось от моего колена.

— Эви, ты в порядке? — спрашивает Рассел, присаживаясь рядом со мной, по другую сторону от Рида так, что я оказываюсь зажатой между ними.

Открыв глаза, чтобы посмотреть на Рассела, я замечаю выражения лица Рида. Рид слегка качает головой.

Нахмурившись, Рид говорит: — Я думаю, что это просто ушиб, но на всякий случай я отвезу ее в больницу на рентген.

Не дожидаясь разрешения, он, словно пушинку, будто я ничего не вешу, поднимает меня с земли и шагает к дому.

Я не знаю, что делать. Из-за дикой боли, я не могу здраво мыслить. Единственное, чего я сейчас хочу, это положить голову на грудь Рида.

Рассел окликает нас и говорит:

— Подожди, она ни куда с тобой не пойдет.

Быстро догнав нас, Рассел идет рядом с нами в то время, как мы продолжаем идти к стоянке возле дома.

— Расслабься, Рассел, я просто хочу отвести ее к врачу. С ней все будет хорошо, — не замедляя шага, отвечает Рид.

— Последнее, что мне сейчас нужно, это расслабиться. Отдай мне Эви, и я отвезу ее в больницу, — говорит Рассел, когда мы выходим на стоянку.

— Да неужели, разве твоя машина здесь? — многозначительно выдержав небольшую паузу, спрашивает Рид, посмотрев на Рассела.

Нахмурившись, Рассел признает: — Ну... нет...

Когда Рид продолжает идти со мной на руках, он замолкает.

— Тогда как ты собираешься доставить ее туда, по воздуху? — грубо говорит Рид, отталкивая его.

— Я могу взять одну из этих машин, — отвечает Рассел, легко нас догнав.

— Но моя машина здесь, — многозначительно говорит Рид, остановившись возле гладкой, сексуальной, спортивной серебристой машины, у которой несомненно был европейский дизайн.

— Отлично, я еду с вами, — говорит Рассел, следуя за нами к пассажирской стороне автомобиля.

— Извини, Рассел, но моя машина рассчитана только на двух пассажиров. Похоже, ты остаешься здесь, — самодовольно заявляет Рид.

Открыв дверцу с пассажирской стороны, Рид аккуратно сажает меня внутрь. Когда он тянется к ремню безопасности, наши взгляды встречаются.

Должно быть он увидел отражающуюся в них боль, потому что, пред тем, как закрыть дверцу, он потянулся и погладил меня по голове.

В его машине мне было так спокойно, пока Рид и Рассел ругались, стоя возле машины, но сквозь лобовое стекло ничего не было слышно.

Я наклоняюсь назад и с трудом сглатываю, стараясь не выглядеть больной, сидя в красивой машине Рида.

Прошло всего несколько секунд, прежде чем Рассел начинает дико жестикулировать, показывая на машину, а затем показывая на Рида.

Рид стоит абсолютно спокойно, никак не реагируя на аргументы Рассела. Судя по выражению лица Рассела, о чем бы он не говорил, он не собирается успокаиваться. Но через несколько мгновений, Рассел меняет свою стратегию и подходит к моей двери. Посмотрев сквозь закрытое окно, выражение лица Рассела меняется, с гневного на расстроенное. Отдернув руку от дверцы автомобиля, он начинает медленно отходить от нее. Сузив глаза, я смотрю на Рида, мгновенно понимая, что только что произошло — Рид использовал свой гневный голос, чтобы заставить Рассела уйти.

Если бы я могла ходить, то вышла бы из машины и пошла за Расселом. Но я не могу даже поднять ногу, не испытывая адской боли. Так что пришлось сидеть и смотреть, как Рассел уходит, оставляя меня с Ридом.

Глава 6

Обещание

Когда Рид садиться в машину и начинает двигаться, я спрашиваю у него: — Обязательно было проделывать этот трюк с голосом на Расселе? — мой голос звучит слабо и напряженно, и пока я говорю, то стараюсь не скрежетать зубами от боли.

Мое колено так сильно ноет, что я снова откидываюсь на спинку сидения.

— Делать что? — невинным голосом спрашивает парень.

Он выехал со стоянки, направляясь в сторону главной улицы.

Подвеска машины была настолько мягкой, что когда мы проезжали по неровному участку дороги, я практически не ощутила тряски.

— Ты знаешь, о чем я говорю, Рид, — сквозь стиснутые зубы говорю я. — Ты использовал на нем свой гипнотизирующий голос. Это ведь не поджаривает его мозг или что-то в этом роде? — спрашиваю я, беспокоясь о Расселе.

— Нет, — неохотно отвечает Рид, — Это не поджарит его мозги. На самом деле, на нем это не срабатывает, как должно бы.

— Что это значит? — спрашиваю я, но Рид не уточняет, поэтому я должна была додумать сама.

— Что ты имеешь виду, что это не работает на Расселе так, как нужно, потому что он знает, кто я на самом деле? — с сарказмом снова спрашиваю я.

Рид мельком бросает взгляд на меня, потом снова переключает свое внимание на дорогу и произносит: — Да, именно это я и имею в виду, Женевьева.

— Ты в курсе, что это был не совсем правильный поступок? Мне потребовалось время, чтобы убедить Рассела в том, что мы действительно встречаемся.

Говорю я, глядя на Рида и видя его ухмылку.

Раздосадованная, я добавляю: — Как работает твой трюк с голосом? Ты используешь специальную технологию или что-то тип гипноза? — спрашиваю я, с трудом отвлекая себя от боли.

— Я всегда умел делать так. Это не специальные технологии, — кратко отвечает Рид.

Я закатываю глаза.

— Ой, да ладно, ты мог манипулировать людьми с помощью голоса, даже когда был ребенком?

— Должно быть, было не комфортно из-за твоей матери, — сухо говорю я, стараясь не двигать ногой.

Это не помогает, потому что из-за травмы меня начинает трясти.

— Моя мать... почему это должно быть не комфортно для нее? — с намеком на улыбку, спрашивает он.

Рид смотрит на меня, и его улыбка исчезает.

— Как ты себя чувствуешь? Тебе лучше? — с заботой во взгляде говорит он.

— Ты ведь имеешь в виду не мое колено? — переспрашиваю я.

— Нет, оно болит так, словно его раздробили на миллион кусочков.

— Это ведь нечто большее, чем просто синяки? — спрашиваю я, уже зная ответ.

— Да, эта девушка сильно повредила твое колено. Не думаю, что та девушка ослабила свой удар, когда била своей палкой. Это выглядело так, будто она сделала это намеренно.

Что ты ей сделала? — спрашивает Рид, выглядя так, словно это он виноват в том, что она напала на меня.

Я недоверчиво вскидываю брови.

— Я? Я ничего ей не делала. Почему ты думаешь, что это я виновата в том, что она разбила мне колено? — говорю я, обидевшись на его высказывание.

Он игнорирует мое возмущение и говорит: — Я рад, что ты пошла со мной, когда я сказал, что это всего лишь ушиб. Было бы сложно объяснить то, почему завтра у тебя не останется даже синяка, не говоря уж о том, что ты сможешь ходить с поврежденной ногой. Надень какие-нибудь брюки или джинсы. У тебя ведь есть они? — спрашивает он.

Я смотрю на него так, словно парень сумасшедший, потому что он добавляет:

— Я спросил это потому, что видел на тебе всегда только короткие юбки. Может, можно использовать бинт, который у меня есть, чтобы замотать колено. Ты должна проходить в нем, не меньше пары дней.

— О чем ты говоришь, Рид? Я буду в гипсе как минимум месяц, и все из-за Тамары! — со злостью выкрикиваю я. — Надеюсь, что я не пропущу завтрашнее занятия. Если я из-за этого...

— Женевьева, завтра утром, уже все будет в порядке, — уверенно говорит Рид.

Я отвлекаюсь на его идеальные губы, потому что он пытается сдержать улыбку.

Интересно, все психи такие красивые?

— И как такое возможно, Рид? — саркастически говорю я ему. — За ночь у меня просто вырастут новые кости? Ты же сам сказал, что это не просто ушиб.

— Да, — спокойно отвечает молодой человек.

— Ок... я не знала, что села в автобус для сумасшедших. Если ты будешь так любезен и высадишь меня у ближайшей больницы, я просто уйду. Я уверена, что смогу найти кого-нибудь, чтобы забрали меня отсюда. Холод должен мне помочь, но... — я останавливаюсь, когда вижу, как он улыбается, словно я только что пошутила.

— Женевьева, ты исцелишься, как только пожелаешь этого. Поверь мне, — говорит он, пока мы едем по городу.

— Поверить тебе? А не поэтому ли сегодня утром ты пытался выгнать меня из города? — говорю я, скрестив руки на груди и хмуро посмотрев на него.

Рид рассмеялся над моим сарказмом. Наблюдая за ним, я хочу протянуть руку и прикоснуться к нему, такое желание у меня возникло, когда я только села в машину, я хочу снова положить голову на его плечо. Я должна злиться, потому что уже начинаю доверять ему, что совершенно абсурдно, учитывая наши прошлые стечения обстоятельств.

— Почему ты думаешь, что я смогу в короткое время исцелить свое колено? Я что-то вроде мутанта? — спрашиваю я, уже не уверенная в том, что Рид не сошел с ума.

Я украдкой смотрю на свой палец, который недавно поранила, и на котором не осталось и следа от ранения.

Рид не отвечает мне, вывернув на шоссе. В поле зрения появляется дом, я не уверена, что там, но по виду тот жилой.

Дом больше похож на старую усадьбу, которая была отлично восстановлена. Строение выглядит элегантно и величественно. «Не удивлюсь, если на двери нас встретит голова льва», — думаю я, пока разглядываю дом.

— Это твой дом? — благоговейно спрашиваю я Рида.

— Да, — произносит он, заезжая на подъездную дорожку и останавливаясь перед

великолепными деревянными дверями.

Также я замечаю, что парень не сказал, что это дом его родителей, складывается впечатление, что это его собственность.

— Ты живешь здесь один? — снова спрашиваю я. Это действительно огромный дом, может быть, с ним живет его школьный товарищ?

— У меня есть повар по имени Андрэ и экономка Грэта, которые живут в гостевом домике, а так, я живу здесь один, — отвечает он.

Выключив двигатель, он выходит из машины и подходит к моей дверце.

Рид молча отстегивает мой ремень безопасности. Против моей воли, в моем животе снова запорхали бабочки, и я была благодарна боли в колене за то, что та отвлекла меня.

— Я собираюсь подsunуть руку тебе под спину, чтобы не задеть твоё колено, и поднять тебя, — говорит Рид.

Я киваю, чувствуя, как краснеет мое лицо.

— Обними меня за плечи, — говорит Рид, нагнувшись к машине и поднимая меня.

От движения, по моему колену проходит острая боль. Я кладу голову ему на плечо, как хотела сделать, когда мы ехали в машине.

«Ты даже не нравишься ему», — ругала себя я. — «Злость... ты должна продолжать злиться».

Пока Рид несет меня к дому, мой взгляд пропутешествует по его машине.

— Что это за модель машины? — язвительно спрашиваю я.

— Ауди R-8, нравится? — с улыбкой в голосе, интересуется он.

— Мне просто интересно, почему тот, кто живет в Мичигане, ездит на машине, сделанной в Дэтройте, — говорю я.

— Женевьева, это не машина, а передвижное произведение искусства. Если это тебя утешит, то у меня несколько автомобилей, которые сделаны в Дэтройте. Если захочешь, то позже, можешь посмотреть на них, — отвечает он.

— О, — выдыхаю я, не способная ответить что-то другое. — Я подумаю об этом позже, если будет время.

Дверь оказывается не заперта, и я делаю глубокий вдох, когда мы заходим в дом. Я представляла, что Рид был типичным холостяком, со старой софой, наверняка доставшейся ему от родителей и кофейным столиком с выцветшей столешницей. Но все выглядит так, будто дом Рида обставлял дизайнер. Весь дом современный и высокотехнологичный, но него не веет холодом и заброшенностью, который ассоциируется со старыми зданиями.

Слева, стояло зеркало в котором отражается столовая. Перед нами находится широкая лестница, ведущая на второй этаж. Обходя лестницу, мы идем по длинному коридору, который ведет нас с Ридом в глубь дома. Быстро пройдя, как мне кажется, мимо ванной и бильярдной комнат, мы поворачиваем налево и проходим к комнате, которая может быть ошибочно принята за библиотеку.

Рид опускается на кожаный диван, стоящий в центре комнаты, и я без зазрения совести снова разглядываю его профиль, пока он осматривает мое колено. Я стараюсь не ёжится от его нежного прикосновения. Кажется, мое пострадавшее колено увеличилось в два раза и приобрело синий цвет.

— Это исцелится, — уверяет меня Рид.

— А по виду не скажешь, выглядит гораздо сложнее.

— Я хочу, чтобы ты выпрямила свою ногу, но держала ее немного согнутой.

Парень кладет мою ногу на диван.

— Мы должны слегка ее приподнять, — говорит он и подкладывает под мою ногу одну из украшавших софу подушек.

— Я принесу немного льда, чтобы сбить отек, но ты должна принять обезболивающие.

— Колено так опухло, может у тебя есть морфий или что-то вроде этого, было бы просто замечательно? — шутливо спрашиваю я.

Рид подходит к бару, находящимся в задней части зала, и берет графин с темной жидкостью.

Он наливает жидкость в два стакана и направляется обратно к дивану.

— Это не морфий, но должно притупить острую боль в твоем колене, — говорит Рид.

Он протягивает мне бокал, как я полагаю с бренди, но я не уверена в этом, поэтому спрашиваю:

— Это бренди?

— Это коньяк, — наблюдая за мной, говорит он.

— О, а есть разница? — с любопытством спрашиваю я.

— Да, — с небольшой улыбкой отвечает Рид, — Пей.

— Ты ведь понимаешь, что давая мне это, ты нарушаешь закон? — спрашиваю я, наблюдая, как жидкость стекает по стакану словно слеза.

— Что ж, я улажу проблемы с властями, потому что у меня нет морфия, — с усмешкой говорит Рид.

— Пей, Женестьева, тебе станет легче.

— Рид, ты шутишь! Должно быть, я действительно умираю, раз ты насмехаешься надо мной, — говорю я, нюхая жидкость, которая пахнет одновременно и сладко, и опьяняюще.

Я делаю небольшой глоток, чувствуя, как жидкость обжигает горло. И немедленно начинаю кашлять, но иначе я бы не почувствовала вкус коньяка.

— Ммм... коньяк... Мне нравится, — с небольшой хрипотцой в голосе, говорю я.

Рид кивает мне.

— Я принесу немного льда и вернусь.

Рид обходит меня, и у меня появляется шанс оглядеться. Если бы я была архитектором, то эта комната была бы моей мечтой. По всей комнате от пола до потолка стоят книжные полки, между которых находятся окна.

На втором уровне находится галерея, огороженная изящным кованым ограждением, заканчивающимся спиральной лестницей в углу комнаты. Я хочу встать с дивана и рассмотреть удивительные книги, хранящиеся на полках. Вдоль одной из стен, простирается камин. По комнате расположены несколько удобных кресел. Еще там стоит изысканный письменный стол. По всей библиотеке, куда бы не падал мой взгляд, расставлены произведения искусства. Я смотрю на редчайшую красоту.

Осматриваясь вокруг — на прекрасные ковры и скульптуры, украшающие столешницы — я начинаю кое-что понимать.

В комнате нет никаких личных вещей, фотографий, которые бы говорили: «Это моя семья, я так горжусь ими» или «Это я на Эйфелевой башне», или «Поверите ли вы в то, что я покорил Эверест, только с помощью двадцати шерпов?», или «Эта фото моей подруги. Она такая горячая».

Сделав еще один глоток напитка, я думаю, что это странно, так как в моей маленькой комнате в общежитии, у меня стоит фото дяди Джима и меня, а так же меня с моей лучшей

подругой Молли и ее братом, и некоторыми моими одноклассниками из старшей школы, с которыми я была близка.

Я сразу поняла, что Рид возвращается, так как порхание бабочек в моем животе усилилось.

Повернувшись к нему, я насмешливо говорю: — Ха, прибыл мой лед. Это заняло время! В наши дни так трудно найти хороших помощников.

— Ты в моей команде, — входя в комнату, говорит Рид, направляясь к дивану.

Он аккуратно кладет небольшой пакет со льдом на мое колено. Затем подходит к стулу, на спинке которого висит одеяло. Взяв его, он приносит его мне и укрывает мои ноги.

— Спасибо, — удивленно говорю я. — Мне нравится эта комната.

Я смотрю на него, Рид сидит в кресле рядом с софой. Он до сих пор одет в свою форму по лакроссу. Его наряд ни как не соответствует этой комнате и тому, что он пьет коньяк из тонкого бокала. Этот факт немного отвлекает меня, поэтому мне необходимо некоторое время для того, чтобы продолжить.

— Я просто подумал, что если смогу создать для себя идеальное пространство, так будет удобней. Перед своей кончиной, я увижу книжные полки...

— Мне вот интересно, какие книги ты предпочитаешь: фантастику, классику... или, может быть, ты предпочитаешь... поэзию?

— Я? Поэзию? — насмешливым тоном переспрашивает Рид, на его идеальном лице выгнута бровь. — Ну, об этом, ты сможешь узнать попозже, после того, как твое колено придет в норму, и ты сможешь пойти и посмотреть на себя. Я не хочу портить тебе впечатление.

Я игнорирую его утверждение о том, что мое колено вскоре придет в норму.

— Разве это не сорвется с крючка? — бормочу я, делая еще один глоток коньяка.

— Я удивился, увидев тебя сегодня на домашнем поле, — говорит Рид. — Не знал, что ты играешь в хоккей на траве.

— Ну, я... то есть... я и не играла до сегодняшнего дня. Девочки из моего общежития попросили меня прийти сегодня и посмотреть, смогла бы я присоединиться к команде. Это звучало забавно, поэтому я и пошла. Наверное, я должна была подумать о том, чтобы надеть вместе с формой наколенники, но я и не думала, что здесь будет воображаемый НХЛ, — оправдываюсь я.

— Кто из твоих друзей, попросил тебя присоединиться к ним? — потягивая из своего стакана, спрашивает Рид.

— Булочка и Брауни. Они живут на моем этаже. Думаю, что на самом деле их зовут Кристин и Кели, но здесь, кажется, никто не использует настоящие имена, — улыбаюсь я.

— Я знаком с Кристин и Кели. Я просто удивляюсь, почему неприятности находят тебя так быстро, — многозначительно посмотрев на меня, говорит он.

— Мое колено было в порядке, — начала я, но Рид меня обрывает.

— Я не имел в виду тренировки по хоккею. Я имею в виду твоих друзей. Они ненадежны. Не думаю, что ты могла найти двух более ненормальных девушек, если только ты их не рекламируешь, — заявляет он так категорично, словно не одобряет выбор моих друзей.

— Знаю, но разве они не веселые? — шучу я, безоговорочно соглашаясь с его заявлением. — Я намерена проводить с ними как можно больше времени.

— Почему ты не услышала, когда я сказал тебе про неприятности? — с раздражением в

тоне, спрашивает он.

— Да, я поняла, что ты имел в виду. Но это всего лишь игра, это просто неприятности, они не опасны. Я знаю разницу. Мы просто собирались немного встряхнуться и поиграть. Я могла бы просто получить пару штрафов из-за того, что сказала «принеси», что мне терять? — многозначительно спрашиваю я его, дерзко не соглашаясь с ним.

— Например, твою стипендию, — спокойно отвечает он. — Если ты переступишь черту, то легко потеряешь ее.

— Может быть, но ты не знаешь, что я чувствовала совсем недавно, — тихо говорю я, рассматривая жидкость в своем стакане, так, словно ничего не замечаю.

— Что ты имеешь в виду? Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он, склоняясь вперед, так, словно его заботит мой ответ.

Я колеблюсь. Сегодня Рид помог мне на поле, но я не знаю его истинные мотивы.

Что означает наше примирение? Могли ли мы на самом деле подружиться?

Может быть, мы сможем понять друг друга, если между нами будет хоть какая-то честность.

Думая об этом, я говорю:

— Я в отчаянии, словно бегу вне времени, но это еще хуже, чем... это больше похоже на то, словно я бегу по воздуху. Девочки отвлекают меня от этого, так что я буду общаться с ними, — демонстративно говорю я. — Я чувствую, что нахожусь на грани чего-то огромного... чего-то монументального, но я не понимаю что это такое, что это для меня значит, или что я должна делать. Это всего лишь мои догадки, словно я поймана в ловушку, из которой нет выхода.

Я опускаю взгляд, потому что чувствую полное опустошение. Смотрю, как плещется жидкость в моем стакане, она движется все медленнее, а затем совсем останавливается.

Снова посмотрев на Рида, я вижу, как он за мной наблюдает. Чувствуя, что слишком многое ему рассказала, я в один поток осушаю стакан. Когда я допиваю, то чувствую, как алкоголь обжигает мои внутренности, я вижу как Рид берет мой стакан и заменяет стаканом с водой. Взяв его и быстро выпив воду, я пытаюсь снова восстановить дыхание.

— Я хотел сказать, что ты могла бы найти друзей, которые действительно заинтересованы в учебе, — садясь обратно на кресло, говорит Рид.

— У меня есть и другие друзья, — вздыхаю я. — Фредди и Рассел; по крайней мере. Рассел у меня был до тех пор, пока ты не проделал фокус со своим голосом. Пожалуйста, может хватит к нему придирааться? Он здесь только для того, чтобы учиться и играть в футбол. Он не имеет ничего общего с тем, что происходит между тобой и мной.

— Ты думаешь, что он здесь... чтобы играть в футбол? — медленно спрашивает Рид меня.

Я хмурюсь и киваю ему.

— Женевьева, какая же ты наивная. Рассел здесь по одной причине, и только по одной. Он здесь, потому что ты перенесла его сюда, — встав с кресла и расхаживая по комнате, взволновано говорит он.

— О чем ты говоришь? Я встретила Рассела только вчера. Он был здесь все лето, тренируясь в футбольном лагере, так как я могла перенести его сюда? — не понимая, спрашиваю его я.

— Действительно, как? — угрюмо говорит Рид, играя с мраморной статуэткой, стоящей на столе.

— Рид, то, что ты говоришь, не имеет ни какого смысла. Я, должно быть... не знаю... как магнит для Рассела, то, что ты говоришь, должно иметь какой-то смысл... — начинаю рассуждать я, но останавливаюсь, когда слышу грохот оттуда, где стоит Рид.

Моргнув, я вижу в руке Рида мраморную крошку.

Молча парень начинает убирать то, что ранее было изящной статуей ангела, а теперь напоминало лишь осколки.

— Рид, люди не обладают такой силой, — говорю я, указывая на осколки в его руке.

Меня захлестывает страх, вынуждая говорить осторожнее.

— Ты очень проникательна, Женевьева, — спокойно отзывается Рид, по пути выбрасывая остатки статуэтки в мусорное ведро и отряхивая руки.

— Она была дорогой, — робко говорю я, с трудом оставаясь спокойной.

— Наверное, — не глядя на меня отвечает он.

— Теперь это пыль, — многозначительно говорю я снова.

— Так... — я перевожу разговор на безопасную тему, — ты думаешь, завтра будет дождь?

Посмотрев на меня как на сумасшедшую, Рид спрашивает: — Мы сейчас будем говорить о погоде? До этого момента, ты была достаточно смелой. Зачем теперь скрываться?

— О, извини, Рид, — с раздражением говорю я. — Я просто ищу безопасную тему для разговора, просто я не знаю, как поступать, когда узнаю, что и у Красной Шапочки, и у бабушки острые зубы, — отвечаю я. — Ты должен признать, что несколько схематичен с информацией. Словно ты играешь со мной... — из-за кома, образовавшимся в моем горле, я не могу продолжить.

Отпив немного воды, я добавляю: — И я устала Рид... Я так устала бояться.

Рид молчал в течении долгого времени, а затем мягко произнес: — Я открою тебе маленький секрет: тут нет загадок — ты и есть загадка.

Он подходит к софе, садиться у моих ног и смотрит прямо на меня.

— Помнишь, когда сегодня утром мы говорили, и ты назвала себя маленькой рыбкой, а меня назвала большой рыбой — это описание было не совсем точным.

— Не было? — переспрашиваю я, чувствуя, как на затылке волосы встают дыбом.

— Нет. Для меня более точным описание было бы — акула, — наблюдая за мной, говорит он.

— Я вижу, что это было глупо с моей стороны, — поникнув, отвечаю я.

Мои губы пересыхают, поэтому я делаю глоток воды, которую Рид подал мне. Я ждала, что меня поглотит страх, потому что это нормальная реакция человека, при встрече с хищником. Но вместо страха я чувствую нечто другое, и это шокирует меня.

Я чувствую себя обманутой: — Так зачем все это? — спрашиваю я, лежа на диване, укрытая пледом. — Почему ты помог мне сегодня?

— Ты имеешь в виду почему не напал, если я акула? — с непроницаемым лицом переспрашивает он.

Отбросив одеяло и открывая мое колено, он берет лед. Рид не смотрит на меня, когда я спрашиваю: — Ты пытаешься решить, что теперь со мной делать, не так ли? Ну, так что ты решил? Что я проблема, которую необходимо ликвидировать?

Он нежно касается моего колена, но я отказываюсь смотреть на него, фокусируясь на ноге.

Рид хмурится.

— Если бы я решил, что тебя необходимо устранить, то тебя бы уже не было, — кратко говорит он.

Посмотрев на него, я понимаю, что он говорит правду. Я представляю для него какую-то угрозу. Рид остерегается меня, и я чувствую, как у меня появляется желание успокоить его, пообещав, что я не причиню ему вреда.

— Так что, прямо сейчас, надо мной не висит угроза ликвидации? — осторожно говорю я, не способная произнести слово «убийство».

— Нет, пока нет, — категорично говорит он.

Взгляд его зеленых глаз задерживается на мне, и я думаю, что они так похожи на кошачьи. При этом освещении, они имеют глубокий цвет нефрита.

— Но... — начинаю я, переваривая его слова, — ты можешь представить себе ситуацию, в которой было бы необходимо мое устранение? — спрашиваю его я. Я пыталась сохранить бдительность и не податься его сексуальности.

Я должна узнать у него кое-какую информацию.

— Да, — без колебаний признается он.

Мой разум нашёптывает мне: — «Должно быть, я какой-то монстр, потому что он даже не задумывается над ответом».

Поколебавшись, я говорю: — Но ты до сих пор этого не сделал, отсюда следует, что у тебя есть план, при котором мое уничтожение не понадобится.

«Пожалуйста, скажи да, пожалуйста, скажи да, пожалуйста, скажи да», — про себя молю я.

Мое сердце грохочет о грудную клетку, пока я жду его ответа.

— Да, — мягко говорит он, и я чувствую такое облегчение, что могу думать только о выдохе.

— Это хорошо, значит есть хоть один шанс для моего спасения, — задумавшись, говорю я.

Я до боли закусываю губу. В мою голову приходит идея, и я озвучиваю ее прежде, чем обдумываю.

— Если ты должен убить меня, значит, тебе это нравится.

Рид все еще осматривает мое колено, а я жду ответ на мой вопрос. Он молчал, выражение его лица было напряженным... страдальческим.

— Нет, — хмурясь, сознается он, — я не хочу причинять тебе боль.

— Хорошо, — выдыхаю я.

После его ответа я чувствую себя лучше, но было то, в чем я с ним согласна. Я не знала, как спросить его об этом. В моем разуме такой шум, что вслух это прозвучит еще хуже.

Запинаясь, я тихо спрашиваю: — Если выяснится, что минусов окажется больше, чем плюсов и... и будет необходимо... устранить меня... у меня есть последняя просьба.

Рид снова садиться рядом со мной, но не отвечает, поэтому я продолжаю.

— Моя последняя просьба заключается вот в чем: пусть дядя Джим узнает, что я ушла. Я не говорю, что именно ты должен сказать ему об этом. Я имею ввиду, пусть он как-то узнает, что я умерла, чтобы он не тратил всю свою жизнь на мои поиски. Я не хочу для него этого. Он был очень добр ко мне, так что сможешь ли ты сделать это для меня... пожалуйста?

Мне нужно, чтобы Рид пообещал мне это.

Мне нужно это как воздух. Если он скажет да — тогда все будет в порядке, тогда я

справлюсь со всем, чтобы со мной не произошло.

— Пожалуйста, пообещай мне, Рид, — шепчу я.

— Обещаю, — напряженно говорит Рид.

Теперь, Рид на меня не смотрит. Он стоит ко мне боком, а его челюсть напряжена. Протянув руку, я прикасаюсь к его лицу — я хочу сказать ему, что все будет хорошо, но знаю, что это будет смешно, учитывая все то, что он сказал ранее.

— Спасибо, — просто благодарю я.

Когда я кладу руку на его щеку, Рид закрывает глаза и расслабляется. Как я и ожидаю, его кожа ощущается теплой, словно грелка, и чем дольше я держу руку, тем больше начинаю беспокоиться.

У него лихорадка? Моя рука перемещается на его лоб. Я пытаюсь понять болен ли он. Кажется, он в норме, но его температура не нормальная. Рид улыбается, когда я придвигаюсь ближе к нему, исследуя рукой его лоб.

Он открывает глаза и убирает мою руку со своего лба.

К моему удивлению, Рид берет меня за запястье, подносит его к своим губам и нежно целует.

Затем он мягко опускает ее, все еще держа в своей руке.

— Я в порядке, как и ты, — говорит он, указывая другой рукой на мое колено, которое я подогнула, чтобы придвинуться ближе к нему.

Я игнорирую свое колено и говорю: — Но ты горячий...

— Спасибо, — поддразнивая, говорит он.

— Я не это имела в виду, — возражаю я.

— Я понял, что ты имела в виду. Давай попробуем поднять тебя на ноги, — предлагает Рид.

Он берет меня за вторую руку и помогает мне опереться на здоровую ногу. Я проверяю свое колено, чуть-чуть перенеся на него свой вес. Боли не было! Я еще немного переношу вес и еще немного, готовая отступить при малейшей боли. Но нога не болит, даже когда я полностью опираюсь на нее. Я пытаюсь сделать шаг. Рид отпускает мои руки, чтобы я могла свободно двигаться. Мое колено чувствуется немного жестче, но в остальном, все хорошо.

Рассматривая поверхность своего колена, я вижу небольшие изменения цвета над коленной чашечкой, но кроме этого, оно выглядит как новое. Чувствуя панику, я руками закрываю лицо, кажется, я — монстр! «Не паникуй здесь, ты можешь паниковать позже...»

Натянув на лицо фальшивую улыбку, я опускаю руки вниз, чтобы увидеть Рида, который стоит всего в паре шагов и смотрит на меня. Я пытаюсь придумать, что сказать, но единственное, что произношу: — Удивительно... Не могу дождаться, когда у меня появится третий глаз.

Не знаю, обманула ли я его, но он отвечает: — Думаю, у меня есть эластичный бинт. Пойду найду его, чтобы мы могли забинтовать колено. Пару дней, ты должна будешь похромать. Ты можешь сделать это? — спрашивает он меня.

— Конечно, — говорю я, подойдя к одной из книжных полок, находящихся у дальней стены.

Достав книгу с полки, я не могу прочесть название, так как мои глаза полны слез. Я стараюсь сдержать их, пока Рид не покинет комнату. Взявшись рукой за книжную полку, я сгибаюсь, прижимая к груди книгу в кожаном переплете. Из моих глаз текут слезы, но я их даже не вытираю. Я глубоко вздыхаю и беру эмоции под контроль, но знаю, что в этой

борьбе, любая мелочь может все разрушить. Чувствуя, что Рид подходит к библиотеке, я вытираю слезы и выпрямляюсь. Книга в моей руке трещит, но я не прочла не единого символа, потому что она была на китайском.

Увидев, как Рид входит в комнату, я стараюсь, чтоб все выглядело нормально.

— Что это? — держа книгу, спрашиваю я Рида, гордясь тем, что мой голос не скрипит или не хрипит.

— Это собрание сочинений Сунь-Цзы и Сунь Пин, — подходя ко мне, говорит Рид.

Я закрываю книгу и кладу ее обратно на полку. Подхожу к другой полке, находящейся дальше от Рида, все еще повернувшись к нему спиной. Выбрав маленькую, в коричневом кожаном переплете книгу, я читаю название — «Небо и земля» Лорд Байрон.

— У тебя довольно большая коллекция. Это первое издание? — в неверии спрашиваю я, пробегая пальцем по рельефной бумаге, я читаю содержание.

— Да, но мне не нравится играть, — говорит он.

«Здесь так много книг, которые я хочу прочитать, — думаю я, пробегая пальцем по корешкам. — Кого я обманываю, судя по тому, как обстоят мои дела, мне повезет, если я закончу первый курс».

В тот момент, в моей груди появляется небольшая знакомая боль. Обычно боль появляется, в тех редких случаях, когда я позволяю себе думать о моих родителях. Я признаю боль, как горе. К сожалению, думаю, что это никогда не изменится. С этого момента, я изменилась. У меня есть доказательство, теперь я не нормальная. Это действительность... Я так и вижу, как пытаюсь контролировать свои рукопожатия.

— Женевьева? — позади меня слышится голос Рида, но я долго не могу ответить ему.

Я перестаю контролировать свои эмоции, и из меня вырываются рыдания, но я не могу остановиться. В следующие мгновение, Рид поднимает меня на руки и несет на диван, на котором я провела большую часть времени. Он садится, продолжая держать меня на коленях, и я утыкаюсь ему в шею, продолжая бесконтрольно плакать. Пытаясь меня успокоить, Рид гладит меня по волосам.

Мы долго сидим вместе, пока я окончательно не затихаю. Пару раз, я пытаюсь слезть с колен Рида, пристыженная тем, что не могу контролировать свои эмоции. Но парень удерживает меня на месте и спрашивает: — Тебе лучше?

Я слабо киваю, но не отвечаю. Он вытягивает одеяло, которое я использовала ранее, чтобы вытереть мои слезы. Приобняв меня Рид выскользывает и встает передо мной на колени. Затем, берет бинт и начинает аккуратно забинтовывать мое колено, пока я безвольно сижу на софе. Когда он заканчивает, то заправляет концы в бинт, и молча садиться обратно.

— Почему ты не хочешь сказать мне, что происходит? — с мольбой в голосе говорю я. — Мне действительно нужно знать.

В его взгляде появляется нерешительность, и он спрашивает: — А что если я скажу, что идет война, и я солдат на этой войне?

Сузив глаза, я пытаюсь понять, о чем он говорит.

— Как солдат, я нахожу и уничтожаю врагов, — продолжает он, и я стараюсь не показывать ужас, который в меня вселяют его слова. — Но я нашел то, что никогда прежде не видел, что-то новое. Я не знаю, мой ли это враг, или это оружие моего врага, или... это мой союзник. Если это мой враг, и я помогу ему, тогда я стану предателем; но если это мой союзник, и я не смогу защитить его, то я... — он не закончил.

Словно в тумане, я думаю: «Война? Какая война? Его враг? Если у него есть враги, то значит, есть что-то более страшное, и, значит, он захочет уничтожить меня».

— Я должен вернуть тебя в твою комнату, ты выглядишь уставшей, Женевьева. Или ты хочешь спать здесь? У меня есть несколько комнат — ты можешь выбрать любую, — говорит Рид, но я качаю головой.

— Нет, пожалуйста, отвези меня в Йейтс, — хрипло прошу я.

Рид кивает и встает. Я беру его за руку и позволяю вывести меня из комнаты. Он выключает свет и теперь становится довольно темно. Когда мы подходим к его машине, он открывает мне дверь, и я забираюсь внутрь, но пока он закрывает мою дверь, я не смотрю на него. Когда он садится и заводит двигатель, я пристегиваюсь. Я молча сижу, глядя через окно на звездное небо, пока Рид везет меня обратно к кампусу. Я видела, как Рид изучает меня, но я не могу заставить себя посмотреть на него.

Когда мы подъехали к парковке рядом с Йейтс, Рид останавливает машину возле черного входа. Я пытаюсь открыть свою дверь, но она заблокирована, и я не могла понять, где кнопка разблокировки, чтобы выйти.

«Глупый современный автомобиль!» — злилась я.

— Женевьева, прежде чем ты уйдешь, я должен знать, что ты думаешь, — посмотрев на меня, говорит Рид, пока я вожусь с дверной ручкой, чтобы сбежать. — После того, как мы покинули мой дом, ты не произнесла ни слова, что кажется противоречит твоей природе.

— Это твой способ, сказать мне, что я слишком много говорю, Рид? — растеряно говорю я.

— Нет, я просто хотел бы узнать, что ты думаешь по этому поводу, — спокойно настаивает он, не двигаясь, чтобы позволить мне выйти из машины.

— Почему? Почему ты беспокоишься за меня? — подозрительно спрашиваю я, продолжая смотреть на кнопку блокировки.

Рид не отвечает мне.

Когда я не смогла найти кнопку, то говорю с растущим разочарованием: — Отлично! Я думала о том, что ты сказал ранее, о том, что это я ответственна за то, что Рассел здесь, что для Рассела, я словно магнит или что-то вроде этого.

Рид вздрагивает, когда я упоминаю Рассела, но я остаюсь невозмутимой, — Ну, я думаю, что если за его присутствие здесь отвечаю я, то может и, ха, за мое нахождение здесь, тоже кто-то отвечает.

— Что это значит? — медленно спрашивает он.

— Я не знаю, Рид, но когда ты рядом, у меня возникает странное ощущение легкости... здесь, — говорю я, указывая на свой живот. — Это, еще в сочетании с тем, что когда ты рядом, мне хочется наброситься на тебя, так что может быть, это ты вызвал меня! Теперь, пока я не сгорела от стыда, выпусти меня из машины, — требую я, снова потянув за ручку, словно она могла открыться по волшебству.

— Ты не можешь умереть от стыда, — с самодовольной улыбкой на губах, говорит он.

— Рид! — кричу я, слыша щелчок замка, и моментально вылетаю из машины.

Глава 7

История искусств

У меня не оказывается ключей от общежития. Я оставила все, что принесла с собой на тренировку, на поле. Обойдя вокруг общежития, я подхожу к главному входу и обнаруживаю там замок. Сейчас почти полночь, только сейчас я начинаю понимать, как долго я пробыла в доме Рида.

Встав напротив окна комнаты Булочка, я нахожу на земле несколько камушков, чтобы бросить в окно. Я чувствую облегчение, когда девушка подходит к окну после того, как я ударила в него галькой.

— Эви! — по девчачьи взвизгнула Булочка. — Не двигайся, дорогая, я сейчас спущусь.

Она исчезает в глубине комнаты, и проходит меньше минуты, прежде чем Булочка и Брауни показываются в дверях, выпустив их и заперев за ними дверь.

Прежде чем я успеваю сказать хоть слово, они заключают меня в коллективные обнимашки.

— Ты в порядке, милая? Мы так волновались за тебя. Как твое колено? Тамара выбыла из команды — она явно сделала это нарочно. Что сказал доктор? Ты сможешь ходить? Сможешь играть? — одновременно спрашивают Булочка и Брауни.

— Я в порядке. Просто должна сделать перерыв на день или два, и тогда колено будет как новенькое. Смотрите, я уже могу ходить, — говорю я, демонстрируя, будто хромаю, пока они продолжали меня обнимать.

— Когда смогу ходить, я буду все еще в команде, да? — с надеждой спрашиваю я.

Если я буду играть в хоккей, тогда это займет, по крайней мере, час в течении дня, тогда я смогу не думать о том, кто я или о том, что со мной будет.

— Ну конечно! Это так классно, что ты будешь в команде! В этом году мы разгромим Каррас, — восклицает Брауни, подпрыгивая. Ее светлые волосы сияют в лунном свете.

— Э-э, Брауни, мы разгромили Каррас в прошлом году, — забавляясь, говорит Булочка.

— Я знаю, но мы действительно, действительно уничтожим их в этом году! — кровожадно соглашается Брауни.

— Да, давайте, это звучит отлично! — говорю я, заразившись их энтузиазмом, но меня одолевает зевота.

Булочка замечает это, прежде чем я успеваю прикрыться рукой.

— Эви, извини меня! — с заботой говорит девушка. — Мы стоим здесь, посреди ночи, после того, как ты несколько часов провела в больнице, застряв там с Ридом. Он до последнего ждал тебя в зале ожидания? Я надеюсь, у них есть несколько модных книжных магазинов, — говорит она, отходя назад и открывая дверь ключом, взятым из-под камня за скамейкой.

— Ну, там, куда мы ездили, было много книг. Спасибо, — бормочу я, чувствуя небольшую вину, когда девочки встают по обе стороны от меня, чтобы помочь мне подняться по лестнице. Я быстро решаю, что вина предпочтительней для объяснения моих лечебных способностей.

Когда мы подходим к их комнате, я жду, пока Брауни зайдет в комнату и возьмет ключи и сумку.

Поблагодарив обеих девочек, я ковыляю в свою комнату, но Булочка останавливает

меня и говорит: — Кстати, Эви, в твоей комнате мы оставили кое-что для тебя. Дай нам знать, если не подойдет, — подмигивая, говорит она.

— Что это? — спрашиваю я, но девушка только загадочно улыбается, я захожу в свою комнату, закрывая дверь.

По пути в комнату я иду в ванную, а потом устало бреду по холлу и открываю дверь. Внутри почти совсем темно, свет исходит только от моей настольной лампы, которая стоит в углу мой комнаты. Свет падает прямо на рыжие волосы.

Рассел сидит за моим столом и дремлет, его голова лежит на руках. Я наблюдаю за ним в течении нескольких минут, облокотившись на косяк. Он, наверное, очень волновался, раз рискнул проникнуть в мою комнату. Смотря на его красивое лицо, я чувствую вину. Бедный Рассел, он пытался меня спасти, но не смог, потому что попал на линию огня.

Я закрываю дверь и скидываю свою обувь, наблюдая за тем, как он спит. Раз его глаза по-прежнему закрыты, то тогда я скину свою форму, переодевшись в чистую футболку и шорты.

Проведя пару раз расческой по волосам, я распускаю узлы, образовавшиеся во время игры, и собираю их в высокий хвост.

Умывшись и почистив зубы, я смотрю на парня в своей комнате. После этого, я подхожу к столу и провожу рукой по волосам Рассела, убирая с его лица прядь и заправляя ее ему за ухо.

Он улыбнулся во сне — это выглядит так мило, что я тоже начинаю улыбаться.

— Рассел... Расс, — шепчу я ему в ухо, потрепав по плечу.

— Эви? — спрашивает он, поднимая голову со стола и хмуро смотря на меня.

— Привет, — мягко говорю я. — Как ты? Выглядишь ужасно. Как ты смог пробраться сюда? Ты хочешь потерять свою стипендию? — мягко ругаю я.

Он не отвечает мне, но тянет меня на колени, отчаянно обнимая.

Я кладу голову ему на плечо и говорю: — Я в порядке, в течении нескольких дней мое колено должно придти в норму.

Я радуюсь, что он не может видеть мое лицо. Я ненавижу врать ему, потому что после всего того, что мы пережили вместе, он почувствует предательство, но если раскрыть ему правду, какие последствия это будет для него иметь? Он еще больше запутается, а я не могу этого допустить.

Теперь я отчетливо это вижу.

— Я проверял Крествудскую больницу, Эви. Куда он возил тебя? — спокойно спрашивает меня Рассел.

Я понимаю, что нужно придумать ложь, которая все скроит, и ее невозможно будет проверить.

— Рид полагает, что местная больница не особо хорошая, так что он отвез меня к специалистам неподалеку от Энн Арбор. Вот почему это заняло так много времени. Извини меня, ты так беспокоился. Я не взяла телефон с собой — я оставила его на поле, — говорю я, чувствуя, каким монстром я являюсь.

— Действительно, а как зовут доктора? — с подозрением спрашивает он.

— Я не помню его имени. Уверена, это трата по мед. Полису, которую мой дядя получает каждую неделю по электронной почте, — вздохнув, говорю я.

Я шагаю прямо в ад, вопросов нет.

— Извини Рида за то, что тебе опять пришлось испытать его голос. Я попросила его

больше не делать этого с тобой.

— Эви? — спрашивает Рассел.

— Да?

— Ты плохая лгунья, — в его голосе слышится разочарование.

— Понимаю, но я не знаю другого пути, чтобы защитить тебя, — устало отвечаю я, слезая с его колен и подходя к будильнику. — Я поставлю будильник на пять часов, так что мы сможем выскользнуть отсюда, прежде чем проснется Регулярная армия Меган.

— Единственный человек, с которым я когда-либо спала — была моя лучшая подруга Молли, и она никогда не говорила, что я храплю, но если я это делаю, то оставь эту информацию при себе — и без вариантов. Когда я говорю «спали», я имею в виду именно это, — сообщаю ему я, подойдя к кровати и откидывая одеяло. — Я так устала, что чувствую головокружение.

— Я могу снять рубашку? — спрашивает меня Рассел.

— Эмм... конечно, — не смотря на него, говорю я. Очевидно, это плохая идея, но я ничего не могу поделать, залезая в мою односпальную кровать.

После этого, настольная лампа выключается и кровать провисает под тяжестью еще одного тела, когда Рассел ложится рядом со мной.

Вряд ли моя кровать удобна для его большого тела — его нога свешивается с нее. Парень настолько велик, что все равно касается меня. Но другого способа, кроме как положить щеку на его грудь и оставить его плечи на матрасе, не было.

— Пожалуйста, скажи мне, что они поставили в твою комнату большую кровать. И твоя нога не свешивается, — сонно говорю я.

— Эээ, кхм, — тоже сонно отвечает он. — Меня измерили и сделали ее на заказ.

— Мило, — комментирую я.

— Эви, ты расскажешь мне, что произошло сегодня на самом деле, — спрашивает вновь Рассел.

— Ммм... сон для меня главное, — сонно отвечаю я.

После этого, я ничего не слышу, кроме будильника, зазвеневшего в пять утра. Я лежу на моей стороне кровати, спиной к Расселу, а его руки крепко меня обнимают. Протянув руку, он переворачивает часы, а потом снова возвращает ее на мое бедро. Солнце еще не встало, но предрассветного света достаточно.

— Я хочу спать, — шепчу я. — Тьфу, мои волосы были везде, в ближайшие дни я должна что-нибудь с ними сделать, — говорю я, сев только для того, чтобы вытащить свои волосы из-под руки Рассела.

— Я не делал этого, — в ужасе говорит Рассел, вытащив волосы из-под своей руки. — Если это сделал я, то никогда не прощу себя за это.

— Все плохо, да? — тихо спрашиваю я, садясь и потирая глаза.

— Я бы не стал заходить так далеко... просто не делай так больше, — говорит он, приподнявшись на локте.

— Может быть, мы пропустим учебу сегодня? В первый учебный день они никогда ничего не изучают, а я хочу подольше поспать, — соблазнительно говорит он, похлопывая по тому месту, где я только что лежала.

— Рассел Маркс, мы не будим пропускать! В любом случае, мы должны вытащить тебя отсюда, прежде чем тебя услышит Меган. Ты знаешь, что недалеко находятся душевые, и некоторые девушки ходят по коридору в одних полотенцах, — спокойно объясняю я, пытаюсь

заставить его встать с кровати.

— Действительно... ну, я не могу это пропустить... Я просто подожду здесь, пока они не зайдут, а потом... — он умолкает, когда я кидаю в него подушкой

— Рассел! — серьезно шепчу я. — Вставай! Мы вытащим тебя отсюда.

— Утром, ты сварливая. Тебе нужно выпить кофе, или что-то еще? — поддразнивая, шепчет он.

— Да, целая кружка, — вставая, говорю я.

Я спотыкаясь иду к шкафу, чтобы найти толстовку с капюшоном, потому что сегодня утром холоднее, чем обычно.

Надевая ее, я замечаю, что мое колено все еще перебинтовано бинтами, которые прошлым вечером наложил мне Рид, так что возвращаясь обратно к кровати, я хромаю.

Я подбираю рубашку Рассела со спинки кресла и беру ее на кровать.

— Почему ты в таком хорошем настроении? Вчера вечером ты точно спал не больше меня. Ты жаворонок? — в притворном ужасе спрашиваю я.

— Жаворонок, ну, может быть, но, проще говоря, прошлой ночью я побывал в самых прекрасных частях ада — тихо говорит он, беря рубашку, которую я протягиваю ему.

Он встает с кровати, пожимает плечами, а я стараюсь не смотреть на его идеальный пресс.

— Прошу прощения, в прекрасных частях ада? Что это значит? — спрашиваю я.

— Рыжик, ты не парень, так что нет смысла объяснять, — улыбается он, но не продолжает.

— Я что, действительно, первый парень, который спал рядом с тобой? — спрашивает он.

— Да, — соглашаюсь я краснея и подаю Расселу его обувь.

— Это значит... — начинает говорить Рассел. Он забирает у меня свою обувь и ставит ее на пол.

— Да, это именно то, что это означает, — отвечаю я.

Ранним утром я не готова для неловких разговоров.

Я подхожу к шкафу, чтобы взять босоножки.

— Как это возможно? — с усмешкой на лице спрашивает он.

— Я просто не встретила нужного человека, — бормочу я краснея. — И прекрати улыбаться как Чеширский кот, — говорю я обуваясь.

Я подхожу к двери, открываю ее и просовываю голову.

Поскольку в коридоре никого нет, Рассел присоединяется ко мне. Мы идем к задней лестницы.

Открывая заднюю дверь, я проверяю, нет ли кого на парковке, но она кажется пустой, поэтому я выталкиваю Рассела и закрываю за нами дверь.

— Фух, это было близко, но нас почти никто не видел, — сладко ухмыляясь, говорит Рассел.

Я тоже ничего не могу поделать и тоже улыбаюсь. — Во сколько сегодня твой первый урок? — спрашиваю его я, испытывая чувства облегчения, от того, что мы не попались.

— В десять. Я попрошу кого-нибудь из парней, чтобы захватили мне что-нибудь из кафетерия, — самодовольно говорит он.

— Ты можешь пойти и поспать до десяти... В восемь у меня история искусств, но для меня это нормально, потому что думаю, что это будет мой любимый предмет, — с

предвкушением говорю я, борясь с ветром и убирая волосы с лица.

Рассел приподнимает бровь: — Почему? — спрашивает он, заправляя выбившуюся прядь волос мне за ухо.

— Потому что у меня никогда не было класса подобного этому. Это будет мой экзистенциальный полет из железной клетки разума, — с надеждой отвечаю я, взволнованная перспективой узнать что-то новое.

— Блин, девочки, вы всегда такие умные. Я даже не уверен, что ты поняла, что ты имеешь ввиду. Во всяком случае, когда мы можем поговорить? — многозначительно спрашивает он.

— Мы должны обсудить, что же вчера с тобой произошло.

— Здесь нечего обсуждать, — упорствую я, надеясь, что если он встретится с некоторым сопротивлением, то отступит.

— Если этого не скажешь ты, то тогда я пойду и прошу того, кто втянул тебя во всю эту историю, — упрямо утверждает Рассел, не делая никаких попыток идти.

— О, отличная идея. Поскольку ты такой упрямый, я думаю, он все тебе расскажет. Пока ты здесь, почему же не пригласил его потусоваться или прийти на игру! — саркастически говорю я. — Ты ненормальный?

— Нет, не ненормальный, но в последнее время я видел некоторые вещи, вопросы, на которые я хочу получить ответы. Наша встреча была похожа на расщепление атома. Со мной что-то произошло, а затем мой мир взорвался, и я просто пытаюсь понять все это. Так что, если это означает, что нужно противостоять ключевому игроку в нашей драме, то я сделаю это, — решительно говорит он.

— Почему ты не хочешь позволить мне защитить тебя, Рассел? Пожалуйста. Это не драма. Это... Это... Я... и ты, не можем... ты точно не можешь, Рассел.

Я прижимаюсь щекой к груди Рассела, а его руки обнимают меня, успокаивая.

— Просто позволь мне... Пожалуйста?

— Рыжик, что бы это ни было, ты не справишься. Это обращено на меня, — спокойно говорит он.

— Тогда пусть это будет направленно на меня, а не на тебя, ок? — отвечаю я.

— Женщина, ты такая упрямая, — с раздражением говори он.

— Виновата, — соглашаюсь я.

— Встретимся в кафетерии за ленчам? — покорно спрашивает он.

— Я угощаю, — соглашаюсь я.

Я оказалась права на счет класса истории искусств; он отличается от всех классов, которые я когда-либо посещала. Профессор Сэм МакКинон очень талантливый художник-портретист. Его обсуждения шедевров, которые мы будем проходить в этом семестре, нечто иное, словно любовник говорит о своей любимой. Его описание чувственны, вдумчивы и полные страсти. Несмотря на то, что он совсем молодой, он все же профессор в старшей школе.

Чтобы проиллюстрировать произведения искусства, которые будут обсуждаться, мистер МакКинон использует старый проектор и экран, висевший в передней части кабинета.

Свет гаснет, и от экрана на стене на лицах студентов появляется призрачный свет, отражающий жуткие алебастровые бюсты.

Передо мной на экране мелькают картинки и от усталости все мои мысли испаряются.

Мистер МакКинон говорит, что каждую картину мы будем изучать более подробно:

информацию о художнике, жанр, в котором была создана картина, а так же интимные детали, относящиеся к каждой картине.

Я не могу дождаться начала и чувствую разочарование, когда зажегся свет, что означает конец урока.

Собирая книги, я прищуриваюсь, привыкая к свету. Сказать, что я рада находиться в этом классе — это ничего не сказать.

Держа свои книги, я иду с остальным классом к двери.

— Простите, юная леди... хм, мисс? — я слышу, как кто-то окликает меня.

Я поворачиваюсь и вижу, что это профессор окликнул меня. Я медленно возвращаюсь, недоумеваю, зачем же я понадобилась мистеру МакКинону.

— Да? — спрашиваю я.

— Извините, я все еще не знаю, как вас зовут. В первый день я не слежу за посещаемостью, — вежливо говорит он, ожидая, что я представлюсь.

— Женестьева Клермонт, — говорю я, словно присутствую на каком-то допросе.

Он любезно мне улыбается и говорит: — Женестьева, не уверен, понимаете ли вы, но я не только профессор по истории искусств и графическому искусству, но также в конце семестра познакомлю вас с некоторыми из своих работ.

— Да, я читала вашу биографию в каталоге, находящимся в женском братстве. У Вас есть та брошюра, которая представлена в Саге центра? — отвечаю я, покраснев и вспомнив навязчивое издание.

— Это правильно. Хорошо, тогда вы должны быть в курсе, что я часто выбираю темы для своих картин из фотографий учащихся Крествуда? — спрашивает мистер МакКинон.

— Нет, я не знала, — отвечаю я, быстро сделав кое-какие выводы.

— Я хотел бы, чтобы вы мне попозировали для картины маслом, которую я планирую нарисовать. Что вы скажите? — с улыбкой говорит он, его голубые глаза сияют.

— У Вас есть все необходимые качества, и если бы вы позволили мне изобразить, то получился бы интересный портрет.

— Эээ, не поймите меня не правильно, но если я соглашусь... мне не придется эээ... что я буду в одежде... и что это повлечет за собой? — спрашиваю я, чувствуя, как краснеют мои щеки.

— Ах да, ну... мы выберем удобное время, тогда Вы придете ко мне в студию, которая находится на втором этаже школы искусств, в этом здании, где я и моя ассистентка Дебра найдем подходящую для Вас позу. Мы возьмем несколько фотографий и потом, Вам нужно будет прийти на несколько сеансов, чтобы убедиться, что все получилось хорошо, — объясняет он.

— О, звучит не плохо. Что я должна надеть? — многозначительно спрашиваю я.

— Господи, Женестьева, я не буду рисовать тебя в стиле ню, по крайней мере, не в этой школе, — он хихикает, как будто обнаружил новые блестящие монеты для своей коллекции. С Вами все время будет мой ассистент.

— Я дам Вам знать, после занятия в четверг, хорошо? Мне нужно немного времени, чтобы подумать обо всем этом. Вы когда-нибудь уже делали что-то подобное? — с опаской спрашиваю я.

— Если вы согласитесь, я бы хотел начать в скором времени, — уверенно говорит он, как будто мужчина знает, что в конечном итоге, я скажу да. — Я буду ждать вашего ответа.

Мой следующий класс был не настолько интересен, как история искусств.

История Западной культуры. Доктор Стюарт, рассказывал не настолько красочно, как мистер МакКвин. Его презентация искусств нашей культуры была сухой, и мне показалось, что я могу узнать всю необходимую мне информацию из учебника.

После занятий я покупаю кофе и до обеда нахожусь в студенческом городке.

Я совершенно вымоталась, и единственное чего я хочу, это пропустить обед, вернуться в свою комнату и лечь спать.

Пока я стою возле Саги, ожидая свой кофе, я сталкиваюсь с Фредди.

— Эви, как твое колено? — спрашивает Фредди, становясь в одну линию со мной. — Я видел рядом с тобой другую девушку, и она была злой. Я подумал, что она тебе точно что-то сломала. И я потратил на это, целых двадцать баксов, — мрачно говорит он.

— Фредди, это ужасно! Я не могу поверить, что ты потерял двадцать баксов, поставив на меня! — раздраженно отвечаю я.

— Я знаю, в следующий раз возьми с собой телефон, чтобы я позвонил тебе и рассказал про ставки, — улыбается Фредди.

— Это не то, что я имела в виду, Альфред, — угрюмо говорю я. — Как ты можешь делать ставки на что-то подобное? Это неприятно.

— Знаю, я просто пошутил. Я ставлю пятьдесят баксов на то, что он не сломан, и я сделал ставку против Мейсона. Вот твоя доля, — улыбаясь, говорит Фредди и передет мне двадцатидолларовую купюру.

— О, в таком случае, спасибо! — отвечаю я и беру у Фредди деньги.

Я все еще немного раздражена от рейтинга в каталоге первокурсников.

— Я думал, ты тоже так думаешь, — говорит Фредди и улыбается.

— За обедом я встречаюсь с Расселам, хочешь присоединиться к нам? — спрашиваю его я.

Я очень хочу спросить Фредди, что он думает о том, что я буду позировать для работы мистера МакКинона.

— Конечно, — говорит Фредди, пока мы предоставляем наши карты на входе в Сагу.

После получения еды мы быстро садимся за столик возле окна. Пока Фредди рассказывает мне о своих занятиях, я высматриваю Рассела.

Расселу не составит труда найти нас, но кажется он не рад, что Фредди сидит рядом со мной. И вовсе не потому, что ему не нравится Фредди — а потому, что теперь он не может расспросить о прошлой ночи. Я этого не планировала, но мне на руку, что Фредди здесь.

Думаю, мне нравился Фредди.

— Рассел, привет, я рада, что ты здесь. Я как раз собиралась рассказать Фредди о своем классе истории искусств. Ну не о классе, а о том, что произошло после занятий, — говорю я. И рассказываю им о портретах, и что Мистер МакКинон хочет, чтобы я ему позировала.

— Так что вы об этом думаете? — спрашиваю я их.

Ни один из них не говорит первым — они просто смотрят друг на друга, как будто обладают мужской телепатией или что-то вроде этого.

Потом Рассел спрашивает:

— Скажи еще раз, как зовут твоего профессора?

— Мистер МакКинон один из художников. В конце каждого семестра он проводит выставки в Саге, — говорю я.

— В чем ты будешь одета, пока он будет тебя рисовать? — с трудом скрывая улыбку, спрашивает Фредди.

Мои глаза сужаются. Да, он точно мой давно потерянный близнец.

— Пожалуйста, Фредди, это же Крествуд, и в любом случае, там все время будет присутствовать его ассистентка, — заверяю я его.

— Я не знаю, Рыжик, законно ли это, но это не может относиться просто к красивой первокурснице, — с раздражением говорит Рассел.

— Я знаю, что это раздражение и беспокойство на счет студенток и профессоров и всего остального.

— Ну, может быть, вы должны беспокоиться об этом потом. Я большая девочка. Я сама принимаю решения. Просто хотела узнать, что вы об этом думаете, — огрызаюсь я.

Сузив глаза, он смотрит на меня.

— Отлично, тогда я иду с тобой, чтобы мистер Прекрасное Искусство не потерял свои кисти, — с теплотой в голосе говорит Рассел, несомненно, отреагировав на мой тон.

— Мне не нужна нянька, Рассел, — отвечаю я, устало отодвинув свой поднос.

— Эви, меня не было здесь неделю, и я уже был... — он замолкает, когда видит, что я смотрю на Фредди, потом снова перевожу взгляд на него.

Фредди поднимает руки, говоря: — Ок, не люблю когда мама и папа борются, так что я лучше пойду и по нянчу Эви с Мистером Краски по порядку.

— Это даст тебе время понять, злишься ли ты на нее, — говорит Фредди, Расселу.

— Друзья, не позволяют друзьям, быть обнаженной перед профессорами.

Мы с Расселом поворачиваемся и смотрим на Фредди, пока он не говорит: — Что? — поднимая руки.

— Я дам тебе знать, когда решу, Фредди, — говорю я, вставая и беря свой поднос. — Я устала и обираюсь пойти вздремнуть.

Кажется, Рассел соглашается, что сон — это то, что мне нужно, потому что не останавливает меня. Я, спотыкаясь, иду в свою комнату и запираюсь в ней. Потом залезаю в свою постель и не вылезая из нее до конца дня.

Глава 8

Скорость света

После моего спора с Расселом, я пропустила ужин, потому что пошла спать. Я бы проспала до утра, но в мою дверь постучали Булочка и Брауни, вернувшиеся с тренировки по хоккею на траве.

Они обе проходят и садятся на мою кровать, наблюдая, как я расчесываю волосы. Когда я заканчиваю, то рассказываю им о просьбе мистера МакКвинса.

— Он хочет, чтобы ты была его моделью? — с завистью спрашивает Булочка.

— Конфетка, ты такая счастливица, он действительно талантлив. В прошлом году я была на его выставке, это было замечательно. Плюс он сам вкусный. Я в прошлом году ходила на историю искусств и никогда не пропускала его занятия.

— Так ты думаешь, я должна это сделать? — спрашиваю ее я.

— Конфетка, если ты не согласишься, то это сделаю я, — с улыбкой говорит Булочка.

— Мы с Булочкой в семь-восемь вечера пойдем в «Золотой гусь», чтобы немного перекусить. Хочешь пойти с нами? — спрашивает Брауни.

— Звучит замечательно. Объясните мне про «Золотой гусь» и мы в деле, — говорю я, скользнув в свои сандалии.

— О, конфетка, это моя машина, — говорит Булочка. — Мы называем ее «Золотым гусем». Я бы хотела тебе сказать почему, но ты увидишь все сама.

— Хорошо, я с удовольствием приду. Я пропустила ужин, только приму ванну, а потом встретимся с вами на парковке.

Открыв заднюю дверь, выходящую на стоянку, я лицом к лицу встречаюсь с «Золотым гусем». Булочка припарковала ее прямо в луче света, так что я могу хорошо рассмотреть ее машину. Это поздняя версия Grand Marquee в металлическом золотистом цвете.

Булочка сигналит, и этот сигнал подозрительно похож на кряканье гуся.

Я открываю заднюю дверь со стороны водителя и залезаю внутрь, как только я закрываю дверь, Булочка сразу выжимает газ.

Автомобильные ручки выглядели как на большой сухопутной яхте.

— Булочка, это машина твоих родителей? — с подозрением спрашиваю ее я.

— Это была машина Элис, но она отдала ее мне, когда ей купили новую, — говорит девушка, посмотрев на меня в зеркало заднего вида.

Пока она это говорит, машина случайно проезжает две сплошные желтые полосы, Брауни кладет свои руки на руль и возвращает машину на прежнюю полосу.

Булочка, кажется, даже не замечает помощи.

— Элис — это твоя мама? — с интересом спрашиваю я, гадая, кто будет за рулем автомобиля, когда Булочка ответит на вопрос.

— Элис и Чарли Бондс мои родители, — ласково говорит Булочка.

— И прежде чем ты спросишь, нет, они не супермены, — по-доброму отвечает Брауни.

Брауни правильно назвала этот автомобиль — он действительно подозрительно похож на большого золотого гуся.

Булочка улыбается, а машина просто летит по дороге.

— Они владеют несколькими магазинами мороженого на Форт Вайнс. Ты должна увидеть униформу, которую носит Булочка, когда подает клиентам мороженное. На летних

каникулах она работает вместе с родителями в своей униформе, выглядя как Кенди Стипер, — рассказывает Брауни.

— Ты сказала, что этим летом будешь работать со мной, — смеется Булочка, поддразнивая подругу.

— Не могу дождаться, чтобы увидеть тебя в униформе. Я могу заказать для тебя супер короткую юбку и посмотреть, как много ты получишь чаевых.

Она смеется, и машину трясет.

Булочка поворачивает налево, и мы въезжаем на стоянку 7-Элевн. Девушка выключает фары и двигатель, и я стараюсь не упасть, пока выхожу из машины.

Толкнув стеклянные двери магазина, девочки направляются напрямик к холодильнику. Идя назад, я изучаю на витринах ассортимент готовых бутербродов, не один из них не вызывает аппетита, они выглядят словно мокрые опилки. Там есть несколько пачек сухариков и сыра, они кажутся наилучшим вариантом, так что прошагав по одной из торговых линий, я открываю холодильник.

Поскольку в следующем холодильнике находится вода, я беру одну бутылку.

Проходят несколько школьных ребят и окликают Булочку.

— Джейти Пит! Как прошла твоя тренировка, дорогой? — спрашивает девушка парней. Они были в команде по лакроссу, так как я узнаю Джейти по его форме.

Джейти приглаживает свои темные влажные волосы и идет к Булочке, говоря, — Было трудно, потому что я постоянно отвлекался на блондинок с палками.

— Видишь этот маленький порез под глазом?

— Ах ты бедняжка, позволь мне взглянуть, — сладко говорит Булочка, рассматривая рану Джейти. Посмотрев на меня, Брауни закатывает глаза и подходит к Питу.

Пока мы стоим в передней части магазина, меня накрывает мрачное чувство дежа вю, прокатываясь по моей спине словно лед.

По моему телу прокатывается дрожь страха, а руки покрываются мурашками. Я остаиваюсь, а потом оказываюсь посреди прохода, глядя на флуоресцентный свет над моей головой и наблюдая за его мерцанием.

От него исходит низкий гул и бессвязные вспышки. Когда я смотрю в сторону света, все вокруг меня изменяется.

Стены магазина оказываются забрызганы кровью и мозгами, словно картина Джексона Полока. Кровавые следы покрывают серо-коричневый узор на виниловом покрытии. Я в ужасе осматриваюсь вокруг.

Все перевернуто: мебель и стеллажи, конфеты лежат кучами на полу, а от газет идет удушающий дым. Кофейная банка разбилась вдребезги — о том, что она была, свидетельствовали только коричневые и оранжевые диски. Стеклянные двери холодильников разбиты и из коробок с соком и молоком капает содержимое.

Не способная понять, что я вижу, я совершенно не готова к следующей атаке на мой разум.

Глубоко дыша гнилой воздух, пронизывающий магазин, меня осеняет. Никогда в своей жизни, я не нюхала ничего подобного, даже трупная плоть лягушки, пропитанная формальдегидом, ни идет ни в какое сравнение с этой вонью.

Я зажимаю рукой рот и нос, чтобы заблокировать гнилой смрад. Мои дрожащие пальцы скользкие и липкие. На моей бледной коже и ногтях пятна крови. Жуткий, пульсирующий свет заставляет мой взгляд снова перемещаться к потолку на мерцающие флуоресцентное

свечение. Вокруг меня нарастает какофония, как если бы я стояла рядом с усилителем, и мое тело издавало низкочастотные волны.

Прижимая руки к ушам, я пытаюсь заблокировать волны, штурмующие мои барабанные перепонки. Интенсивный свет тянется ко мне, становясь все белее и ярче. Потом он вырывается вспышкой с оглушительным грохотом, опрокидывая меня на землю.

Перед глазами все мерцает, и я щурюсь, чтобы увидеть Булочку, которая наклоняется надо мной.

— Конфетка... конфетка... ты слышишь меня? — убирая волосы с моего лба, спрашивает она.

— Вот она! Как ты дорогая? Ты в порядке?

Интересно, почему я на полу?

Я пытаюсь сесть, но на моих плечах находятся руки Джейти.

— Не суетись, Эви. Не торопись, сделай несколько глубоких вдохов и выдохов, — терпеливо говорит Джейти, все еще держа меня за плечи.

— Ты ослабла. Когда ты в последний раз ела? — спрашивает он меня.

Пытаясь вспомнить, я в растерянности смотрю в карие глаза парня.

— Утром я выпила кофе, а позже съела бублик, — заикаюсь я.

— Ты должна есть больше, Эви, — с заботой говорит он. — Твое тело не выдержит, получая только кофе и хлеб.

— Мое тело не выдержит... — повторяю я за ним, но замолкаю. Через мгновение, я понимаю, что произошло.

«7-Элевн был в моем кошмаре», — думаю я, надеясь, что я не заболеваю.

Сердце выскакивает из груди и возникает желание вскочить и бежать, но я не могу, потому что Джейти по-прежнему удерживает меня.

— Вот почему я пришила за едой, — говорю я, пытаюсь найти сухари, которые я держала в руке, прежде чем надо мной замерцал свет. — Думаю, что сейчас я в норме. Я могу встать? — спокойно спрашиваю я Джейти, скользнув по его рукам на моем плече.

Он подозрительно щурится: — Я не знаю. Ты бледная словно призрак. Как ты себя чувствуешь?

Изобразив фальшивую улыбку, я отвечаю: — Я чувствую, что мне нужно встать.

Удостоверившись, что мне лучше, Джейти помогает мне встать на ноги. Украдкой, я осматриваю магазин, выискивая пятна крови из моего видения. За исключением болезненного чувства дежа вю, все в норме. К счастью, мои руки остались такими же чистыми, как когда я вошла в магазин.

Пит поднимает еду и бутылку воды, которую я должно быть уронила, и вручает мне.

— Спасибо, — благодарю я, пытаюсь говорить нормально, и надеюсь, что говорю не слишком громко, так как в ушах до сих пор звенит.

Клерк так и не двинулась к кассе, оставаясь за прилавком. Она скептически смотрит на меня, в то время как пирсинг на ее брови опускается вниз. Я ставлю свои покупки на прилавок, в то время как она усердно жует жвачку.

Когда я расплачиваюсь, делаю глоток воды, а вокруг меня собирается толпа.

Брауни кладет руки на мои плечи и спрашивает: — Как ты себя чувствуешь? — но прежде чем я успеваю ей ответить, она добавляет, — Я очень испугалась, когда ты перестала бормотать и упала в обморок.

— Я бормотала? Что я сказала? — с тревогой спрашиваю я.

— Я не знаю, — отвечает девушка. — Я не поняла, что ты говорила, но это был не английский. Ты знаешь, как это звучало? — спрашивает она, взволнованно указывая на меня.

— Это звучало новостном выпуске с Бобби, мой брат и я раздобыли старую запись Black Sabbath и прокручивали ее в обратном направлении. Бобби думал, что в ней было скрыто послание, но мы никогда ничего не слышали.

Мои руки покрываются гусиной кожей, и меня снова пробивает дрожь. Чтобы скрыть это, я улыбаюсь и говорю:

— Я говорила на латыни. Наверное, я закажу еще пиццу.

К моему облегчению, все отстают от меня.

Клерк наклоняется и спрашивает: — Это все?

Мы все еще толпимся вокруг прилавка, чем, кажется, раздражаем ее.

— Да, спасибо, — отвечаю я, продвигаясь в направлении двери.

Я не хотела ничего больше, чем сбежать из магазина и никогда туда не возвращаться. Выйдя наружу, я останавливаюсь и вдыхаю свежий воздух, чтобы очистить свою голову.

Джейти и Пит подходят к блестящей серебристой машине, припаркованной рядом с «Золотым гусем».

Увидев это, я съеживаюсь, потому что если у Джейти не было такого же автомобиля как у Рида, то можно с уверенностью предположить, что Джейти позаимствовал машину у Рида, чтобы съездить в магазин с Питом. Обе машины имеют элегантный откидной верх.

— Эй, Булочка, — кричит ей Джейти со стороны водителя. — Скоро начнется История войн. Ты готова?

Улыбка Булочки полна высокомерия, когда она возражает: — Милый, мы все лето планировали вашу смерть. Вы никогда не увидите нас.

— Ты уверена в вашем арсенале, не так ли? — ухмыляясь отвечает он.

— Не говори о моем арсенале, сладенький, просто убедись, что на перестрелку не возьмешь с собой нож, — поддразнивает Булочка.

Брауни закатывает глаза.

— Вы двое, можете просто получить номер в отеле и воевать там. Пошли, Конфетка.

— Что такое История войн? — спрашиваю я их, пытаюсь трясущимися руками открыть упаковку с печеньем.

Я стараюсь не думать о том, что со мной произошло.

Булочка разгоняет автомобиль вокруг стоянки, словно моторную лодку.

— Каждый год Дельта Хауз выбирает пару женских клубов, чтобы идти на войну. Но, как правило, это только наш дом, который является Чи домом, или дом Каппа. Они что-нибудь берут из общежития, а потом мы идем на войну, чтобы получить это обратно. В прошлом году они украли у нас один из греческих трофеев и пили из него пиво. Они послали фотографии выкупа, — объясняет Брауни.

— Но в этом году мы с Брауни разработали наступательную операцию. Мы думаем, что можем нанести опережающий удар, — коварно объясняет Булочка.

— Мы подумали, почему мы должны ждать, пока они вытягивают первую кровь? Это просто глупо. Тогда нам придется играть на их условиях — следовать их правилам — попасть в их ловушку. Почему бы не взять все в свои руки?

Брауни кивает.

— Мы пытались решить, что можно взять из их дома, чтобы сбросить их со счетов и погрузить в хаос, — с удовольствием рассказывает Брауни.

Я думаю об этом секунду, а потом неожиданно говорю: — Вы должны взять одну из их композиций. Ну, те, которые есть в их доме, на которых изображены их члены братства. Тогда вы сможете оценить их по десятибалльной шкале и выслать результаты в качестве выкупа, — я краснею, снова подумав о каталоге сестринского братства.

Со зловещей улыбкой, Брауни восклицает: — Эй, да, также как они делают с каталогом первокурсников.

Я поднимаю руку в «не вы идете» жесте.

— Эви, ты злой гений, — восклицает Булочка, и «Золотой гусь» начинает пересекать желтые линии на дороге.

Девушка мне подмигивает через плечо, а Брауни выравнивает колесо в прежнее положение.

— Нет, просто я отвергнутая женщина, — отвечаю я, откусывая кусочек от моего крекера.

— Ты нужна нам! — говорит Брауни, — Ты думаешь о своей ноге, и ты действительно спортсмен, побывав сегодня в магазине, я бы сказала, что из тебя выйдет отличный солдат войны.

Глядя на меня в зеркало заднего вида, Булочка въезжает на стоянку общежития: — Нам необходима хитрость, и ты двигаешься как кошка. Мы с Брауни обсуждали игру и то, что ты сделала, перед тем как Тамара вывела тебя из игры. Это было так, словно пантера шла против броненосца.

— Разве мы говорили броненосец? Я думала, мы говорили о пантере и дикобразе, — перебивает Брауни.

— Дорогая, броненосец, дикобраз, еж — без разницы, Тамара знала, что она не может соревноваться в скорости и грации, и поэтому она прибегла к силе, чтобы вывести Эви из игры, — рационально рассуждает Булочка, припарковав машину в задней части стоянки.

— Просто скажи да, Эви, или она так и будет доставать тебя, пока ты не согласишься, — заговорщически говорит Брауни.

Мы открываем свои дверцы и выбираемся из Гуся.

— Разве для того, чтобы участвовать, я не должна быть членом Чи или что-то подобное? Особенно если я не в вашей команде? — спрашиваю я, интересуясь, как все это работает.

— Нет, все будут смотреть, как мы выбираем тебя, ты же не Каппа, — говорит Брауни, потом пьет из фонтанчика.

— Вы выбираете меня? — спрашиваю я, пока мы идем к двери.

— Дорогая, мы никогда не начинаем, мы никогда не выбираем, потому что это не наша обязанность. Я полагаю, что ты либо за нас либо нет, но просто ты нам нравишься — нам кажется, что ты с нами. Можешь это рассматривать, как родственную душу, — говорит Булочка, обняв меня за плечи.

— Если не хочешь, ты не должна соглашаться, нам просто нравится, когда ты рядом.

— Так ты поможешь нам победить Дельтов? — продолжает Брауни, открывая двери Йетса и придерживая их для Булочки и меня.

— Да, помогу, — соглашаюсь я, потому что, это отвлечет меня от того, что произошло в 7-Элевн.

Я не знаю, как расшифровать то, что со мной происходит. Я просто пытаюсь пережить этот ужас.

Брауни и Булочка хлопают в ладоши как маленькие дети.

— Ок, завтра вечером, после тренировки встретимся и разработаем стратегию.

— Ты готова к тренировке, Эви? Как твое колено? — заботливо спрашивает Брауни.

— Все нормально. Я могу тренироваться, — говорю я, зная, что я больше не могу продолжать этот фарс с фальшивым прихрамыванием.

— Классно! Сейчас ты хочешь прийти и расслабиться на некоторое время? — спрашивает Булочка, открывая дверь в их комнату.

— Думаю, нет, я пойду и попробую уснуть, — отказалась я. — Увидимся завтра, спокойной ночи.

— Спокойной ночи, милая, — отвечает Булочка, пока я иду по коридору в свою комнату.

На внешней стороне моей двери прикреплена записка. Я разворачиваю ее и читаю.

«Дорогой Рыжик.

Прости, я был мудаком.

Я заходил к тебе, но одна из девушек, сказала, что ты передала, что тебя нет.

Пожалуйста, когда прочтешь записку, позвони мне, чтобы я мог извиниться.

Рассел.»

Глава 9

Иностраный язык

Я читаю записку Рассела несколько раз. Это так мило, он вроде бы был мудаком, но все же милым. В комнате я складываю записку и кладу ее на стол. Я переодеваюсь в футболку и пижамные штаны, направляюсь по коридору в ванную комнату, умываюсь и чищу зубы.

По дороге обратно я останавливаюсь как вкопанная, потому что в моем животе опять начинают порхать бабочки, и чем ближе к комнате, тем сильнее становится это чувство.

Медленно я приоткрываю свою дверь, просчитывая свои варианты. В пижаме, без обуви и ключей я хотела оказаться подальше отсюда. Но вроде-бы ко мне это не имеет никакого отношения, так как это моя комната.

Моя. Поэтому я расправляю плечи, шагаю вперед и останавливаюсь у двери.

Когда я открываю ее, то осматриваю комнату на присутствие в ней Рида, но его там нет. Наклонившись к двери, чтобы закрыть ее, я с облегчением вздыхаю, пока не додумываюсь посмотреть в шкаф. Подкравшись к двери, я быстро заглядываю внутрь, но его там тоже нет. Я спокойно дышу, пока расчесываю волосы, собирая их в хвост и готовясь ко сну. Потом я нервно обхожу комнату.

Мой Рид-родар, еще не утих. «Он должен быть здесь, в общежитии. Но почему? — с беспокойством думаю я».

«Может быть, он навещал кого-то, — размышляю я, и немедленно чувствуя укол ревности, убивающий меня, шокирующей своей интенсивностью».

«Какое мне дело до того, кого навещает Рид? — разумно думаю я, пытаюсь отмахнуться от ощущений, которые испытываю. Я даже не люблю его, и чем меньше он думает обо мне, тем лучше, верно?»

Повернувшись к компьютеру, я читаю письмо от дяди Джима, в котором описывались некоторые технологии, которые разрабатывались для подсознательного обмена сообщениями в рекламе.

Понимая, что не одно программное обеспечение, не сможет объяснить то, что может сделать Рид, я решаю, что могу принять объяснение Рида.

На секунду я думаю, не рассказать ли дяде Джиму о том жутком мерцающем свете и кошмаре, который произошел со мной в 7-Eleven сегодня вечером, но мои руки трясутся от страха.

«Я не могу рассказать ему, — думаю я, сжав руки вместе, чтобы они не дрожали. — Он бы действительно испугался и захотел, чтобы я вернулась домой. Он посчитает, что будет безопаснее, если я останусь в стороне».

Я быстро пишу ему ответ, отправив бубльгум-версию о моей жизни в колледже. Затем, я прошу дядю проверить компьютер Рассела и обеспечить его защитой IP-адреса.

Я отсылаю сообщение и выключаю компьютер.

Найдя свой телефон на тумбочке, я отправляю сообщение Расселу с ответными извинениями из-за нашей ссоры и назначаю встречу за завтраком.

Я одергиваю одеяло и иду выключать свет.

На обратном пути, я случайно выглядываю в окно и вижу, что по другую сторону от него стоит Рид. Я почти кричу, но у меня вспыхивает желание придушить его. Однако я отхожу от окна, хотя мое сердце продолжает колотиться в груди. Я практически не могу разглядеть его

там, потому что свет от лампы, делает его практически незаметным. При выключенной лампе, я могу легко увидеть Рида, который стоит, прислонившись спиной к пожарной лестнице и скрестив на груди руки.

«Наверное, он наблюдает за мной с тех пор, как я вернулась из ванной, — с раздражением думаю я».

Я стараюсь припомнить, не сделала ли я что-нибудь неловкое, но ничего не вспомнив, подхожу к окну и задергиваю занавеску. Все еще негодуя, я ложусь в постель.

Я слышу, как на окне щелкает замок, и оно открывается, я понимаю, что Рид собирается забраться внутрь, и поэтому натягиваю на голову одеяло.

— Сейчас же уходи, Рид! — шепчу я ему в темноте.

— Женестьева, — голос Рида доносится со стороны пожарной лестницы. — Встретимся на парковке через пять минут.

Его голос до странности напряжен.

— Зачем? — скулю я, надеясь, что он отстанет.

— У тебя пять минут! — серьезно говорит он, пред тем как захлопнуть окно.

Я сижу в кровати около двух с половиной минут. «Если я не выйду, что же он натворит? — сердито думаю я».

На третий минуте я откидываю одеяло и выпрыгиваю из кровати.

— Хорошо! — говорю я сквозь зубы, сжимая руки в кулаки.

Я проскальзываю в пару кроссовок и надеваю куртку с капюшоном. Выхожу из общежития через заднюю дверь, придя на парковку, у меня в запасе еще остается тридцать секунд.

Автомобиль Рида припаркован в задней части стоянки, поэтому я иду туда. Рид выходит из машины и обходит ее вокруг, чтобы открыть для меня дверь.

На нем нет рубашки, и я понимаю, что когда он был возле пожарной лестницы, то был не один.

Я хмурюсь, когда понимаю, что он неспроста так ходит; это же неприлично, разглядывать кого-то столь совершенного. Он должен сделать миру одолжение и съесть пончик или два.

Рид сидит на переднем сидении, насупившись и скрестив на груди руки, я отказываюсь смотреть на него. Он наблюдает за мной, тяжело вздыхает и говорит: — Что произошло сегодня вечером?

Я хмурюсь.

— Дай подумать... чего ты не видел, пока шпионил за моим окном? Как ты попал туда? Начало пожарной лестницы должно быть задвинуто, и она находится в двадцати футах от земли. Нет никакого способа, которым ты мог бы добраться туда, ты... ты извращенец! — говорю я ему.

Он хмурится, отражая мой взгляд.

— Джейти сказал, что вчера в Seven-Eleven ты упала в обморок. Он сказал, что ты была белая как приведение, что, прежде чем совсем отключиться, ты бормотала на латыни. Пит сказал, что на секунду подумал, что ты умерла. Теперь, пока не кончилась мое терпение, расскажи мне, что случилось, — шипит он сквозь зубы.

«О, просто подожди, пока я достану доступ к сайту с брошюрой! — со злостью думаю я. — Тогда Джейти и Пит получают по большой единице».

Я отворачиваюсь от него и с сарказмом отвечаю: — Ну, ты можешь сказать Джети и

Питу, что в следующий раз они могут распусть слухи о том, что я надела новый свитер с вязаной пчелкой!

— Женевьева, — спокойно говорит Рид, но на меня это производит тот же эффект, словно он кричит.

— Прекрасно! Я ходила в Seven-Eleven, чтобы перекусить, мне стало плохо от флуоресцентного света, я очнулась на полу и потом пошла домой. Конец истории. Спокойной ночи, — говорю я и пытаюсь открыть дверь машины, но прежде чем я успеваю потянуться за ручкой, Рид их блокирует.

— Рид! — жалуясь я, когда не могу найти кнопку для разблокировки.

— Начнем с самого начала, — медленно говорит Рид, решив относиться ко мне, как к нашкодившему ребенку.

— Ты зашла в Seven-Eleven... — он замолкает, чтобы я продолжила.

Выдохнув, говорю: — Хорошо, я рассказываю ему что произошло: от дежа вю, до лестницы и ссоры, перейдя к мерцающему свету, и после того, как очнулась и обнаружила, что говорила на другом языке... ну, в любом случае, возвращаясь к Блэк Саббат.

Я рассказываю ему в таких подробностях, которых думаю, будет достаточно; я даже объясняю ему про трупный запах.

По мере того, как моя история продолжается, челюсть Рида все больше напрягается.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— О чем ты говоришь... ты знаешь, о чем ты бормотала, до того, как потеряла сознание? — быстро спрашивает он, пока я не закончила.

— Нет, они сказали мне, что я что-то говорила, но я не помню эту часть, — отвечаю я.

— Если ты снова услышишь этот язык, думаешь, сможешь узнать его? — задумчиво спрашивает он.

Нахмурившись и пожав плечами, я честно отвечаю: — Я не знаю.

И тогда происходит нечто удивительное: Рид начинает говорить со мной на языке, который одновременно кажется мне знакомым и чужим, и от этого начинает кружиться голова. Язык гибкий и музыкальный, но я не понимаю его, он словно гипнотизирует меня. Я чувствую, что хочу стать ближе к его источнику, и когда он перестает говорить, к моему ужасу, я понимаю, что прижимаюсь к его груди не только ухом, но и губами.

— Что это было? — с благоговением спрашиваю его я.

— Тебе понравилось? — веселым тоном спрашивает он; ему смешно от моей реакции.

— Что ты сказал? — благоговейно спрашиваю я.

— Я сказал: «неизвестное существо, я найду тебя», — отвечает он.

Я чувствую, как к моим щекам приливает краска. — О, я не о сути, это звучало так прекрасно, — отпуская его, говорю я и выпрямляюсь на своем месте. — Что это за язык? Он звучит как кельтский, но не... — в уме я подыскиваю подходящее определение, но не нахожу.

— Я чувствую, что должна понимать, о чем ты говоришь, но не понимаю, — разочарованно говорю я. — Ты можешь научить меня?

— Скоро, ты будешь знать достаточно. Это был тот язык, на котором ты говорила? — спрашивает он.

— Я не знаю, ты должен спросить у Джейти и Пита. В тот момент я была на полу магазина, — рассеянно отвечаю я, все еще находясь в восторге от того, что слышала.

Рид снова прищуривается и высокомерно спрашивает: — Почему ты пытаешься скрыть

это от меня? После случившегося, ты должна была сразу прийти ко мне.

Мои глаза встречаются с его красивыми зелеными, и я усмехаюсь: — Ты серьезно? У меня есть для тебя новость, приятель — ты последний, к кому я бы хотела пойти с этой информацией.

— Это абсурдно. Я единственный, кто мог бы объяснить тебе, что с тобой произошло, — медленно говорит он, словно я его не понимаю.

— Ах да, ведь в прошлом, ты выдал мне кучу информации, — саркастически говорю я, закатывая глаза.

— Рид, да ты виртуальный Розетский камень!

— Женевьева, — в отчаянии выдыхает Рид.

— Рид, — копируя его тон, отвечаю я, — ты должен признать, что не особо внушаешь доверия.

— О, я вижу, и кто внушает доверие, твоя половинка? — спрашивает Рид так, словно он ревнует.

Я качаю головой. Думаю, это сумасшествие, Рид не может ревновать.

Я морщу нос.

— Моя половинка? О ком ты говоришь... ты имеешь в виду Рассела? — недоверчиво спрашиваю я.

— Да, Рассела, — угрюмо отвечает Рид.

Во мне трепещит страх. — Я не рассказывала Расселу о том, что произошло сегодня вечером, и если ты это сделаешь, то я больше никогда не заговорю с тобой. Он не часть всего этого. И я не расскажу об этом, просто потому, что не хочу чтобы чаша весов склонилась, — защищаясь, говорю я, объясняя свою позицию.

— Что ты подразумеваешь под «чашей весов»? — в смятении спрашивает Рид.

Мой подбородок поднимается, а к горлу подступает ком.

Я сжимаю пальцы на коленях и говорю: — Я не хочу добавлять больше элементов в список «Выживание Женевьевы». Что если после этого, ты решил, что я не так опасна чтобы меня уничтожать? — не смотря на него, спрашиваю я, сосредоточив свой взгляд на приборной панели, я не могу оценить, действительно ли это так.

— Ты боишься меня? — удивленно спрашивает меня Рид.

— Конечно, я тебя боюсь. Ты опасный, властный, высокомерный, и если ты не замечаешь этого, ты можешь добавить это в список, — говорю я, загибая пальцы

— Ты говоришь, что тебе не нужна моя помощь? — сердито спрашивает он.

— Теперь, ты хочешь мне помочь? — невесело смеюсь я, в неверии потирая лицо. — Ты обращаешься со мной, как с бедствием земли, и сейчас вдруг, когда я вырубил свет, ты хочешь помочь мне? Ну, извини, что мне трудно поверить тебе. Так что, если ты не возражаешь, я хотела бы немного отдохнуть, пока в меня не ударила молния или что-нибудь более эксцентричное.

— Извини, что я напугал тебя, — мягко говорит Рид.

Я украдкой смотрю на него, увидев, как его пальцы вцепились в руль, а плечи напряжены.

Его идеальные губы сжимаются, когда он продолжает: — Я сожалею, что мое поведение испугало тебя. В нашей ситуации я плохо контролирую себя.

От неожиданности мои глаза расширились.

— В нашей ситуации? Ты имеешь в виду тот факт, что ты хищник, а я жертва? — мягко

спрашиваю его я.

Хмурый взгляд Рида темнеет, словно ему не очевиден тот факт, как мы относимся друг к другу.

— Поверь мне, я тоже сожалею по поводу этой ситуации, — напряженно отвечаю я, жду, что он как всегда гневно ответит, но Рид удивляет меня тем, что продолжает молчать.

Он кажется почти потерянным, словно не знал, как ответить на то, что я сказала.

— Рид, — вздыхаю я. — Что мне с тобой делать? — глядя на него, спрашиваю я. — Итак, ты расскажешь мне, что происходит?

— Я думаю, что сегодня у тебя было предчувствие, — без обвиняков говорит он.

Я не знаю, что ожидала от него услышать, но явно не это. Хмурясь и глядя мимо него, чтобы сконцентрироваться, я спрашиваю: — Как галлюцинация?

— Нет, скорее как предсказание или знамение, — объясняет он.

Пока Рид не положил свою руку поверх моей в успокаивающем жесте, я не понимала, что левой рукой вцепилась в рычаг переключения скоростей.

— Так что, теперь я Дельфийский Оракул? Ты это хочешь сказать? — презрительно спрашиваю его я, вспоминая все рассказы, в которых говорилось о предсказаниях. У них никогда не было счастливого конца. Вот почему они называются трагедией. И тот факт, что жертва всегда оказывается с выколотыми глазами или становится пищей для ворон, я думаю, что все это цинизм.

— Нет, конечно, нет, — говорит он. — Ты говоришь о мифологии. Это реально.

— Итак, предзнаменование. Так теперь я предсказываю будущее? — спрашиваю я, когда он сплетает свои пальцы с моими, на мгновение отвлекая меня от моих мыслей.

— Я не уверен, было ли это прогнозирование или... — он задумывается. — Или это то, что предоставило мне информацию в виде мерцающего света, — продолжаю я его мысль, вспомнив, что когда натолкнулась на свет, не было никакого тепла, я почувствовала, что меня будто хлыстом ударили.

— Да, — просто говорит он, глядя на наши переплетенные пальцы, так, словно он долгое время не держал никого за руку.

Мой мозг работает с удвоенной скоростью, стараясь сложить кусочки головоломки воедино.

Но они не совпадают. — Итак, когда же придет корабль, чтобы забрать нас? — озабоченно спрашиваю я.

— Что? — с затуманенным взглядом спрашивает Рид.

— Материнский корабль, ну, знаешь, инопланетяне? — напряженно говорю я.

Он бросает на меня нетерпеливый взгляд. — Инопланетяне? — усмехается он.

— Мы не инопланетяне? — спрашиваю я, даже не пытаюсь скрыть облегчение в голосе.

— Нет! — решительно говорит он, пристально разглядывая мое лицо — вероятно ища там, признаки психических заболеваний.

Вздыхнув, я спрашиваю: — Тогда кто мы, Рид? Потому что, если во мне открылось что-то неизвестное и чужеродное, я очень разозлюсь на то, что ты не предупредил меня.

Я чувствую, что меня переполняет отчаяние.

— Женевьева, я не инопланетянин. И ты тоже, — твердо говорит он, убедившись, что я понимаю его.

— Тогда кто я? — умоляюще спрашиваю, держа его за руку, словно так я могла

вытянуть из него ответ.

— Я не могу сказать тебе, — он хмурится, глядя на наши переплетенные пальцы.

— Я выхожу из машины! Открой дверь! — говорю я, с трудом размыкая наши руки.

— Я сказал, что не могу сказать тебе; Я не говорю, что не хочу тебе этого сказать. Это закон, правило, которое я не могу нарушить, — он нехотя отпускает мои руки и продолжает. — Помнишь, как я сказал, что здесь война, а я солдат?

— Да, — неохотно отвечаю я.

— Там так много вещей, о которых я не могу рассказать тебе. Я не могу рассказать тебе кто ты или кто я, но доверься мне, это ненадолго, прежде чем ты узнаешь, кто ты.

Он подносит руку ко лбу и потирает его, словно у него болит голова.

— Я не могу претвориться, что много читала о законах войны *jus in bello* (лат.), но я сильно сомневаюсь, что ты говоришь именно о тех правилах, и что я скажу, что мне плевать на ваши правила? — надув губы, спрашиваю я.

От моего комментария Рид улыбнулся, — Женевьева, ты обворожительна.

Я знаю, что он поддразнивает меня, поэтому проигнорировав его, я спрашиваю: — Если кто-то перегнет палку или нарушит эти правила, каковы будут последствия?

Его лицо темнеет, становясь почти болезненным. — Позволь просто тебе сказать, что после этого, они редко дают шанс загладить свою вину, — отвечает он.

Я задрожала, — «Кто тут главный?»

Затем спрашиваю: — Каковы будут последствия, если помогаешь таким как я, если окажется, что мы не на одной стороне... если я твой враг?

— Последствия будут ужасны, — отвечает он, и даже сексуальный тон его голоса, не может остановить холодок, прошедший по моему телу.

Я позволяю тому, что он сказал, впитаться в меня. У него есть причины опасаться меня? Если он ошибается на счет меня, для него не будет амнистии. Что он получает, помогая мне? Ничего.

Я уверена, что как солдат, он научился уменьшать свои риски, тоже самое сегодня, чуть раньше сказала Булочка — упреждающий удар. Устранить угрозу и продолжить жить, пока ты не обнаруживаешь еще одну угрозу.

Что он сказал обо мне? Я пытаюсь вспомнить... Он сказал, что я — опасность, с которой он никогда раньше не сталкивался. Но Рид не устранил меня, и сегодня он здесь, потому что Джейти и Пит рассказали ему о том, что со мной произошло. Он собирается помочь мне, на свой страх и риск.

— Хорошо, Рид — говорю я, продолжая теревать дверную ручку.

Рид вопросительно смотрит на меня. — Прости? — спрашивает он так, будто не слышал меня.

— Я сказала, хорошо. Ты не можешь помочь мне. Теперь я вижу, какой для тебя это риск. Извини, я не могу видеть ту картину, которую видишь ты, но думаю, я поняла твою позицию. Я понимаю, что рядом со мной, у тебя нет выигрышной позиции. Если я твой враг, а ты помогаешь мне, тогда ты станешь предателем, и тебя уничтожат. Если я не твой враг, и ты помогаешь мне, рассказывая информацию, которую я не должна знать, тогда, ты нарушаешь закон, и тебя уничтожат. И если я пешка для обеих сторон, тогда, самое мудрое, что ты можешь сделать — это уйти. Так что, больше ты не со мной.

Я, наконец, нахожу кнопку разблокировки двери, но моя радость длится не долго.

— Женевьева, даже не думай выбраться из машины, пока не объяснишь мне, что ты

имеешь в виду, говоря, что я больше не с тобой. Если ты думаешь, что я трус, то я могу тебя заверить, что это не так, — рычит Рид.

Я прерываю Рида, прежде чем он заканчивает: — Последняя вещь, которую я бы сделала, это назвала тебя трусом. То, что ты сейчас рядом со мной, показывает, как халатно ты относишься к своему самосохранению. Тот факт, что я еще жива, хотя теперь для меня очевидно, что ты был бы в большей безопасности, если бы меня не было — доказывает, что ты не трус. Но я не знаю, какой опасности тебя подвергаю. Может быть, я простодушная и глупая, но я вижу, что единственный способ защитить тебя, это отдалить тебя от меня.

— Защитить меня? Никто не смеет пытаться меня защитить! — с обидой шипит Рид.

— Почему нет? Разве ты не заслуживаешь защиты? — спрашиваю я, пытаюсь понять, почему мои слова вызывают в нем такую реакцию.

— Я не слабак! Я не нуждаюсь в защите! — не терпящим возражения тоном, говорит Рид.

— Я нужен тебе, Женевьева. Я замешен в этом, и ты будешь сотрудничать со мной. И это не просьба.

— Нет, ты нее просишь, ты снова... показываешь свою спесь, — говорю я, несомненно, пугая его.

Я пытаюсь скрыть этот факт и продолжаю: — Хорошо, чего ты хочешь? я сообщу тебе, если еще что-нибудь произойдет. Блин, я пытаюсь защитить кого-то, и тебе откусывают голову! Только если с тобой что-нибудь случится, не приходи ко мне плакаться, потому что я предлагала тебе уйти!

— Я никогда не плачу, — констатировал Рид.

— Тем лучше для тебя!

Я щелкаю дверным замком и вылезая. Но снова просовываю голову в машину и продолжаю: — И я ни на секунду не подумала, что ты слабак.

Взгляд Рида встречается с моим, и я вижу в них что-то, что думаю, узнаю. Он выглядит... потерянным... словно борется с тем, что ему чуждо. Я вздыхаю и мягко говорю: — Спасибо тебе, за твою помощь. Спокойной ночи, Рид.

Прежде чем я успеваю закрыть дверь, Рид начинает говорить на том прекрасном языке, на котором говорил ранее. Я прислоняюсь к боку автомобиля и с благоговением слушаю его, не понимая, что он говорит мне.

Я закрываю глаза и просто слушаю. Это звучит слаще, чем музыка.

Когда его голос затихает, я тихо закрываю дверь и иду в свою комнату, пытаюсь облегчить непривычную тоску, наполнившую меня.

Глава 10

Законы привлекательности

Когда следующим утром, завтракая в Саге, я встретила с Расселом, он снова пытался извиниться передо мной за его комментарий относительно портрета, но я остановила его прежде, чем он смог начать.

— Рассел, я ценю то, что ты присматриваешь за мной. Я думаю, мистер МакКинон пошутил, когда предлагал мне попозировать ему для портрета. Тебе не нужно больше извиняться, — говорю я.

— Я тоже сожалею, — говорит он.

— Итак, как прошла вчерашняя тренировка? Ты готов к своей первой игре? — спрашиваю я, пока намазываю клубничный джем на свой рогалик.

— Хорошо, но я не был на ней. У меня красная карточка, поэтому я не участвую в играх до следующего года, — говорит Рассел, поливая сиропом гигантскую стопку блинов. — Я был в форме и сидел на скамье, — объясняет он, снисходительно мне улыбаясь. — Если говорить честно, думаю, я больше жду твоей первой игры, больше чем своей.

Мои глаза расширяются.

— Ты? — с удивлением спрашиваю я.

— Ну да, не могу дождаться, чтобы увидеть тебя в твоей форме, — отвечает он и подмигивает

— Рассел! Хоккей — это серьезный спорт, он не только для мужского наслаждения, — краснея, говорю я.

— Да, это серьезно... серьезное и жесткое зрелище, — дразнит он.

Я, сузив глаза, смотрю на него с раздражением. — Ок, Маркс, ты получишь серьезные выплаты от твоей субботней игры, а сейчас у меня есть средства чтобы поддержать себя. В моем общежитии у меня есть пара замечательных друзей, и я уверена, они будут играть в игру «Сними Рассела».

Рассел усмехается.

— Ты имеешь в виду блондинок, которые проводили меня в твою комнату прошлой ночью? У меня сложилось впечатление, что они на моей стороне, — хихикая, говорит он.

— Их же зовут Брауни и Банни? — спрашивает он.

— Брауни и Булочка, приятель. О, и чуть не забыла, прошлой ночью я отправила своему дяди электронное письмо, так что он сможет проверить твой компьютер, — говорю я, пытаясь снять крышку с бутылки апельсинового сока.

Рассел наклоняется и берет сок из моих рук, легко открывает его и возвращает мне.

— Спасибо, — говорю я, улыбнувшись ему.

— Что я должен сделать? — спрашивает он.

— Просто включи его и убедись, что он подключен к интернету, — отвечаю я. — Ты можешь проверить свое подключение сегодня.

— Что я проверю? — спросил Рассел, наморщив лоб.

Я одариваю его веселым взглядом и объясняю: — Твою электронную почту и веб-сайты, которые ты хотел бы посетить, — с улыбкой говорю я.

— Ты очень миленькая, когда объясняешь мне азы, — ухмыляясь, говорит он.

Рядом появляется Фредди и садится с нами.

— Фредди! — в знак приветствия улыбаюсь ему я.

— Привет Эви! Я слышал, что прошлым вечером ты упала в обморок, когда была в Seven-Eleven? Как ты себя чувствуешь? — спрашивает он с заботой в голосе.

— Ты слышал что? — в унисон спрашиваем мы с Расселом.

Рассел перестает жевать свой блин и переводит осуждающий взгляд с Фредди на меня.

Избегая взгляда Рассела, я спрашиваю: — Где ты это слышал, Фредди?

Я надеялась, что мне не придется рассказывать Расселу о том, что со мной произошло прошлым вечером, но я вижу выражение его лица и понимаю, что мне придется кое-что объяснить.

— Это двое ребят, их имена Джети и Пит, они живут в моем общежитии. Я думаю, они второкурсники. Они сказали, что видели тебя в Seven-Eleven и помогли тебе, когда ты вырубилась. Они сказали, что ты можешь быть анорексичкой, потому что ты почти ничего не ела, и поэтому потеряла сознание, — объясняет он. — Я хотел позвонить тебе, но у меня нет твоего номера.

— Я дам тебе свой номер, так что, можешь позвонить 4-1-1 и можешь наговорить обо мне гадости.

— Я просто не хочу быть в неведении, — досадливо отвечает он.

Я записываю свой номер в телефон Фредди, а когда отдаю его обратно, смотрю на Рассела.

— Я собиралась рассказать тебе, — лгу я Расселу.

— Рыжик, ты никогда не играла в покер. Я не могу блефовать, чтобы спасти твою жизнь, — категорично говорит Рассел, заканчивая свой завтрак в тишине.

— Я просто хотела чего-то нормального... просто сидеть с тобой и вести нормальный разговор, есть нормальную еду, разговаривать о нормальных вещах, только ты и я, — мягко говорю я. — Пожалуйста, не будь таким жестоким.

— Я должен быть первым человеком, который должен был узнать! — говорит он, глядя на меня своими карими глазами. — Ты в порядке? — спрашивает он прохладным тоном.

— Я в порядке, и ты прав, прости. — Я должна была рассказать тебе, — сокрушенно говорю я. — Вчера я очень мало ела, но я не страдаю анорексией! — добавляю я, глядя на Фредди.

— Эй, не расстреливай гонца, — говорит он, подняв руки в знак капитуляции.

— Хм..., - говорит Рассел, оглядывая меня, — Я не вижу здесь анорексичку.

Я облегченно улыбаюсь ему в ответ, радуясь, что он не будет злиться.

— Думаю, я должна съесть эту овсянку.

Я набираю в ложку побольше овсянки и начинаю демонстративно жевать. — Мммм... овсянка... моя любимая.

— Эви, ты собираешься позировать профессору для портрета? — спрашивает Фредди, поедая яичницу, в то время как Рассел снова хмурится.

— Фредди, ты хочешь бросить меня перед остановившимся автобусом? — ехидно спрашиваю я.

— Что? Я просто хотел, чтобы ты знала, что я все еще свободен в качестве няньки, — ухмыляясь, говорит он.

«Только попробуй сделать это, мой злобный брат-близнец, — думаю я».

Поскольку они оба заинтересованы в моем ответе, я вздыхаю и говорю: — Да, я сделаю это. Я поговорила с Булочкой, и она сказала, что мистер МакКинон очень хорош в том, о чем

он меня попросил.

Челюсть Рассела напрягается, поэтому я смягчаю тон и говорю: — Но на всякий случай, один из вас, больших и сильных мужчин, пойдет со мной, ну, вы понимаете, для защиты. Но сейчас мне пора бежать в класс. Ребята, увидимся на обеде.

Я встаю выдвигать стул, и тут же Рассел делает за меня.

— Спасибо, — говорю я, глядя в его теплые карие глаза.

— Увидимся за обедом. Пожалуйста... попытайся держаться подальше от неприятностей, — говорит Рассел, осторожно проводя пальцами по моей щеке.

— Я посмотрю, что смогу сделать, — говорю я и иду в класс.

Спеша на мой первый урок латыни, я обнаруживаю, что он очень похож на учебный план средний школы, который я уже проходила.

Сразу после латыни иду в научное здание, в котором в девять часов будет лекция по физике. Идя по научному корпусу в лекционный зал, я снова ощущаю порхание бабочек, что означает, что Рид где-то рядом. Я вижу его, как только захожу в класс; он сидит за профессорским столом.

Войдя, я говорю: — Ты не упоминал о том, что ты доктор Фэрроу.

— Я знаю, — спокойно отвечает он. — Как тебе спалось прошлой ночью? — спрашивает он, пристально глядя на меня.

— Хм, хорошо, — лгу я, а мой пульс ускоряется.

Прошлой ночью, я пару раз просыпалась в холодном поту, от кошмара... предчувствия.

От моего ответа он хмурится и, кажется, понимает, что я лгу, но никак это не комментирует, а только говорит: — Существует то, о чем я не говорил тебе, когда был с тобой прошлой ночью. Мне нужно обсудить это с тобой.

— Хорошо, — отвечаю я, отступая в сторону, чтобы пропустить других студентов. — Можешь дать мне подсказку? — спрашиваю я, потому что перед разговором с Ридом, я хочу столько подсказок, сколько это возможно.

Рид смотрит на меня и говорит: — Я хочу пойти с тобой в Seven-Eleven и посмотреть, произойдет ли что-нибудь, пока ты там.

Мгновенно, я плохо себя почувствовала.

— Ты хочешь увидеть, будет ли у меня другое предчувствие? — осторожно спрашиваю я. Я втайне надеялась, больше никогда туда не возвращаться. Я думала, что если буду избегать магазин ближайшее десятилетие, а может и больше, то со мной будет все в порядке.

Предложение Рида заставляет меня беспокоиться.

— Это одна из причин, чтобы вернуться туда, — мягко говорит Рид.

— Еще одна причина, чтобы вернуться туда — это быть по близости и быть первым, чтобы увидеть, если что-то произойдет? — спрашиваю я, уже зная ответ.

— Это вторая причина. Я не хочу, чтобы когда-нибудь ты ходила туда без меня... ты понимаешь, о чем я говорю? — спрашивает он меня, пристально глядя на меня.

— Скажи мне прямо, что если у меня тяга к... ну, я не знаю... к Твинкс в предрассветные утренние часы, и все, что было открыто это Seven-Eleven.

— Ты имеешь в виду, что я должна тебя разбудить, даже если ты вырубился, так, может быть, мне пойти работать? — скептически спрашиваю я, пытаюсь оценить его уровень приверженности к этому делу.

— Женевьева, Твинкс действительно вреден для тебя, но если у тебя действительно должен быть один, тогда да, это то, о чем я говорю, — улыбается он моему сценарию. —

Тебе действительно нравятся такие вещи?

— Если ты собираешься дразнить меня, то я не собираюсь тебе говорить, но скажу, что это подозрительно бесчеловечно не наслаждаться время от времени быстрой закуской, — застенчиво отвечаю я.

— Я куплю тебе один. Тебе понравится, я обещаю.

«И в то же время, я делаю миру одолжение, помню его без рубашки, — думаю я».

— Когда ты можешь пойти? — спрашивает он меня с милой улыбкой на лице.

Перед тем как ему ответить, я делаю несколько вдохов, потому что я никогда не видела у него такой улыбки, как сейчас, и это опьяняет, тем более что я никогда не думала, что он будет улыбаться мне.

— Хмм... после тренировки. Я должна встретиться с Брауни и Булочкой. Потом в нашем общежитии мы вместе посидим в кафетерии, мы можем встретиться там, — говорю я глядя на стол, так я могу держать свои мысли при себе и не отвлекаться на него.

— Мы должны быть осторожны, и не позволить им присоединиться к нам. Я не хочу, чтобы они были поблизости, если то, что должно произойти, действительно произойдет.

Он кивает и спрашивает: — Что ты делаешь с ними потом?

— О, просто какие-нибудь пакости... заговор против общины, как обычно. Я лучше займу место в классе, чтобы ты мог начать, — говорю я, чтобы не объяснять то, чем я занимаюсь с девочками. Этот секрет только между нами. — Я увижу тебя после тренировки.

«Потом посмотрим, что со мной будет, — с дрожью думаю я. — Если Рид будет в классе каждый день, то у меня по физике будет большие проблемы».

Я не могу сосредоточиться не на чем, кроме него: на его внешности, как он двигается, словно хищник, на его сверкающих зеленых глазах, когда он ловит мой взгляд.

Когда занятия наконец-то заканчиваются, я выбегаю из класса, потому что мне нужно уйти от Рида, пока я не натворила что-нибудь ужасное, например, не бросилась в его объятия.

День пролетел очень быстро, и после обеда с Фредди, я отправилась на хоккейную тренировку с девочками.

Тренировка проходит очень хорошо. Моя скорость дает мне преимущество перед другими девочками, и я быстро продвигаюсь в позиции нападающего. Мы делаем несколько упражнений, повторяем несколько правил и игровых ситуаций. Мы так же разрабатываем несколько игровых стратегий.

Когда тренировка заканчивается, я говорю Брауни и Булочке, что мы встретимся с ними в общежитии.

— В тот день, когда Рид помог мне с коленом, я заключила с ним пари — я сказала, что колено сломано, а он, что там всего лишь ушиб. Он выиграл, и теперь мне придется расплатиться, — говорю я, будучи не совсем честной.

— На что ты ставила? — с интересом спрашивает Булочка.

— Твинки, мы пойдем в Seven-Eleven, чтобы съесть по одному. Кто-нибудь из вас хочет чего-нибудь? Я вернусь к нашей встрече, — говорю я, надеясь на то, что они не захотят пойти с нами.

— Да, я хочу Твинки! — с энтузиазмом говорит Брауни.

— Я тоже, конфетка. С тобой точно все будет в порядке, пока ты с Ридом? — спрашивает она, сморщив носик. — Я имею в виду, не уморит ли он тебя до смерти?

— Нет, я буду в порядке. Увидимся позже, — говорю я, надеясь, что оказалась права.

Опасение закрадывается в мой мозг, когда я вижу, что Рид ждет меня на краю поля. Внезапно, эта идея звучит как лозунг.

Я размахиваю палкой по траве вперед назад и иду к нему, стараясь подавить чувство обреченности, которое меня охватило. Когда я подхожу к Риду, он начинает шагать рядом со мной, его клюшка лежит на плече, мы идем в молчании, пока не доходим до его автомобиля.

Он открывает для меня пассажирскую дверь и придерживает ее, пока я не проскальзываю внутрь. Я вцепляюсь в свою палку, а когда он пытается забрать ее у меня, чтобы положить багажник, я отказываюсь ее отдавать.

Он присаживается на корточки с моей стороны, так, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

— Женевьева, что не так? — в недоумении спрашивает он. — Ты же не боишься меня?

— Мне нужна палка, — говорю я.

— Почему? — спрашивает он, а его глаза ищут мое лицо. Я не смотрю на него, но крепче сжимаю палку. — Потому что мне это нужно, — уклончиво отвечаю я.

— Что ты с ней собираешься делать? — нахмурившись, спрашивает Рид.

— Что надо, — почти шепотом говорю я, чувствуя, как по моим венам течет адреналин и ускоряется сердцебиение.

Рид морщит лоб.

— Ты имеешь в виду, на тот случай, если что-то произойдет в Seven-Eleven, тебе нужна палка, чтобы защитить себя? Для этого? — спрашивает он, аккуратно прощупывая причину, по которой я держу палку.

— Да, мне это нужно — утверждаю я, закусив губу.

— Я вижу, — говорит он, вставая.

Спокойно закрыв мою дверь, он открывает багажник и кладет туда свои принадлежности. Подходит к водительской стороне, садится в машину и заводит двигатель. Рид позволяет двигателю поработать на холостом ходу, затем выключает его.

Я с удивлением смотрю на него и вижу, как он колеблется.

— Прости, — говорит он, — я не подумал, что для тебя это может быть трудным. Ты боишься идти туда, не так ли?

— Рид, последний раз, когда я была там, я оказалась без сознания на земле. — Я крепче сжимаю палку. — У меня начались кошмары. Если это произойдет, я боюсь... боюсь...

— Но я буду с тобой, ты понимаешь? Так что тебе нечего бояться, — высокомерно говорит он.

— О, так ты можешь остановить предстоящее предчувствие? Это фантастика. Как ты сделаешь то? Мне интересно как это работает, — с сарказмом отвечаю ему я.

Он хмурится. — Твоя палка не сильно поможет против видений, — многозначительно говорит он. — Женевьева, я не смогу остановить будущее, но я буду там. Тебя никто не тронет, я не допущу этого.

— Ах, ты не позволишь этого. Ты всегда получаешь то, что хочешь, Рид? — спрашиваю я, потому что он так уверен в себе и в своей силе.

— Да, — откровенно отвечает он.

— Мне кажется, у меня нет особого выбора, перед тем, что может случиться, — говорю я, оспаривая его уверенность в этом вопросе.

— Чего ты хочешь? Потому что я не понимаю, почему ты беспокоишься из-за этого, за меня. Что ты будешь делать, если со мной что-нибудь случится?

Вероятно, ему будет все равно, если со мной что-то случится. Я имею в виду, почему он это делает? Его лицо мрачнеет, как будто одна мысль о том, что со мной что-то случится, для него отвратительна.

— Мы выясним о том, что это было, и я позабочусь об этом. Я защищу тебя, — решительно говорит он.

— Почему? Почему ты защищаешь меня? Рид, совсем недавно, ты едва меня терпел. Только не говори мне, что я доросла до тебя? — насмешливо говорю я, не поверю в это не на секунду. Во всей этой игре, я всего лишь пешка и должна помнить об этом, что если я хочу выжить, то любой ценой.

Запустив двигатель, Рид бы не переключил рычаг скоростей, если бы я не положила свою руку поверх его. Видя его напряженную челюсть, я знаю, что сказала что-то не то, думаю, что обидела его. Мгновение, он изучает мою руку, лежащую поверх его, и когда наши глаза встречаются, я вижу в них кое-что: желание и потребность.

— Женевьева, что если я скажу тебе, что когда мы вместе, ты не единственная кто ощущает невесомое порхание здесь? — говорит он, указывая на свой живот.

Мое сердце подпрыгивает в груди, и я ищу на его лице признаки того, что он просто шутит, но, кажется, он абсолютно серьезен.

— В тот день, на ориентации, я почувствовал тебя, прежде чем увидел, а потом я увидел и понял что ты... и я хотел бы... ты не захочешь это услышать, — добавляет он.

— Нет, это именно то, что мне нужно от тебя услышать, — с тревогой говорю я.

Его глаза сужаются, — Я хотел уничтожить тебя, — говорит он, и через меня проходит дрожь, — и я хотел заключить тебя в свои объятия, и любить тебя, и хотел разорвать тебя на куски, и хотел разрушить все, чтобы навредить тебе, и все это одновременно.

Он переключает скорость, разгоняясь до скорости гоночного автомобиля. И не смотрит на меня.

Я пытаюсь получить контроль над своими эмоциями. От слишком быстрого поворота, я падаю ему на плечо; рефлекторно моя рука дергается, чтобы упереться ему в грудь, весь путь я стараюсь держать их на коленях.

Я смотрю наверх. Его лицо на уровне моего, а моя рука на его груди. Рид замедляет машину, и я заставляю себя оторваться от него, выпрямляясь в кресле. Его челюсть напряжена, и он кажется злым или может быть еще что-то... словно это признание стоило ему чего-то.

— Ты чувствовал подобное притяжение к кому-нибудь другому? — вслух удивляюсь я, не совсем осознавая, о чем он мне рассказал.

— Никогда, — решительно говорит Рид.

— Никогда? — переспрашиваю я, а он в ответ рычит.

«Я сижу в кресле, размышляя над тем, что он только что сказал. Рид тоже чувствует меня, словно мы каким-то образом связаны, — глядя на него думаю я. — Такие сильные эмоции, которых я никогда прежде не чувствовала, начали прорываться наружу».

Я чувствую себя в приподнятом настроении, словно была единственным человеком, который заставил его чувствовать себя таким образом. Я пытаюсь сдержаться от распирающего меня смеха. Я прижимаю руку ко рту, отворачиваюсь к окну, пытаюсь скрыть лицо от его взгляда, но безрезультатно.

Я никогда не умела контролировать свои эмоции.

Когда я начинаю хихикать, я пытаюсь не смотреть на Рида, потому что я боюсь его

реакции, потому что он может посчитать это грубостью с моей стороны.

— Ты смеешься надо мной? — хмуро говорит он.

— Нет, — отвечаю я, пытаясь сдержать хихиканье.

— Да, ты смеешься, — раздраженно отвечает он.

— Я не над тобой, а над собой, — говорю я, все еще пытаясь взять эмоции под контроль.

— Что смешного? — скрипя зубами, спрашивает он.

— Смешно? Нет, я просто думала, что ты ненавидишь меня, — многозначительно отвечаю я.

— Ненависть — сильное слово. Это было больше, но я не знаю что делать, учитывая какой большой диапазон чувств я испытываю.

— Это очень расстраивало, — рассуждает он.

— Ты уверен, что это была не ненависть? — спрашиваю я.

— Не ненависть, — отвечает он.

— Ответь мне прямо. У тебя есть Эви-родар? — спрашиваю его я, на секунду он теряется, и я объясняю. — Так же как Рид-родар на тебя.

— Да, — кисло подтверждает он.

— Это раздражает, да? — понимающе спрашиваю его я.

— Это одна из граней раздражения, — сказал он и заехал на парковку 7-Eleven.

Через лобовое стекло я пристально смотрю на красно-бело-зеленое освещение вывески. Я бы никогда не подумала, что это заведение будет таким зловещим, но сейчас будто вглядывалась в один из уровней ада в «Божественной комедии» Данте.

— Так, какой план? — спрашиваю я, пока гляжу на здание, у меня пересыхает во рту.

— Мы пойдем и посмотрим, если что-то случится.

— И это твой план? — насмешливо бросаю ему я.

— Да, — говорит он, не отрывая взгляд от магазина.

— Я могу пойти на рекорд и сказать, что твой план отстой? — спрашиваю я.

— Чем плох план? — спрашивает он.

— Потому что, ты не думаешь, что мы должны кое-что разведать, получить схему местности, узнать размещение всех выходов, заготовиться каким-нибудь оружием, и надеть бронежилеты? — спрашиваю я, оценивая витрину магазина.

— У тебя есть палка, правильно? — иронически спрашивает он.

Он дразнит меня!

— Рид, а что если придет кто-то с автоматом? Что я буду делать с этой палкой тогда? — спрашиваю я.

— Женевьева, я могу справиться с этим, помнишь? Я могу быть очень убедительным, — улыбается он.

— Что если твое убеждение не сработает? Каков план Б? — настаиваю я.

— Это сработает, — говорит он.

— На меня это не действует, — обращаю внимание я.

— Я в курсе, — усмехается он.

— И? — спрашиваю я.

— Ты особенная. Но это сработает на всех остальных. Пойдем, — приказывает он.

Когда я выхожу из машины, мои ноги наливаются свинцом. Вцепившись в палку, я делаю пару глубоких вдохов и подхожу к парадному входу. Рид придерживает для меня

дверь, и я вхожу в заднюю часть магазина, из колонок доносится музыка. Это инструментальная версия *Blinded By The Light*. Обычно что-то вроде этого, я считаю черным юмором, но сейчас я не нахожу в этом ничего забавного.

Я медленно иду вперед, но в мгновение ока готова развернуться и бежать обратно к двери. Я думаю, что Рид догадывается, что творится у меня внутри, потому что ободряюще кладет руку мне на плечо.

— Где это с тобой произошло? — мягко шепчет он мне на ухо.

Моя щека инстинктивно потирается об него, вызывая дрожь, которая не имеет ничего общего со страхом. Наши глаза встречаются, и я краснею, указывая на холодильник в задней части магазина.

Когда мы идем назад, он держит меня за плечо, прижимая к себе. Я останавливаюсь перед светом, который вчера надрал мне задницу. Ужас, как тошнотворное снадобье, окутывает каждую частичку моего тела, пока я смотрю на свет и жду, что со мной произойдет что-нибудь ужасное.

Проходили секунды и... нечего — свет угрожающе не мерцает. Через мгновение я с облегчением улыбаюсь Риду. Он улыбается в ответ, и мое сердце пропускает удар. Затем в моей голове раздается громкий треск из передней части магазина. Мои ноги отрываются от пола и меня словно силой тянут назад. Словно какой-то инстинкт, готовит мое тело для удара о дверцу холодильника, стоявшего позади меня, я замедляюсь, и моя спина мягко упирается в холодное твердое стекло.

Я прижимаю руки к стеклянной двери, чувствуя, как от тошноты белеет луна. Впереди, Рид защищает меня от того, что происходит перед нами.

Мои ноги дрожат, Руки Рида по обе стороны от меня; они образуют защитный барьер вокруг меня, который обволакивает меня. С моим следующим вздохом, Рид поворачивается ко мне со спокойным выражением лица.

— Все хорошо, — медленно говорит он, — это всего лишь бармен.

Она выбрасывает металлический фильтр, я моргаю, но по-прежнему не могу пошевелиться... или думать. Рид хмурится и с заботой говорит: — Этот шум из-за жестяной урны.

Я опускаю руку и осторожно выглядываю из-за его спины. Пол усыпан кофейной гущей.

— Кофе? — шепчу я.

Рид опускает голову и прикасается ко мне своей теплой щекой. Я не знаю, была ли эта ласка случайной или преднамеренной, но это утешает...

Я выпрямляюсь и понимаю, что это Рид оттянул меня назад, словно я была сухим листком на ветру.

«Как это возможно? — шепчет мне мой разум».

От двери холодильника я чувствую зверский холод, может быть это из-за травмы. Наверное, у меня сработал инстинкт самосохранения, потому что я говорю: — Надеюсь, ты не хочешь кофе — наверное, это и было основой.

— Хорошо, давай закругляться, — говорю я, а потом спрашиваю: — Ты посмотрелся?

Рид делает шаг назад, позволяя мне пройти мимо него. Я поднимаю с пола мою палку.

— Закуски, Эви, — напоминает мне Рид, — ты сказала, что принесешь Твикс.

Я останавливаюсь и с нижней полки беру коробку Твикс. По пути к кассе, я почти спотыкаюсь, вспоминая то, что когда я говорила с друзьями о Твикс, Рида поблизости не было.

Рид следует за мной к прилавку и достает бумажник, чтобы заплатить за батончики.

— Эй, это должно быть за мой счет, помнишь? — спрашиваю я его.

— Нет, это от меня, — отвечает он с сексуальной улыбкой, которая меня согревает, Рид добавляет на кассу еще и бутылку воды.

— Что-то еще? — спрашивает продавец.

Прежде чем я смогла сказать ей нет, эхом раздается жуткое шипение Рида.

— Да, — говорит он, — дай мне диск с записью с камеры видеонаблюдения.

Из рук продавца падает мелочь, гремя и подпрыгивая на прилавке. Она идет обратно в подсобное помещение.

Пока Рид подбирает мелочь, продавец возвращается с диском.

— Это единственный, который у вас есть? — спрашивает он все тем же голосом.

— Да, — словно в оцепенении отвечает продавец.

— Ты не вспомнишь этого, — говорит Рид, забирая диск из ее рук.

Повернувшись ко мне, он протягивает другую руку, чтобы взять меня за руку. Я кладу свою руку в его, и мы вместе покидаем магазин. Рид открывает для меня дверь машины, и я забираюсь внутрь. Когда он садится со своей стороны, то ломает диск на несколько частей, рассыпая их по консоли своего автомобиля. Я думаю о том, что должно было быть на диске. На нем должно было быть записано, как быстро передвигался Рид, после того, как мы услышали треск фильтра. Но не только это, а еще и то, как он загородил меня собой, чтобы защитить.

Он был серьезен, когда сказал, что пытался защитить меня.

— Я думаю, что мне все таки не нужна палка, — мягко говорю я.

— Нет, — отвечает он.

— Вероятно, ты должен получить диск с записью вчерашнего вечера, так мы сможем все увидеть, — с дрожью говорю я.

— Я уже сделал это. После того, как вы входите в магазин, камера выключается, — сообщает Рид.

— О, — оцепенело говорю я. — Спасибо за то, что ты это сделал, — с благодарностью говорю я

— Нет никакой угрозы, — сухо констатирует он.

— Да, но мы не знали, что делали? — констатирую я.

— Я не хочу потерять тебя, — не громко говорит он.

— Может быть, ты не должен мне помогать... — начинаю я.

Темно-зеленые глаза Рида встречаются с моими, когда он цитирует: — Я не знаю, чем все это закончится, но чтобы это ни было. Я подойду к этому смеясь.

— Моби Дик, — сухо говорю я, — но ты, не напоминаешь мне Стубб.

Когда он заводит двигатель, его улыбка становится гордой. Это согревает мне душу. Мы выезжаем со стоянки магазина, направляясь в сторону моего общежития. Развернув упаковку Твикс, я даю одну Риду, пока он едет вниз по улице.

Он осторожно нюхает пирожное.

— Ты не шутишь о таких вещах, да? Ты действительно хочешь, чтобы я это съел? — спрашивает меня он.

— Да, они вкусные! — говорю я, откусывая кусочек от второй части.

Он неуверенно откусывает от батончика и задумчиво пережевывает.

— Ты знаешь, что с этим было бы вкусно? — спрашиваю его я, слизывая заварной крем

с кончика пальца

— Нет, что? — спрашивает он, вопросительно нахмутив брови.

— Коньяк, — улыбаясь говорю я ему, жуя свой батончик.

— Не говори этого при французе, — говорит он, и мы оба рассмеялись.

— Однажды я буду такой же сильной, как и ты? — спрашиваю я, думая о том, как легко он действовал в магазине.

Он хмурится, задумавшись.

— Я не знаю. Ты не такая как я, но это возможно, — говорит он.

Я закрываю глаза, пытаюсь представить себе такую мощь.

— Но пока у тебя нет такой силы, — серьезным тоном говорит он. — Ты должна постараться не ходить туда без меня, Эви. Я отношусь к этому очень серьезно. Обещай мне, — настаивает он.

— Рид, ты только что назвал меня Эви, — в шоке спрашиваю я, глядя на него.

Он внимательно наблюдает за мной, и я не удивлюсь, если его ощущение так же сильны, как и мои.

Я борюсь с влечением, которое тянет меня к нему. Мне нужно уйти от него в ближайшее время. Он заставляет меня желать то, что я не могу определить. Это не малое желание, быть рядом с ним. Внутри, я начинаю чувствовать себя дикой.

— Обещай мне, Эви, — снова говорит он.

Это не только из-за того, что он назвал меня Эви, а еще и из-за того, как он произнес его — он использовал соблазнительный тон.

— Ты никогда не называл меня Эви, — мягко говорю я. — Ты всегда называл меня Женеьевой, и ты обычно говоришь это с раздражением, словно меня не существует.

— Может быть, после всего этого, ты выросла в моих глазах, — отвечает он нежным тоном. — И вряд ли тебя не существует, — говорит он нахмурившись, словно видит эту ситуацию с другой точки зрения.

— Скажи это снова. Произнеси снова мое имя, — тихо прошу его я.

— Обещай мне, Эви, — говорит он, и его голос для меня звучит словно ласка.

— Сегодняшним вечером в магазине ничего не произошло. Не вспышек света, не угрожающих чудовищ, ничего... — прошептала я снова, борясь с нашим притяжением.

— Эви, — ласково настаивает он.

— Я обещаю, — говорю я, затаив дыхания и чувствуя, что краснею.

— Спасибо, — улыбается он.

— Какой наш следующий шаг? — спрашиваю я, пытаюсь оставаться спокойной, и не пялиться на его прекрасное лицо.

— Ждать, — отвечает он.

— Ждать? Чего ждать? — в замешательстве спрашиваю я.

— Тебя? — уклончиво отвечает он.

— Меня? Что я должна сделать? — озадаченно спрашиваю я.

— Это не займет много времени, — продолжает Рид.

— Что не займет много времени? — спрашиваю я. Он только улыбается мне, как ребенок в ожидании новой игрушки.

— Ты не расскажешь мне, да? — спрашиваю я, чувствуя разочарование.

— Не могу, — спокойно говорит он.

— Тогда какой от тебя толк? — дразню его я, когда он заезжает на парковку Йейтса.

— Надеюсь, что тебе понравился Твикс, потому что ты не получишь его, пока не начнешь говорить.

— Итак, какие пакости ты планируешь со своими белокурыми товарищами? — спрашивает Рид, проигнорировав мой комментарий и меняя тему разговора.

— Я не скажу тебе, — застенчиво отвечаю я, не позволяя ему узнать об этом. — Все что я скажу — это не займет много времени.

— Просто будь осторожной, Эви. Со всем что происходит, ты не должна выйти и попасть в беду, — заботливо отвечает Рид, указывая на очевидное.

Я хочу спросить его, как бы он определил, что попал в неприятности, если зашел в 7-Eleven первый раз, но сегодня он был со мной добр, и я не хочу это менять.

— Это называется весельем, Рид. Когда-нибудь, ты должен попробовать это, — говорю я с веселой улыбкой. — Мне нужно идти. Увидимся завтра на тренировке, хорошо?

— Хорошо, я увижу тебя на тренировке, — мягко говорит Рид, и тогда он делает то, чего я не ожидала бы даже через миллион лет.

Перегнувшись через сидение, он трогает мои волосы. Я вопросительно смотрю на него с легкой улыбкой. Пальцы Рида легонько прикасаются к моей щеке, мягко лаская, что вызывает у меня вздох, что придает ситуации еще больше опасности. Он начинает наклоняться ко мне, словно надеется на то, что у меня есть силы, чтобы спасти нас от того, что может произойти. Внутри меня нет этой силы, так что я жду его поцелуя.

Губы Рида нежно прикасаются к моим, даря мне чувство тепла. Закрыв глаза, я наслаждаюсь томительной сладостью его губ, а в моей груди тяжело бьется сердце. Чувствуя, как его пальцы прикасаются к моей щеке, я задумалась над тем, как они там оказались. Прогоняя эту мысль, я подвигаюсь ближе к нему, меня охватывает жар, отправляя в свободное падение. Отстранившись, наши с Ридом глаза встречаются; его серо-зеленые глаза темнеют. От тепла его кожи мои пальцы кажутся холодными, когда скользят по его шеи. Наклонившись вперед, я снова прикасаюсь к его губам, и между нами рушится стена, словно пострадавшая от стихии. Он притягивает меня к себе, а потом... адский огонь. По сравнению с этим поцелуем, каждый поцелуй который у меня когда-то был, казался сломанной игрушкой.

Я желала его. Я не та, кто закончит поцелуй. Я не контролирую тот пыл, который овладел мной. Рид решительно, но нежно заканчивает наш поцелуй.

— Эви, у нас проблемы... нет никаких сомнений, — шепчет Рид, упираясь своим лбом в мой.

— Проблемы, почему? — я оборачиваю руки вокруг его шеи.

— Потому что я никогда не смогу держаться от тебя подальше, — бесстыдно отвечает он, целуя мне шею чуть пониже уха.

— Ох, — говорю я, в ответ на его ласки. — Ты так говоришь, будто это плохо.

— Ты должна идти, — говорит он, крепко удерживая меня.

— Да... Я должна... — отвечаю я, обнимая его так, будто никогда его больше не увижу.

— Ок... увидимся завтра, — говорит он. — Спокойной ночи, Эви.

— Спокойной ночи, — вздыхаю я, отстраняясь от него, но мы держались за руки, до тех пор, пока я не выхожу из машины.

До того как закрыть дверь, я улыбнулась ему и стояла на парковке, пока он не отъехал. Возвращаясь в общежитие, я прохожу мимо горевшего фонарного столба.

Я чуть не выпрыгиваю из кожи, когда вижу, что за ним кто-то стоит.

— Рассел! — говорю я, спиной чувствуя, как передо мной промелькнула жизнь, когда вижу выражение его лица. Он выглядит так, словно кто-то умер. Нет, это не он — он выглядел так, словно его предали, как будто он просто должен был вытащить нож из своей спины.

— Эви, я видел тебя, — рычит он, начиная отходить.

— Рассел, Рид просто помогал мне... — пытаюсь объяснить я, запинаясь.

— Помогал тебе? Помогал тебе в чем? — спрашивает он, останавливаясь и сердито глядя на меня. — Это выглядело так, словно он сам себе помогал. Если бы его голос действовал на тебя, я бы сказал, что ты наслаждалась этим.

Мои щеки окрашивает румянец, и я начинаю паниковать.

— Я имела в виду, до того что... — я замолкаю. Я даже не могу быть честной с Расселом о том, что произошло со мной в 7-Eleven. Чем меньше он знает обо всем этом, тем лучше. Но я решила это не за тем, чтобы защитить Рассела? Но я не чувствую защиты, он ощущает это, будто предательство, и я чувствую, что мое сердце режут, как будто оно кровоточит потому, что я причинила ему боль.

— Я имею в виду, разве это больше чем наблюдение? Вот я и говорю Женестьева, — саркастически добавляет он, — а почему ты не расскажешь мне о том, что ты делала весь вечер с тем парнем, который пару дней назад был твоим врагом.

Он ждет, что я что-нибудь скажу, но я не могу.

— Нет... Ты ничего не хочешь мне сказать? — спрашивает он.

— Извини Рассел, — просто сказала я. Мое горло сжимается от боли.

— Да, да, прости, — саркастическим тоном отвечает он.

Плечи Рассела опускаются, когда он уходит прочь, оставив меня с чувством стыда и раскаяния.

Глава 11

Потерянный рай

Утром я пропускаю завтрак, потому что хочу избежать встречи с Расселом. Мне все еще больно от того, что произошло вчера вечером; поцелуй с Ридом был удивительным, но меня мучило предательство, которое я увидела в глазах Рассела.

Той ночью Булочка и Брауни изо всех сил пытались подбодрить меня, но я все еще чувствую себя ужасно, из-за боли, причерченной Расселу. Но дело не только в этом, я чувствую себя потерянной, словно струна, что окутала мое сердце, порвалась и ускользает сквозь пальцы.

Я решаю пойти в класс истории искусств пораньше, так я смогу поговорить с мистером МакКинаном. Я нахожу его подготавливающим слайды к своей лекции. Сейчас, когда Булочка упомянула об этом «плохом мальчике», Сэм кажется мне симпатичным. С темными волосами и голубыми глазами, в семь тридцать утра ему присуща легкая неряшливость.

— Простите, мистер МакКинон, могу я войти? — спрашиваю я, стоя в дверях его класса.

— А, Женестьева, это ты? — спрашивает он, посмотрев вверх проектора. — Да, пожалуйста, проходи. Ты пришла сказать, что будешь для меня позировать? — уверенно спрашивает он.

— Итак, вы читаете мысли, а еще вы артист, — отвечаю я. — Прошу прощения, за то, что заставила вас ждать моего ответа.

— Все в порядке. Это всего лишь показывает, что ты умна не по годам и не принимаешь все за чистую монету, — хвалит он. — Когда тебе удобно попозировать мне?

— Я свободна по вторникам и четвергам. В другие вечера у меня тренировки по хоккею, — говорю я.

— Хорошо, как насчет с 15:30 до 17:00? Дневной свет идеально подойдет для того, что я задумал, — говорит он, поясняя мне, что он имеет в виду портрет.

— Мне удобно. Когда мы должны начать? — немного стесняясь, говорю я.

— Если ты можешь, то сегодня, мой ассистент Дэбора возьмет несколько картин. В 15:30, — говорит он, с энтузиазмом потирая свои руки.

— Я приду, — отвечаю я. — Я могу вам помочь в настройке проектора?

— Ну... эээ, кто-то перепутал все мои слайды. Я буду говорить о палеолите, Ванессы Веллендорской, но, по какой-то причине, все мои слайды перепутались, видите... — говорит он, указывая на экран. — Я застрял на Иврониме Боске «Сад райских наслаждений».

Я пытаюсь скрыть свое удивление, потому что эта картина считается скандальной... ммм... в смысле с точки зрения высокого искусства.

— Это выглядит довольно сложным, — говорю я, глядя на живопись, которая, кажется, состоит из трех картин, связанных друг с другом.

— Это триптих, который, в данном случае, является еретичной картиной, состоящей из трех секций, выполненной маслом по дереву. Ты видишь небольшую часть третьей секции, это квадрат и два отдельных прямоугольника вдоль площади. Прямоугольник можно сложить как жалюзи. Конечно, когда это сделаешь, по другую сторону тоже появляется картина. Как считают, эта сцена сотворение Земли на третий день, — объясняет он.

— Что изображают эти картины? — увлеченно спрашиваю я.

— Слева — момент, когда Бог впервые предстает перед Адамом и Евой, — увлеченно

говорит мистер МакКинон, махнув рукой на левую часть экрана. — В средней части еще один сад, но без присутствия Бога, и населенный фантастическими существами и более высшими созданиями. И в правой части — кошмар, который отображает осуждение.

— Я никогда не видела ничего подобного, — говорю я.

— Да, Босх опережал свое время, знаешь, он написал эту картину примерно в 1503 г. Он говорил, что это должно быть его шедевром, но я больше равнодушен к его «Судному дню». Я тебе покажу, если найду слайд... а вот и он. Левая часть называется «Рай». Если ты согласишься посмотреть на его нижнюю часть, то, кажется, что там изображено, как Бог создает Адама и Еву. В середине той же левой части картины, искушение Адама и Евы. Она показывает, как ангел Господень изгоняет их из рая. Вверху, мы видим небеса, где восседает Бог, и ангелов изгнания, падших ангелов, — говорит он, указывая на экран, где среди облаков изображены ангельские битвы. — Они воюют друг с другом.

— Интересно, — говорю я, начиная раскачиваться на пятках. Я с трудом держусь на ногах, поэтому прислоняюсь к одной из ближайших парт. Я не могу оторвать взгляд от левой верхней части картины под названием «Рай». Ангелы на войне, а падшие ангелы были изгнаны с Небес. Погибшие, так или иначе, попадают на землю. Я пытаюсь слушать то, что мистер МакКинон рассказывает о других картинах, но у меня звенит в ушах, а сердце выпрыгивает из груди.

— ...В середине семестра мы обсудим это в мельчайших деталях, — объясняет он, заканчивая свой урок, ища в других произведениях искусства Венеру Вилинорфскую.

Пока проектор продолжает отбрасывать по комнате яркие отблески света, по моему лбу скатывается капля пота.

— Спасибо мистер МакКинон, вы были очень поучительны, — шучу я, подхожу к свободному столу и сажусь.

Когда начинается урок, я борюсь с искушением опустить голову на парту. Вместо этого я пристально смотрю на экран.

Я оцепенела; все, что я могу делать — это дышать. Я думаю, что даже не поняла бы, что урок закончился, если бы мистер МакКинон не подошел к моему столу и не напомнил, что наша встреча состоится в 3:30

Встав, я выхожу из его класса и сажусь на ступеньки у входа в здание, и кладу голову на колени. Не уверена как долго я просидела там, но что-то пробивается сквозь ледяной холод, сковавший меня изнутри. Чувство порхающих бабочек выводит меня из оцепенения. Передо мной стоит Рид с выражением озабоченности на его прекрасном лице.

«На слишком идеальном лице», — в уме поправляю я себя. Я думала, он спросит в порядке ли я, но когда я смотрю на него, он осматривается вокруг и, кажется, принимает какое-то решение. Он поднимает меня со ступенек и ведет в кабинет фотографии, Рид заводит меня в пустой темный класс и запирает за нами дверь.

Это тускло освещенный лабиринт с пронумерованными камерами, установленными вдоль стены и выглядящими как длинноногие журавли, встроенные в ниши. В другой части кабинета стоят пластиковые столы с химическими флаконами. В задней части помещения; стоит потрепанный зеленый диван с разномастными креслами, сгруппированными в отдельный гостевой уголок.

Рид садится на потрепанный зеленый диван, усаживая меня к себе на колени.

Опираясь на низкий стол, он включает лампу.

— Рид? — мямлю я, немного дрожащим голосом.

— О, так ты решила присоединиться ко мне. Я рад. Я уж было решил, что мне придется принять более решительные меры, чтобы ты вернулась ко мне, — с облегчением говорит Рид.

— Я думала об этом, — отвечаю я, не уверенная правда ли это.

— Ты уверена в этом? Это выглядит так, словно ты была в шоке, — скептически спрашивает Рид.

Когда я не отвечаю, он спрашивает: — О чем ты думаешь, Эви?

— Обо всех тех вещах, о которых ты мне не рассказываешь, но в основном, мне интересно, что было бы, если бы я была нормальной, — шепчу я.

— Ну, ты не нормальная, и мы не можем изменить то, кто мы есть — как мы были созданы. Ты родилась, чтобы быть опасной, — серьезно говорит он. — Ты должна принять это.

— Я опасна? — фыркаю я, не веря.

— Очень, — просто отвечает он.

— Я не чувствую себя опасной, я чувствую себя такой маленькой и открытой, — говорю я, отворачиваясь от него.

— Эви, ты самое опасное существо, которое я когда-либо встречал, а я встречал их всех, — говорит он, играя с моими волосами.

— Знаешь, ты прав, потому что ты был рядом с этим с незапамятных времен? Я думаю о воюющих ангелах на горе Босха.

Рид перестает играть с моими волосами, а я делаю глубокий вдох, и спрашиваю: — Ты был одним из падших ангелов, или ты был тем, кто их изгоняет?

Рид молчит, и его лицо не выдает ни одной мысли, о чем он думает.

— Я склоняюсь к божественным ангелам, — говорю я, делая глубокий вдох. — Я не вижу тебя на другой стороне, — я останавливаюсь, чтобы посмотреть ему в глаза.

Он даже не дышит.

Я ненадолго закрываю глаза, пытаюсь говорить, игнорируя ком в горле.

— Если это так, то кто я? Какое-то дьявольское отродье, или что-то еще?

Рид все больше напрягается.

— Ты пока еще не знаешь, наполовину ли я падший ангел или небесный ангел, — глубокомысленно рассуждаю я.

— Но ты знаешь, что я наполовину человек. Моя мама была человеком, так же как сестра и дядя Джим. А вот мой отец остается под вопросом. Ты знаешь, что он ангел, но ты не знаешь, на чьей стороне он воевал.

— Ты по-настоящему опасное существо, Эви, — говорит Рид, в восхищении.

— Я не падший, ты права, а это значит, что твоя пронизательность — просто поразительна. Сколько тебе лет?

— Почти восемнадцать, — говорю я, с трудом сглотнув от того, что мои подозрения подтвердились. Я закрываю глаза и заставляю себя равномерно дышать.

— Поразительно, — снова мягко говорит он. — Как ты догадалась об этом? — спрашивает он.

Я поднимаюсь с колен Рида, сажусь рядом с ним на диван и рассказываю ему о картине Боска, на которой в облаках борются ангелы.

— Что с тобой будет через тысячу лет, если у тебя уже сейчас такая мощная интуиция? — вслух изумляется он.

Я знаю, что должна быть напуганной, но я слишком зла, и это подстегивает меня.

Встав, я начинаю ходить по комнате.

— Так в список моих странных способностей я могу прибавить еще и бессмертие? Великолепно, это должно быть интересно, смотреть на то, как все мои друзья стареют и умирают, а я никогда, — с насмешкой говорю я.

— Когда я это обрету? — спрашиваю, облокотившись на стойку, и смотрю на него.

— Думаю, для тебя никогда не наступит день девятнадцатилетия.

Пока он говорит, на его губах играет сексуальная улыбка.

— Ты не должна взрослеть, чтобы выглядеть старше.

На секунду я забываю о злости.

— Но ты не знаешь этого наверняка, потому что я наполовину человек, — задумчиво говорю я, подбирая пару деревянных щипцов.

— Завтра я могу умереть от вируса или чего-нибудь еще.

— Это вряд ли, учитывая тот факт, что мы наблюдали за тем, как в течении двух часов исцелилась твое колено, — поясняет он. — Как у ангела.

— Так меня невозможно убить? — задумчиво спрашиваю я.

— Все могут умереть, даже ангелы; просто с нами это очень сложно сделать. Чтобы достичь своей цели ты должна ужасно страдать, — мягко говорит он.

— Божье благословение, — язвительно отвечаю я, опуская щипцы. — Какие еще особенности я унаследовала от своего отца? У меня появятся крылья или что-нибудь еще? — пессимистично спрашиваю я.

— Наверное, — его губы кривятся от сдерживаемой улыбки, — но я точно не знаю. Мы подождем и увидим.

Я сузила глаза.

— У тебя нет крыльев! — обвинительно говорю я, — я видела тебя без рубашки и они явно отсутствовали. Они выдвигаются или что-то типа того? — с подозрением спрашиваю я.

— Да, — с усмешкой подтверждает он.

— В ту ночь ты не забирался по лестнице, а взлетал? — риторически спрашиваю я.

Он отвечает мне самодовольным кивком.

— Как это работает? Я бы никогда не догадалось, что ты по желанию можешь отрастить крылья, — недоверчиво спрашиваю я.

Пытаюсь представить себе этот процесс, и он становится таким же зловещим как в ужастиках.

— Ты увидишь, — отвечает он, не посвящая меня в детали, и на этот раз, думаю, я благодарна за это.

— Знаешь Рид, я не хочу, — холодно отвечаю я.

Я немного успокоилась, притворяясь, что рассматриваю фото, лежащие на парте. У меня возникает одна мысль, и я неуверенно спрашиваю: — Раз ты ангел, то полагаю, ты знаешь все о рае?

— Да, — говорит он, но его тон немного оборонительный, он сидит на диване, наблюдая за мной.

— Расскажи мне об этом, — вздыхаю я.

— Нет, — решительно говорит он.

— Почему нет? — спрашиваю я с болью в голосе.

Рид хмурится, прежде чем ответить.

— Эви, ты не совсем ангел — ты наполовину человек. Ты обладаешь тем, чем никогда не обладал не один ангел, и никогда не будет, так что раскрывать тебе тайны рая не совсем... разумно. Я даже не уверен, что должен обсуждать с тобой Шеол.

— Шеол? Что это? — спрашиваю я, зная, что это была не совсем хорошая идея, просто та интонация, с которой выплюнул это слово Рид, наводит на мысли, словно оно оставило у него во рту мерзкий привкус.

— Это место, и оно имеет много разных названий, в зависимости от человека, с которым ты говоришь. Кукла — это одно, а Дом Лжи — это другое его название, но думаю название, которое тебе хорошо известно — это ад. Я могу назвать тебе имя Ангела, но это пропасть, куда попадают падшие, когда хотят скрыть себя от нас.

От его слов я задрожала; он говорит то, во что я смутно верю.

Знание об этом есть, но когда его вытаскивают наружу и подтверждают, это ужасно.

— Ты сказал, что я обладаю тем, чем никогда не обладали другие ангелы. Чем я обладаю, чего никогда не будет у других? — в смятении спрашиваю я.

— У тебя есть душа, — отвечает он.

— О, у тебя нет души? — удивленно спрашиваю его я.

— Нет, до тебя — только люди имели души. — Ты единственный ангел, у которого есть душа... ты уникальна, — нежно говорит он.

— Ты сказал, что я живой парадокс? — ошеломленно отвечаю я.

— Гибрид, — любезно поправляет он.

— Какая ирония, — мрачно говорю я.

— Божественный компромисс, — возражает он.

— Мерзость, — мрачно говорю я.

— Нет. Никогда, — напряженно говорит он.

— Ты сказал, что когда ты увидел меня, твоим первым импульсом было уничтожить меня, — грустно говорю я, думая, что, возможно, его чувства оправдались.

— Я прошу прощение, Эви, — вздыхает он, — но ангелы завистливые твари. Также можно вспомнить, что я говорил тебе, что хочу одновременно и любить, и защищать тебя.

В смятении я хмурюсь.

— Ты завидовал мне? — с сомнением спрашиваю я.

— У тебя есть душа, — говорит Рид, как будто этого объяснения вполне достаточно.

— И? — спрашиваю я, сморщив нос.

— Что ты думаешь о нашей войне? Это из-за душ, — отвечает он.

— О, так ты хотел бы иметь душу? — спрашиваю я, поднимая бровь.

— Разве это не то, что я сказал? — отвечает он, скривив губы.

— Почему бы тебе не подняться на небеса и не попросить одну? Разве сейчас они не могут раздавать их? — спрашиваю я, поднимая свою руку к небу.

— Эви, я не поднимаюсь на небеса, пока меня не вызывают, — с ноткой тоски в голосе, которую я никогда от него прежде не слышала.

Я пересекаю комнату и сажусь на софу рядом с ним, и душу свое внезапное желание прикоснуться к нему губами, чтобы забрать его печаль, главное потому, что я не знаю, как он отреагирует.

— Так как часто они вызывают тебя обратно? — спрашиваю я, через некоторое время, потому, что кажется, он практически затосковал.

— Эви, я никогда не буду призван назад, — поясняет он спокойно.

Мои глаза расширяются, и я спрашиваю затаив дыхание: — Никогда?

Это означает, что он остается здесь навсегда.

Когда он отвечает, его голос кажется пустым: — Никогда, у меня есть миссия.

Я знаю, что нужно делать.

— Ответь мне прямо. Ты говоришь, что ты на Земле почти с незапамятных времен? — спрашиваю я, пытаюсь понять концепцию времени.

— Да, — подтверждает он.

— Что ты делал? — удивляюсь я вслух.

— Делал то, для чего я создан, — говорит он, начиная своей рукой растирать мою в утешительном жесте.

— И что это? — спрашиваю я, ожидая от него ужасный ответ, и не разочаровываюсь: то, что он говорит наводит страх на меня.

— Уничтожал зло, сражаясь с легионами падших. Я солдат, Эви, ассасин... я говорил тебе это.

— Святое дерьмо! — пишу я.

— Да, — иронично улыбается он.

Я едва могу дышать, а мое сердце выходит из-под контроля, со смесью паники и страха.

— Эви, ты в порядке? — успокаивающе спрашивает он меня.

— Нет, я не в порядке.

Какое тут в порядке? Он настоящий ангел!

— Что случилось? — спрашивает он, слегка прикасаясь к моей щеке, пока я смотрю на него.

— Ха! А в чем может быть дело Рид? — восклицаю я — Ты чертов ангел, и я... я даже знаю, что я... я... могу быть для всех троянским конем. Может быть, нам стоит врезать меня, открыть и посмотреть, не выскочат ли куча мужчин в юбках, — раздраженно говорю я.

— Не смейся, я знаю, что в тебе ничего нет, — покровительственно говорит он.

— Ну конечно, потому что ты ангел! — кричу я на него.

— Шшш... все нормально, Эви, — говорит он, заправляя прядь моих волос за ухо. — Все будет хорошо. У тебя есть душа. Это означает, что ты можешь спастись. Так что, откуда бы ты не взялась, у тебя есть этот дар.

— Так ты говоришь, у меня есть возможность попасть в рай, даже если мой отец падший ангел? — неуверенно спрашиваю я, я не могу сказать демон, предпочитая менее мрачное название — падший ангел.

— Да, — ласково сказал он.

— Из-за души? — спрашиваю я, чувствуя толику облегчения.

Он мрачнеет: — Да, но... — начинает он, прежде чем я прерываю его.

— Что?

— Есть некоторые недостатки в том... что ангел имеет душу, — нехотя вздыхает он.

— Есть... что это? — спрашиваю я с тянущей болью в животе.

— Многие позарятся на твою душу и попытаются уничтожить тебя, в попытке заполучить ее, — говорит он, наблюдая на моем лице признаки недомогания.

— Ты хочешь сказать, что я — цель? — говорю я как можно спокойнее.

— Для некоторых. Для других, ты словно приз или трофей, для тех, кто по-настоящему проклят, ты могла бы быть выходом из трудного положения, — мягко говорит Рид, его глаза все еще изучают меня.

«Что просто какие-то монстры просто ждут там кого-то вроде меня?» — я внутренне содрогаюсь.

— Моя душа может быть пропуском из ада... в смысле из Преисподней? — шепчу я, волоски на моих руках встают дыбом.

Рид притягивает меня к себе и ободряюще обнимает.

— Точно, — говорит он, словно гордясь мной за то, что я пришла к правильному выводу. Однако, я желала бы в оставаться в неведении.

— Твоя душа способна выжить в ангельском теле, — говорит он, опустив голову на грудь. — Я не видел такого раньше. Я уверен, что не один падший тебя еще не видел... их будет привлекать к тебе по многим причинам. Ты представляешь крайнюю опасность; ты то, что всегда было запрещено. Я не хочу знать, что один из них будет делать, если обнаружит тебя, я вообще удивляюсь тому, как ты можешь быть не замеченной такое долгое время, — говорит он, крепче обнимая меня, будто хочет защитить меня даже сейчас.

Внутри меня искрится небольшой луч надежды, показывая тем самым, каким темным стал мой мир, и что еще более важно, как он мне сейчас необходим.

— Но прежде чем ты сказал мне это, ты хотел уничтожить меня, — бормочу я, а у меня в голове, словно светлячок вспыхивает искра.

— Я подумал, что твоя душа все меняет, — серьезно говорит Рид. — Ты можешь спастись, и не имеет значение, откуда ты пришла. Как у человека, у тебя есть свободная воля, — объясняет он мне. — Так же ты обладаешь предчувствием, которое может быть божественным даром.

— Но, если, защищая меня, ты подвергаешься опасности, то зачем тебе брать на себя такую ответственность? — спрашиваю я, беспокожно заерзав. Он просто сумасшедший раз связался со мной.

— Эви, ты знаешь, сколько мне лет? — задумчиво спрашивает он меня.

— Много, — предполагаю я, в основном потому, что не имею понятия сколько ему лет.

— Да, — соглашается он. — Я был здесь очень долгое время, эволюционируя вместе с человечеством, но ты не одна из них. Я боролся рядом с другими ангелами. Мы хорошие солдаты, зверские убийцы. У нас нет семей; по большей части, наша дружба основана на войне.

— Я вижу, — говорю я, пытаюсь представить его эволюцию.

— Я солдат... я убийца... у меня нет чувств, — последнее слово он говорит с горечью, пытаюсь объяснить мне. — Но потом я увидел тебя, и испытал эмоции, которых никогда раньше не испытывал...

Он смотрит на меня, пытаюсь увидеть, понимаю ли я то, что он мне говорит.

— Ты как сирена, которая поет для меня, и я чувствую... — он умолкает.

— Что ты чувствуешь? — призываю его я, мягко поглаживая его щеку.

— Ты знаешь, почему сегодня я пришел увидеть тебя? Как я нашел тебя сидящей на ступеньках? — спрашивает он, склоняясь к моей руке.

— Нет, — вздыхаю я, очарованная совершенством его лица.

— Твое сердце. Оно поет для меня, зовет меня. Я знаю, когда ты испугана, когда тебе снятся кошмары, которые будят тебя среди ночи. Я знаю, когда ты счастлива. Но сегодня ты меня напугала. Твое сердце прикатило пение. Оно замедлилось, и я едва слышал тебя. Я должен был найти тебя... — говорит он и приближает свое лицо так, что его губы нежно целуют мою ладонь.

— Ты можешь издали услышать мое сердцебиение? — спрашиваю я и думаю, что оно могло перестать биться просто из-за волнения, когда кивнул.

— И ты все еще ощущаешь порхание бабочек?

— Да, — отвечает он.

— Это должно было случиться раньше. Я не единственный человек, у которого есть... — я остановилась, когда он затряс головой.

— У тебя никогда никого не было? — спрашиваю я, меняя тему разговора.

— Не на Земле, — подтверждает он, и мое сердце болит за него.

Жить вечность без любви...

— Это не имеет ни какого смысла; ты совершенство, а я мутант. Что может замышлять Бог? — спрашиваю я его.

— Ты не мутант, а я не совершенство, — бормочет он.

— Есть одна вещь, которую я узнал за все время, что был здесь, и это лучший урок, которому я могу научить тебя. Она такова: Никогда не думай, что знаешь мысли Бога.

— Да, этот урок прост для меня, потому что я не имею понятия, — уверена я.

Я думаю о том, что он сказал мне о моем сердце, и о том, что он провел в одиночестве большую часть своей жизни.

— Ты не знаешь ангелов девушек? — краснея, спрашиваю я.

— Да, — отвечает он.

— Ну и какие они? — спрашиваю его я, чувствую, что в чем-то завидую божественным существам, о которых ничего не знаю.

— Они отличные войны, — отвечает он, его зеленые глаза смягчаются, когда он смотрит на меня.

— Я имела в виду, что им нравится помимо борьбы? — вздыхаю я, пытаюсь заглянуть в его мир.

— Ты спрашиваешь, чем они отличаются от тебя? — спрашивает он.

Я киваю, удивляясь, что он не говорит, что я ревную.

— Те, что были посланы на землю для уничтожения падших, жестокие, такие же, как и их партнеры-мужчины, — говорит он, пожимая плечами.

— В них почти нет женственности. Им не хватает загадочности и очарования, которыми обладают человеческие женщины. У некоторых ангелов здесь есть пара, но это для комфорта. Мы редко остаемся как партнеры.

— Ты шутишь? — спрашиваю я.

— Нет, — говорит он.

— Мы войны; мы не испытываем эмоций, которые испытывают люди, по крайней мере, до недавнего времени. — В его голосе звучит раздражение. — Есть и другие типы ангелов — не войны. У них другие миссии и они мягче, но я их не привлекаю.

— Как на счет человеческих женщин? Не одна из них не привлекала тебя? — недоверчиво спрашиваю я.

— Каковы шансы что?

Рид искоса смотрит на меня.

— Человеческие женщины слишком хрупкие; нужно было бы сильно сдерживать себя... — он замолкает и снова продолжает, — я очень сильный, я мог бы... но я никогда не пробовал соблазнить... не было никого кто...

— Пел для тебя? — спрашиваю я, сжалившись над ним и спасая его от объяснений.

— Да, — с облегчением выдыхает он, от того, что ему можно не продолжать.

— Что на счет меня? Я на половину человек. Я тоже хрупкая? — осторожно спрашиваю я, боясь полностью поднять эту тему

— Сейчас ты хрупкая. Я могу без усилий тебя сломать. Но скоро, это изменится, и ты будешь сильной, как ангел, — уверенно отвечает он.

— Ты говоришь так, словно, чтобы изменится, я сплелу кокон, — говорю я, надеясь, что я ошибаюсь.

— Нет, ничего радикального... ну, может быть превращение, достаточно точное обещание, — задумчиво говорит он.

— Откуда ты знаешь, что я изменюсь, — подозрительно спрашиваю я.

— Сначала мы все слабые, но потом, достигнув, мы начинаем развиваться, — объясняет он.

— Когда? — тихо спрашиваю я.

— Скоро, — мягко говорит он.

— Как скоро? — спрашиваю я.

— Когда ты будешь готова — сказал он, пожав плечами.

От разочарования я закатила глаза.

— Я буду выглядеть по-другому? — поинтересовалась я.

— Не сильно, но будут тонкие различия.

Из-за того что он не рассказывает подробности, мне хочется пнуть его. Я бы сказала, что только типичный мужчина не рассказывает никаких подробностей, но Рида нельзя назвать типичным.

— Это больно? — обеспокоенно спрашиваю я.

— Это все относительно, — отвечает он.

— Боль не субъективна, — говорю я.

— Действительно? Как это объяснить? — спрашивает Рид, ущипнув меня за руку.

— Ауч! Это больно! — восклицаю я, одергивая руку и энергично потирая поврежденный участок.

— Ты можешь оказаться в беде, — говорит он, выглядеть удивленным.

— Ты знаешь, что я могу оказаться сильнее тебя. Что ты собираешься делать потом? — дуюсь я.

Он просто смеется надо мной, как будто я шучу, или возможно потому, что он счастлив.

Это выглядело так: он счастлив от того, что моя трансформация в более сильное существо неизбежна, существо, которое могло бы угнаться... и он был бы другим, если бы знал, что я могла бы идти в одну ногу с ним.

— Рид? — спрашиваю я.

— Хмм, — отвечает он.

— Если я не совсем человек, и если я не чистокровный ангел, тогда как я должна понять, какие правила я должна соблюдать? Я ничего не знаю об ангельских правилах. Я знаю только о некоторых из них, и я не уверена в них, — говорю я.

— Я не знаю, Эви, — он нахмурил брови. — Некоторые из наших законов не совпадают с человеческими законами, — говорит он, с озадаченным выражением лица.

— Например? — спрашиваю я.

— Люди не должны убивать друг друга. Я послан специально, чтобы убивать, — прямо отвечает он.

— Получается ангел-мститель, — говорю я, даже если его откровение должно было напугать меня, я чувствую себя больше любопытной, чем обеспокоенной.

— Правильно, — говорит он с небольшой ухмылкой. — Люди должны почитать своих родителей. Я был создан Богом, не имея ни матери, ни отца.

— Ах да, — говорю я, пытаюсь скрыть шок от открывшегося откровения.

— Люди не должны изменять своим супругам с другими людьми, но у ангелов нет супругов, — мимоходом объясняет Рид. — Но многие люди с этим правилом имеют очень серьезные проблемы.

— Спасибо, я получила нужную картину, — отвечаю я, обдумывая новую информацию.

— Так что, не женится — это очень интересно, но вы можете... — я не могу спросить его о том, что хочу узнать.

На этот раз Рид спасает меня.

— Ты хочешь узнать, если я влюблен, то могу ли я, если захочу, заняться любовью с человеческой женщиной? — спрашивает он с весельем в тоне.

— Да, — отвечаю я, чувствуя, как покраснело мое лицо.

— Да, но это будет только для удовольствия. Я не способен к зачатию детей, — объясняет он мне.

— Тогда как мое рождение вообще возможно? — задыхаюсь я.

— Эви, поэтому ты — загадка; по логике, ты не должна существовать, но ты существуешь, и этот факт означает, что что-то изменилось. О тебе ничего не известно, потому что ты не должна существовать, — медленно говорит он,

— Как создаются ангелы? — спрашиваю я его.

— Мы рождены из огня, — говорит он.

Когда мои глаза расширяются, он продолжает: — Ну, «рождение» — это не правильный термин. Я никогда не был ребенком. Мне всегда казалось, что я всегда так выглядел, но в самом начале моей жизни — я был таким же слабым, как ты. Когда я созрел, то обрел крылья, я надеюсь у тебя будет так же, но я не знаю, как будет проходить твоя эволюция. Я делаю предположение только на основе того, что вижу тебя сейчас. То, как ты излечилась, — по-ангельски.

Я закусила свою губу.

— Если я стану ангелом, что будет, когда мои друзья заметят, или мой дядя заметит, что я не становлюсь старше?

Рид молчал.

— Я не могу сказать им что я? — говорю я, спрашивая, что и так уже знала, избавляя его от дальнейших объяснений.

— Нет, — мягко говорит он.

— Это одно из их правил? — сердито спрашиваю его я.

— Да, — говорит он.

— Я думаю, мне не нравятся ваши правила.

— А ты не думал, что не один свод из ваших правил не относится ко мне? — возражаю я. — Я не просила о различии: быть ангелом, созданным с душой. Кто хотел бы этого?

— Эви, — вздыхает он

— Рид, — разочарованно говорю я.

— Я бы хотел дать тебе все ответы, но я не всемогущ и не всезнающий.

Факт в том, что когда я пришел к тебе, я знал очень мало. Но я не рад, что ты

существуешь, — сексуальным тоном говорит Рид, наклоняясь все ближе.

Было бы приятней услышать от него, что ему приятно, что я существую, поэтому игнорируя его комментарий, я спрашиваю:

— Почему я никому не могу сказать

— Сейчас лучше, чтобы ты ничего никому не рассказывала. Не только потому, что это запрещено, но и потому, что мы хотим держать твоё существование в секрете, как можно дольше. Я пытаюсь уберечь тебя, — говорит он, протягивая руку, чтобы погладить мои волосы.

— Это имеет смысл, — говорю я, пытаюсь смириться со своей логикой.

— Я даже не знаю, чтобы я мог сказать, что звучало бы абсолютно нелепо.

Я притихла на некоторое время, но что-то во мне заныло, то, что уже некоторое время беспокоит меня.

— Рид, я могу у тебя кое-что спросить?

— Ты спрашиваешь меня об этом сейчас, когда забрасываешь меня вопросами в течении нескольких часов? — с нотками веселья в голосе спрашивает он.

— Это о Расселе, — уклончиво говорю я.

— Нет, я не хочу говорить о нем, — сейчас же говорит он, его тон уже не веселый.

— Почему нет? — с дрожью спрашиваю я.

— Я не хочу обсуждать с тобой твою родственную душу, — вежливо говорит он.

— Рид, я не понимаю, что ты имеешь в виду под «родственной душой»? — осторожно спрашиваю его я, потому что он не рад, что мы сменили тему на Рассела.

То, что в нашем разговоре заговорила о Расселе, Рид смотрел на меня с каменным лицом.

Интересно, знает ли он, что нашим поцелуем прошлой ночью, мы пустили Расселу первую кровь.

Ядвигаюсь и сажусь Риду на колени, оказываясь напротив него.

— Я надеюсь, у тебя не уйдет еще тысяча лет на то, чтобы доверять мне на столько, чтобы объяснить мне все, — говорю я, начав играть с кончиками его рубашки. Проходит не меньше миллисекунды, а я уже лежу на спине на мягких диванных подушках. Рид нависает надо мной с хищным кошачьим взглядом, готовый наброситься на меня.

Его захватывающая сила, поражает во мне низкий, хриплый вздох. Я чувствую, как его пальцы крепко сжимают мои бедра, а его идеальное лицо опускается все ближе к моим губам. Обернув свои руки вокруг шеи Рида, от меня не ускользает его мурлыканье. Я целую его сначала кокетливо и игриво, но наш поцелуй быстро перерастает в огонь.

— Эту тысячу лет, я хочу провести с тобой, Эви, ты не представляешь, как я этого хочу, — бормочет Рид, отстраняясь от моих губ и глядя мне в глаза.

— Я хочу тысячу, а потом еще сто тысяч лет.

Когда Рид отстраняется и вырывается из моих объятий, я хнычу от досады.

— Есть так много вещей, которых ты не видела, и так много мест где ты не была, — продолжает он, поднимая меня и усаживая рядом с собой, он проводит рукой по моему плечу. — Я хочу показать тебе все, а потом испытать это с тобой еще раз и через тебя. Но я думаю, что сейчас, для тебя самое безопасное место — это Крествуд, и ты должна быть здесь. Я хочу защитить тебя от всех опасностей. К сожалению, прямо сейчас, я опасен для тебя. Так что, чтобы иметь эти годы, я должен быть осторожным и убедиться, что я не причиню тебе вреда.

— Потому что сейчас я слишком хрупкая? — в отчаянии спрашиваю я.

— Да, я боюсь, что без усилий могу раздавить тебя, — мягко объясняет он.

— Ой, — говорю я слабым голосом, — Как долго...

— Я не знаю... когда ты будешь готова... — говорит он, одаривая меня своей сексуальной улыбкой.

— Но, — бормочу я, — что если для меня лучше рано...

— Нет, — с улыбкой говорит он, прикасаясь к моей щеке.

Рид замолк, и я понимаю, что он во власти какого-то внутреннего конфликта. Я вижу, какая борьба сейчас идет в его голове, придавая лицу серый оттенок.

— Когда я говорил, что Рассел твоя родственная душа, я это и имел в виду, — вздыхая говорит Рид. — Вы две души, которые следуют друг за другом, куда бы вас не занесло. Я полагаю, вы с Расселам прожили много жизней, судя по всему, одна душа призывает другую. Если бы он не пришел сюда, ты бы сопровождала его где-нибудь еще, в любой точке мира. Вы бы нашли друг друга, словно вы две половинки одного целого, — угрюмо говорит он.

Пока я молча слушаю, мои глаза расширяются.

— Кроме того, в этом мире все по-другому, — добавляет он, с тенью улыбки. — Ты уже не совсем человек. Ты еще и ангел, так что, твоя душа и его душа будут разлучены на целую вечность, пока вы снова не встретитесь в раю, если такова твоя судьба, — говорит он, словно для него, это самый худший сценарий из всех возможных.

— Ты хочешь сказать, что Рассел и я были на земле... в наших прошлых жизнях? Вместе? — недоверчиво спрашиваю я.

— Да, — отвечает Рид.

— Родственные души? — говорю я, с трудом понимая, о чем он мне говорит.

— Да, — говорит он, скрипя зубами.

— Как реинкарнация? — говорю я, вспоминая концепцию, которую мы явно не учили в воскресной школе.

— Да, — говорит он, убирая воображаемые ворсинки с рукава своей рубашки.

— Что произойдет с душой Рассела, если моя душа умрет? — спрашиваю его я, встревоженная тем, что он скажет мне.

— Может быть, он найдет новую родственную душу, — неуверенно говорит Рид.

— Каковы шансы того, что это произойдет? — спрашиваю его я.

— Я не знаю, — отвечает он.

Я сужаю глаза и начинаю расхаживать перед ним.

— Давай посмотрим, правильно ли я тебя поняла. Ты говоришь, что Рассел и я родственные души — и мы тратим свои жизни друг на друга. Только на этот раз — я ангел. Так как я ангел, я стала бессмертной, так что, если кто-то и убьет меня, а моя душа попадет в рай, Рассел останется без родственной души?

— Да, — отвечает он, осматривая мое лицо, видя мою боль.

— Хотя он может снова вернуться и найти тебя в следующей жизни, — соглашается Рид, и по его выражению лица я поняла, что он не в восторге от этого сценария.

— Вау, Рид, становится все лучше и лучше, — саркастически говорю я, останавливаясь. — Так ты мне говоришь, что я буду разрывать свое сердце всю оставшуюся жизнь, или вечность, так что ли? Это так? — в этот момент я почти брежу, Рид понимал мое состояние, понимая ситуацию, в которой я сейчас нахожусь.

— Он может выбрать для себя новую судьбу — ты не можешь это контролировать.

— Возможно, до приезда сюда, он уже это сделал... я не должен был тебе этого говорить, — сочувственно говорит Рид. — Я вижу, что это будет мучить тебя.

В его голосе звучит раскаяние, когда он мне рассказывает это, зная, что я сама на этом настояла.

— Извини, — говорю я, потирая лоб. — Рид, ты должен был мне все это сказать. Я должна была все это понять. Что я должна делать? — Рид притягивает меня, и это притяжение почти смертельно.

Я хочу его... он нужен мне. Еще есть Рассел, и быть с ним так естественно, словно я всегда принадлежала ему.

— Поужинай со мной сегодня вечером, — говорит Рид, и это звучит не как вопрос, а больше как приказ.

Его напоминание об ужине, напоминают мне о том, что у меня есть обязанности.

— О нет! Рид, сколько сейчас времени? — спрашиваю я.

— Три сорок, — посмотрев на часы, говорит он.

— Три сорок! Я опаздываю на рисование портрета! — в панике говорю я, ища свою сумку.

— На какое рисование портрета, Эви? — спрашивает Рид, протягивая мне сумку.

— Мистер МакКинон попросил меня попозировать ему, чтобы он мог нарисовать мой портрет. Я сказала ему, что буду в его студии в три тридцать. Я опаздываю! Мне нужно идти! — я не останавливаюсь, чтобы сказать больше, но поворачиваюсь, обнимаю его и дарю ему быстрый поцелуй.

Я повернулась, чтобы уйти, но он берет меня за талию и притягивает к себе.

— Ты собираешься пойти туда одна? — спрашивает он недовольно.

— Да, давай поужинаем сегодня вечером. Я освобожусь к пяти часам, ты можешь забрать меня отсюда, я буду на верхнем этаже в арт-студии, — объясняю я, ища компромисс чтобы ускорить процесс.

На Рида мое беспокойство вообще не влияет; вместо этого он более решительно собирается занять свое время.

— Когда ты согласилась на это? — спрашивает он.

— Почему? — спрашиваю я, прищурившись

— Мне любопытно, — говорит он, сузив глаза

— Ты хочешь пойти со мной? — вздыхаю я.

— Это отличная идея, — улыбается он, берет за руку и выводит из темной комнаты.

Глава 12

Портрет

Рука об руку, поднимаясь по лестницы в корпусе Изобразительных искусств, мы с Ридом находим табличку, которая гласит «Студия мистера МакКинона»

Когда мы заходим, я осматриваюсь вокруг, видя просторную мастерскую; она занимает большое пространство старого здания, и в ней есть особый шарм мастерских рубежа прошлого столетия.

У заднего окна винтажное стекло, и освещение комнаты безупречно. В центре комнаты за небольшим столом сидит женщина, но когда мы входим, она встает.

— Ты должно быть Женевьева, — спокойно говорит она, подходя ко мне и протягивая руку.

— Я Дебра, ассистент мистера МакКинона.

— Рада встречи, — говорю я, пожимая руку Дебры.

Она примерно моего роста, с длинными темными волосами. Очки в черной оправе, обрамляют ее янтарные глаза, женщину можно описать одним словом — библиотекарь, но ее властное поведение делает ее старше, может даже старше меня.

— Это Рассел Велингтон, — вежливо продолжаю я.

— Ах, Рид, конечно, как ты? — спокойно спрашивает она, пожимая ему руку.

— Я хорошо. Приятно познакомиться Дебра, — говорит Рид с приветливой улыбкой.

— Пожалуйста, проходите. Мистер МакКерти скоро присоединится к вам. Он хочет, чтобы я поработала с твоими волосами и сделала тебе макияж, прежде чем приступит к рисованию. Как много ты знаешь о том, что мы будем делать сегодня? — спрашивает она меня, переходя к шкафу, стоящему в углу.

— Не много, — признаю я. — Я знаю, что должна позировать для портрета, и что вам нужны фотографии, чтобы мистер МакКинон мог работать над ним без меня, — смущенно добавляю я, что перед тем, как согласится на это, я не разузнала об этом по подробней.

Я смотрю на Рида и замечаю его хмурый взгляд, кажется его мысли плывут в том же направлении.

— Он изобразит тебя в стиле «Богини Персифоны» — ты королева, которая вдыхает преданность, или что-то типа того, — говорит Дебра.

— Во всяком случае, у меня есть для тебя платье, — думаю, мистер МакКинон взял его для тебя на театральном факультете. Несколько лет назад они сделали его для Илиады. Платье немного открытое, потому что это греческий стиль, и оно закрыто спереди, а сзади, от плеч до поясницы оно открыто. Но оно закрывает все важные части. При таком освещении оно немного прозрачно, но это искусство.

Когда Дебра достает одежду из шкафа, я начинаю краснеть и не могу посмотреть на Рида.

Изысканный белый шелк с переплетением золотистой ленты на лифе, оно совсем не из дешевого театрального материала, как я ожидала.

— Пожалуйста, проходи и садись здесь, я займусь твоими волосами, — говорит Дебра.

Я сажусь за освещенный стол, позволяя Дебре заняться моими волосами.

— Ты можешь присесть вон там, — она указывает на комфортабельную гостевую зону с диваном и креслами.

Рид идет туда и садится в одно из кресел, неодобрительно наблюдая за мной. В этот момент, я хочу услышать, о чем он думает. Решив не волноваться об этом, я смотрю на отражение Дебры в зеркале. Она ловко заплетает мои волосы в сложную косу, вплетая туда золотую нить. Это выглядит просто поразительно, и когда она заканчивает, я чувствую себя богиней. Она накладывает на мое лицо немного косметики, таким образом, чтобы я светила.

— Ну, вот и все, — говорит Дебра. — Там есть комната, в которой ты можешь переодеться.

Она достает платье из шкафа и провожает меня в ванную.

— Ок, — неуверенно говорю я, беря из ее рук красивое произведение искусства.

Платье такое нежное; оно каскадом струится по моим рукам, доходя до пола. Я захожу в ванную и раздеваюсь, а потом осторожно шагаю в нежную паутину шелка, ощущая, как оно скользит по моему телу. Я надеялась, что смогу надеть с ним лифчик, но нет, так нет. Лиф опускается по моему животу и едва прикрывает мою грудь по бокам. Сзади платье практически отсутствует; моя спина полностью оголена, обнажая две небольшие ямочки на моей пояснице. Скрывая чуть выше мои округлости и струясь по полу длинным шлейфом. Мне нужно перекинуть шлейф через руку, если я не хочу чтобы оно волочилось по земле, но впереди длина идеальна, словно платье сшито специально для меня.

Когда Дебра видит меня в платье, то восторженно ахает.

— Ты такая красивая, — говорит она, регулируя застежку. — Мистер МакКерти только что прибыл. Он представит тебя, а потом мы сможем сделать фотографии.

— Ок, — говорю я, понимая, что мне придется выйти из ванной в этом платье, которое кажется чуть больше паутины покрывающий мое тело.

— Ты выглядишь поразительно и помни, это искусство, и кто знает, она могла бы стать частью истории одного дня, — говорит Дебра, наклоняясь ближе ко мне и кажется догадываясь, о чем я думаю.

— Это хороший способ посмотреть на все это с другой стороны, — говорю я, прежде чем сделать глубокий вдох и выйти из ванной.

Когда я выхожу из ванной, Мистер МакКинон и Рид перестают разговаривать и поворачиваются ко мне. Находясь рядом с ними, я не смотрю на мистера МакКинона, потому что очарована тлеющим взглядом Рида.

— Женева, ты превзошла все мои ожидания, — говорит мистер МакКинон, подходя прямо ко мне, в то время как я хотела подойти к Риду.

— Ты прекрасна. Мы должны начать. Пожалуйста, если ты встанешь здесь, я установлю оборудование в том углу, — говорит он, показывая на освещенную зону, с темным фоном, оформленную в греческом стиле.

На кушетке я сижу неподвижно, чувствуя себя не комфортно, находясь в центре внимания.

— Дебра тебе уже рассказала о теме этого портрета? — спрашивает он.

— Она упомянула богиню Персифону, — говорю я, откидываясь на спинку кушетки, жестикулируя мистеру МакКинону.

Он закидывает мои ноги на кушетку и расправляет платье таким образом, чтобы шлейф струился по полу. В таком положении я смотрю прямо в лицо Риду. Мы устанавливаем зрительный контакт, и я чувствую теплоту его взгляда. Я таю; все напряжение уходит, в этот момент находимся только мы.

Я слышу, как мистер МакКинон фотографирует меня, но единственное что я могу делать, это смотреть, как Рид наблюдает за мной.

— Ты Рид Веленгтон? — спрашивает Рида мистер МакКинон, продолжая фотографировать меня с разных углов.

— Да, сэр, — вежливо отвечает ему Рид, подходя и останавливаясь напротив освещения.

— А откуда ты знаешь нашу модель? — продолжает он, видя светскую беседу.

— Женестьева моя... подруга, — говорит Рид сексуальным голосом.

Я немного спешиваю от его формулировки.

Это почти смешно, что такой, столь совершенный как Рид, может захотеть такую как я, а еще он становится больше, чем мой парень, потому что этот термин не достаточен для того, чтобы описать то, что между нами произошло.

— Твоя подруга, верно? — спрашивает мистер МакКинон с улыбкой.

— Да, она моя, — говорит Рид, не отрывая от меня взгляда.

Его слова согревают меня, заставляя чувствовать себя нужной.

— Она почти позволила кое-кому еще сопровождать ее сюда сегодня, и я не могу не думать о том, как я был близок, чтобы пропустить и не увидеть ее такой, — говорит Рид.

— Да, это было бы прискорбно. Но будет же портрет, — уверяет его мистер МакКинон.

— Мне не терпится увидеть, как все получится, — говорит Рид.

— Как и мне, — отвечает мистер МакКинон из-за своей камеры. — Женестьева, я хочу попробовать что-то другое... другую позу. Позволь мне рассказать тебе о богине Персифоне, чтобы ты лучше поняла мою мысль.

— Представь, что ты богиня Персифона — царица подземного мира, — говорит он, отводя свою камеру и подходя ближе ко мне. — Аид, правитель подземного мира, выманил тебя из дома и твоей матери Деметры. Ты очень любишь Деметру и хочешь увидеть ее снова. Аид дает тебе гранат, чтобы накормить тебя. Ты знаешь, что если съешь гранат, то должна будешь остаться с Аидом в подземном царстве навечно. Однако, если ты не съешь фрукт, тебе придется покинуть подземный мир. Тогда тебе больше никогда не будет позволено вернуться в преисподнюю или ад. Ты заботишься как о Деметре, так и об Аиде, так что ты должна выбрать, с кем из твоих любимых ты останешься навек.

Делая шаг вперед, мистер МакКинон кладет в мою руку гранат. Мгновение я молча смотрю на него, а затем, масштаб всего сказанного ударяет в меня. Рид или Рассел. Ангел или родственная душа. Я должна выбрать, кто из них будет моим любимым не только в моей жизни, но и во всем моем существовании. Волна за волной на меня накатывает боль в чистом виде.

— Женестьева, это идеально. Ты уловила самую суть борьбы, — говорит мистер МакКинон, делая фотографии с разных ракурсов.

Я не могу сейчас посмотреть на Рида. Я не хочу, чтобы он видел мой борьбу, потому что не хочу ранить его, так же как не хочу ранить Рассела.

— Ну, ты дала мне целую палитру материала, с которым я могу теперь работать, — говорит мистер МакКинон, лучась от удовольствия. — Я думаю, что возьму фотографии, которые мы сделали в самом начале, но это будет сложный выбор.

Я не слушаю мистера МакКинона.

Я хочу убежать от света и скрыться в темном углу.

— И что же решила Персифона? Она съела фрукт? — спрашиваю я мистера МакКинона прежде чем пойти в ванную и переодеться.

— Да, она его съела, но не полностью, а только часть, так она могла возвращаться к Аиду в подземное царство только на полгода. Среди богов редки божественные компромиссы, — мягко говорит мистер МакКерти.

Пока мы ехали на ужин в дом Рида, я притихла. После событий в студии мистера МакКинона я была раздражена.

Я хочу стереть события сегодняшнего дня и начать все заново.

Вся полученная информация начинает пожирать меня, и я чувствую, как мой мозг начинает плавиться.

Когда мы подъезжаем к дому Рида, он открывает для меня дверь и проводит в дом.

Должно быть, он позвонил Андрэ или Грету, потому что, в столовой накрыт стол для двоих, украшенный тончайшим китайским фарфором, а столовые приборы сделаны, кажется, из настоящего серебра.

Рид придерживает для меня стул во главе стола, а затем садиться сам. Я с благоговением осматриваю комнату; это не Сага, и даже не то кафе, куда я хожу с дядей Джимом.

Через некоторое время после того как мы сели, в столовую заходит Андрэ, управляющий персоналом Рида, и несет две порции.

— Пахнет просто восхитительно, Андрэ, — говорю я, вдыхая аромат.

— Спасибо.

— Очень приятно встречать гостей. Я надеюсь, вы наслаждаетесь, — говорит Андрэ, а затем разворачивается и покидает столовую.

— Ты ешь каждую ночь? Я имею в виду в этой комнате, — задумчиво спрашиваю я Рида, пока ем рыбу, которая просто тает во рту.

— Почему именно каждую ночь? — спрашивает он, будто оценивая мой вопрос.

— Ничего... Просто... — говорю я, но замолкаю, когда перед глазами встает картина того, как Рид ужинает один в этой большой комнате.

Как это, должно быть, одиноко, никогда ни с кем не делить события своей жизни, но опять же, это может быть его идеей и частью плана, чтобы притворятся человеком.

— Просто что? — с любопытством спрашивает он.

— Ну, это так официально. Я чувствую, будто в любую минуту могут прийти твои родители и устроить нам разнос за использование китайским фарфором, — прямо говорю я. Рид смеется над моим комментарием.

— А Андрэ знает о тебе... Я имею в виду... ну, ты знаешь... что ты особенный?

— Нет, но я уверен, что он видел некоторые вещи, которые заставили его задуматься обо мне, но я не думаю, что он знает мой секрет.

Я стараюсь не держать штат слишком долго, так как люди могут заметить, — говорит он.

— Когда мне придется их отпустить, я выплачу им хорошую компенсацию, — добавляет он, наполняя мой бокал вином.

Некоторое время мы ели в тишине.

Я чувствую себя неловко, потому что не знаю, какой предмет из столового серебра я должна использовать, так как передо мной лежат три вилки, и хотя еда очень вкусная, я не могу насладиться ей.

— Ок, Рид, поехали, — говорю я, вставая со своего места взяв тарелку и бокал.

— Куда мы идем? — удивленно спрашивает Рид, но встает из-за стола вместе со мной.

— У тебя есть кухня, не так ли? — отвечаю я, забирая одну вилку и нож из лежащего прибора.

— Да, в этом доме есть кухня, — озадачено отвечает он.

— Ну, тогда идем на кухню. Я последую за тобой, пока ты не нарисовал карту, — с улыбкой говорю ему я.

Мне нужно между нами меньше официальности, а в столовой я не могу этого сделать.

Рид заинтригован, однако, он берет свою тарелку и ведет меня из столовой на кухню.

Кухня Рида была самой красивой из всех, которую я когда-либо видела. В ней были гладкие деревянные шкафы со встроенной техникой, и тебе еще нужно догадаться, где находится холодильник. Гранитные поверхности поблескивали в свете встроенного освещения, а прямо перед большим камином стоит большой деревянный стол. Камин не горит, но даже без огня романтично.

Пока Рид отодвигает для меня стул, я ставлю тарелку на стол рядом с его.

— Так лучше? — спрашивает он, когда я сажусь.

— Намного. Спасибо тебе, — с улыбкой говорю ему я. — Здесь лучше. Более интимно и уютно, более лично.

— Я никогда ни ел здесь. Это приятно, — комментирует он, оглядываясь вокруг и осматривая обстановку.

— Ты никогда не ел здесь? Ты загадочен Рид, — в изумлении говорю я. — Я пытаюсь выяснить, что ты тут делаешь.

— Я тебе уже сказал, что я здесь делаю, — отвечает он, снова берет вилку и продолжает есть.

— Я не имею в виду очевидные вещи. Или это битва? В любом случае, почему ты в Крествуде? Вряд ли это логово демонов, — говорю я.

— Это не так, и именно поэтому я здесь. Я не люблю сталкиваться с ними, когда я не готов к борьбе. Вот почему я выбрал Крествуд. Здесь не хватает, как ты сказала, логова демонов? — с улыбкой спрашивает он.

— Нет, Крествуд не место скопления падших, — серьезно говорит он.

— Что делает его святилищем, Эви. Если ты хочешь избежать их, ты находишь место как это. Я хочу избежать их, когда я не охочусь за ними, поэтому мне не обязательно постоянно быть бдительным.

— Почему небесные ангелы приходят в Крествуд? Я имею в виду, думаю, что Падшие ангелы могли бы вербовать новичков в школе, — говорю я.

— Падшие могут вербовать в большинстве школ, но Крествуд — это другое. В этом городе практически нет ночной жизни, поэтому здесь практически нечем заняться кроме учебы. Это не очень способствует греху. Откровенно говоря, здесь довольно скучно, — улыбается он.

— Здесь не скучно, — недоверчиво говорю я, подумав о нескольких прошедших днях.

— Не скучно вокруг тебя, — с усмешкой поправляет Рид.

— Так что, когда ты ищешь демона, прошу прощения за банальную терминологию, охотишься на демонов, куда ты идешь? — спрашиваю я.

Когда я произношу это вслух, вопрос кажется таким нелепым.

— Падших притягивают тюрьмы, находящиеся в паре городов в Джексоне. Они наслаждаются страданиями, — объясняет Рид.

— Они наблюдают за мучениями человеческой души, а некоторые заключенные уже

имеют тягу к злу.

— В самом деле? Так что, страдания, происходящие в тюрьме, притягивают их как приманка, и ты отправляешь их обратно в ад... ммм, пропасть, так что ли? — спрашиваю я.

— Некоторые попадают обратно в Шеол, другие нет, — небрежно говорит он.

— Что ты имеешь в виду под «кого-то нет»? — в недоумении спрашиваю я.

— Я имею в виду, некоторые падшие перестают ими быть, — говорит он.

— Так как у ангелов нет души, у них нет ни единого шанса спастись. Падших больше никогда не пустят в рай. Но если они выживают, теоретически они могут вернуться в Шеол.

Я стараюсь не допустить этого.

— Это могло случиться и с тобой? — в страхе спрашиваю я. — Может ли один из падших убить тебя?

— Со мной этого не случиться. Я чертовски хорош в своем деле, — уверенно говорит Рид. — Я преуспеваю, потому что я знаю себя и знаю своего врага.

— Но это возможно? — упрямо спрашиваю я, ожидая его ответа.

— Женевьева, так как я встретил тебя, я начинаю верить, что все возможно, и теперь, у меня больше стимулов, чтобы продолжать сохранять преимущества, — мягко говорит Рид.

На мгновение, я чувствую себя выбитой из колеи, из-за того, что могу потерять Рида.

Как бы я существовала, если бы знала, что никогда не увижу его снова? Меня бросает в дрожь, и должно быть этот страх отражается у меня на лице, потому что Рид хмурится и спрашивает:

— Что случилось, Эви?

— Я не хочу, чтобы ты был солдатом. Ты можешь заниматься чем-то еще? — мягко спрашиваю его я.

Глаза Рида расширяются.

— Почему? — удивленно спрашивает он.

— Потому что, я уверена, что ты очень хорош в том, что делаешь, но, кажется, там есть что-то еще, и это что-то плохое, и я не могу — не знаю как прожить вечность страдая, — озабоченно говорю я, глядя на свою тарелку.

Взгляд Рида смягчается.

— Эви, я не знаю, стоит ли обижаться на то, что ты считаешь, что я так слаб, что позволю себе оказаться на их месте, или буду рад, что ты будешь скорбеть по мне, — с улыбкой отвечает он.

— Просто мне кажется, что вечность, будет очень скучна без тебя, — говорю я с улыбкой в голосе, играя с тем, что осталось на моей тарелке.

— Но ты знаешь, возможно, это и не так плохо, не иметь рядом того, кто любит мной командовать. Держу пари, что, в конечном счете, тебя это все равно бы вывело из себя, — заканчиваю я, насупившись.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — спрашивает он с весельем в глазах.

— Уйди, или для кого-то вроде тебя, не действует пенсионный возраст? Я имею в виду, ты, вроде, даже старше гор. Это может быть время для того, чтобы повеселиться или например начать играть в гольф, или что-то вроде того, — взволнованно говорю я. — Чем ты увлекаешься? Давай посмотрим, сможем ли мы найти для тебя занятие, — добавляю я, скрепя руки на груди.

— Я не могу этого сделать. У меня есть цель. Я был послан сюда, чтобы выполнить эту работу, и я сделаю это, — спокойно, но настойчиво говорит он.

— Тогда я тоже могу быть охотником. Ты можешь научить меня быть солдатом, и я помогу тебе, — отвечаю я.

Если он намерен подвергнуть себя опасности, тогда я пойду с ним и попытаюсь сделать так, чтобы он вернулся ко мне.

— Нет, — категорически говорит он, и я могу сказать, что говоря это, он хочет закончить разговор.

— Почему нет? — оцетинилась я.

— Для тебя это тоже слишком рискованно, — терпеливо говорит он.

Я выгнула бровь.

— Это сейчас, но что будет, когда я начну — меняться — развиваться, что я должна буду делать? — бросаю я вызов своей логике.

— Нет, — упорно говорит он.

— Рид, если ты можешь рисковать, то и я тоже, — спокойно говорю я.

Затем он встает и тянется за моим стулом, подвигая его вместе со мной.

Он поворачивает его так, что мы сталкиваемся друг с другом, затем опускается так, что оказывается на уровне моих глаз.

— Ты слишком молода, для того, чтобы понять то, что ты просишь меня сделать. Ты еще не видела уровень насилия, который необходим для победы над врагом. Ты так невинна; для меня сложно даже сказать, то, что я должен тебе сказать, чтобы помочь тебе понять, кто ты — что с тобой происходит. Для меня становится все труднее и труднее, чтобы не настоять на том, чтобы ты переехала сюда и осталась со мной, но это будет представлять для тебя некоторую опасность, — говорит он, и я достаточно умна, для того, чтобы понять, что он говорит о себе, учитывая наше влечение друг к другу.

— Моя потребность в позиционном преимуществе должно быть взвешенно с обстоятельствами твоего притяжения, — продолжает Рид.

— Так что мы должны обсудить некоторые правила, чтобы помочь тебе.

— Правила? — отвечаю я, сморщив нос.

— Это звучит паршиво. Я бы предпочла говорить о чем-нибудь другом, — говорю я, наклонившись вперед и обняв его за шею. Я прислоняюсь своим лбом к его.

— Эви, ты не понимаешь, что ты делаешь со мной, — стонет он, словно от боли. Он закрывает глаза и встает, поднимая меня со стула вместе с собой. Мои руки все еще обнимают его, а тело прижимает крепче. Он наклоняет голову и легонько целует чувствительное местечко за моим ухом.

Сказать, что это мне нравится, значит, ничего не сказать.

Его руки обвивают мою талию, а пальцы ласкают обнаженный участок кожи, там, где задралась моя кофта.

Я хотела большего, но теперь была моя очередь стонать, когда Рид мягко, но настойчиво разрывает наши объятия.

— Что я говорил? — спрашивает он.

— Я не знаю, давай не будем беспокоиться об этом сейчас, — отвечаю я, смотря на его его широкую грудь и играя с пуговицами на воротнике его рубашки.

— Эви, — небрежно говорит он.

— Рид, — выдыхаю я

— Ты не помогаешь мне, — ворчит он.

— Я знаю, — говорю я, положив голову ему на грудь.

— Правильно, — твердо говорит он.

— Прекрасно, — говорю я, отступая от него.

— Ты можешь говорить мне, что ты думаешь, но это не значит, что я на что-нибудь соглашусь.

— Эви, это для твоей же защиты, — нежно говорит он мне.

— Посмотрим. Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я.

— Я хочу знать, если ты захочешь покинуть Крествуд, по любой причине, даже если это будет один из соседних городов. Держись подальше от баров и закусовых, — сурово говорит он.

— Не ходи без меня в Seven-Eleven, не влипай в опасности, — мягко заканчивает он.

— Последнее не совсем ясно, — отвечаю я.

— Женестьева, — вздыхает Рид на мое возражение.

Мои губы трогает небольшая улыбка.

— Что? Это не ясно, а когда, как правило, что-то не ясно, это может быть сломано, — говорю я.

— Позволь мне резюмировать: Если я захочу уехать из города, мне нужно посоветоваться с тобой, в одиночку не ходить в Seven-Eleven, — говорю я, загибая пальцы.

— Никаких опасностей, — напоминает он мне.

— Ладно, не бегать с ножницами, — с улыбкой говорю я, добавляя еще один палец.

— Женестьева, ты должна относиться к этому серьезно, — властно говорит Рид, сузив глаза.

— Я пытаюсь Рид, просто я была воспитана, чтобы быть независимой.

Мой дядя Джим безоговорочно мне доверяет. Мне редко нужно разрешение, что бы что-то сделать, по большей части, он оказывался прав, доверяя мне, — объясняю я.

— Я так и думал, что ты стараешься быть хорошей, — говорит он.

— Или что? — бросаю ему вызов я, интересно, что он скажет, если я нарушу правило, или два.

— Я верю в положительное, а не в отрицательное, — говорит он с сексуальной улыбкой, кончиком пальца проводя по моим губам, оставляя путь прикосновений.

— Очень разумно с твоей стороны, — с дрожью отвечаю я, которая прокатывается по всему позвоночнику и не имеет ничего общего со страхом.

Рид нехотя убирает палец с моих губ.

— Нам нужно идти. У нас обоих практика, — вздыхает он, но его взгляд по-прежнему оставался страстным, словно он что-то замыслил.

— Я просто должен измениться, тогда я отведу тебя в твою комнату к друзьям. Мне жаль, что наш ужин закончился; я хочу проводить с ним больше времени.

— Я на минутку, — говорит Рид, и уходит.

Я почти не вижу его движений, потому что он двигается с молниеносной скоростью — мои глаза улавливают от него только слабый след. В одно мгновение я остаюсь на кухне одна. Пораженная, я сажусь на стул стоящий позади меня. Мне не пришлось долго его ждать; до того, как он снова материализовался передо мной, прошло наверное секунд десять.

Веселое выражение его лица, свидетельствует о том, как он забавляется над моим изумлением. Он сменил свой наряд на более практичный и взял все необходимое. Чтобы добраться до парадной двери моего дома, нам бы потребовалась секунд тридцать, не говоря уж о том, чтобы добраться до его спальни, которая, вероятно, находилась на втором этаже.

— Это было быстро, — говорю я, приуменьшив очевидное.

— Хорошо, когда мне не нужно от тебя скрывать то, кто я или то, что я могу сделать, — улыбается Рид.

— Мне нравится, когда ты не боишься меня, — говорит он, протягивая руку чтобы помочь мне подняться со своего места.

От его улыбки мое сердце колотится о грудную клетку.

— Смогу ли я двигаться так же быстро? — спрашиваю я, когда мы выходим из кухни и идем к двери.

— Вероятно, — пожимая плечами, говорит он.

— Ой-ой, — отвечаю я, думая о том, что при наличии у себя таких способностей, у меня будут некоторые проблемы.

— Что? — с беспокойством спрашивает он.

— Ну, мне было трудно притворяться, что я хромаю, когда мое колено было в синяках, — поясняю я, наморщив лоб. — Я просто представляю, как могу выдать себя, например, когда опаздываю на урок.

Рид берет мою руку, чтобы успокоить.

— Ты должна развить осмотрительность среди своего окружения и везде, где они присутствуют.

— Через некоторое время она станет для тебя второй натурой, — говорит он.

— Для меня это может оказаться сложным периодам, потому что единственное, в чем я могу быть уверена — это ты, — говорю я, краснея от осознания данного факта.

— Это будет нашей общей битвой, — спокойно говорит он. — Когда ты рядом, я тоже упускаю из вида свое окружение. Эта опасность, которую мы должны преодолеть, потому что она делает нас уязвимыми перед нашими врагами.

Он открывает для меня дверь, и мы идем к его машине.

Когда я сижу в машине, то слышу из сумки, которую я оставляла в машине, звонок моего мобильного. Найдя свой телефон, я проверяю пропущенные вызовы; один пропущенный был от Рассела, а другой от Фредди.

Набрав номер голосовой почты, я прослушиваю первое сообщение, которое, должно быть, от Рассела, но вместо этого, там раздается только щелчок, указывая на то, что звонивший повесил трубку не оставляя сообщения.

Меня передергивает, интересно, каким будет нас следующий разговор. Нет никаких сомнений в том, что это будет жестко для нас обоих.

Следующие сообщение от Фредди. Он не видел меня на обеде и на ужине, поэтому беспокоился за меня.

Я колеблюсь, перезвонить ли Расселу или нет.

Прижимая телефон к губам, я рассеяно смотрю в окно, наблюдая, как за окном проплывает Крествуд.

Наш следующий разговор должен быть один на один.

— Рассел звонил? — спрашивает Рид, — как будто этого не знает.

— Да, — отвечаю я, не зная, что еще сказать.

— Что он сказал? — с интересом спрашивает он.

— Ничего, он повесил трубку, — не лгу я. Какой в этом смысл?

— Я вижу, — сочувственно говорит он.

— Видишь? — спрашиваю я, удивленная его тоном.

Я ожидала от него другой реакции.

— Да, извини, — просто сказал он.

— Так я, — с сожалением отвечаю я.

— Что ты скажешь ему? — спрашивает он.

— Я не знаю, — честно отвечаю ему я.

— Эви, тебе не обязательно принимать решения прямо сейчас. У тебя есть время подумать о том, чего ты хочешь, — снова мягко говорит Рид, и из-за его беспокойства о моих чувствах, мне хочется плакать.

— Рид, я уже подумала. Если то, что ты сказал, произойдет, то какая жизнь у меня может быть с Расселом? — грустно спрашиваю я. — Если я стану такой же сильной как ты, у меня будут те же риски, что и у тебя сейчас со мной, только у меня не будет тысячелетний сдержанности, которой тебя научила земля. И я сломаю Рассела, даже не имея на это причины.

— Да, — спокойно согласился он, но его голос звучал так, словно он не думал, что такое происшествие с Расселом не является чем-то плохим.

— То есть тот факт, что Рассел будет стареть, а я нет. Что с ним будет, когда люди начнут думать, что он, старый человек встречается с молодой девушкой? — спрашиваю я.

— Может быть сначала, его это и не будет волновать, но через некоторое время...

— Действительно, — глубокомысленно говорит Рид, но выглядел он так, будто мысль о старости Рассела его забавляла.

— И потом, есть ты. Даже если я выберу Рассела, я не думаю, что могла бы быть... — замолкаю я, не желая объяснять.

— Быть что? — с любопытством спрашивает он.

— Быть преданной ему, — краснея, отвечаю я.

— Будто это так, что когда ты рядом, для него больше никого не существует.

Рид берет мою руку, подносит к губам и целует.

— Так что я не знаю, что скажу ему, — спокойно говорю я, снова уставившись в окно, но ничего не замечая вокруг.

Рид снова заговорил на ангельском языке, который я не понимаю. Он убаюкивает меня своей мелодичностью, и когда он заканчивает, я успокаиваюсь.

— Что ты сказал? — невозмутимо спрашиваю его я

— То же самое, что я сказал тебе, в прошлый раз, когда ты сидела у меня в машине после твоего предчувствия, — спокойно отвечает Рид, встретившись со мной взглядом, от чего мое дыхание сбилось.

— О, да, я понимаю, что я мерзкая тварь, — разочарованно говорю я.

— Я был не совсем правдив, когда сказал то, что сказал, — отвечает Рид, улыбаясь мне.

— Рид, ты способен на увертки? Я думала, ты должен быть ангелом, — слегка поддразниваю его я.

— Мы должны пересмотреть твое определение ангела, — отвечает он, печально улыбаясь.

— Что ты сказал тогда, в машине — после моего предчувствия? — спрашиваю я, выгнув бровь.

— Я сказал, что ты более совершенное божественное существо, которое я когда-либо встречал, и любовь, которую я чувствую к тебе, нельзя измерить на небесах или в раю. Это приблизительный перевод, но на языке ангелов это звучит лучше, — объясняет он, пока его

зеленые глаза не отрывались от меня.

— Вот, что ты сказал, — вздыхаю я, еще не полностью веря в то, что он мне говорит.

— Да, — говорит он, а его взгляд теплеет.

Мы сворачиваем на стоянку общежития, и Рид припарковывает свою машину.

— Когда ты узнал, что ты подумал обо мне? — тихо спрашиваю я.

— На озере, когда ты хотела меня убить, — с улыбкой отвечает он.

— Что? — ошеломленно спрашиваю я.

— Ты была такая смелая... такая великолепная, — с восхищением говорит он.

— Я была напугана, — объясняю я.

— Да, но это мужество — оно действует перед лицом страха, — говорит Рид, оправдывая мои эмоции.

— В этот момент мне пришлось представить, что я обнимаю тебя, иначе бы это не произвело такой эффект. Он бы, наверное, больше напугал тебя.

— Хороший вызов, — говорю я, думая о том, что у меня бы случился сердечный приступ, если бы он попытался обнять меня после того, как я оглушила его.

— После похода на озеро, ты по-прежнему хотел остановить меня, — указываю я.

— У меня есть обязанности, и я боялся, что помогать тебе, это прямое нарушение этих обязанностей. Я надеялся, что если тебя не будет рядом, то те чувства, которые я испытываю к тебе, пройдут за тысячелетия или два, — говорит он.

— Глупо, да?

— Очень, — соглашаюсь я, благоговей от его прекрасного лица.

— Мы опаздываем на практику. Я пойду, переоденусь, так я могу встретиться с девочками, — говорю я, отводя от него взгляд.

— Мы увидимся вечером? — спрашивает Рид, когда я уже потянулась к дверной ручке.

— Не могу — я обещала Брауни и Булочке, что мы потусуемся вместе, — разочарованно говорю я.

— О, — говорит он, улыбаясь и почесывая подбородок. — Тогда завтра?

— Завтра, — соглашаюсь я.

Я уже собралась выйти из машины, но Рид утягивает меня назад и целует. Это не прощальный поцелуй — это его маскарад. Этот поцелуй ласкает мои губы, словно нежный ветер, словно он дует только для меня.

Медленно отстранившись от него, я вижу мудрость в его насыщенно-зеленых глазах, в которых горит огонь, и словно ветер, они тоже притягивают к себе и хранят секреты, которые мне не понятны.

Я прикасаюсь пальцами к губам, где только что был он.

Я хочу запомнить этот момент, чтобы позже вспоминать о нем.

— Пока, — с придыханием говорю я и выхожу из машины.

— Пока Эви, — улыбается он, прежде чем я закрываю дверцу.

Глава 13

«Coldwater»

Я избегала Рассела в течении следующих нескольких дней.

Это было сложно, потому что обычно мы встречались за обедом в кафетерии, так как на завтрак или ланч я не ходила.

Я знала, что избегать Рассела все только ухудшит, но я не имею ни малейшего понятия о том, как смогу объяснить то, что практически не имеет объяснения.

Поскольку большинство того, что сейчас со мной происходит, не только нелепо, но и относится к запретной информации, поэтому я в растерянности как поступить.

Добавьте к этому мою абсолютную неспособность правдоподобно врать Расселу — и я в беде.

Все свободное от занятий время, я провожу с Ридом.

Он задает мне так много вопросов, его интернирует все — от моего первого слова, до моего первого свидания на выпускном.

Каждый вечер я ужинаю с ним на его кухне, а потом мы гуляем по его территории.

Я тоже задаю ему вопросы, но он не хочет рассказывать о себе или своем прошлом.

Я думаю, что для него сложно даются откровения, потому что ему пришлось очень долгое время все скрывать.

Мы смотрим несколько фильмов в домашнем кинотеатре Рида, но я могу сказать, что он не любит девчачье кино.

Хотя забавно наблюдать за тем, как он пытается понять романтические комедии.

Его тяжкие вздохи, когда главный герой показывает любые признаки слабости, заставляет меня закусить губу, чтобы не расхохотаться.

Однако сегодня избегать Рассела удивительно просто, так как его нет в классе, и по всей территории колледжа я его вообще не чувствую.

Где он может быть? Что он делает?

Я удивляюсь, когда вижу в библиотеке Фредди, приближающегося ко мне.

Он бросает свой рюкзак и садится на кресло рядом со мной.

— Ты жива... Мне интересно, куда ты пропала, и поверь, не мне одному, — тепло говорит Фредди, улыбаясь.

— Фредди! Извини. Ты звонил мне, а совсем забыла тебе перезвонить. Я так рада тебя видеть, — говорю я, улыбаясь ему.

Сегодня он хорошо выглядит. Его волосы немного отрасли, падая ему на лоб.

«Фредди выглядит... привлекательно», — думаю я, наблюдая за тем, как он откидывается в кресле. Что произошло?

— Прячешься, Эви? Это твое новое логово? — спрашивает он, оценивая меня, будто мой личный аналитик.

— Прячусь? Не знаю, о чем ты говоришь. У меня действительно сложный класс, и я не хочу остаться позади, — отнекиваюсь я.

Фредди выгибает бровь.

— Конечно. Я уверен, ты не хочешь этого, а что потом? — говорит Фредди, открыв свой рюкзак, и достает оттуда две пачки гранолы (п.п. разновидность мюсли) и кладет их передо мной.

— Фредди, я уже говорила, как я люблю тебя? — спрашиваю я, выхватывая гранолу из его рук и открывая упаковку.

— Конечно, говорила, но я не прочь услышать это снова, — говорит он, ухмыляясь и бросая мне вторую упаковку.

— Я рада, что ты здесь, — между глотками гранолы говорю я. — Фредди, мне нужна твоя помощь. У меня есть миссия. Ты в игре, или ты хромаешь? — спрашиваю я

— Я в игре, что ты задумала? — заинтриговано спрашивает он.

— Мне нужно для Рассела получить брандмауэр, но я сейчас его избегаю. И я надеюсь, что если пойду и возьму его, то ты поможешь мне с установкой? — спрашиваю я. — Может быть, ты бы пошел со мной в «Coldwater» (прим. пер.: название интернет-кафе или кафе), чтобы забрать ее. Я думала пойти в субботу утром. Ты как?

— Ты знаешь, он сегодня спрашивал меня два раза, увидит ли он тебя сегодня? — спрашивает он, глядя на меня щенячьим взглядом.

— Нет, я не знаю, — отвечаю я, чувствуя вину за свое поведение.

— Ты не боишься, что этот брандмауэр пошлет ему смешанные сигналы? — многозначительно спрашивает он меня. — Я имею в виду, вот почему ты прячешься в библиотеке, чтобы не сталкиваться с Расселом?

— Это так очевидно? — спрашиваю я, покусывая губу.

— ОВО — ослепительные вспышки очевидности, — жестко говорит он.

— Что я могу дать ему, Фредди, или сказать: Ты лучшее, что было в моей жизни, но я не могу быть с тобой? — кисло спрашиваю я

— Потому что прямо сейчас я могу пойти и сделать это, наплевав на последствия.

— Я не знаю, Эви, но думаю, ты этого не сделаешь, потому что пойдешь забирать брандмауэр.

— Ну, может быть, тогда он скажет: «Я не могу тебе дать того, чего ты хочешь, дать то, что тебе нужно», — с сожалением говорю я.

— Брандмауэр для защиты. Что ты с его помощью собираешься защищать? — спрашивает меня Фредди.

Я в шоке смотрю на него; он обладает сверхъестественной способностью читать меня как открытую книгу.

Мне придется быть осторожной в том, что я говорю ему.

— Я не понимаю, доктор Фредди. Он слишком проникателен.

— Ты психолог, или что-то вроде этого?

— Да, — улыбается он. — Как ты догадалась? — спрашивает он.

— Когда ты откроешь свою практику, для меня она будет очень дорогой, — улыбаясь, говорю я.

— Для тебя диван всегда будет свободен, — любезно говорит он.

— Заеду за тобой в субботу в девять? — спрашивает он. — Чтобы поехать и получить брандмауэр... — добавляет он, когда видит мое замешательство.

— Да, Фредди. Спасибо, — с благодарностью отвечаю я.

Когда я возвращаюсь в комнату, то вижу, что к моему окну прикреплена записка.

Открепив ее, я быстро читаю:

Дорогая Эви,

На выходные мне нужно уехать из города.

*Если я тебе понадобится, звони мне на мобильник.
Держись подальше от неприятностей и соблюдай правила.
Я вернусь так скоро, как смогу.
Рид.*

Я читаю записку Рида несколько раз, затем сминаю ее и выбрасываю в мусорное ведро. Оно остается там в течении примерно пяти минут, потом я вытаскиваю ее и разглаживаю.

Я снова ее перечитываю, а затем снова отправляю в мусорное ведро.

Что удивительно, это самое печальное письмо, которое я когда-либо читала.

Я не только не увижу Рида все выходные, но и еще он не говорит, куда он едет и что будет делать. Он не говорит, что вернется только после окончания выходных.

Как вариант, он говорит мне держаться подальше от неприятностей, как будто у меня есть варианты — учитывая мой нынешний образ жизни — и еще, он даже не написал ничего ласкового, чтобы я могла насладиться.

Я не беру в счет ту часть с «Дорогая Эви», потому что это нормально, когда ты читаешь письмо от своего парня.

Когда моя параноидальная сторона умолкает, я начинаю думать, а не избегает ли он меня?

«Тфу! Ну удачи тебе, потому что я думаю, ты застрял со мной».

Некоторое время я удрученно сижу на кровати, а потом все-таки признаю, что он оставил записку. Хоть и без подробностей.

Булочка и Брауни, спасают меня от ночи в депрессии, придя ко мне в комнату и настаивая на том, чтобы я пошла с ними на вечеринку в Дельта дом.

— Тема вечеринки «Подглядывание за мамашами», — сообщает мне Брауни, параллельно открывая мой шкаф и начиная в нем рыться.

— Это забавно, — смеюсь я. — Что ты собираешься надеть?

— Мы собираемся пойти и посмотреть на мамочек, — пожимает плечами Брауни. — Мы думали пойти так, чтобы проверить композиционный материал, который мы хотим взять для войны. Я думала о тех вещах, которые ввинчиваются в стену (п.п. как я поняла, это они о какой-нибудь награде, которая вешается на стену), поэтому мы не можем просто так их взять — нам понадобится отвертка.

— Шуруповертом на батарейках будет быстрее, — киваю я головой.

— Она шумная, но недостаточно для того, чтобы они услышали, если вечеринка будет проходить в доме.

— Когда Дельта снова встречается? — спрашиваю я.

— В среду, конфетка, — напоминает мне Булочка.

— Я куплю шуруповерт на аккумуляторе.

— Разве не было бы лучше, пробраться в их дом поздно ночью? — спрашиваю я.

— Конфетка, это дом братства. В доме всегда есть кто-то, кто ночью просыпается. Клянусь, эти ребята играют в свои консоли всю ночь, — раздраженно говорит Булочка.

— Я не могу дождаться того момента, когда увижу тебя в наряде милого маленького шпиона, который мы купили через интернет. На тебе он будет отлично, а если тебя поймут, то он принесет тебе пользу, потому что для пыток ты будешь выглядеть слишком мило.

— Прекрасная дуэльная цель, — отвечаю я. — Я не планирую, чтобы меня поймали.

— Это говорит Мамаша или МЯУ? — спрашивает Брауни, поднимая короткую черную юбку.

— Что такое МЯУ? — спрашиваю я Булочку, пытаюсь выяснить значение нового сокращения.

— О, это означает «Мама я убегу», — услужливо говорит Булочка.

Брауни окончательно останавливает свой выбор на короткой юбке и блузке.

Когда я заканчиваю одеваться, она заставляет меня повернуться и прикрепляет к моей заднице стикер с надписью: «Гордый родитель, отличница первого курса Крествудского колледжа» словно я минивен или что-то вроде того.

— Ты знаешь, что будет хорошо с этим смотреться? Золотые браслеты, которые дала мне Элис, — говорит Булочка.

— Золотые браслеты? — спрашиваю я с кривой улыбкой. — Я думала, мы должны выглядеть как мамочки.

— Мы будем у мамочек из футбольной команды Луизианы и золотыми парнями (прим. имеется в виду «золотая молодежь»), — с развязной усмешкой говорит Брауни.

Когда Булочка возвращается с браслетами, я надеваю их, и должна признать, они просто замечательные.

Когда я перемещаю браслеты по запястью, застежка издает своеобразный музыкальный звон.

Когда мы все вместе подходим к Дельта дому, ДжейТи выходит на балкон и кричит:

— Булочка!

— Конфетка! — восклицает Булочка в своем стиле.

— Леди, добро пожаловать в Дельта дом, — говорит ДжейТи, разводя руки.

— Пит, смотри, кто здесь, — говорит он, показывая на Брауни.

— И Эви! Пит, быстро принеси ей пиво пока она не отрубилась, — улыбаясь мне, говорит он, на его шею болтается бинокль.

— Эви, ты когда-нибудь уже была здесь? — спрашивает меня ДжейТи.

— Однажды, когда я посещала тур по кампусу, — говорю я, мысленно просчитывая, сколько понадобится шагов, чтобы добраться до входной двери.

ДжейТи устраивает нам ознакомительный тур по Дельта дому; я внимательно рассматриваю бильярдную, где располагались самые последние трофеи дома.

Когда наша экскурсия продвигается в другую часть дома, я нахожу предлог и чтобы пойти в ванную, сказав, что догоню их позже.

Я быстро спускаюсь и иду обратно в бильярдную.

Я ищу что-нибудь для осуществления нашего плана. Мне повезло, рядом с бильярдной я нашла одну комнатку.

Она идеально подходит для нашей задумки. Комната размером с кладовку, для хранения чистящих средств и туалетно-косметических принадлежностей.

По привычке я ищу номер комнаты.

В комнате стоят комфортные кожаные кресла коричневого цвета и низкие полированные деревянные столики, идеально подходящие для распространения книг.

Пока я восхищаюсь темными деревянными покрытиями комнаты, я замечаю, что не одна.

Мои глаза ненадолго задерживаются на парочке целующийся в углу, я быстро отворачиваюсь от них, чувствуя неловкость от того, что стала свидетелем чьего-то личного

момента.

Я же начала выходить из комнаты, когда пронзает озарение; мое внимание снова переключилось на парочку.

В кресле сидит Рассел, держа на своих коленях миниатюрную симпатичную блондинку, воплощая свои собственные слова в действие.

Я испытала такую ревность, какой никогда раньше не испытывала.

В течении нескольких секунд жар сменяется холодом.

Я, наконец, выхожу из ступора и продолжаю идти к выходу.

Мягко взявшись за дверную ручку, я стараюсь не шуметь, но браслеты на моем запястье начинают звенеть, предупреждая Рассела о моем присутствии.

На миг карие глаза Рассела задерживаются на мне, прежде чем я выскакиваю из комнаты.

— О черт, Рыжик, подожди! — слышу я, как он кричит из-закрытой двери.

В коридоре я лихорадочно начала искать место, где можно было бы спрятаться.

Я сразу залезла в шкаф и закрыла дверь.

Стоя там, в крошечной темноте, и задыхаясь, я пытаюсь осмыслить все, что видела в соседней комнате.

Я просто наткнулась на то, то любовь всех моих — я даже не знаю, скольких жизней, обрабатывал какую-то блондинку, которую он только встретил? Внутри меня борются за господство боль и чувство предательства.

Но с учетом того, что я не могу быть с Расселом, это не повод для того, чтобы я так себя чувствовала.

Для него, это, несомненно, лучший вариант, но в данный момент, из-за испытываемой мной боли, мое рациональное мышление не работает.

Я отхожу от двери и подхожу к дальней стене.

Сползаю вниз по стене и сажусь на пол между полками забитыми туалетной бумагой и упаковками с жидким мылом. Когда шок от увиденного, начинает стихать, я понимаю, что единственное, что хочу сейчас сделать, это вернуться домой и расплакаться. На глаза наворачиваются жгучие слезы, но я стискиваю зубы в попытки сдержать рыдания.

— Сейчас я не могу плакать... не здесь, не когда вокруг столько свидетелей. Я должна выбраться отсюда.

Я начинаю двигаться, когда дверная ручка поворачивается, и дверь начинает открываться. На мое лицо медленно падает свет из коридора, и я слышу, как с облегчением вздыхает Рассел. Он быстро проскальзывает в шкаф, закрывая за собой дверь. Он сползает вниз по двери и садится передо мной, загораживая большую часть света, что мешает мне разглядеть его лицо.

Наши ноги соприкасаются, но мы продолжаем молчать, пока Рассел не спрашивает:

— Рыжик, почему у меня такое чувство, будто я должен извиниться перед тобой за все это?

— Ты и не должен, но я солгу, если скажу тебе, что это не причиняет мне боль, — мягко отвечаю я, точно зная, почему он чувствует, что должен извиниться.

Это из-за нашей связи, которая разрывает нам сердца. Но я не могу сказать ему, что больше не могу остановить его от всего происходящего.

— Да, я могу сказать, что знаю, что я чувствую, — отвечает он. — Почему это происходит, Рыжик? — с раздражением спрашивает он. — Я не единственный, кто считает,

что мы были бы идеальной парой. Когда ты смотришь на меня, я вижу это в твоих глазах. Просто скажи мне что происходит. Рид действительно твой парень? — спрашивает Рассел так, словно это оставляет у него во рту неприятный привкус.

Он не ждет от меня ответа и продолжает:

— Потому что, я хочу сказать тебе, Рыжик, что когда я вижу тебя с ним, и это разрывает мне сердце.

Вот и настал тот момент, которого я боялась, так как в этот момент я поняла еще более отчетливо, кем я не являюсь. Я не тот человек, который нужен Расселу, и это не пустые слова. Если бы не было Рида, и моего очевидного к нему влечения, я знаю, что была бы счастлива с Расселом. Мы были бы идеальны друг для друга, но для Рассела это не безопасно. Я должна держать Рассела на расстоянии от того, кто я и кем собираюсь стать. Если он будет рядом со мной, он всегда будет в опасности, особенно, если другие ангелы обнаружат, что я существую.

Мое горло сжимается, не давая мне говорить, но я справляюсь и мягко спрашиваю:

— Рассел, как зовут ту девушку, с которой ты целовался?

Рассел хрипло отвечает:

— Кэндис... но это не то, чем кажется, или может быть это то, что ты видела, но я отшил ее, а тебя я видел с Ридом. Вы все время вместе...

— Да, — говорю я, прервав его.

— Рид мой... парень. Я с ним, так что ты должен пойти и посмотреть, свободна ли все еще Кэндис, потому что я — нет, — заканчиваю я, почти поперхнувшись на последних словах. Я рада, что в шкафу темно, потому что я не думаю, что смогла бы выжить, увидев, какую боль я причиняю ему своими словами.

Я едва выдерживаю боль, которую я испытываю от произнесенных мной слов. Рассел притих, обдумывая то, что я сказала ему.

Вместо того, чтобы подняться, я слушаю его ровное дыхание, обнимаю и пытаюсь утешить.

Я так увлеклась тем, что делаю, что вздрагиваю, когда он начинает говорить:

— Женевьева, я просто знаю, что раз ты делаешь все правильно, это не навредит тебе.

Поднявшись с пола, он выходит из гардеробной и аккуратно закрывает дверь.

Или, может быть, это причиняет не такую уж и боль, это делает решение правильным, думаю я, слышу как он отходит от двери. Когда я понимаю, что он ушел, я покидаю этот мрачный шкаф и иду на поиски девочек.

Пока они перешептываются между собой, я говорю им, что нашла кое-что, что может нам понадобиться для нашей миссии. Я говорю им, что возвращаюсь в свою комнату, и потом они говорят, что тоже идут со мной, но я уговариваю их остаться здесь и как следует повеселиться, я хочу побыть одна. Вернувшись в свою комнату, я записываю то, что помню о композициях, а потом одеваю пижаму и ложусь в постель.

Я долго лежала без сна плача в подушку, я поклялась, что это последние слезы, которые я проливаю из-за Рассела. Следующие утро я трачу на беспокойство о Риде, сгорая от любопытства, где он и что с ним.

Мне не может поднять настроение даже то, что Фредди забирает меня на своем белом мерседесе, и мы едем в «Coldwater».

Я раздражена, потому что не выспалась прошлой ночью.

— Фредди, это подозрительно. Ты не из Детройта? Разве ты не должен быть за рулем

автомобиля с детройтовскими номерами? — наполовину шутя, наполовину ругая его.

Фреди прижимает палец к губам.

— Тише Эви, она тебя услышит. Она была арендована мной, — ухмыляясь, говорит он, поглаживая руль.

— Что с тобой произошло, прошлой ночью на вечеринке? — ласково спрашивает меня Фредди, уловив мое настроение.

— Не важно, — говорю я, а потом из меня неконтролируемым потоком вырывается все, что случилась с Расселом прошлой ночью.

Фредди спокойно слушает меня, позволяя мне выговориться, а я рассказываю все, упоминая все детали этого происшествия.

— И сейчас я иду в «Coldwater», чтобы получить его дурацкий firewall. Уверена, Кэндис не прошла бы весь этот путь до «Coldwater», чтобы получить его брандмауэр, — резко говорю я.

— Держу пари, что ты права Эви, — говорит Фредди выгибая бровь.

— Я уверен, что Рассел предпочтет твой брандмауэр и программное обеспечение. Если бы он этого не сделает, то прошлой ночью он бы не сидел с тобой в гардеробной, но ты уже и так это знаешь.

Я медленно вздыхаю.

Фредди говорит мне, что прошлая ночь, это — прямые последствия моего решения. Но я не могу объяснить ему, почему я делаю это для Рассела или то, что я чувствую к Риду.

— Я знаю Фредди, но это словно есть две стороны меня, одна сторона хочет Рида, а другая сторона Рассела, — вздыхаю я. — Я просто хочу излечиться.

— Ты излечишься, Эви. Ты разберешься с этим, и в тоже время, мы можем помочь компьютеру Рассела, чтобы Кэендис могла отправлять ему, емейлы, — шутливо говорит он, смотря на меня с нахальной улыбкой на лице.

Я ничего не отвечаю и держу язык за зубами, словно он мой своевольный брат. Мы подъезжаем к «Coldwater» и находим магазин электроники, в котором есть брандмауэры. Так как у них есть всего пару моделей, поэтому нам не составляет труда выбрать одну из них. Я совершаю покупку, а потом мы с Фредди покидаем магазин.

Мы натываемся на пару кафе и заказываем кофе на вынос.

Когда мы выходим с нашими латте и направляемся к машине Фредди, я пытаюсь закрыть свой стаканчик пластиковой крышкой и роняю ее на асфальт. Нагнувшись, чтобы поднять ее я замечаю проходившего мимо молодого парня идущего в магазин. Меня восхитил его внешний вид, от черной кожаной куртки, волосы на моих руках встали дыбом.

Что-то в этом человеке побуждает бежать от него прочь.

Я не могу показать на него пальцем, пока не распрямляюсь и не вижу на асфальте его тень. Он не убегает, он стоит передо мной. Я бледнею, а мой пульс и сердцебиение ускоряются. Я изучаю мрачное переплетение тени; она выглядела, будто была отдельной сущностью. Кофейная крышка снова выпадает из моих онемевших пальцев, но лишь через несколько мгновений я смогла заставить мои конечности снова двигаться. Спеша к машине Фредди, я расплескиваю кофе.

Фредди отпирает дверь, и запускает двигатель. Забравшись в машину, я запираю двери и выглядываю в окно.

Пока Фредди выезжает со стоянки, человек со странной тенью стоит возле входа в кафе и смотрит, как мы уезжаем.

Я дрожу от страха, думая, что это было? Смотрю в зеркало заднего вида, чтобы понять, следит он за нами или нет.

Заметил ли он меня, или его тень, подумав об этом, я снова содрогаюсь от страха.

— Эви, ты в порядке? Ты бледная, — говорит Фредди, заметив, что со мной что-то не так.

— Эмм, да, Фредди, я в порядке, просто мой кофе немного горьковат. Я должна добавить еще немного сахара, — говорю я, салфеткой вытирая кофе с рук.

Я обожглась, когда пролила кофе, но я проигнорировала боль, зная, что к тому времени как мы будем в Крествуде, вероятно, все уже заживет. Я использую салфетку, чтобы прикрыть руку, так, чтобы Фредди не заметил моего ожога. Откинувшись на сидении, я закрываю глаза.

Я думаю, эта поездка была плохой идеей, интересно, как я объясню все это Риду, если учесть, что я даже не должна быть в «Coldwater». Когда я расскажу ему что произошло, он превратится в недружелюбного ангела.

Думаю, что я хватаюсь за соломинку, сейчас его здесь не было, но потом я смотрю на свой телефон, и уже могу услышать его аргумент, что я даже не пыталась ему позвонить.

На обратном пути в Крествуд, Фредди рассуждает о том, как он будет устанавливать Расселу брандмауэр, в то время как я думаю о тени.

Кажется, Фредди не заметил моей напряженности, когда высаживал меня на парковки возле общежития. Под моим окном раздавалась эхо от барабанов звучащих с поля. Первая игра Рассела могла стартовать в любую минуту.

Я планировала быть там, чтобы поддержать его, но думаю, что прямо сейчас мое присутствие произведет прямо противоположный эффект.

Думаю что я, последний человек на земле, которого он захочет там видеть, и этот факт причиняет мне больше боли, чем я могу признать.

Это глупо, но лежа в кровати, я понимаю, что очень скучаю по Риду, что выглядит довольно жалко, так как с момента как он уехал, прошло чуть больше суток.

У меня не занимает много времени, чтобы сдаться и попытаться позвонить ему.

Когда он не отвечает, я расстраиваюсь.

Когда на автоответчике я слышу его сексуальный голос, которым он произносит сообщение, у меня возникает желание, когда-нибудь записать его, чтобы потом прослушивать его снова и снова, словно его фанатка.

Когда я слышу звуковой сигнал, оповещающий о том, что я могу оставить сообщение, я не знаю что сказать, потому что не планировала звонить ему.

— Привет Рид, это Эви... Я скучаю по тебе... возвращайся скорее домой. — почти шепчу я.

Повесив трубку, я съеживаюсь и закрываю лицо руками, когда думаю о об оставленном ему сообщении.

Я такая неудачница.

Я рано иду в постель, смотря из окна на ночное небо и пытаюсь представить чем же занят Рид.

Я просыпаюсь в поту, в полной темноте, прижимая руки к тому месту, куда во сне меня ударила человеческая тень. Задыхаясь, я рыдаю, пытаюсь заглушить боль от удара.

«Я цела», — уверяю я себя. — «Я не порезана... Я думаю, поездка в «Coldwater» была очень плохой идеей, но меня захлестывает паника». Дрожащими руками я оборачиваюсь

одеялом, я не серьезно отнеслась к предупреждению Рида и была на стадии отрицания.

Рид говорил мне, что есть субъекты, которые хотят заполучить меня в свои руки, но тогда я не восприняла его всерьез.

Я поняла это только сейчас, когда увидела одного из них.

Если бы кто бы то ни был, пришел за мной этой ночью, сомневаюсь, что я смогла бы это предвидеть.

Я бы наверное была уже мертва.

Я лежу в постели, обнимаю подушку и жду восхода солнца.

Глава 14

Противоположности притягиваются

Встав рано утром, я иду завтракать в Сагу.

Из-за вечеринки, проходившей прошлой ночью, воскресное утро — не самое популярное время для завтрака. В кафетерии была только небольшая группа студентов

За нашим столиком сидел только Фредди, и пока я шла к нему со своим подносом меня пробиравал смех, потому что он походил на чьего-нибудь отца, который по утрам сидя за столом, читает газету, попивая остывший кофе.

— Доброе утро, — говорю я.

— Привет Эви, ты слышала? Вчера «Chargers» выиграли, — кивая, весело говорит он.

— Да, я слышала. Это мило, да? — риторически спрашиваю я.

— Хотя разрыв был не большой: двадцать один: семнадцать, — усмехается он.

— Туз, — отвечаю я.

— У тебя есть какие-нибудь проблемы с брандмауэром? — спрашиваю я, медленно жуя свою овсянку.

— Нет, это было так легко, он практически сам себя установил, — не глядя на меня говорит он.

— Что случилось? — говорю я, замечая его отстраненность.

— Ничего, — уклончиво говорит он.

— Что случилось, Фредди? — снова спрашиваю его я, замечая что он что-то мне не договаривает. Нагнувшись к сумке, Фредди достает то, что осталось от брандмауэра. Он выглядел так, если бы кто-то ударил по нему молотком или проехал на машине.

— Рассел вроде как удалил его, — пробормотал он.

— О, — говорю я, глядя на погнутые порты и помятый корпус, лишь на половину покрывающий устройство.

— Ты можешь выбросить его, потому что вряд ли они примут его обратно.

«И я не вернусь в «Coldwater»», — оцепенело думаю я.

— Эви, в защиту Рассела могу сказать одно, прошлой ночью он был очень пьян, — говорит Фредди, пытаясь облегчить удар, после искореженного оборудования.

— Хорошо, от этого действительно легче, — саркастически говорю я, видя в искореженном металле гнев Рассела.

— Прости, — просто говорит он.

— Нет, это ты прости. Это я поставила тебя в неловкую ситуацию, и мне действительно жаль. Я больше не буду этого делать. Я обещаю, — отвечаю я, лежа свою руку поверх его. — Это только между Расселом и мной, я получила четкое и ясное сообщение. Оно гласит: Оставь меня в покое.

— По крайней мере, он не сделал то, что советовал ему сделать Мэйсон, — говорит он.

— О да, и что это было? — спрашиваю я, чувствуя, как мое сердце погружается в пучину страха.

— Мэйсон хотел, чтобы он бросил это тебе в окно, — с отвращением говорит Фредди.

— Ну, ему должно быть хорошо с такими приятелями, — оцепенело говорю я. — Так чем ты занят сегодня? — спрашиваю я, пытаюсь сменить тему, и надеюсь, что Фредди сжалится надо мной и уберет брандмауэр обратно в сумку, чтобы я не смотрела на него весь

завтрак.

— А ты? — спрашивает он, убирая брандмауэр со стола, будто прочитав мои мысли.

— Стиркой, — с облегчением отвечаю я. — А позже у меня состоится моя первая игра.

— Кем ты играешь? — спрашивает он.

— Каппа, я думаю, — отвечаю я, потягивая апельсиновый сок.

— Во сколько? — спрашивает он.

— В четыре, — говорю я.

— Я приду, — с улыбкой отвечает он.

— Спасибо Фредди, — говорю я, но независимо от того, как я стараюсь, я не могу вернуть ему улыбку.

Наша первая игра привлекает больше народу, чем я ожидала. И новая униформа сыграла в этом не последнюю роль. Наши майки и юбки красного цвета, с вертикальными черными полосками с обеих сторон. Рубашка с воротом и без рукавов, обтягивает как вторая кожа, также как и короткая юбка, не оставляет простора для воображения. Мой наряд завершают красные гольфы, закрывающие голени. Каппы были одеты в синие юбки, бледно голубые топы и гольфы.

Мы все походили на усовершенствованную версию учениц католической школы, которая, я думаю, являлась розыгрышем.

Увидев Фредди на трибуне в окружении других парней, я машу ему рукой.

Я как раз собиралась подойти и поговорить с Фредди, когда увидела, что на поле приехал Рассел.

Он был не один. Когда я поняла, что он был с девушкой, с которой обнимался прошлой ночью, мои щеки покраснели.

Как там ее имя... Кэндис? Если бы ревность была живым существом, тогда проживала бы во мне, когда я увидела, что они держаться за руки, стоя очень близко к друг другу и о чем то говорят.

Почему он здесь с ней? удивилась я, пока не заметила на Кэндию голубую форму, и я понимаю, что Рассел здесь, чтобы поддержать ее.

Пытаясь скрыть возмущение, я бегу туда, где расположились мои товарищи по команде.

Стараясь игнорировать то, что Рассел на удачу целует Кэндис в щеку и по собственнически хлопает ее по заднице, перед тем как она идет к своей команде.

«Для меня было слишком опасно находится рядом с ним», — думаю я, еще раз напоминая себе, что Расселу лучше не быть рядом со мной, но это трудно понять, когда меня сжигает зависть, когда рядом с ним горячая цыпочка

Судейский сигнал вызывает капитанов на жеребьевку, и Брауни отправляется это делать. В жеребьевке победила Брауни, и была выбрана для взятия центрального паса. Я побежала на поле, чтобы занять позицию возле центральной линии. Через несколько мгновений, напротив меня, по другую сторону белой линии, встала Кэндис.

— Привет психопатка, я была бы тебе очень признательна, если бы не приходила в комнату к моему парню, — с ехидной улыбкой говорит она, по мне так было ужасно несправедливо, что она могла быть лучше меня.

— Извини? — спрашиваю я, не совсем понимая, что она имеет в виду.

— То, что ты вчера вечером разбиралась с его компьютером — незаконно, — поясняет она со снисходительной улыбкой.

Она качается палкой колени и наклоняется вперед.

— Все думают, что ты поклонница-психопатка, которая от срыва разгромила его комнату, — говорит он, наблюдая за моим выражением лица.

Я так расстроилась, что приняла оттенок моей формы. На мгновение я представила, как сжимаю ее горло. Внутри меня все пылает, но я ничего не ответила, прикусив язык.

Прежде чем подать свисток, судья установил мяч на середине линии. В начале игры Булочка завладела мячом. Мы вместе побежали по полю, в то время как Брауни отправила мяч в Weeza. Я легко обогнала Кэндис, которая пыталась встать у меня на пути. Пытаясь предугадать ход игры и быть в хорошей позиции для принятия паса, я слышу свое собственное дыхание.

Когда я сосредотачиваюсь на цели, шум вокруг затихает.

Мне не пришлось долго ждать паса, Бэбс подала мне мяч. Замахнувшись своей палкой, я отправляю его в зону D.

Легко перехитрив Кэндис, я посылаю мяч в круг, а Булочка бежит впереди меня, чтобы занять место у ворот. Я отправляю мяч в сторону Булочки, которая заносит палку, чтобы отбить подачу. Он летит к голкиперу, который неуклюже пытается его поймать.

«Гол!» — думаю я, когда толпа взрывается аплодисментами.

Когда мы возвращаемся на свои горки, я, ухмыляясь, обнимаю Булочку, поздравляя ее с отличным броском. Сейчас на центральной линии мячом владеет Каппа. Я снова иду к линии на середину поля, а Кэндис встает напротив.

Посылая мне фальшивую улыбку.

— Ты знаешь, прошлой ночью, мы все говорили о погроме в твоей комнате... то, что ты поставила Расселу на компьютер, мы собирались кинуть тебе прямо в окно, — самодовольно говорит Кэндис.

— Кэндис, эта вещь называется брандмауэром, — низким тоном отвечаю я.

— Это не имеет значения, — резко отвечает она, морща нос.

Со свистком, один из Каппа нападающих бросает мяч вперед, пытаюсь уличить меня в плохом владении палкой. Я легко завладеваю мячом. Посылая мяч в Бэбс, срываюсь вперед, чтобы помочь ей в круге. Каппа даже не касается мяча, когда Бэбс перехватывает его. Войдя в зону D вместе с Бэбс, я замечаю, что защитник Каппа показывает на вратаря.

Зная, что вратарь не может видеть меня через все эти движения, я ищу зазор, прежде чем отправить мяч к цели. Когда он летит к воротам, вратарь даже не движется в его направлении. Толпа на боковой трибуне аплодирует мне, но я почти не ощущаю от этого радости, потому что должна снова идти к центру линии и слушать Кэндис.

Пока арбитр снова устанавливает мяч в центре, я подхожу к горке и принимаю поздравления и обнимашки от моих товарищей.

Выпрямляясь, Кэндис не выглядела счастливой.

— Милый гол, дурнушка, — фальшиво сладко говорит она. — Для такой девушки как ты, единственный выход — это собраться и забить. Это правда то, что Рассел рассказал о тебе... что ты еще девственница?

«Я убью его», — подумала я бледнея.

Должно быть, Рассел... рассказал ей о чем то. Когда раздается свисток, ни я, ни Кэндис не сдвигаемся с места, мы смотрим друг на друга и глумимся.

Когда Брауни видит, что происходит, то бежит обратно, чтобы оттащить меня от Кэндис.

— Не позволяй ей добраться до тебя, Эви, — говорит Брауни, обвивая меня руками. — Я

могу поменяться с тобой местами. Ты можешь встать с другой стороны. Мы достанем тебе мяч, так что ты снова сможешь забить. В этом году они действительно проиграют.

— Конечно, хорошо, — отвечаю я, пытаюсь не обращать на нее внимания, но все, чего я в данный момент хочу, это скрыться в своей комнате.

Я меняюсь с Брауни и после этого отбиваю еще несколько подач. Через пол часа игра закончилась.

Толпы поубавилось, потому что каппы закончили игру со счетом семнадцать — ноль. Арбитры поговорили с капитанами и Каппы отказались от второй половины. Выходя со стадиона, я наливаю воду в пластиковый стаканчик. В толпе я не могу найти Фредди. Должно быть, он ушел еще до окончания игры. И я не виню его, потому что игра была ужасна, чтобы смотреть ее одному.

Потягивая воду, я услышала, как Кэндис жалуется Расселу на судью и плохое судейство. Она бредит, если думает, что у них есть шанс вернуться в игру во второй половине.

Рассел ничего не сказал о игре, но попытался ободрить ее взяв за руки и обняв. Когда я увидела их вместе, мою грудную клетку пронзила тупая боль. Я помню, что он ощущает мое к нему влечение, и мне приходится отвернуться.

Решив, что мучений на сегодняшний день мучений достаточно, я оглядываю толпу в поисках Брауни и Булочки. Я хочу предупредить их, что ухожу, но останавливаюсь и хватаюсь за живот, когда ощущаю в нем небольшой трепет. Опустив стаканчик, я еще раз оглядываю толпу в поисках Рида, а щекочущие чувство все усиливается.

Спустя несколько ударов сердца, я вижу, как он идет на поле с парковки общежития.

Снова увидев Рида, мое зрение затуманилось; все происходящие вокруг меня, теряет смысл. Ощущая волнение и тревогу от новой связи, я медленно зашагала по росистой траве в его направлении.

Весь гнев и смущение, которые я испытывала последние пару часов, испарились, я прибавила шаг, чтобы поскорее встретится с ним.

Обняв его за талию, я кладу голову ему на грудь.

— Рид, — мягко выдыхаю я, — ты вернулся... я скучала по тебе.

Глава 15

Свет и тень

Когда Рид прижимает меня к себе, на его губах играет сексуальная улыбка.

— Я тоже по тебе скучал, — по секрету шепчет он, наклонившись к моему уху, когда мы разделяем только наш момент.

От счастья мое сердце забилось быстрее, а щеки окрасил легкий румянец.

— Я пропустил твою игру? — разочарованно спрашивает он, осматривая поле.

— Наверное ты бы успел ко второй половине, но «Каппы» проиграли, и игру закончили, — отвечаю я благодарная за то, что второй половины не будет.

— Это плохо, да? — спрашивает он меня, поигрывая бровями.

Когда я киваю, его глаза заискрились удовольствием.

— Ты принесла команде очки? — заинтересованно спрашивает он меня, заправляя выбившуюся прядь моих волос мне за ухо.

— Да, но, так или иначе, все принесли команде очки, так что в этом нет большого достижения, — честно говорю я, наблюдая, как его улыбка становится шире.

— У тебя есть еще какие-нибудь планы, или ты можешь уехать со мной? Мы можем ненадолго поехать ко мне домой, — мягко спрашивает он меня.

Когда я сразу же с энтузиазмом киваю, он усмехается. Развернувшись, Рид обнимает меня за плечи, и мы идем к его машине. Я вижу, как Булочка и Брауни наблюдают за тем, как я уезжаю с Ридом, так что когда мы идем на парковку, я машу им на прощание. Подойдя к машине, Рид останавливается и перед тем как открыть дверцу, целует меня.

С трудом дыша и чувствуя легкое головокружение, я обнимаю его за шею, притягивая ближе к себе.

— Я рада, что ты вернулся, — шепчу я ему на ухо.

— Как и я, — шепчет он в ответ.

Открыв для меня дверь, он ждет, пока я заберусь внутрь. Открыв дверцу со стороны водителя, он тоже садится в машину. Прежде чем выехать со стоянки, он берет мою руку и нежно целует.

— Извини, что в этот уикенд я оставил тебя одну, — хмурясь, говорит он. — Я волновался за тебя. Как у тебя дела?

— После твоего возвращения мне лучше, — уклончиво говорю я, а потом спрашиваю, — Куда ты ездил? Ты ничего не рассказывал.

— Моему другу нужна была помощь по военному вопросу, я должен был ему помочь, — говорит Рид.

— Я не хотел уходить и оставлять тебя без защиты, но если бы я не пошел, то он бы начал подозревать, что меня что-то отвлекает от миссии, — говорит он, многозначительно глядя на меня. — Если бы это было возможно, я бы вообще хотел этого избежать.

— Почему ты не хочешь, чтобы твой друг приехал сюда? — нахмурившись, спрашиваю я.

— Мой друг — ангел, — неохотно отвечает Рид, вглядываясь в мое лицо.

— О, а в чем проблема? — спрашиваю я, надеясь, что его ответ не будет слишком страшным.

— Эви, позволь мне быть с тобой предельно откровенным. Только если он не падший

ангел, это не делает его для тебя небезопасным, — хмуро говорит Рид. — Не путай наш вид с ангелами на поздравительных открытках. Мы войны, смертоносные хищники, время, проведенное здесь на Земле, научило нас самосохранению, а в некоторых случаях притворству. Безусловно, Зефир узнает тебя, и если бы была такая возможность, я бы предпочел не убивать его, — спокойно говорит он.

— Ты уверен, что он — эмм, Зефир, попытается причинить мне вред? — грустно спрашиваю я, думая о том, что, будучи рядом со мной, Рид боится доверить своему другу, о том, что я существую, тогда у нас есть пара серьезных вопросов, которые мы должны решить.

— Я не знаю. Как я уже говорил, мы ревнивые существа, и не важно, по каким причинам он может беспокоить тебя. Ты вызываешь сильные эмоции, и я не знаю, как он может воспринять тебя, как угрозу или как что-либо другое, — говорит он.

Смотря на него некоторое время, я понимаю, что он думает об этом уже некоторое время.

— Если не угроза, то что? — вслух интересуюсь я, сузив глаза.

— Возможно, он будет тянуться к тебе, — отвечает Рид

Мои глаза расширились.

— О, ты имеешь в виду, что его я тоже могу почувствовать? — с подозрением спрашиваю я.

— Да, — серьезно говорит он.

— И эта мысль беспокоит тебя? — удивленно спрашиваю его я.

— Да, — говорит он, следя за дорогой.

— Рид, почему ты вместо помощи своему другу-союзнику выбрал вариант помогать мне? — тяжело вздохнув, спрашиваю я, я действительно не понимаю, как могла получить его в качестве моего защитника.

Я полукровка, а он, ну... из идеальной жизни.

— Сейчас ты под моей ответственностью, и я буду защищать тебя, — спокойно говорит Рид, хмурясь.

— Ты заставляешь меня чувствовать себя обязанной, — бормочу я, а мое сердце сжимается.

— Ты одна, и ты хрупкая, — бормочет он, поглядывая на меня.

— Котята тоже очень хрупкие.

— Я девушка... эээ, и ангельское создание, — неуверенно бормочу я.

— В сравнении с ними, ты котенок — как и любой ангел в твоём возрасте, — пытаюсь подавить улыбку, говорит Рид. — Вот почему я хочу скрыть тебя, по крайней мере, до тех пор, пока ты не станешь сильнее.

— Так вот почему ты не звонил мне все выходные, боялся, что твой друг услышит, как мы разговариваем? — спрашиваю его я, вдруг понимая, что, не звоня мне, он защищал меня.

— Да... Я прослушивал сообщения, которые ты несколько раз оставляла мне. Мне понравилось. В следующий раз, оставляй мне длинные сообщения, рассказывай о том, как прошел твой день, ну, или я не знаю, о чем-нибудь еще. Мне нравится слышать твой голос, — признается он.

— Ок, — улыбаясь, говорю я, — если в дальнейшем ты обещаешь, что в твоих записках будет хоть одно ласковое слово, потому что «дорогая Эви» — я таковым не считаю.

— Тебе не нравится мое внимание? — спрашивает он.

— Я не это имела в виду. Это было не убедительно, — говорю я.

— Было не убедительно? Что я должен был сказать? — спрашивает он, забавляясь моим поведением.

— Хмм, дай подумать... Дорогая Эви, которую я просто обожаю, я обещаю вернуться как можно скорее, потому что, не видя тебя слишком долго, я очень сильно по тебе скучаю. На самом деле, я не могу уехать без тебя, так что я увижу тебя, когда ты будешь здесь, — заканчиваю я, застенчиво ему улыбаясь.

Пока я объясняла то, какую записку хочу от него получить, Рид смотрит на меня, и его глаза стали насыщенно зеленого цвета.

— Я оставил тебе короткое сообщение, потому что не хотел давить на тебя, — мягко говорит он. — Я знаю, что у тебя должны быть чувства к Расселу — как ты можешь их не испытывать? Он же твоя родственная душа. Я не совсем понимаю, какое место я занимаю между вами. Но мне нравится твое голосовое сообщение, и я совсем не против того, чтобы ты всегда приветствовала меня так же, как и на поле.

— Ты спросил меня, какое место ты занимаешь... для меня? — спрашиваю его я, в то время как мы направляемся к его дому.

— Только если ты готова сказать это, — мягко говорит он.

Мгновение я слушаю его ровное дыхание, пытаюсь собрать все обломки воедино — так, чтобы я могла объяснить ему, что он для меня значит.

— Ты тот, кого я хочу. Никакой другой ангел или человек, не будет стоять выше тебя, в моих глазах, моих мыслях или моей любви, — говорю я прерывающимся голосом, краснея от смущения.

Я думаю, что Рид был не готов к тому, что я ему только что сказала. Мы еще не доехали до поездной дорожки его дома, когда он затормозил у обочины возле остановки. Он не смотрит на меня; скорее всего он смотрит через лобовое стекло на темнеющее небо.

— Но я был уверен, что ты и Рассел... предназначены... что ты и он... — начал Рид, но я прерываю его.

— Нет, в эти выходные я сказала Расселу то, что ты, это все чего я хочу, — объясняю я, пытаюсь понять, о чем он думает.

— Эви, ты не должна этого делать, — твердо сказал Рид, рассердившись.

— Я буду защищать тебя, не зависимо от того, с кем ты решишь быть. Тебе не стоит бояться, что ты потеряешь меня как опекуна, если ты и Рассел...

Мои глаза расширились, когда я поняла, что он не верит мне.

— Рид, — быстро объясняю я, — я люблю Рассела. У меня ощущение, что я всегда его любила и буду любить. Но теперь уже не важно, как я отношусь к нему, потому что все чувства потускнели. Ты затмил все чувства, и я поняла, что мне нужен только ты.

В мгновение Рид заглушил двигатель и исчез с водительского сидения.

А через долю секунды я подпрыгиваю от неожиданности, потому что моя дверь открывается.

— Извини, — с извиняющимся выражением лица говорит он, отстегнув ремень безопасности и вытащив меня из машины. Менее чем за секунду мы оказываемся возле двери его дома; после этого, я оказываюсь в комнате, в которой еще никогда не была.

Это просторная спальня, похоже, это хозяйская. Возле двери Рид ставит меня на ноги, и я в его комнату. Жадно рассматривая все вокруг, возле стены стояла огромная кровать. Остальные стены были увешаны картинами. Еще там были отполированные книжные полки, заполненные книгами в кожаных переплетах, очевидно, что были оригиналы книг по

произведению искусства.

— Твоя комната? — спрашиваю я, снова поворачиваясь к нему, пока он стоит возле закрытой двери и смотрит на меня.

— Да, — отвечает он. — Я хотел показать тебе кое-что...

— Что? — улыбаясь, спрашиваю я, подходя к прикроватной тумбочке.

Мой взгляд блуждает по статуе, которая стоит на невысокой подставке. Я взяла ее, чтобы изучить. Проводя пальцем по гладкой, пепельно-белой текстуре, я поражаюсь плавным линиям женщины, поющийся на греческом троне. Она выглядела как богиня, а платье, в которое она была одета, казалось мне смутно знакомым. Когда я внимательно присмотрелась к лицу статуи, то признала себя. Это я! Это резная статуя меня.

— Это платье я надевала, когда мистер МакКинон рисовал мой портрет! — шепчу я.

— Тебе нравится? — стоя позади меня, спрашивает Рид.

— Это потрясающе. Ты ее сделал? — спрашиваю я, находясь под впечатлением от того, что он может сделать такое волшебство из простого куска камня.

— Да, — мягко отвечает он.

— Я не знала что ты художник! — восклицаю я, изучая изящно вырезанный рисунок.

— До недавнего времени, я ничего не делал... Меня посетило вдохновение, — говорит он с ошеломляющей улыбкой, которая заставляет мое сердце трепетать.

Я осторожно возвращаю статую обратно на тумбочку, продолжая смотреть на нее. Замечая рядом с ней еще одну, но ее я не могу поднять без помощи. Она тоже похожа на меня, только в хоккейной форме. Мое застывшие подобие, стоящее в агрессивной позе, замахивалась палкой по мячу, имело просто поразительное сходство.

— Те статуи в библиотеке, которые ты уничтожил, когда я была здесь в прошлый раз, их тоже сделал ты? — спрашиваю я, посмотрев на него.

— Да, — говорит он, и я могу сказать, что он помнит тот день, когда я повредила колено.

— Ту, что ты сломал — был ангел. Она была твоей подругой? — спрашиваю я его, смотря на него через плечо.

— Эви, ты ничего не пропустила? — спрашивает он, обнимая меня за талию. Еще немного покрутив статуэтку в руках, я аккуратно ставлю ее на отполированную тумбочку. Прижавшись к его груди, я слышу его размеренное сердцебиение.

— Нет, — говорю я затаив дыхания.

— Эви... Я привел тебя сюда, чтобы кое-что показать, — мягко говорит Рид, мягко отстраняя меня от себя. — Ты должна кое-что увидеть, прежде чем примешь какое-либо решение о том, что думаешь.

— Что ты хочешь мне показать? — озадаченно спрашиваю я, глядя как он стоит ко мне спиной всего в нескольких шагах от меня.

Глаза Рида темнеют, и взгляд становится настороженным, когда он тянется к своей белой рубашке и начинает ее расстегивать.

Мои щеки покрываются румянцем, когда расстегнутая рубашка открывает его идеальную грудь и тело. Когда его рубашка свободно распахивается, он останавливается и ждет моей реакции.

Я не осознаю, как оказалась рядом с Ридом, и для меня сюрприз то, что мои пальцы прикасаются к его груди. Его кожа гладкая и совершенная, без каких-либо человеческих изъянов. Чем больше я трогаю его кожу, мое сердце все больше ускоряет ритм. Когда мои

руки перемещаются вверх под его рубашкой, я провожу руками по его рукам, позволяя рубашке свободно упасть на пол.

На этом моя храбрость начинает гаснуть.

Из-за спины Рида раздался хруст и звук выдвижения, а в его глазах появляется опаска.

Мои глаза расширяются, потому что из-за его спины появляются угольно-черные перья, поднимаясь из-за его широких плеч и изгибаясь дугой примерно возле его затылка.

В то время как его крылья вернулись в состояние покоя, я слышала свое собственное хриплое дыхание.

Полностью он их не раскрыл, так что я не знаю какого они на самом деле размера.

— Ах! — выдыхаю я лишь одно слово, впиваясь в ладони ногтями.

Я отошла от него на несколько шагов, подойдя к краю кровати.

Мои колени подкосились, и я почти упала на нее, вовремя упершись на локти. Время как будто замедлилось, а может и совсем остановилось, все мое внимание было приковано к существу напротив меня.

Глядя на Рида, я понимаю, что, возможно, до моего полного взросления и последующий отказ от привычного мира, и толчок в ту сверхъестественную реальность, в котором такие вещи не редкость, не так ужасно, как казалось ранее.

Очень медленно, чтобы не разрушить магию момента, я поднимаюсь с кровати. Я чувствую, как его прекрасные, хищные глаза следят за каждым моим движением, пока я осторожно двигаюсь в его направлении. Протянув руку, я провожу линию от его ключицы до плеча, чувствуя, как его мышцы играют под моими пальцами. Кончиками пальцев, я скольжу от его плеча к его угольно-черным крыльям; скольжу вниз, по его перьям, чувствуя их гладкую текстуру.

Его крылья почти достигали пола и были острыми как у сокола.

Подняв руку, я кладу ее на другое крыло, продолжая медленно поглаживать спину у основания крыльев.

Затем я снова поднимаю руки вверх и обнимаю его за шею.

— Ты великолепен, — выдыхаю я, мягко теребя его волосы.

— Ты можешь подвигать ими? — спрашиваю я, желая увидеть изящную демонстрацию их силы.

Рид кивнул, не на секунду не отрываясь от моего лица. Быстро раскрывая крылья, издающие шелестящий звук, словно встряхивают простыню. Крылья полностью раскрылись, в результате чего рая перьев заострились.

— Они прекрасны. Когда я получу свои? — мягко спрашиваю я.

Взгляд Рида тоже смягчается.

— Я не напугал тебя? — озадаченно спрашивает он.

— Немного, но это скорее от неожиданности, чем от страха, — честно говорю я, смотря на его крылья окружающие меня.

— Как они помещаются внутри тебя? Они огромны! Я имею в виду, это ведь не удобно прятать их... потому что я не понимаю, как они появляются и задвигаются обратно... это не больно? А каково это — летать? Как ты научился пользоваться ими... ты просто умел это инстинктивно, или это было как в летной школе? — я замолкаю, когда Рид наклоняется и целует меня.

— Почему ты не испугалась меня? — спрашивает он, разорвав поцелуй.

— Я не знаю, может быть, потому, что ты великолепно целуешься, — отвечаю я,

приподнимаясь на цыпочки и пытаясь возобновить поцелуй.

— Все люди, которых я когда-либо встречал, когда видели мои крылья... ну... они были в ужасе, — говорит Рид, отстранившись ровно на столько, чтобы видеть мое лицо.

— Я должен был убирать их, чтобы они ничего не видели, а других должен был останавливать, чтобы они не кричали.

— Ну, может быть, это потому, что я уже знаю, кто ты, поэтому не очень удивилась. В любом случае, ты не самое страшное из того, что я видела в эти выходные, — машинально говорю я, прежде чем снова попыталась возобновить поцелуй.

— Извини, что ты сказала? — вежливо спрашивает Рид, нахмурившись и прикусив мою нижнюю губу.

«Вот идиотка! испортила такой момент», — думаю я, прикрыв глаза.

— Эви, чем ты занималась в эти выходные? — настойчиво спрашивает Рид, хватая меня за плеч и хмуро на меня глядя.

— Я собиралась рассказать тебе, но забыла, потому что была так счастлива увидеть тебя.

Рид отпускает одну мою руку и прикрывает ей мой рот.

— То жуткое, что ты видела эти выходные, было... — нервно говорит он.

Он останавливается и открывает мне рот, чтобы я смогла продолжить.

Я быстро рассказываю Риду о том, что произошло возле «Coldwater» и что на парковке возле магазина я видела молодого человека.

Когда я заканчиваю, Рид хмурится еще сильнее.

— Эви, эта тень человека, которую ты видела, — не что иное, как демон из Приисподний, в человеческом облике, — говорит Рид.

— Что? — слабым голосом спрашиваю я.

— Когда падший заполучает человеческую душу, они забирают ее в ад и проклинают. Она видоизменяется во времени. Она становится более продажной, и тогда они выпускают ее, чтобы найти более уязвимого человека, чтобы овладеть им. Для большинства нормальных людей, одержимый человек, как правило, остается незамеченным. Они никогда не замечают всей правды. Есть, конечно, исключения, но по большей части, они сеют хаос в мире людей. Мы можем легко их видеть и когда сталкиваемся с ними, можем отправить их обратно.

— Он чувствовал тебя и все же не напал, — после некоторой паузы, добавляет он.

Его комментарий прозвучал, словно завуалированное обвинение, и это поразило меня.

— Ну, мы были в кофейне, — побледнев, заикаюсь я. — Может быть, это его первая чашка кофе... Я имею в виду, я редко начинаю свой рабочий день, пока не выпью чашку кофе.

Губы Рида сжались в мрачной гримасе.

— Нет Эви, это не так... ты сказала, его тень наблюдала за тобой? — спрашивает он меня.

Я киваю, чувствуя, как в горле образуется комок.

— Так ты говоришь, что он, вероятно, подумал, что я одна из них — дьявольское отродье, выпущенное на землю для уничтожения.

— Нет Эви, я не это имею в виду! Я говорю, что либо он не понял, кто ты и был озадачен этим, либо он испугался тебя, потому что понял, что ты наполовину ангел, — говорит Рид.

— Ты имеешь в виду, что он, возможно, подумал, что я могу надрать ему задницу? —

немного расслабившись, спрашиваю я.

— Да, он сильный — гораздо сильнее, чем ты, но я не уверен, что он знал это. Как бы то ни было, тебе повезло, если демон был сбит с толку или напуган. Потому что он может убить тебя, даже не расплескав кофе, — медленно говорит Рид, пытаюсь убедить меня в серьезности ситуации.

— Ты не должна была ходить в «Coldwater» — угрожающе рычит он.

— Знаю, знаю! — подхожу к кровати, сажусь на кровать и обнимаю подушку из нежного атласного шелка, — Я знаю, мы говорили о правилах, которым ты хочешь, чтобы я следовала; мы говорили о многих вещах, и знаю, что я другая.

Я видела, как исцелилось мое колено, и понимаю, что ты ангел, и ты сказал мне, что есть страшные монстры, но это не значит, что я буду убегать от проблем, опасаясь своих способностей.

Опустив глаза, я беспокойно тереблю подушку и продолжаю:

— Похоже, мой мозг не может понять, что мне нужно быть осторожной, потому что изо дня в день, в моей жизни столько всего происходит, что я не способна сосредоточиться на их всех. Можно сказать, что пока я не увидела тень парня, я отрицала существование жутких монстров, но теперь я убедилась в этом и согласна с правилами.

— Ты говоришь не ходить в «Coldwater», а я говорю — Аминь.

Плюхнувшись на кровать и свесив ноги, я закрыла лицо подушкой.

— Когда? — садясь рядом со мной на кровати и убирая подушку с моего лица, спрашивает Рид.

— В субботу утром, — виновато на него посмотрев, говорю я.

— Он следил за тобой? — пристально наблюдая за мной, спрашивает он.

— Я не знаю. За рулем был Фредди. Я смотрела в зеркало заднего вида, и если бы была погоня, я бы заметила, но я ничего не видела, — приподнимаясь на локтях, объясняю я.

— Почему Фредди? Что ты сказала ему? — хочет он узнать.

— Он всего лишь студент и мой друг, и я ничего ему не говорила. Кажется, он ничего не заметил, — быстро отвечаю я.

— Тебе лучше начать рассказ с самого начала и постараться ничего не пропустить, — вздохнул Рид, ложась рядом со мной на кровать. Его рука тянется вверх, дотрагиваясь до глаз, словно он устал от моих объяснений.

Я начала с того момента, когда нашла его записку на своем окне. Я кратко объяснила ту часть про «Дельта хаус». Я рассказываю ему о Булочки и Брауни, которые пригласили меня пойти с ними, объясняя, почему там оказалась.

Я не хочу рассказывать ему о том, что я там делала, потому что боюсь, что этот план может попасть под заголовок «ничего опасного»

А так же я не посвятила его в подробности моего разговора с Расселом. Это не потому, что я не хочу чтобы Рид знал об этом — я считаю, что он заслуживает знать подробности того, что произошло между мной и Расселом.

Я просто еще эмоционально не устойчива отношусь к тому, что со мной произошло, и я не могу позволить себе расплакаться, если все ему расскажу.

Когда я заканчиваю, то наблюдаю за реакцией Рида, как он отнесется к тому, о чем я ему рассказала. Он оставался все в той же позе, что и в начале рассказа.

Его глаза по-прежнему закрыты руками, поэтому я не могу понять, о чем он думает. По его продолжительному молчанию, мои мысли начинают разбегаться, и я понимаю, что я

наделала. По моим венам ледяным потоком скользит паника, и я чувствую себя больной.

— Я погибла... не так ли? — шепчу я Риду.

— Все что у меня было — это тот факт, что никто не знает, что я здесь. Это было моим преимуществом, а теперь этого нет.

Рид убрал руки с глаз и нахмурился.

— Нет, Эви, — мягко говорит он, — все будет хорошо, есть и другие преимущества.

— Какие? — прямо спрашиваю его я, чувствуя тревогу и испуг.

— Есть ты и я... ты хитра и отважна. Скоро ты будешь достаточно сильна для того, чтобы одержать победу над тенью. А пока, у тебя есть я, — говорит он, от чего мое горло сжимается от невыплаканных слез.

— Извини, — ощущая жуткую вину, хриплю я.

— Ты тоже извини... я не должен был оставлять тебя одну, — говорит он, дотрагиваясь до моего подбородка и приподнимаемая мою голову. — Я должен был заставить тебя понять важность всего того, о чем я говорил. Если бы я не принял не правильное решение, ты бы никогда не оказалась там без меня. Проблема, с которой я столкнулся в том, что ты настолько не предсказуема, что я не знаю, что ты будешь делать дальше, — сжав челюсти, добавляет он.

Это дает нам большое преимущество, чтобы защитить тебя от твоих врагов, потому что это делает тебя неуловимой, но при этом, мне сложно обеспечить тебе хорошую защиту, — с болью в голосе говорит он.

— Рид, я — тактический кошмар. Ты не можешь находиться в двух местах одновременно. Перестань думать обо мне только плохое, — мрачно говорю я, и как отклик на мое заявление, мой желудок громко урчит.

— Когда ты последний раз ела? — сузив глаза, спрашивает Рид.

— Думаю, на завтрак, — отвечаю я, не рассказывая ему о том, что практически ничего не съела, потому что от вида разбитого брандмауэра у меня пропал аппетит.

— Эви! — серьезно говорит Рид. — Ты должна есть. Должна лучше заботиться о себе, — вставая с кровати, говорит он.

Я заменила подушку, взяв его.

Снова посмотрев на Рида, я от удивления открыла рот, потому что его крыльев больше не видно.

— Как ты это делаешь? — спрашиваю я, пристально разглядывая его спину, пока он пожимает плечами, на нем оказывается новая футболка, которой не было, когда он был рядом со мной.

От его улыбки мое сердце останавливается, заставляя меня забыть, о чем я говорю.

Посмотрев вниз, я попыталась вспомнить, что делаю, я понимаю, что все еще в грязной хоккейной униформе и бутсах.

— Я надеюсь, у Андре в холодильнике осталась еда, потому что я не одета для ужина, — говорю я с улыбкой.

— Так как в эти выходные меня здесь не было, я дал Андре выходной. Если для тебя не приемлем ресторан, то я уверен, что мы сможем похозяйничать на кухне, — говорит Рид.

— Подойдет все, что ты предлагаешь, — отвечаю я.

Уже более спокойно, чем мы были ранее, Рид ведет меня по коридору.

Идя к лестнице, мы проходим несколько дверей.

Я хочу заглянуть за каждую дверь и посмотреть, что же за ними скрыто, но мой желудок

снова заурчал, и я отложила тур по дому на потом.

Когда мы прибываем на кухню, Рид показывает мне, где находится холодильник, потому что гладкий пластик хорошо замаскирован.

Я исследую холодильник и морозилку, словно что-то божественное.

— Рид! У тебя есть макароны и сыр! — усмехаюсь ему я, протягивая руку к оранжевому боксу с черной надписью.

— Это хорошо? — скептически спрашивает он меня.

— Ты никогда такое не ел? — спрашиваю я его, приподнимая бровь.

— Нет, не думаю... это должно быть что-то, что нравится Андре, — говорит он, с подозрением изучая контейнер.

— Рид, ты не жил! — с восторгом говорю я.

— Где микроволновка? — спрашиваю я, оглядываясь вокруг, в поисках прибора для приготовления.

После того, как он мне все показал, я начинаю готовить макароны с сыром. Рид наблюдал за каждым моим движением, помогая мне расставлять посуду. Помешав вилкой обжигающе горячие макароны, я подцепляю немного лопаточкой.

Аккуратно держа чашку в руках, я тихонько дую на них, чтобы остудить.

— Попробуй! — говорю я, поднося вилку ко рту Рида, пока он позволяет кормить себя с вилки, ни на минуту не отрывает от меня взгляд.

— Что думаешь... вкусно, да? — спрашиваю я, понимая, что процесс его кормления оказался настолько чувственным, что я хочу повторить это снова.

— Очень вкусно — отвечает он соблазнительным тоном, заставляя меня почти выронить вилку. — Можно мне? — спрашивает Рид, забирая вилку из моих рук.

Он зачерпывает немного макарон с сыром и делает тоже самое, что и я.

Держа вилку около моего рта, мое сердце чуть не выпрыгивает из груди, когда я позволяю ему кормить себя.

— Мммм, — улыбаюсь я, — это почти также вкусно как Твинкис, — мямлю я.

Я достаю другую вилку из выдвижного ящика и сажусь на стул.

Рид усмехается, когда видит, что я поглаживаю контур чашки. Он следует моему примеру и садится рядом со мной, захватывая себе вилкой еще немного макарон.

Мы вместе едим в дружеском молчании.

Всякий раз, когда я больше не могла сопротивляться, я поглядывала на него.

— Какой твой следующий шаг? — спрашиваю я, когда мы заканчиваем есть макароны.

— Я хочу, чтобы сегодня ты осталась здесь, — говорит он, наблюдая за моей реакцией.

— Я выделю тебе спальню рядом с моей.

Он хочет помучить меня за нарушение правил.

Я начинаю испытывать неловкость от того, что буду спать так близко от него, всю ночь, чувствуя порхание бабочек и пытаюсь устоять перед нашим притяжением.

— Это хорошая идея? — спрашиваю я, лежа вилку на пустую тарелку.

Рид кивает.

— Я должен убедиться, что тень человека не поджидает тебя. Я пойду и сделаю зачистку местности и твоей комнаты, — говорит он, лежа вилку на тарелку и спрыгивает со стула.

— Подожди! — кричу ему я. — Ты не можешь! Что если он там? Он действительно жутки и может ранить тебя — я пойду с тобой, — спрыгивая со стула, заканчиваю я.

В следующую секунду я снова оказываюсь на стуле, словно бы не слезала с него.

Руки Рида легко обхватывают мою талию, и он смотрит мне в глаза с такой улыбкой, которая может растопить любой лед.

— Нет, ты останешься здесь, — твердо говорит он.

— Это удивительно как быстро ты можешь передвигаться, — затаив дыхание говорю я.

— Удивительно? — с гордой улыбкой спрашивает он.

— Ты знаешь это, — отвечаю я.

— Скорость, это одно из преимуществ, когда охотишься за тенью человека, — отвечает он, стараясь подавить улыбку.

— Но что если он действительно там, — нежно касаясь волос Рида, говорю я.

— Он действительно там, — отвечает Рид, — ты видела его.

— Да, я видела его, — бледнее шепчу я.

— И если он следит за тобой, я найду его, — с грозным видом отвечает он, который я знаю, направлен не на меня.

— Это ведь не просто души погрязшие во тьме отделившиеся от тела? Потом он снова может вернуться в ад... эмм Шеол, не так ли? — нарастающий паникой спрашиваю я, все больше желая удержать его здесь.

— Если это злая душа снова переместится в ад и расскажет то, что он здесь увидел, точно это будет значить для меня.

— Да, но у меня нет выбора. Это не я преследую тебя, — мрачно отвечает Рид.

Рид проводит кончиками пальцев по моей щеке.

— Все хорошо, Эви. Тень никак не может причинить мне боль. Он почти так же слаб как ты, — говорит он, пытаюсь убедить меня.

— Спасибо Рид, это заставляет меня почувствовать себя намного лучше, — с сарказмом говорю я, а он восхищенно смеется над моим угрюмым выражением лица

Я продолжаю хмуриться, а улыбка Рида становится страстной.

— Ты так прекрасна, заставляешь меня забыть о своем долге и выполнять каждый твой каприз, — глядя меня по щеке, тихо говорит он.

— Но Эви, выследить тень человека, если она где-то рядом, действительно не проблема. Так что сейчас я покажу тебе твою комнату, и ты сможешь отдохнуть, пока я разбираюсь с некоторыми вещами.

Вряд ли сейчас я могу думать о чем-то другом, тем более спорить с Ридом. Он ведет меня наверх, в комнату находящуюся рядом с его спальней. Он открыл дверь, и я испустила восторженный, потому что она была превосходной. Великолепное, кованое изголовье кровати, покрытое большим снежно-белым одеялом, с роскошными подушками. Пол из темного дерева украшал мягкий белый ковер. На стеклянных книжных полках стояли произведения искусства, а еще вся стена была занята книгами. Огромная ванная, прилегающая к комнате, была столь же великолепна.

В ней уже было все необходимое, включая гидромассажную ванну и душ, обогреватель, полотенце-сушитель, красивую раковину с душистым мылом и солью для ванн.

— Это самая лучшая ванная комната, в которой я когда-либо была, — оглядываясь вокруг, шепчу я.

— Я рад, что тебе нравится, — ласково глядя на меня, говорит Рид. — Здесь есть полотенце, а так же халат и все, что тебе может понадобиться, — говорит он, открывая дверцы белых шкафов.

Мы возвращаемся в спальню, и Рид показывает мне зону отдыха с телевизором и мини

баром.

— Ты не должен никуда идти, — говорю я, пытаюсь задержать Рида. — Мы можем посмотреть что-нибудь по телевизору.

Рид улыбнулся и притянул меня в свои объятия.

— Я буду в порядке, Эви. Отдыхай, — целуя меня в лоб, говорит он.

Его заверение никак не успокаивает охватившую меня панику. Я руками обвила его шею, приподнимаясь на цыпочки. Прикасаясь к нему губами; все те чувства, которые я сдерживала, когда мы были на поле, вырвались наружу и полыхнули огнем.

Я не уверена как долго мы обнимались, но Рид застонал и мягко отстранил меня от себя.

— Теперь у тебя есть стимул, чтобы быть осторожным, — шепчу я ему на ухо, открывая глаза.

— Нет, теперь у меня есть стимул, чтобы быстро его убить, — шепчет Рид, а потом мои волосы колышутся от ветра, а я не увидела его уход.

«Расслабься...» — думаю я, идя через огромную гостиную в ванную комнату.

Я расплела волосы и вымыла их, а затем легла в ванну, чтобы немного понежиться; я должна была бы наслаждаться этим, но я не могу. В попытке расслабиться, я нажимаю на рычаг, чтобы включить гидромассаж. Обернувшись в шелковый халат, который я нашла в шкафу, возвращаюсь в спальню. Словно индийское лето — комната была мягкой и теплой. На окне возле кровати я отодвигаю тонкие белые занавески, позволяя мягкому бризу обдувать мою кожу.

Когда смотрю на луну, я думаю о том, что Рид в одиночку охотится за тенью. Отвернувшись от окна, я пытаюсь найти чем бы отвлечься — может, поможет телевизор.

Найдя пульт, сажусь на кровать, но ни на чем не могу сосредоточиться.

Я просто продолжаю ждать ощущение порхающих бабочек, которое возвестит меня о возвращении Рида. Откинувшись на подушки, я закрываю глаза, подумав о том, может это поможет мне почувствовать его.

Должно быть, я задремала, потому что когда я открыла глаза, через длинные белые занавески, проникали первые признаки рассвета.

Я села, ощущая порхание бабочек.

Мои глаза нашли Рида, он стоял, прислонившись к стене, и смотрел на меня со странным выражением лица.

Сонно улыбнувшись ему, я потерла глаза, но когда я убрала руку с моего лица, передо мной проплыл поток красного цвета.

В замешательстве я смотрю вниз и вижу лепестки роз, всех оттенков красного и покрывающих все пространство кровати.

— Ты это сделал? — с полуулыбкой спрашиваю я, думая о том, что это очень романтично. Моя ленивая улыбка дрожит, когда Рид качает головой, и говорит нет; и полностью угасает, когда я вижу его мрачное выражение лица.

Приподняв одеяло и пытаюсь не задеть лепестки, я выбираюсь из кровати.

Завязав пояс халата, я иду к Риду.

Со стороны двери было видно, что лепестки не были разбросаны как попало; они были сложены в определенный рисунок.

Когда я узнаю сплетение круга и знака бесконечности, по моей коже пробегает холодок.

— Ты не делал этого? — с трудом спрашиваю я. Все еще глядя на кровать, он медленно

качает головой.

— Если это сделал не ты, тогда кто? — спрашиваю его я, надеясь, что он ответит.

Указательным пальцем он указывает наверх, и мое сердце начинает бешено колотиться.

— Кто-то был здесь — другой ангел? — спрашиваю я.

— Да, — мрачно подтверждает Рид, и волоски на моих руках встают дыбом. — Вероятно, это был ангел-жнец или ангел добра... в их обязанности не входит убийство, это делают могущественные ангелы.

— Ты — могущественный ангел? — спрашиваю его я.

— Да, — кивает Рид. — Эви, чего ты мне не рассказала? — обманчиво спокойным голосом спрашивает он.

— Что ты имеешь в виду? — пересохшими губами спрашиваю я.

— Чего я о тебе не знаю? — все тем же голосом спрашивает он.

— Дай мне подумать? — говорю я, посмотрев вверх. — Ну, я же рассказала тебе, что у меня были кошмары, так? — спрашиваю я.

— Да. Ты можешь связать их с этим символом? — спрашивает он.

— Вроде... — неуверенно говорю я, заметив, как напряглась его челюсть.

— Объясни, — низким тоном говорит он.

— Ну... символ, который мы видим на кровати — он всегда в моих снах.

— Как это? — сузив глаза, невозмутимо спрашивает он.

— Э-э, ну в моем сне есть ожерелье с этим символом — круг и знак бесконечности — и я пытаюсь удержать его.

— Ожерелье? Ты видела его раньше? Оно твое? — быстро спрашивает он меня.

— Да, недавно я видела его, — застенчиво говорю я.

— Где? — спрашивает он меня, смотря на меня сейчас по-настоящему мрачно, будто он уже знает ответ на этот вопрос.

— На Расселе, — лепечу я.

Рид бледнеет, с его лица исчезают все эмоции.

Я быстро начинаю припоминать все то, что Рассел рассказал мне о своем ожерелье, парадокс заключался в том, что его семья относилась к этому как к шутке.

Когда я заканчиваю, Рид сухо спрашивает:

— Почему ты не рассказала мне раньше?

Через меня, словно монетка по лестнице прокатывается беспокойство.

— Я не знала, что это важно — что ты думаешь, это означает? — с беспокойством спрашиваю его я.

— Ты должна одеться, — только и сказал Рид, нахмурившись. — Я принес твою одежду в свою комнату.

Он кивком указал на сумку, лежащую возле двери. А потом ушел. Я забираю из холла свою одежду, думая о реакции Рида на розы, разбросанные по постели.

Кажется, он расстроился больше, чем я.

Может быть, это потому, что я более равнодушна к символу, так как в течении нескольких месяцев он мне снился; но меня беспокоит боль, которую я увидела в его глазах.

Он думает, что знает, что это значит, и он не в восторге от этого.

После того, как я оделась, собрала волосы и почистила зубы, я убрала спортивную форму в сумку.

Найдя мусорную корзину, я выкидываю все лепестки, а потом иду вниз на поиски

своего ангела.

Я нахожу Рида сидящим на кухне и ждущим меня.

Он приподнимается и вытаскивает стул для меня. После того как я сажусь, он подвигает ко мне поднос с французскими тостами.

Пока он наливает мне стакан апельсинового сока, я беру тосты.

Я изучаю его лицо, чтобы понять изменилась ли его настроенность. Определенно нет, он едва смотрел на меня.

Это плохой знак...

— Как все прошло прошлой ночью? — безмятежно спрашиваю я, не желая погружаться в сегодняшнюю проблему.

— Плохо, я не нашел его, — не глядя на меня отвечает он.

— Ты не видел тень парня? — спрашиваю я, пытаюсь понять, что он имел в виду.

— Никаких его признаков. Я проверил кампус, просто чтобы убедиться, что он не прятался где-то рядом, — ковыряя еду в тарелке, говорит он.

— Думаю, это хорошо, правильно? — спрашиваю я, накрывая его руку своей.

Он отдергивает руку и тянется к стакану с соком, но не пьет его, а просто сильно сжимает.

В моей голове зазвенел тревожный колокольчик. Он действительно расстроился.

— Ок, как ты думаешь, что это означает? — вздыхая, спрашиваю я.

Я уже подумала, что он не собирается мне отвечать, но когда он заговорил, его голос был тихим.

— Я думаю, это знак того, что ты предназначена Расселу.

— Что?! — воскликнула я, крайне шокированная выводами, которые он сделал. — С чего ты взял? Только потому, что на кровати были лепестки роз?

— Ты сказала, что Рассел носит украшение с теми же символами — круг и знак бесконечности, — мрачно говорит Рид. — Они символизируют его. Роза символ любви, и ты была вся ими усыпана, — обиженно говорит он.

— Если ты посмотришь на это с другой стороны, то это будет выглядеть так: круг символизирует парадокс Рассела, замкнутый круг. Но что, если тот парадокс, который символизирует Рассела, на самом деле, знак бесконечности, который символизирует тебя. Его ожерелье означало бы Рассел и Эви навек... а на самом деле постель усыпанная розами.

Его челюсти так плотно сжаты, что я сомневаюсь, что он может вымолвить хоть слово.

— Ты не прав — я знаю, что со мной должен быть ты, потому что я не чувствую того, что я должна быть с ним. Я хочу тебя. Я сгораю для тебя, — честно говорю я, хотя, даже не смотря на всю эту ситуацию, мне неловко говорить ему об этом.

Я хочу донести до него, что его теория не верна.

Лицо Рида мрачнеет.

— Нравное, это стиль жизни.

— Другие ангелы будут охотиться на нас, пока не уничтожат тебя, — с отвращением отвечает он.

— Ты не знаешь этого, так как я еще не встречала других ангелов, и это не объясняет того, почему меня тянет к тебе. Символ, может быть, и символизирует Рассела, но вот розы — вряд ли, — рассуждаю я, надеясь, что смогу заставить его увидеть, что он сделал поспешные выводы.

— Заканчивай завтракать, Эви, — не глядя на меня говорит Рид.

— Я закончила, — отвечаю я, пытаюсь скрыть отчаяние в голосе.

Он смешон, но очевидно уверен в том, что прав.

Обратная дорога в кампус проходит в напряженной тишине и задумчивых взглядов. Когда мы подъезжаем к общежитию. Рид припарковывается у заднего входа.

Повернувшись к нему, чтобы поцеловать его на прощание, но он смотрит прямо перед собой и не смотрит на меня.

Я смотрю перед собой через лобовое стекло.

Красивые, густые клены, только начинают менять свой цвет на оранжевый и красный.

— Не делай этого, Рид, ты не прав... я чувствую это, — говорю я, и даже для меня мой голос звучит жалко.

Голос Рида звучит ровно, когда он говорит:

— Я все равно буду защищать тебя, это никогда не изменится, но мы не можем... я не могу быть твоим любимым, — заканчивает он, словно уже все решил.

Он считает, что я предназначена Расселу, а он будет подчиняться тому, что предназначено для меня.

— Ты не можешь быть серьезен, — оцепенело шепчу я, — Я не могу пройти через все это без тебя. Я люблю тебя.

— Не нужно меня любить. Потому что я тебя не люблю, — жестко говорит он, сжимая руль.

— Слишком поздно. Я уже люблю тебя и ничего не могу изменить, — с грустью отвечаю я, со слезами на глазах.

— Это пройдет, — по-прежнему не глядя на меня, говорит Рид.

— Некоторое время мы должны избегать друг друга. Если понадобится, я буду поблизости, если придут падшие, но учитывая наше к друг другу влечение, будет лучше, если мы какое-то время не будем общаться. Это поможет нам понять друг друга.

— Я не хочу расставаться с тобой, — шепчу я.

— У тебя нет выбора — я не люблю тебя, — непреклонно отвечает Рид.

— Но я не могу быть с Расселом. Я не могу быть ни с кем, потому что я хочу тебя. Ты нужен мне, — говорю я, пытаюсь положить руку на его щеку и заставить посмотреть на меня.

Прежде чем я смогла прикоснуться к нему, Рид останавливает меня и отодвигает мою руку.

Мои щеки заливают румянец, когда я понимаю, что вешаюсь на него. Я чувствую, что сломана и разбита.

— Я вижу, — говорю я, понимая, что он хочет, чтобы я ушла.

— Тебе не придется беспокоиться и быть моим телохранителем. Спасибо за помощь. Думаю, я выйду здесь.

Я вышла из его машины. Спотыкаясь, и со слезами на глазах я иду в свою комнату, понимая, что мой мир рухнул.

Я хочу исчезнуть из его поля зрения до того, как из моих глаз польются слезы.

Мне удалось сдержать слезы, пока я не дошла до своей комнаты; за очень долгое, долгое время, это — моя единственная победа, над всеми моими страданиями.

Глава 16

Официальное мероприятие

Следующие несколько дней я редко выходила из своей комнаты, поэтому пропустила все свои занятия. Булочка и Брауни чуть не сняли дверь с петель, чтобы заставить меня поговорить с ними. Я пыталась объяснить им причину моего унылого состояния и почему я не могу встать с кровати, но когда я поняла, что почти все должна от них утаить, стало еще хуже.

Я не могла рассказать им о тени человека, или ангелах, или тот факт, что я не совсем обычный человек.

Я не могу им рассказать о том, что я сильнее обычного человека, или что я боюсь возвращаться домой, потому что могу оказаться приманкой для кого-то жутко не человеческого и навлечь беду на свой дом.

Они не знают, что Рассел — моя родственная душа, или что Рид ангел, или что сейчас моя жизнь это один большой знак вопроса.

После целой коробки платочков и бессвязных слов, все, о чем я могла рассказать им, это глупое клише о том, что меня бросил мой парень. Даже не зная всех причин, они понимают, что мне очень больно, и пытаются помочь.

Девочки отложили вылазку в «Дельта Хауз»; они понимают, что при сложившихся обстоятельствах, я не смогу пройти через это. Тратя все свое свободное время на то, чтобы заставить меня сделать самое необходимое, принять душ, поесть и пойти на пары.

Через несколько дней, я устаю от собственной беспомощности и снова начинаю о себе заботиться, и хотя это происходит чисто механически, но, по крайней мере, я приступаю к занятиям.

Самое худшее — это тренировки по хоккею, потому что я должна ходить на них каждый вечер и игнорировать тот факт, что Рид находится так близко. Порхание бабочек вызывали смутение в моих внутренностях, но я не могу с ним поговорить. Всякий раз, когда я пытаюсь это сделать, он сбегает от меня словно от какой-то жалкой экс-подруги.

Когда я что-то говорю, он едва ли на что-то реагирует, а вот если он дает мне шанс что-нибудь сказать, он просто уходит от меня.

Я быстро поняла, что должна принять его решение, потому что независимо от того, чего хочу, я не могу преследовать его.

Каждый день, я с трудом пыталась принять тот факт, что потеряла его. Он был честен, когда сказал, что не любит меня.

Он и не будет.

Я знаю, что он рядом, все еще наблюдает за мной, но издалека. Я чувствую, что он рядом, особенно по ночам.

Иногда, когда я лежу в постели, то чувствую дрожь в желудке, и знаю, что он охраняет меня. Может быть, он беспокоится обо мне, поскольку я чувствую, что мое сердце больше ни ликует.

Фредди пытался подбодрить меня. Он встречал меня возле класса и провожал в свое специальное место в библиотеке. Я рассказываю ему ту же историю о том, что Рид бросил меня, и он не задает мне вопросов. Я знаю, что он знает больше, чем я ему рассказываю.

Мы все еще сидим за нашим обеденным столом, и я не замечаю, есть кто-то вокруг или

нет. Сидя рядом с Фредди и ковыряясь в миске с овсянкой, я замечаю, что рядом со мной выдвигается стул, и его занимает очень большой человек.

Рассел смотрит на мою ложку, видя, что я ковыряюсь в овсянке, словно в супе.

— Ты не собираешься это есть, да, Рыжик? — сморщив нос, спрашивает он.

Я напряглась на своем стуле. Последнее чего я хочу, это чтобы мое расставание с парнем, стало причиной того, чтобы ко мне подходили и садились рядом.

— Ты ужасно выглядишь. С тобой все в порядке? — тихо спрашивает он, я чувствую удовлетворение и раздражение, когда в его карих глазах вижу беспокойство.

— Разве ты не слышал? Я словно в аду, ну, часть меня уж точно, — без эмоций бормочу я.

Я вижу, что Рассел пихает Фредди.

— У меня все хорошо, Рассел, спасибо, — сказала я, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы он почувствовал, что его долг передо мной исполнен, и он может просто уйти.

— Ты плохо выглядишь, — отмечает Рассел. — Ты выглядишь так, будто не спала целую неделю... и я видел твою последнюю игру. Ты облажалась, Рыжик.

— Мы все-таки победили, — сухо говорю я.

— Я удивился. Мне казалось, я мог не волноваться, — как не в чем не бывало говорит он.

— А мне не понравилось, — пожимаю я плечами. — Рассел, я в порядке, и мне кажется, у тебя есть более важные дела, чем завтракать со мной. Может тебе стоит найти кусок оборудования, чтобы продолжать его бить, — с сарказмом говорю я, указывая на стол за которым сидит Мэйсон и наблюдает за нами. Увидимся позже, Фредди, — говорю я, вставая из-за стола.

В коридоре Рассел догоняет меня и шагает рядом до тех пор, пока я не останавливаюсь и не поворачиваюсь к нему лицом.

— Что? — рявкаю я.

— Вот это, Рыжик, ты злишься. Эта девушка, которую я знаю. Я не знаю других девушек, которые ходят будто призрак, — сердито говорит он. — Девушка, которая забросила все, что ей было дорого только потому, что ее бросил парень.

— Ты ничего не знаешь, — со злостью возражаю я. — И ты единственный кто говорит об этом. После той ночи в «Дельта Хаус», ты даже не разговаривал со мной. Или это ты так злорадствуешь? Ну что ж дерзай, Рассел, наслаждайся!

— Нет, я не злорадствую. Так я прошу прощение! — в ответ кричит он.

— За что ты просишь прощение? — кричу я, не заботясь о том, что привлекаю к нам внимание.

— Я прошу прощение за то, что не был твоим другом, за то, что удалил брандмауэр, который ты мне установила... и за то, что разбил твое сердце, — прямо отвечает он.

Должно быть, по выражению моего лица он понял, что я собираюсь заплакать, потому что через несколько секунд я оказалась прижата к его груди, и он удерживал меня в таком положении, положив руку на шею.

— О, Рыжик, не плачь, — успокаивающе говорит он, а я пытаюсь не разрыдаться на глазах у всех тех, кто стал свидетелями нашей борьбы.

Рассел ведет меня из переполненного коридора, в защитном жесте обнимая меня за плечи. Через несколько мгновений, мы выходим из здания и останавливаемся по другую

сторону от него.

Я не могу удержать слезы.

Рассел обнимает меня, и я плачу на его груди.

— Он идиот... которого я когда-либо видел, — шепчет Рассел мне в ухо, только заставляя меня заплакать еще сильнее.

Когда мне наконец-то удалось взять себя в руки, я отстранилась от Рассела, вытирая нос и лицо рукавом рубашки. Сегодня холодно. Осенняя погода дает о себе, так что я начинаю дрожать, когда подул холодный ветер и растрепал мои волосы.

— Я тоже прошу прощение, — просто говорю я, потому что не хочу снова начать плакать. — Это значит, что мы снова можем быть друзьями?

— Да Рыжик, мы снова можем стать друзьями... но я должен принять душ, потому что я ужасно выгляжу, — говорит он, наградив меня нахальной улыбкой. Он целует меня в лоб и быстро обнимает.

— Спасибо Рассел, — неуверенно говорю я. Мое горло все еще сжимало от слез. — Ты уверен, что наша дружба, не помешает вашим отношениям с Кэндис? У меня сложилось впечатление, что она не моя фанатка.

— Будет иметь дело со мной, — беззаботно пожимает он плечами.

— Нормально она к ней не отнесется, — говорю я, зная, что от этого Кэндис придет в ярость.

— Не волнуйся об этом, Рыжик. Я разберусь с Кэндис, — улыбается он.

— Рассел, я действительно не думаю, что кто-то может управлять Кэндис, — продолжаю я. Он только снисходительно мне улыбнулся.

— Я должна идти в класс. Если я хочу все хорошо сдать, я не могу больше пропускать. Увидимся позже.

— Ланч? Увидимся на ланче, ок? — спрашивает он меня.

— Конечно, — неуверенно говорю я.

Так что Фредди, Рассел и я снова начинаем встречаться за нашим столом, точно не так как было раньше. Теперь Рассел и Фредди пол-очереди ноют о том, что я ем, или если быть точнее, что я не ем. Так же с переменным успехом, они пытаются меня рассмешить.

Верная своим прицепам, Кэндис, пытается разорвать нашу с Расселом дружбу. Она видела нас вместе идущих по коридору и швырнула свои книги в Рассела.

Конечно, я оправдываю себя тем, что Рассел сможет «справиться с Кэндис», как я слышала из надежного источника (Фредди), на это потребуются некоторое время.

Так как Кэндис питается своим общежитии, то у нее не было возможности часто мне пакостить. Но всякий раз, когда мы пересекались с ней в клубе или в коридоре возле класса, она всегда произносит слово «псих» направленное в мой адрес.

Я не говорю об этом Расселу. Какой в этом смысл?

У меня все лучше получается претворяться. Я умею хорошо выглядеть, слушать все лекции и ходить на тренировку по хоккею.

Когда дядя Джим приезжает на игру и выходит из машины, то чуть не душит меня в своих объятиях. От него мне никогда не приходилось скрывать свои чувства. Мне очень трудно претворяться, что все хорошо, чтобы приспособиться к жизни в колледже. Я беру его на игру, и мы вместе пытаемся понять, что происходит. Потом мы вместе идем в Квадро на праздник для гостей.

Зайдя в банкетный шатер, я вижу, что он украшен даже больше, чем когда мы были на

озере. В палатке есть не только все для роскошного ужина, но и отдельная палатка с оркестром и танцполом.

Дядя и я протискиваемся через толпу, продвигаясь к столам с едой. Находим свободное место за столом с другой семьей и ведем светскую беседу.

В тусклом свете элегантного шатра, я смотрю на дядю сидящего рядом со мной и в первый раз за неделю чувствую облегчение.

Я так по нему скучала.

Я не навещала его, потому что боюсь ехать домой — я боюсь тех жутких вещей, которые могу навлечь на дом. Сейчас не нужно об этом думать...

Я отвлекаюсь от разговора за нашим столом, так как от столика неподалеку слышу знакомый смех.

Через плечо я замечаю Рассела, который кому-то широко улыбался.

После окончания игры он зашел в кампус, принял быстрый душ и теперь вместе с Кэндис был в центре внимания, за ее столом.

— Кто это? — шепчет мне на ухо дядя Джим, проследив за моим взглядом.

— О, это мой друг, Рассел.

— Я пару раз писала тебе о нем, — глядя в теплые глаза моего дяди, говорю я. — Ты чинил его компьютер, помнишь?

Дядя медленно кивает, изучая Рассела.

— Ты из-за него такая грустная? — спрашивает меня он, интуитивно распознавая мое эмоциональное состояние.

Моя фальшивая улыбка немного дрогнула.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — уклончиво говорю я. — Я рада, что ты здесь, и Рассел действительно мой хороший друг.

— Хмм, хорошо, дружок, раз ты так говоришь, — говорит он, но я могу сказать, что он не купился на все это. — Иногда когда мальчишки видят хорошую вещь, то сразу не могут распознать ее. Просто помни, что ты особенная. Я думаю, что ты самый замечательный человек в этой школе.

Мои глаза наполняются слезами, потому что он понятия не имеет, насколько я особенная, но я знаю, что, не смотря на все это, я всегда могу рассчитывать на его любовь.

Увидев мои слезы, он крепко обнимает меня за плечи.

— Все будет хорошо, — ободряюще говорит он, я киваю ему в ответ, хотя и понимаю, что уже никогда ничего не будет как раньше.

Уже достаточно поздно, а так как дяде Джиму придется ехать до дому несколько часов, поэтому мы решаем пойти обратно в общежитие.

Держась за руки, мы продвигаемся к выходу, а по дороге, я вдруг почувствовала в моем желудке порхание бабочек, которое теперь сопровождалось еще и болью в сердце.

Опустив голову вниз, чтобы не видеть красивое лицо Рида, который последнее время игнорирует меня словно меня и нет, я продолжаю следовать за дядей, желая чтобы эта боль поскорее закончилась, потому что от нее уже становится трудно дышать.

— Женеьева, — раздается впереди меня голос Рида.

Подняв голову, мои глаза расширяются от удивления, потому что Рид заговорил со мной после того, как неделю вообще ничего мне не говорил.

Он стоял возле входа в палатку.

На его лице была каменная маска, так что я не могу понять, что он чувствует, теперь,

когда снова говорит со мной. Если прошлые недели что-то значили, то уверена, Рид не будет возражать, если я проигнорирую его и просто пройду мимо.

Но дядя Джим услышал, что Рид произнес мое имя, поэтому он остановился перед Ридом, давая мне возможность поговорить с ним. Возвав к последним крупитцам гордости, которые у меня остались, я расправляю плечи и улыбаюсь дяде, который ожидал знакомства со стоящим перед нами молодым человеком.

— Привет Рид, — мягко говорю я, гордясь тем, что мой голос не ломается. — Как ты? — спрашиваю его я, пытаюсь вести себя как можно естественнее.

— Я в порядке, а ты? — спрашивает он, и я могу сказать, что он читает каждый сигнал, который посылает мое тело.

Наверное, он настроен на такие сигналы, поэтому, скорее всего, мне не удастся провести его, но я уверена, что он предпочтет ложь истине, поэтому я отвечаю:

— Все хорошо. Позволь мне представить тебе, это мой дядя Джим Клермонт. Дядя Джим, это Рид Вэлингтон, он мой... — я запнулась на полуслове.

«Мой кто? Мой парень? Мой друг? Мой ангел?» — печально думаю я.

Я краснею, когда говорю:

— Он помогал мне с физикой.

Мое сердце снова сжимается от боли, и чтобы скрыть это, я нацепила на лицо фальшивую улыбку.

— Очень рад познакомиться с вами, сэр, — говорит Рид, протягивая руку Дяди Джиму.

— Взаимно, — с теплотой говорит дядя Джим, пока Рид с любопытством изучает моего дядю.

«Интересно, видит ли Рид какое-нибудь сходство между мной и дядей», — думаю я, в то время как они коротко говорят о Крествуде.

Должно быть, Рид делает что-то официальное для школы, потому что на нем темный костюм стоимостью, наверное, больше, чем весь мой гардероб.

— Физика, да? — спрашивает дядя Джим, посмотрев на меня.

— Эви, зачем это тебе? — с улыбкой спрашивает он.

— Оу, ты знаешь... поначалу у меня были небольшие проблемы, и Рид помог мне, но думаю сейчас уже все в норме, так что все могут расслабиться

— Я уже разобралась с этим, — говорю я, и вижу потемневшее лицо Рида.

— Ты же знаешь, что я всегда рядом, если тебе снова будет грозить отставание, — ровно говорит Рид, успев скрыть свою угрюмость, прежде чем ее заметил дядя.

— Я могу помочь тебе разобраться с проблемой.

— Это очень любезно с твоей стороны, Рид. Ты словно ангел, и я не знаю, чтобы я делала без тебя, — чопорно говорю я.

— Ты всегда можешь попробовать решить один из этих математических парадоксов, — напряженно отвечает он.

— Нет, мое сердце не выдержит этого. Я не хочу превращать мое расписание в кошмар, — с грустью отвечаю я. — Было приятно повидаться с тобой. Если ты не против, мы с дядей пойдем. Приятного вечера.

Думаю, я задела Рида, потому что, кажется, он хотел мне сказать что-то еще, его глаза удерживали мой взгляд, но через несколько секунд он кивает и говорит:

— Конечно. Спокойной ночи, Женестьева.

Мы с дядей покидаем шатер, и вместе возвращаемся к моему общежитию.

Я борюсь с собой, не показывая дяде свою печаль, не хочу расплакаться у него на плече. Крепко обняв меня, дядя говорит, что любит меня.

Наблюдая за ним, я отчаянно хочу уехать с ним, сбежать из Крествуда и претвориться, что это был всего лишь на всего кошмарный сон... претвориться, что моя жизнь это то, где я могу проснуться. Но я знаю, что не могу уехать с ним, ему безопаснее со мной здесь.

Только так я могу защитить его от того, кто я есть, а наоборот, нужно держаться от него как можно дальше.

Когда я пришла к себе в комнату, то была полностью измотана. Закинув обувь в шкаф, я переоделась. Почистив зубы, даже не потрудившись включить свет, я заползла в постель. И делаю то, что делала все последние время — плачу.

У меня есть еще пара занятий с мистером МакКинаном, или как всегда его называет Булочка — Сэм.

По настоянию Булочки я беру ее с собой в качестве компаньона.

— Конфетка, по окончанию твоего портрета, Сэм планировал оставить платье тебе, — улыбаясь, говорит Булочка, в то время как я заканчиваю переодеваться и вешаю платье в шкаф.

— Разве это не потрясающе?

Мои глаза расширяются.

— Зачем? Куда я здесь пойду в этом платье? — качая головой, спрашиваю ее я.

— Уже есть официальное мероприятие в «Дельта Хауз». ДжейТи говорил об этом на последней паре, — многозначительно говорит Булочка, глядя на меня с удивлением.

— Ты хочешь одолжить платье? — спрашиваю я ее. Могу представить Булочку в платье. Она будет выглядеть сногшибательно.

— Нет, я думала, что это ты могла бы одеть его на вечеринку, если захочешь с кем-то пойти. Мы с ДжейТи подумали, что может быть мы могли бы подобрать тебе кого-нибудь.

— Или ты можешь выбрать кого-нибудь сама, — быстро говорит она, видя выражение моего лица. Это будет просто здорово, и ты знаешь, что без тебя это будет уже не то.

— Где это будет проходить? — безынициативно спрашиваю ее я, совершенно не собираясь никуда идти.

— Не здесь. В «Ann Arbor», это бальный зал в какой-то гостинице, — отвечает Булочка, по матерински глядя мои волосы.

— Ок, может быть... посмотрим, — говорю я, пытаюсь придумать предлог, чтобы не идти. У меня есть несколько причин чтобы не идти — в таких местах как «Ann Arbor» обитают большие страшные монстры, но я не могу предъявить Булочке эту отговорку.

— Конфетка, ты можешь оставить все это мне, — говорит она, почти опьянев от власти, которую я ей предоставила.

Я пытаюсь намекнуть Булочке, чтобы она не тратила на меня время. Но она ставит меня в пару с первокурсником по имени Оуэн. Так же она решает, что из-за длинного шлейфа мне будет тяжело танцевать в этом платье, так что они с Брауни заказали для меня новое платье, в том же интернет-магазине, что и для себя.

Теперь я должна принять решение. Я могу пойти на мероприятие и не говорить с Ридом, надеясь на лучшее, или я могу говорить с Ридом и увидеть, что он скажет.

Я думала об этом пару дней и склонилась к разговору с Ридом.

Воспоминания о тени человека все еще были слишком яркими, поэтому было бы глупо с моей стороны покинуть город без сопровождения. После тренировки я говорю девочкам, что

мне нужно узнать задание по физике. Я догоняю Рида, когда он после тренировки идет к своей машине. На мгновение я подумала, что он собирается проигнорировать меня, потому что когда я окликнула его, он не отреагировал. Подойдя к своей машине, он нехотя разворачивается и ждет меня. Я останавливаюсь в нескольких футах от него, потому что чем дальше мы друг от друга, тем лучше.

— Рид, мне нужен сопровождающий, — говорю я, не смотря на него, чтобы не отвлекаться на его идеальное лицо.

— Зачем? — сухо спрашивает он меня.

— Меня пригласили на мероприятие в «Дельта Хауз», а оно будет проходить в «Ann Arbor», — говорю я, поднимая голову, когда слышу его рычание.

— Нет, — говорит он, повернувшись ко мне спиной, тем самым говоря, что разговор окончен, и открыл дверь своей машины.

— Почему нет? — с сожалением спрашиваю его я.

Он медленно поворачивается ко мне.

— Потому что я не хочу нянчиться с тобой, пока ты играешь с кучей пьяных парней, — отвечает он.

Я краснею.

— Прекрасно, — бормочу я, разворачиваясь чтобы уйти.

Чувствуя себя ужасно, будто он забрался ко мне в грудь и выжил из моего сердца последнюю каплю крови. Я волочу свою палку по земле, размахивая ей через каждые несколько шагов. Шум от клюшки для хоккея становится все громче и громче, словно шелест в глубокой пещере. Остановившись в смятении, я осматриваюсь вокруг, потому что с болезненной ясностью в меня ударяют другие звуки. Звук бейсбольного меча отскочившего от дороги отдается эхом от ближайших домов. Я инстинктивно отступаю назад, защищая себя от шума. Я едва успела нагнуться, как что-то с ужасным скрежетом пролетает над моей головой, заставляя волосы на руках встать дыбом. Оглянувшись вокруг, у меня занимает не больше секунды, чтобы понять, что это всего-навсего стрекоза, а ни какой-нибудь монстр. В следующие мгновение, в моих ушах словно через громкоговоритель раздается женский крик. Я осматриваюсь вокруг, и в сотнях ярдах от меня, вижу женщину, говорившую по телефону. Она идет в моем направлении, толкая коляску, и звук ее голоса становится совсем невыносимым.

Развернувшись, я побежала. Я должна убраться сюда, прежде чем ее голос ударит по моим барабанным перепонкам.

Опустив голову, я бегу сама не зная куда, пока не оказываюсь в его руках. Я резко поднимаю голову, а он продолжает удерживать меня, чтобы успокоить. Рид! Думаю, я продолжаю закрывать уши, но что я действительно хочу сделать, это обнять его, чтобы спрятаться от хаоса.

— Я... — начала я, но поморщилась, потому что звук собственного голоса причиняет мне боль.

Рид ничего не сказал, но приложил палец к губам, показывая, чтобы я молчала. Я киваю, следуя за ним в его машину. Звук хруста обуви по гравию, причиняет мне боль. Меня тошнит, как если бы я находилась на палубе корабля, плывущего по морским волнам. Когда мы подходим к машине Рида, он открывает дверь и лезет в бардачок, доставая коробочку, в которой лежат беруши.

Он протягивает мне их, и я сразу вставляю их в уши, мне сразу становится легче.

Я выпрямляюсь, чувствуя, что все это время горбилась.

— Эви, ты в порядке. Это нормально, потому что твой слух усиливается. Сейчас все звуки будут похожи на расстроенное радио, с громкостью на всю катушку. На выравнивание уйдет несколько дней, а потом это не навредит тебе. Через некоторое время ты научишься управлять этим. Ты научишься слышать то, что захочешь, и выделять мелодии из фонового шума. Носи беруши большую часть времени, но когда будет тихо, снимай их, так ты сможешь практиковаться в отделении звуков от фонового шума, — говорит он.

Думаю, я увидела сострадание на его лице, но я не уверена в этом, потому что он все еще очень холоден со мной.

— Спасибо, — с благодарностью говорю я. Я немного успокоилась, боль в голове прошла... только мое сердце все еще было мертвым.

— Если в ближайшие дни у тебя возникнут какие-нибудь вопросы по этому поводу, ты можешь отослать мне электронное письмо, — говорит он, но я вижу, что он хочет уйти от меня.

Сейчас это выглядит так, словно он мой врач, а я его пациент. Я просто киваю, не доверяя своему голосу. Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но он останавливает меня.

— Когда это мероприятие? — спрашивает он.

— В эти выходные, — отвечаю я.

— Хорошо, ты можешь пойти. Я все устрою, — мрачно говорит он. Он недоволен тем, что должен подстраиваться под меня.

Я не отвечаю, просто киваю в ответ, думаю, он и так многое мне дает, я просто возвращаюсь в свою комнату.

В день мероприятия Булочка отдает мне платье, которое купила для меня. Серебристое платье без рукавов облегает каждый изгиб моего тела, словно вторая кожа. Оно очень похоже на платье, в котором я позировала для портрета, оно тоже открывает мою спину, но значительно короче того, доходящие до середины бедра.

— Я замерзну, — смотря на свое отражение в зеркале, пожаловалась я Булочке.

— Нет, конфетка, ты будешь горячей, — поправляет Булочка. — Я купила тебе накидку.

Брауни принимается за мой макияж. Она использовала темный карандаш и тени, но эффект получился потрясающий. За счет этого мои серые глаза стали светлее. Я надеваю серьги в тон платья и босоножки на шпильке.

У Булочки и Брауни платья тоже цвета металлик. На Булочке платье нежно-золотистого цвета, на Брауни — платье цвета мерцающий меди. Каждое платье — это разновидность течения, платья из высокой моды, такой же длинны, как и мое.

Стоя вместе, мы производим шикарный эффект.

Булочка протягивает мне черный клатч и накидку. Я незаметно кладу бируши в сумочку. Не знаю, понадобятся ли они мне сегодня, поскольку, кажется, на этой неделе мой слух пришел в норму, но лучше перестраховаться. Я тренировалась в настройке фоновых шумов. Сначала было тяжело, потому что я слышала все, от стрекотания сверчков на улице до шуршания мышей в подвале общежития, но я училась управлять этим. Словно мой мозг расширился, и теперь я могу вместить и обработать больше раздражителей из внешнего мира, увеличив мою осведомленность об окружающем меня мире.

— Конфетка, Оуэн проглотит свою селезенку, когда увидит тебя, — говорит Булочка, рассматривая меня с самодовольной ухмылкой. После этого я осознаю, что действительно сегодня собираюсь пойти на свидание.

Когда мы спускаемся по лестницы, Дельта уже ждут нас в фойе университета.

Оуэн — мой кавалер на сегодняшний вечер, очень красив. Он высокий, почти такой же высокий как Рид, а когда он видит нас входящих в комнату, его глаза расширяются от удивления. Его черный костюм, наверняка, сшит на заказ. В паре с французскими манжетами, белой рубашкой, серебряными запонками и серебряным галстуком, мы хорошо считаемся друг с другом.

Я не удивлюсь, если Булочка подстроила все это специально.

ДжейТи представляет мне Оуэна, потом обращается ко всем нам и говорит:

— Леди, вы все одеты для греха, позвольте посмотреть, на что вы способны сегодня.

Булочка громко смеётся, беря за руку ДжейТи, а Оуэн протягивает руку мне. Он провожает меня к ожидающему снаружи лимузину.

Поездка до «Ann Arbor» занимает меньше часа, все это время ДжейТи, Пит и Оуэн развлекают нас забавными историями. Оуэн оказался достаточно интересным, он рассказал мне о том, как в прошлом году на Дельта вонах впервые познакомился с Брауни и Булочкой.

По дороге между Крествудом и «Ann Arbor» лед между мной и Оуэном начинает таять, и теперь я чувствую себя с ним мене неловко.

Может быть, это потому, что он казался искренне заинтересованным в моем мнении, или может быть потому, что он очень сообразительный и не позволяет ДжейТи в одиночку завладеть нашим вниманием.

Когда мы приехали, я чувствую себя здесь комфортно в компании Оуэна.

Взяв меня за руку, он помогает мне выйти из лимузина, Оуэн крепко держит меня за руку, и мы вместе входим в холл. Перед входам мой Рид радар предупреждает меня, что он уже внутри.

Я знаю, что он собирался пойти на этот вечер. На неделе он прислал мне емейл, написав о том, что принял меры, чтобы я могла быть здесь.

Но это Булочка сказала мне, что Рид пришел не один.

Войдя в широкую дверь, которую Оуэн придерживает для меня, я сразу вижу их стоящих вместе в холле.

Когда я вхожу, Рид даже не оборачивается, и я благодарна, потому что уверена, что если он увидит, как я смотрю на него, он превратится в камень.

На этой неделе Булочка провела разведку, выясняя все, что можно о девушке Рида, поэтому для меня не было никаких сюрпризов.

Ее зовут Кэролайн и она младшая из Капп.

«Она моя противоположность», — мрачно думаю я, рассматривая ее.

Кэролайн миниатюрна, примерно 5.1 футов (152 см), и она хрупкая, будто ее можно сломать одним прикосновением. Ее длинные светлые волосы и светло-розовое кукольное платье так и кричат слово «сладенькая». Слава Богу, я была спасена от рассматривания Кэролайн, потому что громкий голос позади меня привлекает мое внимание.

— Господи, Рыжик! Где остальная часть твоего платья? — спрашивает Рассел, когда поворачиваюсь к нему.

Я знала, что и Рассел тоже был приглашен на этот вечер. Мы говорили об этом на этой неделе за обедом. Он смог выбраться только сейчас, потому что днем у его команды была домашняя игра. Дельта заинтересованы в Расселе в качестве перспективного залога на следующий семестр, поэтому и пригласили его.

На моих губах появляется мягкая улыбка, потому что в своем темно-сером костюме,

белой рубашке и черном галстуке, Рассел очень красив.

На его широкой груди и тонкой талии надетый на нем дизайнерский пиджак, выглядит лучше, чем на любом мужчине присутствующим здесь. Это потому, что он очень привлекателен, а не из-за дизайнерской одежды.

Стоя рядом с Расселом, Кендис выглядит так, будто всю дорогу до «Ann Arbor» ела лимоны, она изучала меня с ног до головы. На ней было скромное в пол длинной бледно-голубое платье.

Она очень красива, ее светлые волосы уложены в высокую прическу, а в ушах сверкали длинные бриллиантовые серьги, но я могу сказать, что было что-то лживое в ее улыбке.

— Остальная часть моего платья в запасе. Я одену его только в следующем семестре, — сухо говорю я. — Тебе не нравится? — пытаюсь улыбнуться, спрашиваю его я.

— Я не говорил что... — с теплотой в глазах говорит он, и к моему разочарованию, что-то внутри меня реагирует на эти слова.

Кэндис видит, как Рассел смотрит на меня. Она вцепляется в свой клатч, поэтому я быстро обращаюсь к Оуэну и говорю:

— Рассел и Кэндис, это Оуэн Мэтьюз.

— Я уже знаю его, а он меня? Оуэн? — резко говорит Кэндис.

Оуэн делает шаг вперед и говорит:

— Да, мы встречались. По-моему в прошлом году у нас было пару совместных занятий. Эви, ты готова пойти и найти наши места? — с завораживающей улыбкой, спрашивает меня Оуэн.

Я киваю, благодарная за предлог уйти от Кэндис. Войдя в обеденный зал, вижу, что многие пары уже сидят. Во всей этой суматохе Булочка и Брауни не показали нам с Оуэном наши места.

Я пытаюсь не показывать разочарования, когда вижу, как Оуэн придерживает мне стул рядом со стеной с водопадом. Я не позволяю себе оглянуться и посмотреть, где сидит Рид, но я знаю, что он рядом, судя по тому, как реагирует мой желудок, он действительно рядом.

После того как Оуэн сел сам, он улыбается и представляет мне своего соседа по комнате Скотта, который встречается с второкурсницей по имени Хлоя. Скотт начинает рассказывать Оуэну и мне забавную историю о том, почему он и Хлоя почти не участвуют в сегодняшнем вечере. Но через несколько секунд я перестаю прислушиваться к рассказу Скотта. Потому что к моему стулу подходит Рид и проводит пальцами по моей коже, посылая волну тепла по моей спине.

От такого интимного контакта мои щеки заливают румянец, перехватывает дыхание. На мгновение я закрываю глаза, наслаждаясь мимолетным прикосновением пальцев к моей открытой коже. Слово каждая молекула ожила в моем теле. Когда я открываю глаза, стул с правой стороны от меня отодвинулся, и Рид сел рядом со мной. Украдкой взглянув на Оуэна, я вижу, как он со Скоттом обсуждает выбор пива.

— Что ты делаешь? — шепчу я Риду, убедившись, что Оуэн занят другим

— Ничего, Эви, — ровным тоном говорит Рид.

Я в замешательстве приподнимаю бровь.

— Что это значит? — отвечаю я, подняв меню таким образом, чтобы никто не увидел нашего обмана.

Рид зеркально повторяет мои действия и тоже открывает свое меню.

— Если твой план заключается в том, чтобы помучить меня, то я не единственный, кто

будет мучаться, — мягко говорит Рид.

— Ты обвиняешь меня в том, что я мучаю тебя? — недоверчиво спрашиваю я, все еще пытаюсь говорить шепотом.

— Пожалуйста, не притворяйся невинной, это платье говорит само за себя, — хмуро говорит он.

— Это просто платье. Что с тобой? — шучу я, в замешательстве качая головой. — Я — не та, кто повернулся ко мне спиной. Это был ты. Единственная стратегия в том, что я сижу здесь, пытаюсь получить удовольствие и побыть просто обычной девушкой.

— Ты немного другая, но нормальная, — говорит Рид, — а твое свидание, это пустая трата времени.

— Что ты будешь пить, дорогая? — повернувшись ко мне, спрашивает Оуэн.

Своим периферийным зрением я вижу, как вздрагивает Рид. Это не хорошо.

— Вода подойдет, спасибо, — отвечаю я, пытаюсь улыбнуться ему. Оуэн тепло мне улыбается и делает знак официанту, чтобы сделать заказ.

— Почему он называет тебя «дорогая»? — низким голосом наполненным угрозой спрашивает меня Рид.

— Я не знаю. Я только встретила с ним, — говорю я, положив меню. — Может быть, я нравлюсь ему.

Я замолкаю, когда под столом рука Рида касается моего бедра. Тепло от контакта разгорается во мне в пожар. Опустив свое меню, я в замешательстве смотрю на Рида, но меня отвлекает Рассел, он придерживает стул для Кэнис прямо напротив нас. Кэндис берет салфетку и расстилает ее на коленях, одаривая меня улыбкой.

Рассел садится рядом с ней и с неприязнью смотрит на Рида. Снимает пиджак и вешает на спинку стула.

— Рид, я удивлен видеть тебя здесь. Я не знал что ты в Дэльте, — говорит Рассел, глядя на расстояние между нашими с Ридом стульями.

— Привет Рассел, — пресыщенным тоном говорит Рид. — Я не в Дэльте. Я пришел потому что меня попросил друг, — говорит он, со значением посмотрев на меня.

Он снова небрежно берет свое меню и начинает изучать его, так, словно он ужинает с нами каждый день.

Мгновение я изучаю его профиль, пока не понимаю, что тупо уставилась на него, а затем беру меню пытаюсь прочесть его.

Официант все еще не добрался до нашего стола, когда же он приближается к Расселу, я слышу язвительный тон Кэндис:

— Я хочу пить. Закажи мне малиновую газировку со льдом, но если у них ее нет, тогда с лимоном.

— Она кошмарная, — бормочу я себе под нос, а Рид тихо посмеивается рядом со мной. Он слышит мой комментарий и радуется тому, что у Рассела в этот вечер возникают проблемы.

Я не могу удержаться, чтобы еще раз не взглянуть на Рида, потому что часть меня очень хочет увидеть его улыбку.

— А что вкусно? — улыбаясь, спрашивает меня Оуэн.

— Макароны с сыром, — спокойно отвечаю я, не думая, а затем смотрю на Рида, видя, как его зеленые глаза изучают меня.

— А они есть в меню? — смеется Оуэн, изучая его.

— Вероятно, нет. Лосось тоже выглядит вкусно, — краснея, отвечаю я. — Что ты собираешься делать, Оуэн? — спрашиваю его я, пытаюсь скрыть тот факт, что я едва могу дышать, я делаю глоток воды, пытаюсь не смотреть на остальных за нашим столом.

Сумев вернуть себе самообладание, я чуть снова не теряю его, когда вижу, как Рассел смотрит на меня, его карие глаза задерживаются на мне.

Я пытаюсь улыбнуться, чтобы уменьшить беспокойство.

Кэндис замечает направление взгляда Рассела, одарив меня хищной улыбкой, она спрашивает:

— Эви, где ты взяла это платье? Оно так себе... и не боле того.

— Булочка заказала мне его по интернету. Оно ведь идет мне, не так ли? — спрашиваю я, не желая отступать от ее завуалированных оскорблений.

— Твое свидание действительно великолепно, — бормочет себе под нос Рид, так что только я его слышу, но я игнорирую его.

— Я думаю, оно идеально, — говорит Оуэн, оценивающе глядя на меня.

— Смотри, — грозно вздыхает Рид

Я пытаюсь вернуть Оуэну улыбку, но слышу двойной рык от Рассела и Рида.

— Спасибо, Оуэн, — находясь на грани, отвечаю я, ожидая очередного всплеска направленного на меня.

— Платье Кэролайн также красиво, ты так не думаешь, Рид? — спрашивает его Кэндис, по-прежнему смотря на меня.

— Да, у Кэролайн этим вечером красивое платье, — вежливо соглашается Рид с Кэндис, все это время его рука небрежно лежит на спинке моего кресла.

Его рука находится слишком близко к моей спине, и эта близость заставляет меня нервничать.

— Тебе идет розовый, Кэролайн, — соглашаюсь я, но это прозвучало немного напряженно, потому что я локтем пытаюсь спихнуть руку Рида с моего стула.

Это не работает — он слишком силен.

— Спасибо, — скучающим тоном отвечает Кэролайн, затем она одаривает меня «я знаю, что ты бывшая» ухмылкой.

Мы заказали еду, и я болтаю с Оуэном, Скоттом и Хлоей, игнорируя остальных за столом, но Кэндис решила вернуть меня в разговор.

— Эви, — ухмыляется Кэндис, — мне просто интересно, как долго вы с Оуэном встречаетесь? Я никогда не видела вас вместе.

Когда она задает этот вопрос, то смотрит на меня, но потом быстро переводит взгляд на Кэролайн.

— Это наше первое свидание, — отвечаю я, пытаюсь быть краткой и не вдаваться в подробности.

Я это рассматривала как допрос, потому что это так и было.

— О, это так мило, не так ли Рассел? — спрашивает Кэндис, улыбаясь ему.

— Я думаю это здорово, Оуэн. Это хорошо, что ты снова стал с кем-то встречаться, — покровительственно добавляет Кэндис, направляя свой комментарий к Оуэну.

— Спасибо, — говорит Оуэн, с неловкостью смотря на меня. Кажется, что-то происходит, и это знают все, кроме меня.

Посмотрев на Рассела, вижу, что он злится, глядя на Кэндис из-за ее грубости, но она, но она игнорирует его и продолжает.

— Нет, действительно, — говорит Кэндис, потягивая свой напиток, — это просто здорово, что мы можем сидеть за одним столом и не чувствовать никакой неловкости.

Я почти улыбаюсь, потому что, оглядывая наш стол, видно, что все чувствуют себя здесь неловко. Все, за исключением Рида — он холоден и отстранен от всего этого.

— До этого ты почти год встречался с Кэролайн, не так ли? — с ухмылкой говорит Кэндис. — Должно быть, было тяжело, когда вы расстались, но теперь ты двигаешься дальше, ты с Эви, а Кэролайн с Ридом.

Она останавливается, чтобы взглянуть на Рида, а затем на меня, и продолжает.

— Кэролайн и Рид вместе смотрятся так привлекательно... — Кэндис замолкает, когда смотрит на Рассела, поскольку он мечет нее убийственные взгляды.

— Кэндис, достаточно, — мягко говорит Рассел, и, кажется, что ему стыдно сидеть рядом с ней.

Мой разум лихорадочно работает, пока я смотрю в свою тарелку. Кэндис права? Рид действительно пошел дальше с Кэролайн? Я удивляюсь, как осознания этого меня пронзает боль, но я понимаю, что Кэндис может быть и не пава.

Рид бессмертен, а Кэролайн человек, и очень, очень хрупка.

Кем бы они не были друг для друга, он никогда не раскроет ей свои секреты, он не допустит этого. Он не может поделиться с ней тем, чем делился со мной.

Она никогда не узнает, что он ангел, но все мои рациональные размышления не мешают мне завидовать каждому моменту, который она проводит с ним.

Обращаясь к Кэндис, Оуэн как бы случайно обнимает меня за плечи.

— Ты права, нет никакой неловкости. Я очень счастлив, что Эви со мной этим вечером. Я планирую сделать так, чтобы и дальше видеться с ней.

Я улыбаюсь Оуэну, хотя мои мысли все еще в беспорядке.

Так Оуэн и Кэролайн встречались. Я не удивлюсь, если Рид знал все это и встреча с Кэролайн это какая-то стратегия. Что он задумал? Мне интересно, потому что это пахнет стратегией. Я благодарна, что однажды Кэндис уже испытывала на мне свои интриги, у нее их осталось не так уж и много. Она не получает никакой реакции не от меня ни от Оуэна, и она разочарована этим. С другой стороны Рид и Рассел становятся все более и более угрюмыми. Никто не вздохнул с таким облегчением как я, когда Кэндис, Кэролайн и Хлоя заканчивают ужин и, извинившись, отлучаются в дамскую комнату.

— Хочешь пойти в бар и выпить? Скотт и я хотим проверить результаты игры, — говорит Оуэн, вставая со стула.

— Хм, я бы не отказалась от ай-да (Прим. напиток, наподобие Швепса), — застенчиво улыбаясь, говорю я, — но ты должен идти. Я подожду тебя здесь.

— Ты уверена? — улыбается он. — Я могу принести тебе что-нибудь.

— Уверена, и у меня есть вода, — указывая на стакан, говорю я.

— Ладно, — говорит он, — я вернусь через секунду.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он нежно сжимает мое плечо, а затем вместе со Скоттом уходят. Оглядевшись вокруг, я понимаю, что осталась одна с Ридом и Расселом.

Я хочу сбежать за стол к Булочке и Брауни, но я испугалась того, что может произойти если Рид и Рассел останутся одни, так что я осталась. Их спутницы скоро вернуться и тогда я смогу уйти и найти девочек.

— Рассел, могу я задать тебе вопрос о футболе? — спрашивает Рид, отклоняясь на

стуле, а его рука продвигается дальше по моей спине.

— Да, конечно, — говорит Рассел, скептически посмотрев на него.

— Это о твоей сегодняшней послеполуденной игре.

Мне интересно, почему соперники не отобрали мяч, когда ваша команда дала им такой шанс в четвертом тайме? — растеряно спрашивает Рид, играя с прядью моих волос.

Рассел с минуту раздумывал о вопросе Рида, казалась, он смутил его.

— Я не смотрел эту игру, поэтому я не помню... — Рассел замолкает и смотрит на меня, а потом снова на Рида. — Я видел, что мяч покинул границы поля... поэтому защита не могла просто взять и бежать с ним.

И потом ты бы видел мяч, похоже кто-то разорвал его на куски, — со злостью говорит Рассел.

Какая-то странная эмоция проскользнула по лицу Рида, и он был краток, когда сказал:

— Я думал что другая команда попытается зафиксировать и не давать другим мальчишкам играть.

Глаза Рассела опасно сузились.

— Они пытались подчинить его, но на это нужно было время, — коротко говорит Рассел.

— У них был план игры, и они бы выполнили его. Это не имеет значение, потому что шел четвертый тайм, но мяч не вернулся в команду, — неистово говорит Рассел.

— Хм, футбол — это интересная игра. Ты никогда не можешь предугадать, что может произойти дальше, — небрежно отвечает Рид, небрежно поглаживая большим пальцем мое плечо, от чего я дрожу.

— Твоя спутница идет назад к столу, — спокойно говорит Рассел, смотря на нашу с Ридом близость. — Возможно, ты захочешь перестать играть с волосами Эви.

Рид вздыхает и отпускает мои волосы. Тяжелое молчание за столом, нарушает музыкальный голос Булочки.

— Ух, ты, дорогая, я не хочу прерывать вас, но мы идем в бальный зал, — говорит Булочка оценивающе оглядывая стол.

— Все это выглядит так же весело, как и прием у стоматолога, — продолжает она, рассматривая наши серьезные лица. — Брауни и Пит уже там. Пока мы здесь разговариваем, ДжейТи собирает с игры других парней. Если ты хочешь остаться здесь... — тараторит Булочка, когда вскакиваю со своего стула, не давая ей возможность остановить меня.

— Нет, нет... подожди, я пойду с тобой. Увидимся позже, ребята. Повеселитесь сегодня вечером, — говорю я, беря за руку Булочку.

— Побежали, злюка, — говорит Булочка, а затем поворачивается к Риду и Расселу, — джентльмены, наслаждайтесь вечером со своими дамами!

Зал находится рядом с главным лобби отеля.

Я выхожу с Булочкой из ресторана и через великолепный атриум иду туда.

Мягкое освещение бального зала от элегантной люстры делает его еще красивее, чем я себе представляла.

Мы сразу нашли Брауни и Пита. Брауни обнимает меня и говорит, что ей жаль, что я отделилась от них.

Когда началась музыка, Булочка и Брауни тащат меня на танцпол вместе с ними. После нескольких песен, ДжейТи, Пит и Оуэн присоединяются к нам. Так же на танцполе я вижу Рассела и Кэндис. Рассел... был... горяч. Он обладал природной грацией.

Он управляет своим телом без особых усилий. Даже просто наблюдать за его свободным стилем, уже удовольствие.

Музыка замедляется, и мы идем с танцпола, чтобы выпить немного воды. Оуэн уже возвращается из бара с напитками, когда в него врзается Рид.

Я пытаюсь услышать, что Рид говорит Оуэну, но у меня возникают проблемы с музыкой, которая грохочет из динамиков. Оуэн выглядит немного смущенным, когда Рид берет стаканы из его рук. Пока Рид уходит, Оуэн проходит мимо меня, направляясь туда, где с Кэндис и Расселом сидит Кэролайн.

После этого он подходит к Кэролайн и что-то шепчет ей на ухо. Она кивает.

На ее лице расплывается медленное триумфальное выражение, когда мой кавалер ведет ее на танцпол и начинает танцевать с ней так, словно они любовники. Я хмурюсь, наблюдая за тем, как руки Кэролайн обвили шею Оуэна, будто все это время она ждала этого момента. Тогда я понимаю, что здесь происходит. Рид внушил Оуэну пригласить Кэролайн на танец.

Пешки созданы для того, чтобы ими манипулировали и играли... Это ими мы все являемся? Так вот кто я? Рид уже покинул зал, так что я последовала за ним, догнав его возле гардеробной.

Я подошла к нему в тот момент, когда он отдал гардеробщику свой номерок.

— Ты пересек черту... Какое тебе до всего этого дело? — не глядя на него, спокойно спрашиваю я, но подняв голову немного повыше, я смотрю на стойку.

— Ты толкнула меня на это, — отвечает Рид, он так близко, что его дыхание щекочет мне шею.

Мое тело реагирует на его близость, но мой разум все еще в ярости.

— Что ты делаешь с Оуэном? — в отчаянии спрашивает Рид.

— Все что хочу. Я не кукла, Рид. Я сама буду решать, кого я люблю и с кем я буду, ты не можешь решать это за меня, — пыталась сказать это ровно, но в моем тоне сочился гнев.

— Ты не любишь Оуэна, — говорит он, словно пытаюсь оправдать свои действия.

— Нет. Я люблю тебя, — мягко говорю я. — Я не военные учения, Рид. Что бы это ни было... чего бы ты не добивался, просто остановись.

— Ты должна быть с Расселом, — говорит он, удерживая меня за руку, когда я собиралась уйти.

— Ах, я вижу, ты подрабатываешь купидоном... как иронично, — говорю я, приподнимая бровь.

— Что это значит — ты пытаешься спровоцировать Рассела на действие, или меня? Ну, у меня для тебя новость: я не могу быть с Расселом — как ты не понимаешь? Я люблю тебя.

Если я буду с Расселом, то только еще больше причиню ему вред. Он заслуживает того, кто будет любить его всем своим сердцем.

— Ты такая упрямая, Женевьева, — расстроено говорит Рид. — Ты грустишь без причины.

— Нет, Рид, это ты заставляешь меня грустить, — отвечаю я, и он отпускает мою руку, будто я его обожгла. Вернувшись в бальный зал, я останавливаюсь в дверях, видя, что Оуэн и Кэролайн все еще танцуют вместе.

«Кэролайн целует Оуэна в шею. Отлично!» — думаю я, выходя в лобби как раз вовремя, чтобы увидеть, как Рид выходит из входных дверей.

Я не возвращаюсь в бальный зал. Лучше я весь оставшийся вечер буду прятаться в дамской комнате, потому что Кэндис будет злорадствовать. Решив спрятаться в дамской

комнате, я начинаю идти через атриум неподалеку от другого отеля, когда голос позади меня произносит:

— Ангел.

Я поворачиваюсь и вижу красивого молодого человека, одетого в серый шелковый костюм. На нем не было галстука, а на белой рубашке расстегнуто пару пуговиц. Впереди прядка его волос была высветлена, словно ее поцеловало солнце, а его голубые глаза словно темные бассейны. Его лицо покрывает щетина, но она не скрывает его волевою челюстью. А только подчеркивает ее. Ему не больше двадцати, но я не никогда не видела его в колледже.

— Простите, я подумала вы это мне, — говорю я, понимая, что не знаю его. Я делаю шаг в сторону ванной, но он ловит меня за локоть.

— Как твое имя, малышка? — спрашивает он, протягивая руку, он почти благоговейно касается моих волос.

— Эмм, зачем вам мое имя? — нервно спрашиваю я, ошарашенная восторгом на его лице от того, что он прикасается ко мне. Я оглядываюсь, прикидывая, кого я могу позвать на помощь, но в этот момент мы были одни.

— Потому что я должен узнать имя такого особенного создания, которого я нашел для себя, — говорит он, улыбаясь так, словно я — драгоценный камень, который он подобрал на дороге. — Ты не можешь быть ангелом, потому что ты больше чем ангел, не так ли?

— Эмм... меня зовут Женевьева, — ощущая тревогу, говорю я, мое сердцебиение ускорило. Он наклоняет голову набок, несколько секунд изучая меня.

— Женевьева, твое сердце так быстро бьется, ты боишься меня? Я задохнулась, словно он ударил меня в живот.

«Гребаное Святое Дерьмо! Он ангел! Не нервничай, спроси его имя, как будто тебе интересно, тяни время», — думаю я.

— Ангел... Как тебя зовут? — спрашиваю я так уверенно, как только могу, надеясь, что мой блеф сработает.

— Себастьян, — сразу отвечает он с усмешкой. — Ты бесподобна, — продолжает он, а затем он перемещается так быстро, что даже если бы я была за тысячу ярдов, то все равно бы не смогла бежать от него.

Держа меня в своих руках, словно подарок, который он собирается развернуть, разглядывал меня так, словно хотел запомнить каждую деталь моего тела.

— У тебя есть душа, — вздыхает он, и это бы звучало сексуально, если бы не было так жутко.

— Да, и я собираюсь сохранить ее, так что не придумывай ни каких планов, — мрачно отвечаю я, не зная что еще сказать.

— Что ты за парадокс! Ты все меняешь, Женевьева. Ты знаешь это? — говорит Себастьян, восхищенно смеясь.

— Я где-то слышала это и раньше, но перемены это хорошо, верно? — я пытаюсь вернуть ему улыбку, но я уверена, что это больше похоже на гримасу чем на улыбку.

Себастьян поднял меня на руки и направился к выходу. Я думаю, он так отвлекся, что перестал использовать человеческий шаг, потому что комната начала вращаться все быстрее и быстрее. За секунды мы перенеслись по вестибюлю к выходу.

Упершись ему в грудь, я пытаюсь вывернуться.

— Пожалуйста, отпусти меня! Куда ты меня несешь? — спрашиваю я Себастьяна, теперь уже действительно испугавшись.

— ЭЙ, КУДА ТЫ ТАЩИШЬ МОЮ ДЕВУШКУ? — орет Рассел, стоя в дверях бально зала.

Себастьян даже не остановился, и вместе со мной выходит на парковку.

— Ты встречаешься с человеком? — хмурясь от отвращения, спрашивает Себастьян. — Ты знаешь, мы считаем их нищелюдами. Хорошо, что я нашел тебя. Ты действительно не можешь связываться с мусором и ожидать, что они долго проживут.

От страха я начинаю тяжело дышать.

— Себастьян, я здесь кое с кем, и я не могу просто так исчезнуть... — начинаю говорить я, но замолкаю, когда Себастьян останавливается.

Я смотрю вперед и вижу Рида, который загородил нам дорогу.

— Рид! — пишу я, не в состоянии больше ничего сказать.

Себастьян низко зарычал за Рида, и это был самый ужасающий звук, который я когда-либо слышала в своей жизни. Рид даже не реагирует на эту угрозу; на самом деле ему было довольно скучно от агрессивного предупреждения Себастьяна.

— Она мне нужна, — зашипел Себастьян, и его голос звучал жутко, как рык дикого зверя.

Пока он удерживал меня, по моему телу пронеслась дрожь отвращения.

— Тогда тебе придется встать в очередь за мной, — говорит Рид, снимая пиджак и галстук, положив их на соседний автомобиль. И расстегивая ворот рубашки. По тому, как Себастьян смотрит на Рида, я понимаю, что он раздумывает, что делать дальше. Он удерживает меня, причиняя мне дискомфорт, словно он хочет опустить меня вниз, но не может себя заставить это сделать.

— Привет фрикс! Ты никуда с ней не уйдешь! — орет позади нас Рассел, а Рид улыбается.

Себастьян хмурится.

— Малышка, у тебя очень странная компания, — прижавшись к моей шеи, шепчет он мне на ухо. — В будущем мы должны исправить это. Я настаиваю.

— Себастьян... пожалуйста, не причиняй им вреда, — умоляю я, вздох застрял в горле, когда во мне всколыхнулось отвращение от его касаний. В нем есть нечто особое — тьма, и я чувствую это, но у меня нет в этом опыта, чтобы точно определить что это.

Рид лезет в карман и достает оттуда ключи.

— Когда он отпустит ее, — кидая ключи Расселу, говорит Рид, — и поставит ее на землю, или я оторву ему руки... — смотря на Себастьяна, угрожающе говорит Рид, — бери мою машину и увози Эви отсюда. Я припарковался там.

Он указывает себе за спину.

Рыча от злости и разочарования, Себастьян осторожно опускает меня на землю.

Когда мои ноги касаются мостовой, он указывает на Рассела, хотя все это время не отрывает взгляда от Рида и говорит:

— Парень, не заставляй меня приходить за тобой. Она останется здесь.

От его гневного тона у меня начинают трястись колени.

— Я буду через минуту, милая, — говорит мне Себастьян, оценивая Рида. И потом он прижимает мои губы к своим, грубо меня целуя. За этим следует реакция Рида.

Я даже не вижу, как он двигается, но его удар заставляет Себастьяна отлететь футов на пятьдесят и врезаться в минивэн, припаркованный на участке. Себастьян вылетел прямо через лобовое стекло автомобиля, приземлившись на заднее сидение.

Минивэн пронзительно загудел. В течении нескольких секунд мы смотрим на машину, от того что только что произошло, нас с Расселом парализует от шока

Я уверена, в такой драке никто не сможет выжить, особенно, если тобой пробиты лобовое стекло, как это только что сделали с Себастьяном, поэтому когда раздвижная дверь минивена слетает с петель, корежа соседний автомобиль, из мое горла вырывается крик ужаса.

Из фургона медленно возникает Себастьян.

Когда он полностью освободился, то стряхнул осколки со своего костюма и волос.

— Не беспокойся, Женестьева, — зловеще улыбаясь, говорит он мне. — Я не причиню им вред. Мы только начали.

Чтобы больше не кричать, я зажимаю рот руками. Отойдя назад, Себастьян отрывает от фургона хромированную подножку. Прежде чем я смогла понять, что он собирается с ней делать, он воткнул его в бок автомобиля, возле которого секунду назад стоял Рид.

— Рассел, сейчас самое время, чтобы увезти отсюда Эви, — не глядя на нас, говорит Рид, сосредоточив все свое внимание на Себастьяне.

Когда я поворачиваюсь к Риду, чтобы сказать, что я никуда не денусь, он исчезает. В следующую секунду Рид набрасывается на Себастьяна, который стоит в пятидесяти ярдах от нас.

Двое сталкиваются в смертельной схватке, каждый желает разорвать друг друга. У меня нет шансов попытаться помочь Риду, потому что Рассел подхватывает меня на руки и перебрасывает через плечо.

Со мной на руках Рассел побежит туда, где препарирован автомобиль Рида. Нажав на брелок с ключами, он ищет мигающие фары, чтобы найти его.

Задержавшись на секунду чтобы осмотреть ряды автомобилей, скрежет металла становится громче, я приподнимаю голову, чтобы посмотреть, что там происходит.

— О, ЧЕРТ! — разворачиваясь в сторону звуков, кричит Рассел.

Вбежав в следующий ряд из автомобилей, мы с трудом передвигаемся по земле, потому что мимо нас постоянно пролетают куски от ранее разбитого Себастьяном фургона.

Один из них приземляется на кучу металла.

Несколько секунд Рассел недоверчиво сморит на меня, ища подтверждение всего происходящего. С расширенными от страха глазами я киваю ему в подтверждение того, что все реально. Придя в себя, Рассел несет меня дальше.

За своей спиной я слышу рычание, борьба титанов продолжается.

Я разжимаю хватку Рассела, пытаюсь заставить его отпустить меня, чтобы вернуться и помочь Риду.

— Рассел, мы должны вернуться, — умоляю я, пока он несет меня между рядами машин.

Ужасающий звук с парковки заставляет нас остановиться.

Мое сердце начинает колотиться о грудную клетку, когда одно из огромных бетонных креплений, на котором держаться прожектора освещавшие парковку и возле которых мы последний раз видели Рида и Себастьяна, летят на землю.

Я вздрагиваю, когда лампы освещавшие парковку разбиваются и все погружается во мрак.

— Мы должны помочь Риду, — снова пытаюсь вразумить Рассела.

— Нет, Рыжик, — сквозь стиснутые зубы говорит Рассел, снова начиная двигаться.

Найдя мигающий свет, который он искал, он быстро бежит по проходу из машин. Подойдя к автомобилю, он открывает дверь со стороны водителя и заталкивает меня внутрь.

Прежде чем запрыгнуть на место водителя, Рассел заставляет меня перелезть на пассажирское сидение. Он шарит вокруг, чтобы найти регулятор сидения, чтобы подстроить его под себя и разместить свои длинные ноги.

— Рассел, мы должны вернуться. Рид остался один на один с Себастьяном, — говорю я, через окно, вглядываясь во тьму, чтобы понять, могу ли я хоть мельком увидеть их.

— Рыжик, мы не можем помочь им — твой приятель Себастьян швырнул в нас фургон — фургон, Рыжик! Наш единственный шанс бежать, потому что, если нет, ты окажешься у него.

Рассел всматривается в окно, пока машина дает задний ход.

Выезжая со стоянки, он резко разворачивается, оставляя на земле следы шин, и мчится по проходу между машинами.

— Рассел, пожалуйста — возвращайся — мы можем сбить его машиной или еще что-нибудь, — глядя в зеркало заднего вида, умоляю я.

Я не могу разглядеть их — может быть, они взлетели.

Я смотрю наверх, пытаюсь разглядеть их через окно люка.

— Рыжик, он достаточно силен, чтобы швырять фургон! Если он захочет, то сможет остановить и эту маленькую машинку. Кто вообще этот парень? и что ему нужно от тебя? — сердито спрашивает Рассел, пока он ждет от меня ответов, слишком быстро едет по городу, а я ищу на шоссе любые знаки.

Рассел тяжело дышит, и я подозреваю, что это скорее от адреналина, чем от быстрого бега по парковке.

— Его зовут Себастьян, и я думаю, он хочет... меня, — неохотно говорю я, успевая вцепиться в сидение, потому что Рассел, заметив знак, делает крутой поворот.

— Почему он хочет тебя? Со стороны выглядело так, будто бы ему пришлось приложить усилие, чтобы поставить тебя на землю, — спрашивает Рассел, а затем смотрит на меня, и добавляет, — Рыжик, ты больше никогда не должна носить это платье.

— Ты серьезно? — усмехнувшись, закатываю я глаза, подумав, что все это не имеет никакого отношения к моему платью.

— Черт, да, я серьезно! Что это был за парень? И не говори, что я не знаю, о чем говорю, потому что недавно ты встречалась с одним из них, — прямо говорит Рассел.

— Рассел, не... — начинаю я, но замолкаю.

— Не что, Рыжик? Не психуй? Не задавай вопросов? Не опекай меня? — задает он мне вопросы один за одним.

— Да! — ору я на Рассела.

— Подумай об этом по-другому, Рассел, ты действительно не захочешь это знать, — уже более спокойным тоном говорю я.

Впереди горит красный свет, и чтобы не столкнуться с другой машиной, Рассел резко ударяет по тормозам.

Автомобиль Рида заносит, но Рассел удается выровнять его.

— Да, Рыжик, я действительно, действительно хочу все знать! — рассердившись, кричит в ответ Рассел.

— Я не могу рассказать тебе, Рассел, — спокойно говорю я.

— Черт, тех пор как я встретил тебя, мы говорим об одном и том же, — продолжает

кричать Рассел, продолжая ждать зеленый

— Ну, привыкай к этому, потому что я действительно ничего не могу тебе рассказать, — категорично говорю я.

— Но если ты отвезешь меня обратно, уверена, что ты сможешь все выяснить сам.

— И снова попасть в его руки? — отвращением спрашивает он, трогаясь с места, когда загорелся зеленый свет.

Рассел выезжает на шоссе и жмет педаль газа до упора.

— Рассел... пожалуйста! — умоляю его я.

— Заткнись, Женевьева. Не важно, что я говорю, мы не вернемся туда, — отвечает он, словно я сошла с ума.

— Ты слышала меня, что это за парень? Он назвал тебя малышкой, словно ты его любимая или что-то еще. Что он собирается сделать, если я вернусь? — мрачно спрашивает он.

— Это единственный способ которым я могу защитить тебя от него, и я сделаю это, даже если тебе это не нравится.

Звонит телефон Рассела, и он достает его из кармана.

— Да? — рывкает он в трубку, и отстраняет ее от уха, так как на том конце слышит крик.

Когда крик на конце замолкает, Рассел отвечает:

— Эви не очень хорошо себя чувствует, поэтому я везу ее домой.

Он держит телефон подальше от уха, потому что на другом конце раздается еще больше крика.

— Отлично, пока, — говорит Рассел, положив трубку и помрачнев.

— Кэндис? — мягко спрашиваю я.

— Да, — напряженно отвечает он.

— Она злится? — спрашиваю я, делая пометку, что Рассел все бросил и пришел ко мне на помощь... снова.

— Я это и говорю, — с кислым выражением лица говорит он.

— Но она тебя простит... правда, — говорю я, но его косой взгляд, которым он смотрит на меня, говорит: «Что ты думаешь?»

— Прости Рассел, — говорю я, пытаюсь объяснить, что я имела в виду. Пытаюсь успокоиться, Рассел делает глубокий вдох.

— Рыжик, с Кэндис было покончено в ту же минуту, когда я зашел в холл и увидел тебя в этом платье. И она знает это, я не хотел говорить с ней, — не глядя на меня, говорит Рассел.

— Это просто платье. Вы все сошли с ума? — расстроено спрашиваю я.

Посмотрев вниз, я вижу, что мое платье задралось слишком высоко, и я попыталась незаметно одернуть его. Рассел глубоко вздыхает, как будто пытается придумать, как объяснить сложные вещи.

— Это не платье, — посмотрев на меня, говорит он, — я понимаю, что многого не знаю об этом человеке, но увидев его, я начинаю благодарить Бога за то, что в мире есть такая красота и что мне повезло увидеть его.

— Пожалуйста, — отвечаю я, пытаюсь опровергнуть его слова, начинаю краснеть.

— Я серьезно. Я ловлю себя на мысли, что нет ничего, что я бы не сделал для такой красоты. Я просто не знаю, какое желание нужно исполнить, чтобы проверить эту

теорию, — говорит он.

— Рассел, ты ненормальный, и если в следующий раз произойдет что-то подобное, я хочу, нет — требую, чтобы ты бежал как можно дальше, — строго предупреждаю его я.

— Ты имеешь в виду, что если этот следующий раз произойдет, как ты говоришь, то мы должны ждать чего-то этого всего чего-то большего? — мрачно спрашивает он. Я киваю, а Рассел молчит.

Я сижу неподвижно на пассажирском сидении и со страхом думаю о Риде.

— Я знаю, я всегда вел себя самодовольно, когда дело касалось моей силы. Я не говорю, что я самый сильный челок на планете, но я сильнее многих. Я никогда не чувствовал каково это быть слабым, пока не встретил тебя

— Я видел, как Себастьян двигается как какой-то злодей из комиксов, а затем, я увидел, как Рид отшвыривает его как футбольный мяч... — он замолкает задумавшись.

— Рид не удивился, увидев там Себастьяна, не так ли? Он был холоден, словно это был просто еще один день в офисе, кроме того, этот уродец поцеловал тебя, — посмотрев на меня, говорит он, оценивая мою реакцию на его слова.

Я не смотрела на него. Он начинает понимать, и мне интересно, сколько времени ему понадобится, чтобы узнать всю правду.

Что он будет делать, когда все узнает?

Телефон Рассела снова зазвонил. Посмотрев на дисплей, он передал телефон мне.

— Это тебя.

Взяв у него телефон, я с беспокойством говорю:

— Алло?

— Эви, — говорит Рид, он везде узнает мой голос, так же как и я его.

— Рид, — задохнулась я.

Он выжил... спасибо тебе Господи, думаю я расслабившись.

— Все хорошо, — просто говорит Рид, и я знаю, что он имеет в виду, что Себастьян мертв. Я медленно выдыхаю, пытаюсь успокоиться. Мои руки дрожали, и я с трудом удерживала телефон возле уха.

— Он... мертв? — спрашиваю я, потому что не уверена то Рид убил небесного ангела, защищая меня.

Я знаю, что Рассел прислушивается к нашему разговору.

— Он был Падшим, — понимая, о чем я спрашиваю, говорит Рид.

— Мне даль Рид, я... — плакала я, но ничего не могла поделать.

— Шшш, все хорошо, Эви, — мягким и ласковым голосом говорит Рид.

— Все будет хорошо.

— Нет, он не... уже ничего не будет хорошо, — шепчу я в трубку.

— Будет. Поверь мне, будет, — успокаивающе говорит он.

— Когда ты вернешься? — спрашиваю его я.

Мне нужно увидеть его, прикоснуться, убедиться, что с ним все хорошо.

— Сегодня. Позже... Я должен подчистить здесь хвосты, — отвечает он.

— Ну, я увижу тебя? — спрашиваю я, но он не отвечает на мой вопрос.

— Дай мне поговорить с Расселом, — вместо этого говорит он, и я понимаю, что между нами ничего не изменилось.

Он просто мой защитник и ничего больше.

Передав телефон Расселу, я чувствую полное поражение.

Рассел просто слушает, что ему говорит Рид, а затем смотрит на меня.
— Я доставлю ее домой и позабочусь о ней, — только и ответил он.

Глава 17

История войн

Все вернулось к тому, как было до мероприятия, только теперь Рассел наблюдал за мной более внимательно, а Рид еще больше отдалился, если такое вообще возможно.

Я пыталась поговорить с Ридом о том, что произошло на мероприятии, в частности о Себастьяне, но он снова от меня закрылся.

Мне нужны ответы на мои вопросы.

Откуда Себастьян узнал о том кто я?

Я что, издаю какой-то сигнал?

Что я могу сделать для того, чтобы этого никогда не повторилось?

В глубине души я понимаю, что уже ничего не смогу сделать.

Так же как и не смогу ничего изменить.

Чего я действительно хочу, это чтобы Рид держал меня за руку и разговаривал со мной на своем ангельском языке, чтобы страх, который одолевает меня, не сломал меня окончательно.

Но Рид не хочет разговаривать со мной на любом языке, поэтому я должна притворяться, что со мной все в порядке.

Рассел не может быть ко мне еще внимательней, чем уже есть. Он находит причины, чтобы каждый день провожать меня до класса. Беспокоится всякий раз, когда уезжает из города на выездные игры. Должно быть, он договаривался с Фредди, потому что если его не было рядом, возле меня словно нянька был Фредди.

Знаю, я должна что-то сделать, чтобы они отстали от меня, потому что мои кошмары с каждым днем становились все сильнее.

Я пыталась объяснить Расселу, что ему опасно находиться рядом со мной, но он требует подробностей и информации, которую я не могу ему дать. Он решил помочь мне, даже если я знаю, что он не сможет этого сделать. Я заметила, что Рассел изучает меня, когда думает, что я его не замечаю. Это выглядит смешно, если учесть, что я каждый день узнаю о своем окружении все больше и больше. Все вокруг меня приобрело новую ясность — все стало четче. Очевидными становятся и другие различия, особенно в когнитивной сфере. Чтобы понять учителя мне не нужно слишком концентрироваться; чтобы все понять, я могу слушать в пол уха. Но не только это: также я могу дословно повторить ту информацию, которую спрашивали ранее. Сдача промежуточных экзаменов дается мне легко, или я занимаюсь чем-нибудь другим.

У меня стало слишком много времени, чтобы переживать о других своих проблемах.

Я часто прохаживаюсь по своей комнате, беспокоясь за то, что трачу свою энергию, поэтому мой разум не изводит меня представлением разных сценариев. Я делаю это, прежде чем осознаю, что я нахожусь в коридоре, стуча в дверь комнаты Булчки и Брауни.

— Что случилось, конфетка? — подойдя к двери, спрашивает Булочка.

— Это, — категорически говорю я.

— Мы идем в среду.

— Конфетка! Ты уверена? — взволнованно спрашивает она, не уточняя, что я имею в виду. Она поняла, что я говорю о воровстве — нашей версией борьбы с сообществом Дэльта.

— Да, уверена. Ты готова? — спрашиваю я Брауни, проходя в дверь.

— О, конфетка, мы обе готовы! — охотно отвечает за Брауни Булочка.

— Да! — усмехнулась Брауни, взяв Булочку за руку, и они стали кричать и прыгать, словно Банши на костре.

— Идея. У меня есть идея как мы можем закончить эту войну, — говорю я.

— Вы знаете, что у Дэльт в эти выходные костюмированная вечеринка?

— Да, мы решали, в чем пойти на эту вечеринку, — говорит Брауни.

— Я за. Оставь это мне, — говорю я.

Мы посвящаем себя планированию войны. Все то время, которое не учимся, мы подготавливаемся к среде. Я благодарно за любое занятие, которое помогает мне не думать о Риде.

Вечер среды наступает быстро, а мы уже готовы. Наши черные наряды, профессиональные во всех отношениях были отправлены Булочке. Она ведет нас к отправной точке, находящийся в одном квартале от дома Дэльт.

— Ладно, Булочка, мы встретимся в общаге Макентаер. Если нам придется разделиться, Брауни идет до Макентаер, а я до часовой башни в центральном холле, — говорю я еще раз проверяя план.

— Ты готова, Брауни? — спрашиваю я. Она больше похожа на международного убийцу, чем на второкурсницу колледжа.

— Пойдемте. Становится холодно, — говорит Брауни, вылезая из машины и беря сумку со всем необходимым.

Оставаясь в тени, мы бежим к Дэльта Хаусу. Мы спрятались за кустом вечно зеленого кустарника рядом с окном бильярдной и достали набор для извлечения окна.

Сегодня чуть раньше, Булочка посетила ДжейТи и открыла им его окно.

Заглянув внутрь, я слышу, что говорят на собрании в подвале, будто я стою у двери в подвал и прижимаю к ней ухо.

Сцепив руки, словно ступеньку я поднимаю Брауни к окну. Я протягиваю ей портфель, прежде чем она успевает помочь мне. Достав из сумки маленький фонарик и шуруповерт на аккумуляторе, Брауни подсвечивает мне, пока я вытаскиваю из рамы портрет композитора. Лезу в портфель и достаю замену, которую мы привезли. Мы вставляем ее в раму и вешаем обратно на стену. Вытащив брошюру, где каждому из них стоит оценка, мы размещаем ее рядом. Брауни использует камеру, чтобы сделать несколько фотографий, так, чтобы на них был виден их рейтинг. Убрав камеру обратно в сумку, я извлекаю другую картину; это ключ к тому, где мы будем прятать композитора.

Я на цыпочках иду по коридору к кладовой, в которой несколько недель назад пряталась от Рассела. Я захожу внутрь и закрываю дверь. С помощью скотча вешаю портрет на внутренней стороне. Когда я заканчиваю, то слышу, как в подвале стучат молотком, что означает, что их встреча откладывается.

«Ой-ей», — думаю я, закрывая дверь шкафа, и бегу по коридору.

— Эй! — кричит с лестницы из подвала злой мужской голос.

— Время уходить! — говорю я, захлопывая за собой дверь в бильярдную, Брауни уже ждет меня возле окна. Она выпрыгивает, а я закрепляю сумку на спине и следую ее примеру.

— Разделяемся. Я иду в центр, ты иди в Мак, — шепчу я, и Брауни кивает.

Мы разбегаемся в противоположные стороны. Из бильярдной я слышу разгневанные голоса Дельтавцев, которые реагируют на постер, который мы им оставили висящим в рамке от портрета композитора. Это как одна из тех маленьких желтых табличек, которая гласит:

«Сегодня хороший день».

Несясь сквозь темную ночь, я не могу сдерживать хихиканье. Мое злорадство продолжалось не долго, потому что я услышала, как за мной кто-то гонится. Слышно, как с Дэлты стоянки заводятся пару автомобилей, хлопают дверцы и визжат шины. Центральный зал — мой путь к отступлению, находится рядом с дорогой. Я подхожу к выходу, но не успею зайти туда, до того как появятся автомобили. Мне нужно спрятаться, до того, как они проедут мимо меня, или найти другой путь. Инстинктивно я сканирую дом на предмет скрытых дверей. С беспокойством оглядываясь через плечо, я вижу, как ко мне едет автомобиль с парнями из братства. Автомобильные фары освещают туннель, из кустов живой изгороди вдоль домов по обе стороны улицы. Они тщательно за всем следят, так что точно не пропустят меня.

— Вот она! — кричит кто-то позади меня. Мое сердцебиение ускоряется, учащая пульс, прогоняя по моему телу страх. Сделав еще несколько шагов с опущенной головой, проходит несколько секунд, прежде чем я понимаю, что что-то изменилось.

Я чувствую свет и воздух, как сила тяжести уже не воздействует на меня, как это было всего несколько секунд назад.

Мои шаги становятся больше и мои ноги двигаются так быстро, что становятся размытыми. Мои кости становятся менее плотными. Словно с меня спали оков, в которых я проходила всю жизнь, и я могу легко отбросить их. Тяжело вздохнув, я осматриваюсь — пейзаж вокруг меня движется так быстро, что я начинаю паниковать, сразу же останавливаясь. Задыхаясь не от нагрузки, а от тревоги за силу, которая проснулась внутри меня, я медленно выдыхаю, успокаивая себя.

Все мое тело дрожит от кинетической энергии, и мне трудно пользоваться своей силой, что заставляет меня двигаться вперед.

Позади меня приближаются фары.

С трудом контролируя толкающую меня вперед силу, я пытаюсь сохранить медленный темп, человеческий темп, но через несколько секунд все больше и больше ускоряюсь.

Передо мной вихрем проносятся пейзажи, хотя своим периферийным зрением я все четко вижу, одновременно все оценивая.

Кажется, несколькими шагами я пробегаю еще один квартал. Я знаю, где припаркован каждый автомобиль, каждый дорожный знак, где находится каждая трещина в тротуаре, и могу маневрировать между ними, словно их и не существует.

Мое зрение абсолютно четкое; хотя лучшее слово это — не изменившееся, потому что я вижу так же хорошо, как и днем, просто без возможности видеть дифференцированные цвета.

«У меня ночное зрение!» — задыхаясь думаю я, пристально вглядываясь в ночное небо.

Звезды так ярко светят и кажутся такими близкими, потом я вижу какое-то тепловое излучение, исходящее от объектов, находящихся в поле моего зрения. Снова оглянувшись на машины, я вижу злые лица Дэлты. Они сконцентрированы, потому что несколько секунд назад видели меня впереди, а теперь я больше не в диапазоне фар.

Снова глядя на меня, они продолжают ускоряться.

На моих губах расплзается медленная улыбка, в то время как мое тело на огромной скорости двигается вперед; каждым шагом для меня становится все сильнее, и даже ветер не может догнать меня.

Я могу только представить себе, что думают Дэлты по поводу увиденного, и как они

рационализируют тот факт, что я материализовалась перед ними.

Смеясь, я быстро передвигаюсь, так же быстро таит мой страх. Я хочу знать, ка далеко и быстро могу убежать, поскольку даже мое дыхание не затруднено. Я бегу по городу, словно тихая ракета. Свистящий звук ветра вызывает у меня восхищение.

Я избегаю тротуаров, делая вокруг них широкие круги, но замечаю, что создаю собой попутный ветер, который в свою очередь ударяет меня.

Я бегу к озеру, а потом бегаю вокруг него, видя всех существ, которые составляют мне компанию этой ночью.

Я хочу жить вечно. Хочу бежать и не оглядываться.

Вспомнив о Булочке и Брауни, которые ищут меня в центральном холле, я неохотно разворачиваюсь обратно в направлении кампуса. На пробежку до озера у меня ушло чуть больше десяти минут. Весь путь обратно я пробегаю на одной скорости, легко избегая того, что преграждает мне путь. Ступив на ступеньки центрального холла, я чувствую ликование.

Покрытая плющом старая кирпичная часовая башня имеет богатую историю, предстала передо мной почти так же отчетливо, как и при дневном освещении. Поднявшись по ступенькам широкой веранды, они не видят того места где я прячусь, со своего места я все так четко вижу. Мы специально выбрали это место как место эвакуации, потому что это здание ночью очень темное.

Я продолжаю напоминать себе, что меня никто не может видеть, потому что ни у кого нет такого зрения как у меня. Сидя на веранде в темноте, я смотрю сквозь белые столбики балюстрады, чувствуя себя как кошка, гуляющая в темноте.

Выискиваю на парковке «Золотого гуся», чтобы спуститься и встретиться с ними.

— Что ты ищешь? — спрашивает рядом со мной глубокий мужской голос.

Охнув от страха, я поворачиваюсь в сторону голоса, увидев рядом со мной парня. За миг до этого я никого не видела, но вот сейчас он был здесь, и улыбался, словно тоже был удивлен.

— О Господи! — в ужасе говорю, отскакивая от него.

С ним определенно было что-то не так. Он был бледен, и на нем была одежда, словно он побывал в девятнадцатом веке. Встав, я вытягиваю руки перед собой, чтобы если он приблизится ко мне, я смогла оттолкнуть его.

— Не двигайся! — приказываю я, начиная спускаться по ступенькам, в один миг мои ноги оказались на тротуаре.

Парень не двигается, но наблюдает за мной, и все время улыбается, словно какой-то забавной шутке. У меня нет шанса убежать, потому что когда я достигаю последней ступеньки, то оказываюсь в объятиях.

— Веселишься? — спрашивает Рид таким тоном, который говорит мне о том, что он ничего не знает.

— Рид! Ты напугал меня — не делай так больше! — со злостью говорю я, желание ударить его почти заставляет меня выпрыгнуть из кожи.

— Я думала, ты был там с этими парнями, — говорю я, запоздало чувствуя порхание бабочек в своем животе.

— Ты видела Уилла? — схватив меня за руку, спрашивает он. С секунду он кажется возбужденным, а в следующий момент хмурится. — Уилла?

Конечно, я видела его, он сидел рядом со мной. Он просто был там, когда я посмотрела на место рядом с собой.

— Он меня напугал! — осторожно говорю я, прежде чем повернуться и убедиться, что он на крыше, но он уже ушел. — Он только что был здесь! Я видела его! Он спросил меня, что я тут высматриваю, — пытаюсь я объяснить Риду. — У него длинные волосы, как у серфера, с бакенбардами, которые выглядят как отбивная.

— Это Уилл. Он останется здесь, — говорит Рид, кивая в направлении Центрального Холла, и в тоне Рида хорошо читалось волнение.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что он останется здесь? Никто здесь не останется, — хмурюсь я. — Это административное здание, — в замешательстве отвечаю я.

Рид отпускает меня.

— Если ты видишь Уилла, значит, твое зрение улучшается, — говорит Рид, признавая недавнюю эволюцию моей ангельской сущности.

Я потираю лоб.

— Как относится мое зрение к парню на крыльце? — неуверенно спрашиваю я, а затем я вижу свет, приближающийся к парковке Центрального холла.

Я отступаю вниз и тяну Рида за здание. Он следует за мной, но не пытается скрыться или уклониться от света.

— Эви, что ты здесь делаешь одна ночью? — с раздражением спрашивает Рид.

Мои брови поднимаются.

— Ничего. Просто сегодня отличная ночь, и я решила прогуляться, — отвечаю я, пожав плечами, чтобы моя ложь выглядела более убедительной.

— Ты пошла на ночную прогулку во всем черном и с рюкзаком на спине? — скептически спрашивает Рид.

— Ты говоришь, что знаешь сверхъестественного парня на крыльце. Кто он? — уклоняясь от его вопроса, спрашиваю я.

Когда я вижу еще несколько фар, то придвигаюсь еще ближе к зданию.

— Уилл — душа, — говорит Рид, как обычно абсолютно в Ридовском стиле. Он передвигается со мной и хмуро наблюдает.

— Ты что-то знаешь, но как обычно не договариваешь. Ты должен изменить это, потому что это всерьез начинает злить меня, — поспешно говорю я, пытаюсь уловить смысл того, что он сказал. В то же время я пытаюсь скрыться от машин, заполненных злыми Дэльтовцами.

— Ок, давай я тебе потом объясню. Уилл мертв, уже давно мертв. Он не физическое тело — он дух, — с раздражением говорит Рид.

— Уилл призрак? — спрашиваю я, выпрямившись и забыв, что я прячусь. Я сканирую лицо Рида на признаки того, что он мог просто разыграть меня. Он выглядит совершенно серьезным, поэтому мне интересно, может ли моя жизнь быть страшнее.

— Да, — отвечает он, — я думаю, то они предпочитают, чтобы их называли душами, но сейчас их называют призраками.

— Конечно, об этом говорить в интернете, — с дрожью говорю я. — Что он здесь делает?

Рид снова поворачивается к крыльцу и говорит:

— Уилл немного был зол на Бога, за то, что он пережил войну только для того, чтобы вернуться домой, и еще до свадьбы переболеть холерой и умереть.

— Какая война? — спрашиваю я, пытаюсь увидеть проблеск Уилла в окне Центрального Холла.

— Гражданской войне, — отвечает Рид.

— Конечно... Это та Гражданская война, о которой я думаю? — саркастически заикаюсь я, стараясь не впасть в шок от темной стороны моих открывшихся способностей.

— Ну, для меня это звучит вполне разумно.

— Я тоже была бы немного раздражена, если была бы Уилом... Так ты говоришь, что он не может попасть на небеса, потому что злится на Бога? — спрашиваю я, думая, что это суровое решение.

— Нет, Уила, приветствуют, как только он соберется пойти. Он просто не делает этого, — спокойно говорит Рид, словно я капризный ребенок.

— О, так он упрямое существо? — уточняю я, чувствуя себя немного виноватой за поспешно сделанные выводы.

— Здесь он чувствует себя человеком, — отвечает Рид.

— Я буду видеть и других призраков... я имею в виду душ, таких как Уилл? — спрашиваю его я, надеясь, что он даст отрицательный ответ.

— Да, — отвечает он.

— А ты не думал, что эта информация, которую я должна была узнать до того как столкнуться с этим? — со злостью спрашиваю я

— Эви, они такие же, как большинство людей, — пытается объяснить Рид, но я опровергаю его аргумент.

— Нет, Рид, они не такие же, как большинство людей. Бешенство людей, которых я знаю, не мертвы. У них есть пульс, Рид... они дышат и их могут видеть другие люди, — говорю ему я.

— Я пришел сюда не для того, чтобы спорить с тобой о душах, — со вздохом говорит он, избегая моих аргументов.

— Тогда зачем ты здесь? — удивляюсь я, мгновенно растеряв свой гнев, понимая, что это первый раз когда я разговариваю с Ридом, и я снова теряю его.

— Я проверяю тебя. Сегодня ты звучала по-другому, — нежно говорит он, и я наблюдаю за тем, как он потирает лоб.

— Я... Ты что? Снова слышишь мое сердцебиение? — спрашиваю я и улыбаюсь, когда вижу его хмурый взгляд.

— Какой-то момент ты действительно была напугана, а потом ты...

— Что я сделала? — спокойно спрашиваю я, наблюдая за его лицом.

— Твое сердце начало... петь, — говорит он, а его взгляд смягчается.

— А? ООО! Рид, ты должен увидеть это. Здесь, — говорю я, таща его к задней части Центрального Холла, — стой здесь. Не двигайся.

Я отворачиваюсь от него, чтобы принять стартовую позицию бегуна.

— Смотри! — через плечо говорю я.

Затем я срываюсь так быстро, как молния в темном небе. Я бегу к библиотеке, а потом обратно, чувствуя порыв ветра, проникающий сквозь мои волосы из-за высокой скорости. Весь путь занимает у меня всего несколько секунд. Приближаясь к Риду, я прыгаю на него, надеясь, что он поймает меня.

Когда он это сделал, я обняла его и говорю:

— Что ты об этом думаешь?

— На твоём языке нет таких слов, — мягко говорит он, а затем он поцеловал меня неистово и страстно, так, как я мечтала всю последнюю неделю.

Мое тело растаяло в его руках, и я ответила на его поцелуй. Его хватка усилилась, словно он потерял контроль, так что это стало моим преимуществом.

— Я так сильно скучало по тебе, Рид, — шепчу я ему в губы. — Я не брошу тебя, не могу.

— Это не сработает, — говорит Рид, повернув голову таким образом, чтобы я начала целовать его шею. — Иногда мы не можем получить то, чего хотим, чего жаждем. Иногда нас просят пожертвовать тем, чего мы желаем, — печально говорит Рид, крепко держа меня в своих руках.

Я перестала целовать его. Снова посмотрев в его ярко зеленые глаза.

— Но это жестко, — с опаской шучу я.

Рид безрадостно смеётся.

— Спроси Уила, думал ли он, что умереть прямо перед свадьбой это жестко, а потом спроси его, как долго он наслаждался, наблюдая за тем, как его любимая выходит замуж за его лучшего друга. Может быть, тогда ты поймешь, что все, о чем я говорю, очень важно, — объясняет он, ставя меня на ноги.

— Ты ошибаешься, и я докажу это, — говорю я. — Неважно, на сколько это тяжело. Ты предназначен мне.

— Никто не хочет оказаться не прав больше меня, — устало говорит Рид. — Все в тебе притягивает меня. Твоя кожа умоляет меня прикоснуться к ней, а когда я делаю это, сжигает меня словно наркотик, и я хочу еще. Ты точно порез, который не заживает. Я только сдерживаю кровотечение, — освобождаясь от моих объятий, говорит он.

Он мягко подталкивает меня к передней части здания.

— Ты лучше поторопись, твои друзья ждут тебя на парковке, и я слышу, как злые ребята из машины Рэми, ходят по улице.

— Меня это не волнует, — говорю я, но Рид прерывает меня.

— Я должен идти, Эви. Я не должен был приходить сегодня сюда... но я не мог остаться в стороне, когда услышал твое сердце, — отворачиваясь от меня, говорит он, исчезая в одно мгновение.

— Рид! — кричу я, но он не возвращается. — Ты любишь меня...

Когда я собираюсь с духом и иду к машине, Булочка и Брауни уже ждут меня на парковке.

— Нам лучше убираться отсюда, Рэйми уже в пути, — запрыгнув на заднее сидение, бормочу я.

Я снова переодеваюсь в нормальную одежду, в то время как Булочка скрывается из поля зрения.

Как и планировали, мы возвращаемся к библиотеке и под вымышленным именем пользователя выставляем в сеть фото из дома Дэлт для выкупа.

Мы возвращаемся в общежитие, и я желаю девочкам спокойной ночи. Я не сразу ложусь спать, пытаюсь придумать, как все изменить. Как я собираюсь доказать Риду, что наш союз с Расселом не возможен, что только я и Рид подходим друг к другу.

— Что за сборище плаксивых маменькиных сынков! — на следующий день разразилась тирадой Брауни, когда мы все после школы собрались в нашей комнате.

— Я, честно говоря, не думаю, что они свяжут с этим администрацию, это они делают каждый год!

— Конфетка, я говорила тебе, что мы не должны были ставить Рэйни четверку. Он

президент, мы полностью зависим от него, — говорит Булочка, наслаждаясь каждой секундой всего этого.

Она и Брауни были на допросах, которые устраивали главы мужских сообществ, потому что Дэльтовцы сообщили о краже в их доме, и их вызывали в качестве свидетелей.

В разговоре с деканом Эндрю, Булочка изложила каждый нюанс в мельчайших подробностях.

Он не смог заставить их признаться в чем угодно, поэтому ему пришлось их отпустить с предупреждением.

— В любом случае, почти подошло время для кармического возмездия. Весь наш дом готов, — объясняет нам с Брауни Булочка.

— Ладно, поднимаемся, мы переезжаем, — говорит Брауни, пододвигая к себе чехол с пистолетом для пейнтбола.

Облегающий камуфляж — штаны и футболка, которые мы купили специально для этого случая, отлично на ней смотрелись. Она протягивает мне пару желтых очков для стрельбы, которые завершают наш образ. Я проверяю предохранитель на своем пистолете, и мы садимся в «Золотого Гуся» чтобы добраться до озера Адриан.

Когда мы прибываем, я вижу, что на песчаном пляже уже вырыли окопы с боеприпасами вокруг них. Булочка и Брауни произнесли пламенную речь об окупаемости рейтинговой системы, это заставляет девочек разгореться.

Уверенная, что мой рюкзак хорошо снабжен боеприпасами, я занимаю позицию между Булочкой и Брауни.

Дэльтовцы оказываются коварными противниками, мы видим, как на пляж приезжает несколько вагонов с молодыми парнями. Они завербовали всех мальчишек первокурсников, которых только смогли найти, чтобы они помогли ми в войне против нас.

В этом они не милосердны, используя первокурсников в качестве солдат, кидая их на нас чтобы опустошить наши припасы, чтобы потом вступить с нами в бой.

— Труссы! — насмехается над ними Брауни, видя перед собой несколько первокурсников. — Вы все должны выйти из окопов, или мы нападём на первокурсников, — кричит она нам с Булочкой, потом поворачивается к другим девушкам и отдает приказ штурмовать пляж.

Переход из окопов до пляжа Дэльтовцев — они были подготовлены к этому переходу, со своими боеприпасами на буксире.

Пляж быстро превращается в хаос.

Мое улучшенное зрение дает мне перед всеми огромное преимущество. Я могу попасть пулей с краской в любого соперника, в какого только захочу. Мне удалось несколько раз ударить Рэми грудь и пару раз руку, заставляя его бросить оружие и бежать обратно в укрытие.

К сожалению, я так же вижу, то берет в руки оружия Рэми. Рассел направляет на меня пистолет и со злобной усмешкой на лице обрушивает на меня свой дождь из пуль, словно рис на свадьбе. Прежде чем мне пришлось отступить, я успела сделать пару выстрелов. Мне нужно перезарядить пистолет, но у меня нет никакой возможности сделать это, потому что с его широкими шагами Рассел нагонит меня в считанные секунды.

Если бы только я могла применить свою сверх скорость, чтобы уклониться от него, но я не могу разоблачить себя, так что я обречена.

Я почти добежала до укромного места, но меня кто-то схватил сзади, и я приземляюсь

своей пятой точкой прямо на песок. Это не больно; я лежу и смеюсь, и вижу, как Рассел ослабляет хватку на моей ноге. Перевернув меня на спину, он берет у меня пистолет и бросает его на песок. Когда он смотрит на меня, на его лице появляется торжествующий взгляд, а я краснею с головы до ног.

— Сдавайся, — говорит он, стягивая слова с южным акцентом.

— Никогда! — хихикаю я, удивляясь, кто перенес его сюда.

— Аа, значит, ты выбираешь пытку, верно? — спрашивает он, начиная безжалостно щекотать меня.

— Сжался! — смеясь, говорю я. — Остановись!

— Сейчас Рыжик, я попрошу кое-что, и прежде чем я смогла возразить, Рассел наклоняется и прижимает свои губы к моим и жестко целует, чем застаёт меня врасплох.

Несколько мгновений я реагирую на тепло его поцелуя, потому что это как быть дома... в безопасности... как будто я всю жизнь его целовала, хотя это в первый раз.

Но это большее, гораздо большее; будто я любила его всю свою жизнь, или гораздо, гораздо дольше. Даже моя душа воспарила в высь, призывая меня продолжать поцелуй, но моя ангельская часть в ярости и активно пытается оттолкнуть от меня Рассела. Эта часть меня никогда не будет удовлетворена никем, кроме Рида, и не важно, как он ко мне относится. Рядом с Расселом я никогда не испытываю жара и физического влечения, которого я испытываю с Ридом. Я не знаю, что это говорит во мне, ангел или человеческое влечение, или у меня к Риду просто первое влечение, но я желаю его, и на меньшее я не согласна. По моему настоянию Рассел отстраняется от меня, глядя тлеющим взглядом, потому что он чувствовал мой ответ на его поцелуй.

— После всего, Рыжик, у меня есть надежда, — говорит Рассел, садится рядом со мной на песок. — Я знал, что ты любишь меня.

— Рассел, я не могу... — говорю я, сгибая колени.

— Я знаю, я много думал о той ночи, когда мы вместе были здесь на озере, — серьезно говорит он, прерывая меня.

Он не смотрит на меня, но говорит как спокойная вода.

— Мне всегда было интересно, чтобы случилось тогда на озере, если бы я поцеловал тебя до появления Рида. Если бы я поцеловал тебя, ты бы меньше привязалась к нему? — риторически спрашивает он меня, запуская пальцы в свои волосы. Потом он смотрит на меня своими теплыми карими глазами и продолжает. — Знаю, знаю, но это мысль до сих пор мучает меня.

— Извини, Рассел... — сдерживая слезы, говорю я.

— Ш-ш-ш, — говорит он, беря меня за руку и целуя пальцы. — Вставай. Не позволяй мне испортить тебе вполне хорошую войну, в которой ты так тяжело работала, — улыбается он. Он поднимает меня и отряхивает песок. — Рыжик, ты очень хорошо стреляешь. Я думал, ты убьешь меня до того, как кончатся патроны.

— Спасибо, — шепчу я, все еще чувствуя вину. Я чувствую себя виноватой за то, что изменила Риду и за то, что причинила боль Расселу.

Это что, никогда не закончится?

Доставая пистолет, который отбросил Рассел, я иду, опустив голову вниз, так мне не придется встречаться с Расселом взглядом. Когда мы вернулись на основную часть пляжа, она почти закончилась.

Булочка и Брауни вели переговоры с Рэйми и еще несколькими офицерами Дэлт.

Он согласился с тем, что Дэльтовцы получают последний ключ к разгадке местонахождения вещи, завтра на своем маскараде.

Когда мы приближаемся к девушкам, Рассел сжимает мою руку.

— Мне нужно найти Мэйсона и вернуться с ним в общагу. Увидимся завтра за завтраком, ок? — с заботой во взгляде спрашивает он.

Я киваю и пытаюсь улыбнуться, но она получается натянутой.

— Не волнуйся Рьжик, все наладится. Поверь мне, — шепчет мне он на ухо. Он отодвигается и мило мне улыбается, а потом легким изяществом бежит обратно, чтобы догнать Мэйсона.

Булочка, Брауни и я возвращаемся обратно к «Золотому Гусю», когда рядом с нашей паркуется ДжеТи на своем Ренджровере.

— Привет, Булочка! — кричит ДжейТи через люк автомобиля.

Мы останавливаемся и смотрим на ДжейТи, или скорее то, что мы видим, так как стекла автомобиля затонированы.

Слушать его, конечно, тоже проблема, потому что под нашими ногами вибрирует асфальт от музыки, звучащей в стерео системе, заглушая все остальное.

ДжейТи засовывает голову обратно в машину и убавляет музыку.

— Хотите прокатится, леди? — возвращаясь спрашивает ДжейТи. — Питт и я идем в Seven-Eleven, там сегодня играют какую-то безумную музыку, — говорит ДжейТи.

Окно с пассажирской стороны открывается, и за ним виден Пит, сидящий на водительском сидении.

— Как ты думаешь, что может быть лучше этого? — с энтузиазмом спрашивает Булочка.

— Конечно, почему нет? — пожимает плечами Брауни, засовывая свой пистолет в сумку, а потом все взгляды обратились ко мне.

Я отказываюсь и говорю, что мы увидимся позже. Рид взял с меня обещание, что я не буду без него ходить в Seven-Eleven. Мысль о Риде меня парализует. Сильная боль, которую я сдерживала, проносится по венам как горький яд. Потом воспоминания о поцелуе с Расселом заполнили мой разум. Мое сердце пронзает глубокая обжигающая боль, как ангелы и их родственные души, которые я разрываю как злобных врагов.

Я просто хочу, чтобы это закончилось; хочу, чтобы боль прекратилась. Я так устала, не только физически, но и морально, что ни сон, ни отдых уже не помогает.

Неожиданно, я начинаю торопиться, чтобы поскорее добраться до Seven-Eleven. Я хочу поторопить свою судьбу, а не бежать от нее. Я хочу, чтобы это закончилось.

— Поехали, — открывая дверь внедорожника и забираясь на заднее сидение, говорю я.

— Усаживаемся, — говорит ДжеТи с пассажирского сидения, в то время как я двигаюсь к противоположной дверце, освобождая места для Булочки и Брауни.

Питт снова делает стерео громче, но не так громко как раньше, и мы отправляемся. Открыв окно, я закрываю глаза, чувствуя, как ветер обдувает мое лицо. Что бы сегодня не случилось, это предпочтительнее постоянной боли в груди.

Когда мы прибываем в Seven-Eleven, я первая выхожу из машины. Мягко играет инструментальная музыка, а я прохожу мимо кассы к продавщице в красной униформе. Я поворачиваюсь к задней части магазина, быстро шагая к свету, под которым на меня обрушилось мое видение.

Я стою там и жду, вдруг что-нибудь произойдет... хоть что-нибудь, потому что я просто хочу, чтобы это поскорее произойдет.

Свет мигнул один раз.

В мой организм хлынул адреналин, что ускорило мое сердцебиение, от чего я немного вздрагиваю, предвкушая оглушительный взрыв звука, после которого грядет безумие.

Проходили секунды, но ничего не происходило.

Я смотрю на свет и в этот раз пытаюсь подчинить его своей воле.

— Эй, конфетка, хочешь вишни или ежевики? — кричит Булочка из-за автомата газировки в передней части магазина.

Тогда в меня ударило разочарование. Никаких событий. «Что же я хочу, чтобы произошло?» — думаю я, смотря на потолок.

Я бледнею, когда думаю о том, что я здесь делаю.

Я действительно хочу, чтобы у меня возникло предчувствие? Это будет означать резню и разрушение для всего магазина, глядя на Булочку и Брауни, я борюсь с паникой. Решив немедленно вывести отсюда своих друзей, я иду в переднюю часть магазина, но меня останавливает красная вспышка.

С плитки на мои ноги падает капля красного цвета, а затем еще несколько капель падают на пол. Это кровь?

В нерешительности я застываю, потолка сыпется что-то блестящее.

Опустившись на одно колено, я поднимаю это с пола. Мои руки начинают трястись, когда я понимаю, что в моих раках серебряные подвески перемазанные кровью. Круглая подвеска с мягким звоном соприкасается с символом бесконечности. Ожерелье Рассела... пронеслось у меня в голове. Я сжимаю в ладони потертый кожаный ремешок. Он попал в луч света — на нем была кровь. Я передвигаюсь в переднюю часть магазина.

Я должна увести отсюда своих друзей.

— Булочка, я возьму вишню, — говорю я, двигаясь к ней и помогая закрыть крышкой стаканчик.

Я тяну ее за локоть, чувствуя облегчение что Питт, ДжейТи и Брауни уже рассчитываются.

Это занимает больше времени, чем я думаю, так как кассир разменивает десятку, которую я дала ей за газировку.

— Конфетка, что происходит? — спрашивает меня Булочка. — Ты вспотела — говорит она, пока мы покидаем магазин и идем к внедорожнику.

— Я не очень хорошо себя чувствую, — шучу я. — Ты можешь попросить ребят высадить меня у общежития? — спрашиваю я, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони.

— Конечно, Эви, мы в любом случае должны вернуть машину обратно, — откликнулся ДжейТи и снова включил стерео.

Я возвращаюсь в общежитие, желаю девочкам спокойной ночи, а затем иду в свою комнату.

Беру телефон и звоню Расселу.

Моя рука так сильно дрожит, что я едва могу удерживать телефон возле уха.

Рассел отвечает после второго гудка

— Привет дорогуша, — медленным сексуальным голосом говорит он.

— Рассел, — говорю я, а по моему телу проносится дрожь облегчения.

Опустившись на колени, я хочу спросить все ли с ним в порядке, но это прозвучало бы так, будто я псих, поэтому я говорю сдавленным голосом: — Э-э привет Рассел, мне интересно, не потерял ли ты ожерелье.

— Вау, да, несколько минут назад я заметил, что оно пропало, ты его нашла? — взволнованно спрашивает он меня.

Я закрываю глаза думаю, что могла бы сказать, что нашла его, или могла бы сказать, что он дал его мне.

— Да, я нашла его, — сдавленным тоном шепчу я.

— Он был на озере? — в недоумении спрашивает Рассел.

— Ага, мне нужно идти, Рассел. Завтра я возьму его с собой на завтрак, — быстро отвечаю ему я.

Я не знаю, что сказать ему, или чего не говорить, но теперь мне ясно, что как бы я этого не хотела, Рассел все равно втянут во все это.

«Мне нужно защитить его, но я не знаю, как это сделать», — думаю я, чувствуя беспомощность.

Единственное в чем я уверена, это в том, что я совершенно наивная, полагая, что способна спасти Рассела от всего этого.

— Конечно, Рыжик. Ты в порядке? На счет озера и... поцелуя? — с беспокойством в голосе спрашивает он. — Я не хотел давить на тебя, просто ты в тот момент выглядела такой счастливой и...

— Рассел, я в порядке, — мягко отвечаю я. — Не волнуйся. Завтра увидимся. Спокойной ночи.

— Эмм, ок, до завтра.

— Спокойной ночи, Рыжик, — говорит он, в его тоне что-то есть, что-то похожее на ласку.

От этого у меня перехватывает дыхание.

Я заканчиваю разговор и сижу на полу, сжимая в кулаке ожерелье Рассела.

Наконец, я поднимаюсь, собираю свои туалетные принадлежности и иду по коридору в душ.

Стоя под потоками воды, я позволяю им стекать по мне, пока из моих глаз текут слезы.

«Он в порядке, он в порядке, он в порядке», — повторяю я как мантру, пытаюсь заставить беспокойство покинуть мою душу.

Я очищаю все ожерелье от крови, чтобы мне не пришлось все объяснять, когда завтра я верну его.

Вернувшись в комнату, я вытираю волосы и руки. Переодеваюсь в белую футболку и нижнее белье. Я так взвинчена, что мне нужно как-то отвлечься от тех ужасных мыслей, что бродят в моей голове.

Я сажусь за компьютер и пишу письмо дяде Джиму.

Почти закончив с письмом, наполненным омерзительно счастливой лжи, я останавливаюсь, почувствовав порхание бабочек в животе. Мое сердце пропускает удар, как и всегда, когда я чувствую приближение Рида.

Мое сердце снова тонет, потому что исходя из последних недель, я знаю то, что он рядом, не имеет ни какого значения, потому что он со мной вообще не разговаривает.

Поэтому когда с каждым мгновением ощущение возрастает, сосредоточится на том, что я делаю, становится все труднее. Я нажимаю кнопку, чтобы отправить письмо и через несколько секунд открывается мое окно. Не оборачиваясь, я стараюсь сохранить спокойствие, хотя меня гложет тревога.

«Зачем он здесь?» — думаю я про себя. — «Не возлагай надежд, он здесь не по своей

воле», — говорю себе я, и мой желудок болезненно сжимается.

— Женестьева! Мы должны поговорить. Немедленно! — рявкает он. Я подпрыгиваю на своем стуле. — Встретимся на стоянке, — снова рявкает он, — Я буду у своего внедорожника.

— Нет, — вставая со стула и подходя к окну, говорю я. — Спокойной ночи, Рид, — говорю я, плотно закрывая окно.

Вижу его лицо — он потрясен. Смотрю на себя и понимаю, что на мне только белье и белая футболка.

Но меня это не волнует.

«*Это моя комната*», — думаю я, поворачиваясь обратно к окну.

Оно снова открыто и прежде чем я оборачиваюсь, Рид уже в моей комнате.

— Мы должны поговорить об этом, — низким тоном говорит он, стоя возле моего окна.

Скрестив руки на голой груди и с угольно-черными раскрытыми крыльями, он каждым дюймом своего тела напоминает ангела-мстителя; также являясь самым поразительным созданием, которого я когда-либо видела.

Мои руки сжимаются в кулаки, я стискиваю зубы, я не хочу выполнять все его прихоти.

Если он может быть глупым и неразумным, то я не могу.

— Нам не о чем говорить, Рид, — отвечаю я, чувствуя, что я в ловушке.

Я могу все потерять.

Я потеряла Рида, а теперь готова потерять и Рассела тоже, потому что я не знаю, как спасти его.

Глаза Рида сужаются.

— Мы можем обсудить твою сегодняшнюю поездку в Seven-Eleven, — рычит он.

— Мы можем, но там действительно не о чем рассказывать, — лгу я, вздергивая подбородок, но так как я — никудышная лгунья, он прочел это на моем лице.

Его крылья подергиваются, и он сканирует меня, успокаивая себя тем, что мне не причинили боль.

— Я в порядке Рид, — вздыхаю я.

— Лучше прямо сейчас расскажи мне, что случилось, прежде чем я потеряю терпение, — напряженно говорит Рид.

Мои глаза расширяются.

— А ты в порядке? — спрашиваю его я, потому что я никогда его не видела таким расстроенным.

Его крылья снова подрагивают.

— Нет, я не в порядке.

Решив, что чтобы он не взорвался, я рассказываю ему всю историю.

Когда я показываю ему ожерелье Рассела, у него появляется мне-нужно-что-то-разбить лицо

Его губы сжимаются в тонкую линию.

— Ты не должна снова туда ходить, — строгим тоном говорит он.

— Ты искренне полагаешь, что у меня есть выбор? — мягко глядя на него, спрашиваю я. — Я достаточно умна для того чтобы понять, что у меня там назначена встреча, и не важно, готова я к ней или нет.

Я так же знаю, что все, кто предупреждают меня о том, что должно скоро произойти, хотят, чтобы я была к этому готова... чтобы была возможность изменить исход.

— Эви, ты никогда больше не должна ходить в Seven-Eleven, — говорит Рид, но в этот раз он использует свой убедительный голос, и он звучит в моих ушах как надоедливый зуд, от которого я не могу избавиться.

Нахмурившись, я отхожу от Рида, потому что он знает, что его голос не действует на меня.

— Рид, — говорю я, закрывая уши и пытаюсь избавиться от этого шума.

— Эви, мы уходим. Только ты и я... мы можем пойти, куда захочешь, в любое место, — говорит Рид, теперь используя свой сексуальный голос, а не раздражающий, который звучал более убедительно.

— У меня есть несколько домов в Европе и Азии... или мы можем уехать в Южную Америку. Мы можем уехать сегодня вечером, — говорит он.

— Рид... — заикаюсь я, а он движется и собирает мои вещи в сумку, которую он, наверное, взял из моего шкафа.

Подбирая ожерелье, которое лежит на столе рядом с моей кроватью, я сажусь и смотрю на него. Если я уйду, у Рассела нет шансов.

— Я не могу уехать с тобой, — прошептала я, опуская плечи.

— Можешь, — растеряно говорит Рид, сканируя мою комнату. — У тебя есть паспорт? Хотя это не важно, мы можем остаться в моем доме в Вермонте, до тех пор, пока мы не сделаем тебе его.

— Рид, — говорю я, вынуждая его посмотреть на меня.

— Эви, — говорит он, оказываясь прямо передо мной, опускаясь передо мной на колени, чтобы видеть мои глаза.

— Я не могу тебя отпустить... Я думал что смогу, но не могу. Думал, что могу просто переждать. Рассел не может жить вечно, а когда он уйдет, ты будешь моей. Я имею в виду, как долго он еще будет жить, лет восемьдесят? Я мог бы подождать... это было бы мучительно, но если придется я готов ждать тебя. Но сейчас, я не могу потерять тебя.

Убрав волосы со лба, я смотрю в его глаза и говорю:

— Все будет в порядке. У нас есть все время мира, которое мы хотим.

У меня нет шанса, чтобы закончить, потому что, он снова начинает метаться.

— Нет, мы уедем сегодня вечером, — говорит он, продолжая собирать мои вещи.

— Это решение будет преследовать меня до конца моей жизни, а поскольку она будет длиться вечно... — говорю я, пытаюсь образумить его. Я иду в его сторону, видя, что он кладет в сумку мою зубную щетку.

— Я могу заставить тебя уйти, но это уже будет не твое решение, а мое, — говорит он, осматривая комнату, на предмет того, не пропустил ли он чего-нибудь.

— Я не могу... Не могу, пожалуйста, Рид... пожалуйста.

Я оказываюсь перед ним, положив одну руку ему на шею, а другую на лицо, пытаюсь заставить его снова посмотреть на меня.

— Мы уходим, — снова говорит он, но, когда его глаза встречаются с моими, я с сожалением, качаю головой.

Внезапно я оказываюсь в его объятиях.

— Ты не понимаешь, что ты просишь меня сделать, — уткнувшись мне в шею, говорит он.

— Я спрашиваю тебя, сможешь ли ты мне спасти Рассела, — отвечаю я, положив свою голову на его плечо, как я мечтала в течении нескольких недель.

Из-за того что я не могу помочь, не чувствую себя счастливой, что он снова в моих руках, но его явка с повинной все портит.

— Нет, это не то, о чем ты меня просишь. Ты просишь меня рискнуть твоей жизнью, чтобы спасти его. Это большое различие, — объясняет он.

— Это то, что меня просят сделать, — тихо говорю я.

— Я думаю, это, несомненно, о Расселе... о спасении Рассела. Он — моя родственная душа. И этим я обязана ему.

— Эви, если из-за него с тобой что-то случится, не уверен, что смогу удержать себя от его убийства, — свирепо говорит он.

— Т-с-с, Рид, все будет хорошо, — мягко поглаживая его волосы, говорю я. — Я могу рассказать ему? Ты знаешь, о том, что я видела раньше и о его ожерелье?

Некоторое время Рид был спокоен, и я знаю, что он борется с тем, что мне сказать. Наконец, он медленно вздыхает и говорит.

— Я думаю, даже если ты расскажешь ему, это ничего не изменит, его судьба уже predetermined, исход уже не изменить.

Даже если он будет знать об этом событии, то, скорее всего, нет никакого способа чтобы изменить его.

— Так ты говоришь, если я ничего ему не расскажу, я могла бы запечатать его судьбу? — спрашиваю его я, и вздрагиваю, когда думаю, что этим вечером легко могла все рассказать Расселу.

— Да, — импульсивно говорит он, будто его устраивает такой исход.

Я крепче обнимаю его, когда понимаю, что сейчас я на стороне Рида.

Если Рассел не выживет, тогда вопрос с кем я должна быть, отпадет сам собой, поскольку Рид останется единственным, кто хочет быть со мной.

Помогая мне, он рискует потерять меня, отдав Расселу.

— Почему ты помогаешь мне спасти Рассела? — спрашиваю его я.

— Я не знаю, что будет означать для твоей души его потеря. Когда он поцеловал тебя сегодня, он казался счастливым, — мимоходом отвечает он, сильнее прижимаясь ко мне.

Я вспыхиваю от сожаления и смущения, закрываю глаза и тыкаюсь лицом в его грудь.

— Мне очень жаль, — хриплю я. — Я не планировала этого делать, пожалуйста, поверь мне, когда я говорю что ты, это все чего я хочу.

— Я знаю, — мягким голосом выдыхает Рид. — Я видел, как ты оттолкнула его и стала сопротивляться желанием своей души. Зачем ты это сделала? — спрашивает он.

— Потому что он не смог убить боль от потери тебя, — прямо говорю я, поглаживая его по груди. — Почему ты не кричишь на меня, — стыдливо спрашиваю его я.

Рид мягко трется своей щекой о мою, в защитном жесте прижимая меня к себе.

— Потому что я понял, как сильно ты хочешь меня, если смогла противостоять желанием своей души... это унижительно, что ты полна решимости не дать мне подняться. Ты так упряма, Женевва, что же мне с тобой делать? — упираясь своим лбом в мой, спрашивает он.

— Не упрямая, но ты прав, я приняла решение, — отвечаю я.

— И что бы ты хотел сделать со мной? — улыбаясь, спрашиваю его я, смотрю в его дьявольски зеленые глаза и надеюсь, что он простит меня за поцелуй на пляже.

Взгляд Рида темнеет.

— Я хочу вытащить тебя отсюда, уйти, и никогда не оглядываться назад, — прямо

говорит он, и я понимаю, что он не отказался от этого плана.

— Как только Рассел будет вне опасности, мы уедем, куда захочешь. Я обещаю. Только ты и я, — взволнованно отвечаю я.

— Несмотря не на что, ты не можешь снова ходить без меня в Seven-Eleven, — твердо говорит Рид, сильнее прижимая меня к себе. — Эви, ты поняла меня? — без обиняков спрашивает он меня.

— Я поняла, — сразу соглашаюсь я.

— Я не знаю, что делать. Ты обвела меня вокруг пальца, теперь я не могу доверять не одному из своих решений, — убирая волосы с моего лица, говорит он.

— Ты можешь остаться на ночь. Я не хочу, чтобы ты уходил, — ища его глаза, отвечаю я.

Я хочу убедиться, что он не собирается снова уходить, и пора уже задуматься над тем, что он бросил меня. Как будто прочитав мои мысли, он улыбается и качает головой

— Не волнуйся, теперь я планирую быть к тебе так близко, как это, возможно, мне просто придется понять то, что ты действительно хочешь.

На моих губах заиграла кровожадная улыбка.

— Рид, нет ничего больше того, что я хочу, чтобы ты был со мной, — отвечаю я.

Но скоро я поняла, что применила бы свою силу и контроль только на то, чтобы заставить Рида спать вместе со мной в моей постели.

Теперь я понимаю, что имел в виду Рассел, когда говорил о туре «по приятным частям ада»

Судя по тяжелым вздохам Рида, когда я кладу голову ему на грудь, слушая биение его сердца, думаю, что и на него влияет наша близость.

— Одно уточнение, — спрашиваю я Рида, — Ты вообще спишь?

— Да, я сплю, — поглаживая мои волосы, отвечает он, и в его голосе я слышу улыбку. — Но мне не требуется так много, как людям. Я сплю только пару часов в сутки.

— О, это должно быть удобно для повременного расчета, чтобы сосчитать все твое богатство, — говорю я, и мне приятно слышать его смех. — Интересно, если позже, я тоже начну спать меньше?

— Я не знаю, надеюсь, что нет, — серьезно говорит он.

— Почему? — спрашиваю я.

— Потому что это приятно, — говорит он, и его голос так сексуален, это заставляет меня расслабиться и сильнее к нему прижаться.

— Почему Бог возится с человечеством, когда у него есть такие совершенные создания как вы? — небрежно спрашиваю его я, потому что борюсь с тем, что он может увидеть во мне.

— Эви, ангелы не идеальны. Я уже в течение длительного времени нахожусь среди людей, и я только сейчас начинаю понимать, что это о них, что это они неотразимы.

Люди такие хрупкие, и все же они цепляются за жизнь и друг за друга, как будто у них больше никого нет.

Я был озадачен, так как жил в Раю, и я знаю, что их ждет.

— Но теперь я начинаю понимать, что значит так сильно в ком-то нуждаться, ты сделаешь все, что угодно, чтобы быть с не, прикоснуться и любить ее, — поглаживая мои волосы, говорит он.

— Как на счет полукровок? — шепчу я.

— О, особенно полукровки. Я крайне равнодушен к полукровкам, — улыбаясь говорит он.

Глава 18

Поздравления с днем рождения

— Привет, — сонным голосом шепчу я, приподнимая голову с его груди. Глядя на него, я удивляюсь, он не похож на того, кто пробыл со мной в постели всю ночь.

Он идеально выглядит.

— Доброе утро, — улыбается Рид.

— Это слишком идеально, чтобы это происходило в моей жизни, — шучу я, снова откидываясь назад и сильнее прижимаясь к Риду.

Он смеется и гладит мои волосы.

— Это лучшее. Мне нравится обнимать тебя, пока ты спишь намного дольше, чем...

Я хмурюсь.

— Что? — запутавшись, спрашиваю я. Приподнявшись на локте, я улавливаю его виноватое выражение лица. — Гораздо больше, чем что?

Рид вздыхает.

— Чем сидя на пожарной лестнице, — с неохотой отвечает Рид.

— Ты сидел за моим окном? — спрашиваю я. Он медленно кивает. — Зачем?

— Когда тебе снятся кошмары, я сижу недалеко от тебя, и твое сердце перестает сильно колотиться, — говорит он, наблюдая за моей реакцией

— Рид, у меня ночные кошмары каждую ночь, — лепечу я.

— Я знаю, — отвечает он, нахмурившись. — Чем ближе я к тебе, тем лучше ты спишь. Может быть, это из-за нашего притяжения. Но я, скорее всего, делал бы это в любом случае, потому что... я не могу долго держаться от тебя подальше.

Мои брови поднимаются.

— Ты не можешь держаться от меня подальше? — спрашиваю его я, не совсем понимая, о чем он говорит, потому что несколько последних недель, он проделал очень хорошую работу по «держаться от меня подальше».

Губы Рида сжимаются в тонкую линию.

— В течение дня я находился от тебя достаточно далеко, так, что ты даже не догадывалась, что я рядом, но по ночам, когда ты спала, я был рядом, — признается он.

— О... — запоздало вздыхаю я.

Рид выгибает бровь.

— О? — спрашивает он.

— Ты защищал меня без моего ведома? — спрашиваю я с громко бьющимся сердцем.

— Эви, ты стала для меня самой важной миссией. Все что я хочу, это защищать тебя; все остальное второстепенно, — признается он.

— Эм... ладно, — вздыхаю я.

— Ладно? — с надеждой спрашивает он. — Ты позволяла мне защищать тебя?

— Да, Рид, я позволяла тебе защищать меня, — в замешательстве отвечаю я.

Он пытается перестать хмуриться.

— Нет, ты сказала, что я не могу быть твоим телохранителем.

— Зачем так формально? — спрашиваю я.

— Ты только просила меня сопровождать тебя, — возражает он.

— То, что ты сделал с Себастьяном, я бы назвала больше, чем просто сопровождать, —

с дрожью отвечаю я.

— Ты был там и следил за мной без ведома? — спрашиваю я, не зная, что думать по этому поводу.

— Да... Я слишком долго ждал кого-то вроде тебя, чтоб позволить кому-нибудь причинить тебе боль, — отвечает он.

— Кого-то вроде меня? — с бешеным сердцебиением спрашиваю его я.

— Свет, который движет мной... руку... я долго держу...

— О, — отвечаю я, чувствуя себя абсолютно счастливой.

— О? — спрашивает он.

— Так... ты хочешь вернуться на старую работу? — застенчиво спрашиваю его я.

— Я никогда не позволю тебе уволить меня, — с сексуальной улыбкой отвечает он. — Чем ты собираешься сегодня заняться?

— Тьфу, у меня занятия. И я не могу пропустить их, потому что у меня и так было много пропусков. А что насчет тебя?

Его взгляд смягчается, и глаза становятся почти блестящими.

— У меня есть для тебя сюрприз, но он еще не готов, так что тебе придется подождать до вечера, — говорит он.

— Ты планируешь пойти на костюмированную вечеринку, так? — уже зная мои планы, спрашивает он.

— Да, я планировала пойти с Брауни и Булочкой, — вздыхаю я, сузив глаза.

— Мы должны показать Дэльтовцами последнюю зацепку, чтобы они могли найти свою композицию.

— Я встречу с тобой на вечеринке, — твердо говорит Рид.

— Я не увижу тебя до вечера? — разочарованно спрашиваю его я.

Рид гладит меня по щеке, потом тянет свои губы к моим. Когда он отстраняется, то смотрит мне в глаза и говорит: — Это будет того стоить, я обещаю. Тебе понравится мой сюрприз, — улыбается он.

— Что это? — спрашиваю я, находясь все еще в оцепенении от его поцелуя.

— Это сюрприз, понимаешь? — спрашивает он, забавляясь.

— Ок, — тоже улыбаюсь я. — Но этот день будет еще лучше, потому что я проведу его с тобой.

— Это будет того стоить, я обещаю, — шепчет он, прежде чем снова поцеловать меня.

Поднявшись, Рид снова спрашивает меня о моих планах на день.

Он немного нервничает, потому что боится, что пока его не будет рядом, я могу сделать что-то опасное или безрассудное.

Я уверила его, что планирую только пойти на занятие, а вечером на костюмированную вечеринку в Дэльта хаус.

Наклонившись, он целует меня на прощание.

— Увидимся сегодня вечером, — с сексуальной улыбкой говорит Рид.

Он выпрямляет свои темные крылья, которые рассредоточились вокруг него словно плащ.

— До вечера, — согласилась я, затаив дыхание, прежде чем Рид подходит к окну и исчезает из вида.

После этого я быстро подготавливаюсь к занятиям, и чтобы не потерять ожерелье Рассела, надеваю его на себя.

Я пошла в Сагу на завтрак и нашла Фредди за нашим столом.

— Что случилось? — спрашиваю я, видя, как оживился его взгляд.

— С днем рождения, Эви! — ухмыляясь, говорит Фредди. — Как ты себя чувствуешь, наконец-то став взрослой? Теперь ты можешь голосовать, — сияя, говорит он.

— Сегодня тридцатое? Тридцатое октября? — недоверчиво спрашиваю я.

— Ага... ты не знала, что сегодня твой день рождения? — хмурится он.

Я тру лоб.

— Должно быть, вылетело из головы. Как ты узнал про мой день рождения? — я подозрением смотрю на него; не помню, чтобы говорила ему дату.

— Справочник первокурсника, это было в твоей биографии, — вздыхая, говорит Фредди. — Я никогда не слышал о том, чтобы кто-то забывал о своем дне рождения, особенно птенцы. Ты очень рассеяна, Эви.

Я игриво закатываю глаза.

— Спасибо, Фредди, ты такой милый и даришь мне то, что я всегда хотела на свой день рождения: оскорбление и трудное время, — отвечаю я

— Я хочу рассказать тебе, как это родиться в дьявольскую ночь, но я и так уже причинил тебя достаточно неприятностей, так что просто отдам тебе подарок. Так что иди сюда, — говорит Фредди, ставя передо мной красиво упакованную коробочку.

Мои глаза расширяются.

— Фредди... ты не перестаешь меня удивлять своей добротой, — глядя на пакет, честно говорю я. — Зачем ты это сделал?

Фредди хмурится.

— Потому что ты мой друг. Открывай, Эви, — улыбаясь, говорит он.

Я тяну за ленту, раскрываю бумагу и вижу деревянную шкатулку с инкрустированной стрекозой.

— О, Фредди, это так красиво. Где ты ее взял?

— В антикварном магазине, он просто усеян ими. Но это просто шкатулка, Эви. Ты должна открыть ее, — взволнованно говорит Фредди, и я не знаю, что делать, потому что подарок выглядит очень дорого.

Я встречаюсь с его голубыми глазами и говорю:

— Фредди... ты не должен был этого делать...

Он закатывает глаза.

— Может, ты просто откроешь его? Я действительно заключил на нем очень хорошую сделку — попрактиковавшись на переговорах, — подмигивая мне, говорит он.

— Ок... — прежде чем открыть коробку, отвечаю я.

Внутри шкатулки находится компактная серебряная пудреница с такой же стрекозой как на крышке. Верх стрекозы составляли три опала. Витиеватые крылья насекомого врезались в серебряную крышку пудреницы. Пробежав пальцами по его холодной поверхности, я смотрю на деликатно резные линии крыльев.

Я посмотрела на Фредди, улыбнулась ему и открыла крышку. Внутри оказалось маленькое зеркало.

— Фредди, — выдыхаю я, — я никогда своей жизни не видела ничего настолько красивого. — Спасибо, — я защелкиваю его и снова слегка провожу пальцами по серебряной поверхности, ощущая под пальцами каждый опал.

— Это позор, если мой подарок самое красивое из всего, что ты видела в своей

жизни, — бубнит себе под нос Фредди, но так как сейчас у меня очень хороший слух, я слышу каждое его слово.

— Что я пропустил? — спрашивает Рассел, садясь на свое место с подносом еды в руках с другой стороны стола.

— Я поздравил Эви с днем рождения и подарил ей подарок, — говорит Фредди, а я держу зеркала и смотрю на Рассела.

— Очень красиво, — улыбаясь мне, говорит Рассел.

Он не удивляется, так как, наверное, тоже знает о моем дне рождения.

— С днем рождения, Рыжик, — говорит Рассел, доставая из своей сумки маленькую коробочку и ставя ее на стол передо мной. — Я сожалею, что не могу подарить тебе спасение моей жизни, — смущенно говорит Рассел.

Я хмурюсь и поочередно смотрю на них с Фредди.

— Рассел... не нужно было делать мне подарок, — говорю я.

— А я делаю. Ты девушка — это вроде как в генах, или что-то типа того, — с усмешкой говорит Рассел и подталкивает его ко мне.

Я неохотно открываю коробку. Под оберточной бумагой я нахожу серебряный браслет с небольшой подвеской. Рассматривая подвеску, вижу, что это серебряный медальон Святого Иуды Фиаддея. Смотрю на Рассела, подняв бровь, а он говорит мне улыбаясь:

— Это святой Иуда. Он покровитель в безвыходных ситуациях. Я подумал, он может пригодиться.

Он тепло улыбнулся, но в его глазах я вижу кое-что еще... страх. Страх за меня. Держа браслет в руках, я спрашиваю:

— Поможешь мне его надеть?

Он пальцами берет браслет из моих рук.

Приблизив мое запястье к себе, он застегивает застёжку. Я покачиваю рукой, чтобы подвеска оказалась на моей руке.

— Спасибо Рассел, — шепчу я.

— Рыжик, я искренне надеюсь, что тебе это не понадобится, — бесшумно говорит Рассел, но мы оба знаем, что, скорее всего, она мне понадобится.

Я представила, как покупая мне подарок, он думал о Себастьяне и минивене.

Тогда я подумала о том, что моя жизнь превращается в то, что было на мой прошлый день рождения.

Когда я применяю к нему такой термин, он становится для меня почти не узнаваем. Будет ли он всегда таким? Будет ли подвески достаточно, чтобы защитить меня, чтобы я дожила до моего следующего дня рождения. Интересно, Рассел будет по-прежнему здесь со мной?

Снова посмотрев на Рассела, я вижу беспокойство на его лице. Я успокаивающе улыбаюсь ему.

— У меня твое ожерелье, Рассел, — говорю я, снимая его со своей шеи.

Я отдаю его ему, положив его на стол. Вспоминая о том, что подвески были все в крови, я дрожу.

— Спасибо, — говорит Рассел, рассматривая поврежденную застёжку.

— Интересно, когда я его потерял? Оно хорошо выглядит... Наверное, просто порвалось. Ты замерзла? — беспокойством спрашивает Рассел, когда замечает, как я тру руки, чтобы избавиться от мурашек.

— Я в порядке. Что ты делаешь сегодня вечером? Идешь на костюмированную вечеринку к Дэльтам? — спрашиваю я, надеясь на это. Отныне, мне нужно держаться как можно ближе к Расселу

— Да, Дэльтовцы пригласили меня на вечеринку, кажется, они по-прежнему надеются на меня в следующем семестре. Фредди сказал, что он пойдет со мной, — отвечает Рассел, и я вижу, что они с Фредди обмениваются взглядами.

Они идут, чтобы нянчиться со мной, а я буду оберегать Рассела.

— Ну, вы прекрасная пара, — говорю я, пытаюсь привести в этот день рождения немного легкости.

Фредди бросает в меня скомканную салфетку, в то время как Рассел просто смеется.

— Мне нужно бежать. Увидимся вечером. Спасибо за подарок, Фредди, — наклонившись и целуя его в щеку, говорю я.

— И тебе тоже спасибо за подарок, Рассел, — говорю я, но когда я наклоняюсь, чтобы поцеловать его в щеку, он в последнюю секунду поворачивает голову так, что я целую его в губы.

— Ты очень, очень добрая, — ровно говорит Рассел, ухмыляясь и демонстрируя свои ямочки.

— Рассел, — раздраженно говорю я, ухожу прочь, а позади слышу его хихиканье.

«Мертвые люди!» — думаю я, и по моему телу проносится дрожь. Вместе с Булочкой мы идем в дом Дэльтовцев.

Она берет меня за руку, чтобы я не натыкалась на нее каждые несколько секунд.

— Конфетка, ты в порядке? — спрашивает меня Булочка, помогая обойти мне еще одного призрака: призрака немолодого мужчины в больничном халате, который должен лучше крепиться на нем, поскольку сейчас он представляет собой очень плохой образец вечности.

Однако следующая душа выглядит гораздо хуже. Он молодой человек, который, судя по одежде, умер совсем недавно.

Судя по тому, как половина его лица была стерта, предполагаю, что его мотоцикл был похоронен рядом с ним.

— Твои крылья запутались. Держись, я распутаю их, — стонет Булочка.

Я стою рядом с ней и с нетерпением жду, пока она распутает крылья от моего костюма.

Брауни ждет нас на тротуаре, рядом с кашицеобразной душой старушки и с ее котом.

Кошка проявляет интерес к лавандовым крыльям костюма ангела Брауни, глядя на ее перья можно подумать, что весна — это самое лучшее время года.

Булочка, Брауни и я вместе со всей своей женской общиной, одеты как модели взлетно-посадочной полосы, демонстрируя нижнее белье и выглядя как ангелы. Я надела белый пиджак поверх кружевного пуш-ап бюстгальтера.

В комплекте с очень короткой юбкой и розовыми ангельскими крыльями, мой наряд — это способ языка тела сказать о том, кто я.

Только грустно, что только Рид поймет это. Я очень волнуюсь по поводу этой вечеринки, зная, что Рид будет здесь, но души мертвых людей все портят.

Они повсюду.

Это как открытое кладбище, а призраки — отдыхающие.

— Думаю, наши крылья распутались. Конфетка, так лучше, — добавляет Булочка, убирая мои волосы со лба. Она закалывает их клипсами бабочками, которые они с Брауни

подарили мне на день рождения.

Она искусно заколола все четыре заколки на мои волосы, а затем мы отправились на вечеринку.

— Конфетка, ты так сексуально выглядишь, — улыбаясь мне, говорит она.

— Спасибо, ты тоже, — отвечаю я. — И еще раз спасибо за бабочек. Они такие красивые. Они напоминают мне Золотого Гуся, — добавляю я, потому что они того же цвета, что и ее машина.

— Ты снова очень добра, конфетка.

Брауни увидела их, когда мы ходили за покупками, и мы решили, что они будут твоими, — улыбается она, ведя меня на вечеринку Дэльт, а я стараюсь не перешагивать рез каких-нибудь ужасных призраков.

Когда мы пришли в дом Дэльтовцев, он был наводнен полуголыми ангелами.

Когда мы подходим к веранде дома, нас замечают ДжейТи и Пит.

ДжейТи одет как старикашка из ужастика, в маске и с фальшивой бензопилой, которая создает механизированный шум.

Когда мы обращаемся к нему, он грозно размахивает пилой; жужжание прорезает воздух. Я мгновенно чувствую острую боль, пронзающую мою спину, и подергивающие чувства, словно адреналин, пробежавший по всему моему телу.

Я с беспокойством оглядываю свой костюм, думая, не порвала ли я его, но не вижу ничего такого.

— Мы нашли композицию, — сняв свою маску, сообщает он, улыбаясь нам.

— Чья это была идея, повесить его с другой стороны плаката с ангелом в нижнем белье? — глядя на нас, спрашивает он.

— Это была идея Эви, — отвечает Брауни, — она сказала, что намного проще спрятать композицию здесь, нежели везти его куда-то в другое место.

Таки образом не было совершено преступление, так как мы только переместили композицию, а не своровали ее из дома.

Мы были честными с деканом, когда говорили ему что не крали композицию, и мы знали, что никто бы не снял постер, тем более с ангелом в нижнем белье, — говорит Брауни, восхищенно поглядывая на меня.

— Эви, ты больна и зла, — оценивающе говорит ДжейТи, приветствуя меня бутылкой пива.

— ДжейТи, я думаю, это был Ницше, который сказал: «Взгляни в бездну, и бездна посмотрит на тебя» — рассеяно отвечаю я, чувствуя, как снова дергается моя спина.

ДжейТи взорвался хохотом, думаю, Пит тоже наслаждается моим комментарием, но я не могу уверенностью это утверждать, потому что на нем старая белая хоккейная маска, поэтому я не вижу его лица.

— Пошли Эви, давай выпьем, — говорит ДжейТи, все еще смеясь, он ведет нас к двери.

В бильярдной мы нашли несколько бутылок охлажденного пива, когда мы выходим, слышим возгласы из комнаты мальчиков.

Взяв несколько луковых колечек, мы берем пиво из холодильника.

Пока девочки разговаривают с Рони, я оглядываюсь вокруг и в центре комнаты вижу наблюдающего за мной Уила.

Затаив дыхание, я наблюдаю за тем, как он приближается ко мне, его прозрачный образ вызывает мурашки на моей коже.

— Чего ты хочешь? — бледнея, шепчу я Уиллу, отходя к стене, чтобы никто не увидел, что я разговариваю сама с собой.

— Рид говорил мне о тебе. Он попросил меня присмотреть за тобой, если я увижу тебя в кампусе. Я ищу его и пришел сюда, чтобы предупредить его. В моем сообществе говорят о тебе. Мертвые знают, что здесь есть человек, который видит их, так что они пришли, чтобы попросить вас об услуги, мэм, — мрачно говорит он, не глядя на меня, о постоянно осматривая комнату, как будто убеждаясь, что за нами никто не наблюдает.

Меня передергивает.

— Я только наполовину человек, — мягко поправляю его я.

— Да, мэм, я думаю, вы не такая, но никто из них никогда не считал, что... — говорит он, и его призрачные губы трогает слабая улыбка.

Я сильнее сжимаю бутылку в руке.

— Ты говоришь, что все эти мертвые люди здесь для того, чтобы увидеть меня? — в недоумении шепчу я.

— Да, старая зануда, живущая в корпусе изобразительного искусства, увидела на крыльце твою реакцию на меня и рассказала всем, что она знает, что на территории кампуса живет провидец. Неудивительно, что ее муж убил ее, — недовольно бормочет он, — она не может держать рот на замке. Большинство душ хотят, чтобы ты для них связалась с их родными... теми, которые еще живы.

Я смотрю на него, и в страхе моя челюсть напрягается.

— Я не могу этого сделать, Уилл. Я действительно пытаюсь вести себя здесь тихо, — беспомощно говорю я.

— Да, я считаю, что это слишком. Рид говорил мне. Вам нужно претворяться, что вы не видите нас. Другие души не знают кто вы; они просто надеются наткнуться на вас, — глубокомысленно отвечает он. — Ты должна спрятаться, пока они не начали искать тебя. Это может привлечь внимание. Внимание, которого ты не хочешь, — многозначительно говорит он, мельком взглянув на меня, чтобы убедиться, что его слова дошли до меня.

Судя по тому, как от страха мои ноги окаменели, я бы сказала, что поняла.

— Спасибо за предупреждение, Уилл. Я уеду, как только смогу, — отвечаю я. Уилл кивает и исчезает сквозь стены в доме братства.

Я подхожу к Брауни и Булочке, чтобы сказать им, что уйду.

Я не знаю, как объяснить им, что я должна уйти с вечеринки, потому что призраки хотят общаться со мной. Позже я подумаю о том, что сказать им, когда окажусь в безопасности.

Выйдя из бильярдной, я заворачиваю за угол и иду к входной двери, но когда вижу двух молодых людей входящих в дом, останавливаюсь.

Ни на одном из них нет костюма, но не это заставило меня остановиться. Я останавливаюсь, потому что они оба обладают блеском — блеском, который мне знаком. Сияние, я имею в виду, невероятную красоту, ту, которой обычные люди редко обладают, а ту, которую я видела только в лицах ангелов.

Они не видят меня, но все равно, я очень благодарна за то, что кто-то включил музыку, потому что басы помогают скрыть стук моего сердца, которое может меня выдать. Пригнувшись, чтобы не попасться на глаза ангелам, я пробегаю по коридору.

К концу коридора людей становится меньше, я выпрямляюсь и пытаюсь походить на «нормального человека» на тот случай, если ангелам вздумается посмотреть в мою сторону.

В конце коридора у меня в ушах начинает шуметь кровь и становится трудно дышать. Меня накрывает сильный страх.

Каждая клеточка моего тела кричит мне о том, чтобы я обернулась и посмотрела, что ангелы стоят рядом со мной, но я этого не делаю.

Обогнув угол, я прохожу прямо через душу, которой, по-видимому, ударили по голове битой. Его челюсть перекошена, а большая часть языка отсутствует. Если бы его левый глаз не был перевязан, он бы наверняка выпал из глазницы.

Ощущение, которое я испытала, пройдя через него, заставляет меня резко вздохнуть. Он ужасно выглядит. Он чувствует, что мне холодно, и я в шоке от статического электричества; не от боли, а от страха. Заметив мою реакцию, он поворачивается и говорит:

— Эй! Я искал тебя! — но это звучит не очень внятно, потому что он шевелит только частью языка. Притворившись, что не слышу его, я спешу по черной лестнице к заднему входу. Надеюсь, что за мной никто не наблюдает, я двигаюсь на сверхъестественной скорости. Я пробегаю через выход к задней части парковки.

— Рыжик! Я просто надеялся найти и увидеть божество. Фредди зашел внутрь, чтобы увидеть тебя, — под мягкими лучами прожектора, на меня улыбаясь, смотрит Рассел.

Рассел выглядит как греческий сенатор, одетый в белую тогу с красной накидкой, его волосы покрывали зеленые листья лавра, а на ногах обуты кожаные сандалии, но для меня это представление закончилось.

Я должна бежать от воинов, которые бродят по дому в поисках существа, чья душа может их привлечь.

Я не хочу, чтобы они нашли меня здесь.

— Рассел, послушай меня внимательно и не перебивай, — говорю я. — Сегодня я хочу воспользоваться тем подарком, который ты подарил мне. Внутри два Себастьяна, и я думаю, они ищут меня. Поэтому я должна уйти. Позвони Риду и скажи ему, что я поехала к нему домой. Ты понял? — дрожащим от страха голосом спрашиваю его я,

С лица Рассела исчезла улыбка, мгновение он просто смотрел на меня, а затем кивнул. Подойдя ко мне, он обнимает меня и прижимает к себе.

— Я могу отвезти тебя, давай ключи от машины, — говорит он, но я качаю головой.

— Я буду в порядке. Я должна уйти, прежде чем они найдут меня. Ты же знаешь, что я люблю тебя, так ведь? — мягко спрашиваю его я. — Ты мой лучший друг.

Он крепче обнимает меня, долю секунды уткнувшись мне в шею, прежде чем отступить.

— Я знаю, — отвечает он. — Иди, — со страхом во взгляде говорит он.

Я уйду, и могу только представить, что Рассел, наблюдая за мной, подумал о том, что я в одно мгновение исчезаю из его поля зрения, оставив позади розовые крылья, которые я надела на вечеринку.

Беззвучно скользя по городу, мои ноги слегка касались земли, неся меня вперед на головокружительной скорости. Меня окутывал страх, не позволяя мне получать удовольствие. Я постоянно оглядывалась через плечо, чтобы посмотреть, не преследуют ли меня. Я добежала до дома Рида, замедлившись до нормальной скорости, только чтобы открыть входную дверь, потому что понимала, что поблизости может быть Андрес. Думаю, что должна постучать, но я слишком взволнованна, чтобы обращать внимание на манеры, поэтому я просто захожу в фойе.

— Рид, — громко зову я, хотя прекрасно знаю, что если он в доме, то услышит меня, даже если я прошепчу его имя. Я сразу понимаю, что его нет дома, потому что не ощущаю в

животе порхание бабочек. — «Блин, где же ты», — думаю я.

Из библиотеки доносится мягкий шелест, оповещающая о том, что там кто-то есть, и только что встал со стула. Прохожу вперед, надеясь поговорить с Андрэ, дохожу до лестнице и останавливаюсь как вкопанная, потому что это не Андрэ я слышала в библиотеке. Это даже не человек, а ангел.

Я оглядываю идеальную фигуру ангела, находящегося передо мной. Ему, должно быть, около двадцати. Даже простой небрежный наряд из простых джинсов и футболки выглядит на нем сексуально.

Он высокий и стройный, с густыми каштановыми волосами и голубыми глазами, глазами, которые один раз увидишь и никогда не забудешь, потому что они невероятно синие.

Он хмуро рассматривает меня, хотя это выражение лица несколько не вредит его красоте, хотя у меня сложилось впечатление, что скорее предпочту родства, чем такой реакции от совершенства.

Затем он заговорил со мной повелительным тоном на своем ангельском языке. Конечно, я не поняла ни слова, но звучало это потрясающе. Я вижу, что он ждет от меня ответа, поэтому я пожимаю плечами. Медленно его брови сходятся на переносице. Когда к его хмурому выражению лица добавляется рычание, мой страх удваивается.

Преодолевая ком в горле, я быстро говорю.

— Извините, — дрожащим голосом говорю я, — я не понимаю ваш язык. Вы могли бы говорить на английском.

Его глаза расширяются. А через некоторое время его брови снова сходятся на переносице. Осознав, в какую ситуацию я попала, замерев, я оглядываюсь на входную дверь. Но она находится слишком далеко. Глядя через плечо, я замечаю лестницу, ведущую на второй этаж.

Без всякого умысла я начинаю медленно продвигаться к ней, решая попробовать убежать вверх. По крайней мере, я хотя бы предпринимаю попытку к бегству, хотя уже догадываюсь, что бессмысленно это делать.

Ангел передо мной — это смертельный убийца; наверное, у меня не было шансов. Господи, пожалуйста... мне нужно отвлечься.

В кармане ангела начинает звонить телефон; при его звуке я вздрагиваю. Не отрывая от меня взгляда, он вытаскивает свой телефон и отвечает.

Он ничего не говорит, а просто слушает все то, что говорит ему звонящий. Мое сердце отдается болью в груди, в то время как я дюйм за дюймом продолжаю продвигаться к лестнице.

Я начинаю подниматься на второй этаж и снова сталкиваюсь с хищником.

Ангел с голубыми глазами все еще наблюдает за мной, но не идет за мной, но следит за каждым моим движением.

Когда он начинает говорить, я вздрагиваю от его смертельно мягкого голоса:

— Нет, думаю я останусь, — говорит он. — Только что вошло что-то очень интересное.

Звонивший, должно быть, говорит что-то еще, потому что ангел снова слушает.

Я дохожу до четвертой ступеньки, а он продолжает так внимательно за мной следить, что это заставляет меня вспотеть. По моей спине прокатилась судорога, я проигнорировала боль, продолжая фокусироваться возникшей передо мной угрозой.

Хмурый взгляд ангела становится зловещим.

— Почему ты сам об этом не позаботился? — с отвращением спрашивает он.

Когда я поднялась до шестой ступеньки, ангел на меня зарычал; от этого ужасающего звука мое сердце заколотилось о грудную клетку.

Я застываю на том же месте.

— Ты готов рискнуть? — огрызается на собеседника ангел.

От ярости в его голосе я застываю, и мои ноги начинают дрожать.

Ангел посмотрел сначала в сторону, а потом на входную дверь, так что я успеваю дойти до восьмой ступеньки. Он с возбуждением поглядывает на меня. Я снова замираю, делая вид, будто пока он не смотрел на меня, я не двигалась.

Его челюсть становится жесткой.

— Нет — он не получит искупление, если я заточу его обратно в бездну... — едким тоном говорит ангел.

Я добираюсь до десятой ступеньки и чувствую в спине разрывающую боль.

Это заставляет меня задохнуться.

Пытаясь игнорировать боль, потому что по сравнению с разгневанным ангелом, находящимся всего немного ниже меня, она кажется мне незначительной, я берусь за перила, все еще пытаюсь добраться до второго этажа.

— Может быть, ты потерял в этом вопросе своё право голоса, — снова в трубку говорит ангел, отрывая взгляд от меня, и с отчаянием оглядываясь вокруг.

Я почти добралась до двенадцатой ступеньки, когда меня остановила адская боль.

Со следующим вздохом из моих легких выходит весь воздух. Глядя на ангела, я отчаянно пытаюсь оценить свою реакцию на происходящие со мной. Ему абсолютно все равно, он просто смотрит на меня своими холодными голубыми глазами. Еще одна вспышка боли заставляет меня задохнуться, через мою спину проходит какая-то сила, с таким звуком, словно раскрывается парашют.

Раздаются звуки разрывающейся ткани, после чего моя кофта и бюстгальтер падают на пол, оставляя меня стоять полуголой посреди комнаты. Я прижимаю руки к груди, прикрывая ее от незнакомца стоящего передо мной. Сквозь сумбур в моей голове, шок и слезы, я понимаю, что у меня просто выросли крылья. Замечаю направленный на меня взгляд ангела, он смотрит на меня с чем-то вроде удивления в его красивых глазах. Понимая, что это мой лучший шанс для побега — я делаю это. Резко разворачиваюсь и перепрыгиваю оставшиеся ступеньки, замечая, что мои крылья движутся сами собой.

Когда я добегаю до комнаты Рида, врываюсь в комнату и запираю дверь на замок.

Я только успела отступить в сторону, как ангел начал пинать дверь с другой стороны.

Чертовски сильный ангел!

Я по-прежнему продолжаю стоять со скрещенными на груди руками. Он следует за мной в комнату; его острые хищные глаза по-прежнему следят за мной, и на мгновение мне кажется, что я вижу в них свое отражение. Я не чувствую от него по отношению ко мне ни капли сострадания или милосердия. Он пришел в комнату Рида, чтобы убить меня. Что, если Рид появится, прежде чем ангел успеет это сделать? Тогда он убьет и Рида тоже?

— Это звонил Рид? — спрашиваю его я. Он не отвечает, но на мгновение перестает за мной следить.

— Он идет сюда, не так ли? — снова начиная паниковать спрашиваю я.

Мой вопрос был встречен молчанием.

— Вы собираетесь убить меня, не так ли? — риторически спрашиваю я, уже понимая,

что это и есть его намерение.

— Вам нужно поторопиться, потому что я не хочу, чтобы Рид пришел как раз в тот момент, когда вы будете делать это. Он попытается защитить меня, а я не хочу причинять ему боль. Так что, пожалуйста... сделай это быстро, — говорю я, сменяя оборонительное состояние, которое я приняла, чтобы защитить себя.

Я не могу опустить руки, поэтому я обнимаю себя и закрываю глаза. Мое дыхание переходит в короткие вздохи, сердце трепещет, словно крылышки колибри. Слышу, как по всему дому начинают бить часы. Не знаю, как Риду удалось сделать это, но они идеально синхронизированы друг с другом.

Я чувствую его запах в комнате, и это немного меня успокаивает.

Проходит некоторое время, и я начинаю нервничать.

Часы продолжают тикать.

Время уходит.

Рид может вернуться в любую минуту.

Меня душит страх, а по лицу течет пот, и я смахиваю его тыльной стороной ладони.

— Почему ты напугана? Мне сказали, что у тебя есть искупление, — насмехается ангел прямо мне в глаза.

У меня во рту все пересохло, поэтому чтобы ответить мне пришлось облизать губы.

— Возможно, это моя человеческая часть, которая боится смерти, — не открывая глаз, шепотом отвечаю я. — Все что я помню, это эта жизнь. Это все что я знаю — и я не знала, что мне будет даровано искупление. Кажется, так думает Рид, но есть шанс, что я зло... в этом случае, ты отправишь меня в ад. Я слышала, что там не очень весело, поэтому я надеюсь, что Рид окажется прав. Но в любом случае, думаю, я выясню это. Если мы увидимся в раю, тогда без обид — если же нет, тогда ты молодец, хорошая работа. В любом случае, если ты делаешь это до прихода Рида, у тебя будет мое прощение.

— У тебя змеиный язык. С чего бы тебе прощать меня? — спрашивает он меня, злясь... или разочарованно.

— Потому что худшее, что я могу себе представить, это Рид прекративший существовать на любом уровне бытия, — без колебаний отвечаю ему я. — Я могу простить все, но только не его уничтожение. Пожалуйста, сделай это сейчас, пока он еще не вернулся, — прошу его я, чувствуя головокружение и тревогу.

Я покачнулась, потому что мной по-прежнему овладевала дрожь.

— Ты умоляешь меня, чтобы я убил тебя? — недоверчиво спрашивает ангел. Он так близко, что я могу чувствовать на своих волосах его дыхание.

Я открываю глаза и вижу, что он стоит напротив меня, взгляд его льдинисто-голубых глаз был скучающим.

— Эмм, вроде того. Если хотите, я могу сделать эту работу приятной, — говорю я, опускаясь на колени. — Пожалуйста, поторопись, так вам не придется причинять боль Риду, — тихо говорю я

— Ты не Серафим, и ты опускаешься передо мной на колени? — в замешательстве спрашивает он.

Глядя на него снизу вверх, мои глаза расширяются от удивления, когда он встает передо мной на колени.

— Извините... Я не знаю, кто такой Серафим, — говорю я, поднимаясь с колен и снова скрепящая руки на груди.

— Ты не знаешь, кто такой Серафим, — шокировано спрашивает он меня.

Я качаю головой, ожидая его реакции.

— Серафимы — ангелы высшего класса. Они Божьи хранители.

— Откуда вы знаете, что я Серафим, — сбита с толку, спрашиваю его я, пытаюсь остановить дрожь, чтобы не показывать признаков слабости.

Он протягивает руку, а я пытаюсь не отшатнуться, когда он дотрагивается до моего крыла; от контакта оно подрагивает.

— Твои крылья, они огненно красные, — замечает он.

— Они что? — спрашиваю я, потому что я до сих пор фактически еще не видела их.

Я была так сосредоточена на хищнике, что была не способна оценить их. Сейчас я смотрю на них и вижу, что они действительно красные, насыщено красные.

«Также они очень маленькие, достигающие только до талии, не такие мощные, какими обладает Рид», — с разочарованием думаю я.

— Почему они такие маленькие? — спрашиваю я, разочарованным тоном.

Ангел улыбается мне, и это шокирует меня.

— До сегодняшнего дня ты никогда не видела крыльев? — многозначительно спрашивает он меня.

Я качаю головой.

— Сколько тебе лет? — с любопытством спрашивает он.

— Мне только что исполнилось восемнадцать, — говорю я, от усталости дрожа всем телом.

В мое сознание закрадывается одна мысль. И прежде чем я могу остановить себя, спрашиваю:

— Какую ступень в ангельской иерархии занимает Люцифер?

— Люцифер — Серафим, — говорит он, сканируя меня своими голубыми глазами.

У меня перехватывает дыхание, и на глаза наворачиваются слезы. Я делаю глубокий вздох, чтобы сдержать рыдания, рвущиеся из моего горла. Чувствуя, словно меня ударили в живот, я овладеваю эмоциями и снова обретаю контроль.

Я вытираю слезы, а потом снова скрещиваю руки на груди. Киваю ему, подтверждая, что поняла то, что он сказал мне.

— Если это все, что ты хотел сказать мне, я не хочу слушать остальное. Давай просто покончим с этим, ок? — говорю я, чувствуя, что он победил.

— Сделаем что? — спрашивает он.

— Отправить меня в ад... или убить? Называй это как хочешь, — с раздражением говорю я. — Прежде чем вернется Рид, помнишь? — спрашиваю я, пытаюсь контролировать свои эмоции.

— Ты не знаешь, несут ли ответственность Падшие за то, что ты здесь? — спрашивает он, проигнорировав мой вопрос.

Я качаю головой.

— Я никогда не видела своего отца. До недавнего времени я даже не знала, что он был ангелом, — отвечаю я.

Выражение его лица меняется на задумчивое.

— Есть много Серафимов, которые пришли оттуда, откуда и мы. Для Бога имеет смысл, выбрать кого-то одного, чтобы создать тебя, — рассуждает он.

— Ты пытаешься заставить меня почувствовать себя лучше? — устало спрашиваю я,

слабо улыбаясь.

У меня раскалывается голова.

Я снова покачиваюсь, в моем ведении появляются крошечные черные пятна.

— На какой ступени иерархии ангелов находится Рид? — спрашиваю я, пытаюсь сохранить равновесие.

— Он, как и я, Ангел-воин. Мы созданы для того, чтобы не дать падшим захватить мир и поддерживать баланс во вселенной, — властно отвечает он.

Уголки моих губ опускаются вниз.

— А я кажется, была создана для того, чтобы делать все наоборот. И своим присутствием нарушаю весь баланс, — категорично заявляю я.

Он выгибает бровь.

— Возможно... или возможно, ты идеальный баланс... человек и ангел, — говорит он так, словно рассматривает все углы тщательно спланированной головоломки.

С подъездной дорожки Рида доносится шуршание шин по асфальту, и я шире открываю глаза.

Пришло время заключить сделку с ангелом.

Во дворе слышен хруст гравия, когда колеса автомобиля разбрасывают его в разные стороны.

В последнюю секунду раздается визг тормозов, вряд ли между этим звуком и голосом Рида в фойе прошло чуть меньше мгновения.

— Эви! — кричит он, но я не могу ему ответить. Я не хочу, чтобы он приходил сюда. Хочу, чтобы был в безопасности.

Я умоляюще смотрю на стоящего передо мной ангела, потому что только у него есть власть, чтобы сделать это реальностью.

— Она здесь, — откликается ангел, продолжая сидеть и смотреть на меня. В следующую секунду в комнате появляется Рид и заключает меня в объятия. Прижимает мою голову к своей груди, игнорируя тот факт, что в этой комнате кроме нас находится еще кто-то.

— Я не причинил ей вреда, — защищаясь, говорит ангел Риду.

Рид прижимается своим лбом к моему, пока не убеждается, что со мной все в порядке, а затем отпускает меня и поворачивается к ангелу.

Его рубашка рвется и слетает с тела, в то же время появляются дугообразные черные крылья.

Он подлетает к ангелу, вышвыривая его через дверь, и сам выходит в коридор.

— Рид, не надо, он не причинил мне вреда! Пожалуйста, остановись! — умоляю я, когда они, сражаясь друг с другом, пробивают другой деревянный проем.

Ангел выпускает свои светло-коричневые крылья, которые опрокидывают мебель и сбивают с полок все содержимое.

Он и Рид шагают вперед назад, продвигаясь к центру комнаты, словно гладиаторы на арене.

Рид наносит несколько жестких ударов, прежде чем ангел отбрасывает его назад. Рид продолжает преследовать его, ища другой угол, чтобы проникнуть под его оборону.

— Зефир, — хмурится Рид, — она на половину человек. Разве ты не слышишь ее сердцебиение? Я удивлен, что от страха она не упала в обморок, — выдавливает он.

— Что ты сделал с моей дверью? — спрашивает он, когда замечает, что она повисла на

одной петле.

— Она заблокировала дверь, — говорит Зефир, оборонительно пожимая плечами. — Я должен был перехватить ее прежде, чем она опала сюда, но она очень быстрая. Я был удивлен тем, что она смогла обогнать меня.

Он оценивающе улыбается мне, а я борюсь с желанием показать ему язык.

— Я думала, что ты пришел, чтобы убить меня, — быстро говорю я, привлекая его внимание.

Я стараюсь удержать его внимание, чтобы отвлечь их от убийства друг друга.

— Я намеревался убить тебя, — говорит он, и хотя его тон был очень вкрадчивым, я знаю, что он отвечает за каждое сказанное им слово.

— Когда Рид говорил с вами по телефону, и потом, глядя на вас, я подумала, что вы уговорили его помочь нам.

— Почему тогда вы не убили меня? — из чистого любопытства спрашиваю его я, видя, как все больше и больше напрягается Рид.

— Ты убедила меня не делать этого, — отвечает Зефир, смотря на Рида, чтобы убедиться, что он больше не жаждет крови, но внимательно слушает наш диалог.

— Как я это сделала? — устало спрашиваю я, не понимая, как я могла убедить враждебно настроенного ангела не делать того, на что он, по сути, запрограммирован.

— Ты не испугалась и торговалась со мной за свою жизнь, но ты отдавала свою жизнь, взамен та то, чтобы я спас жизнь Рида.

В ответ на слова Зефира я слышу рык Рида.

— Но что действительно связало мне руки, так это то, что ты дарила мне прощение за то, что я собирался сделать с тобой. Ты такая смелая...

— Зефир, если ты снова сделаешь Эви что-то подобное, ты будешь молить о смерти, — тихим тоном говорит Рид.

Зефир хрюкает. Словно конкуренты, они, изучая, смотрят друг на друга.

Ответ Зефира шокирует меня больше, чем все произошедшие сегодня, когда он говорит серьезным тоном:

— Я убью любого, кто попытается причинить ей вред.

Как мне заставить свои ноги двигаться по направлению к ванной, они тяжелые и ватные. Когда я дохожу до неё, закрываю за собой дверь и прислоняюсь к косяку. Я хочу заблокировать ее, но понимаю, что это все равно не поможет, если один из них захочет зайти сюда.

Борясь с желанием, расклеятся прямо здесь, мое горло жжет от невыплаканных слез, но знаю, что если начну плакать, то не смогу остановиться, поэтому я пытаюсь их сдерживать.

«Я посижу в ванной, пока не уйдет Зефир», — думаю я.

Я беру средство для мытья рук и иду к раковине. Шок — это первая эмоция, которую я испытываю, когда вижу свое отражение в зеркале.

У меня действительно выросли крылья; от этого никуда не денешься, и они не только красные, они маленькие.

По сравнению с теми крыльями, которые я видела, они маленькие, почти миниатюрные; мощные, черные крылья Рида и светло-коричневые крылья Зефира.

Мои крылья достигают только моей талии, в то время как у Рида, они почти во всю длину его тела.

Интересно, я могу сама ими двигать? Я концентрируюсь на том, чтобы поднять их, но

достигаю лишь малого успеха.

«Может быть это потому, что я устала», — думаю я, глядя на себя в зеркало. Я выгляжу уставшей. Как я могу их убрать, если даже не могу пошевелить ими? Я не могу даже одеться! Чувствуя отвращения к самой себе, я отворачиваюсь от зеркала и вижу стоящего в дверном проеме Рида. Я начинаю задыхаться и снова прикрываю грудь руками.

Рид поднимает руку в заботливом жесте.

— Извини, я не хотел тебя напугать. Я принес тебе кое-какую одежду, — успокаивающе говорит он, входя в ванную.

У него в руках, черная одежда из кашемира с длинными рукавами.

— Как я могу что-то надеть на торчащие из моей спины крылья? — не смотря на него, мягко спрашиваю я.

Я не хочу видеть его реакцию на мои маленькие красные крылья плохой девочки.

— Чуть ранее, я купил несколько для тебя, понимая, что они тебе понадобятся. Вот этот топ завязывается сзади. Ты засовываешь руки в рукава, а потом завязываешь ленточки на шее. Сзади, практически до середины спины ткань отсутствует, а так же есть ленты с обеих сторон, как у корсета, так что твои крылья могут быть выпущены или же нет. Тебе только нужно сильнее потянуть за ленточку сзади и завязать сзади на талии. Это позволит твоим крыльям свободно двигаться, а ткани оставаться на твоей коже.

Я киваю, не глядя, и принимаю одежду из его рук. Отвернувшись от него, я одеваюсь. Я пытаюсь завязать ленточку на шее, но руки так трясутся, что я ковыряюсь с ней немного дольше.

Рид нежно перехватывает мои руки и завязывает ленточки. Затем он быстро завязывает ленточку на моей талии. Снова развернув меня к себе, он крепко обнимает меня, и я почти ломаюсь, но мне удается удержаться.

— Ты такая спокойная, Эви. Ты должна рассказать мне все, о чем думаешь, — убеждает Рид.

— Я думаю, что для топа это очень продуманный дизайн. Материал такой мягкий и теплый. Спасибо, — говорю я. — Я боялась, что мне придется ходить полуголой, пока я не смогу выяснить, как убрать мои жалкие крылья, — говорю я с презрением на мои новые крылья.

— Тебе не нравятся твои крылья? — удивленно спрашивает меня Рид.

— Не правда... просто они таки маленькие, и почему я не могу двигать ими? — спрашиваю его я, глядя на его грудь.

«Я даже не хочу говорить о их цвете», — думаю я.

— Эви, они идеальны, — говорит Рид, а когда я хмурюсь, он поднимает мой подбородок так, что я встречаюсь с его глазами.

— Они действительно идеально подходят. Сейчас они маленькие, потому что ты еще очень молода. Со временем они станут больше, но в действительности они не могут быть более красивыми, чем уже есть. Совсем скоро ты сможешь контролировать их. Это займет некоторое время, но ты научишься, — говорит он, мягко касаясь моего крыла.

— Тебе они нравятся? — удивленно спрашиваю я. — Я думаю с ними что-то не то.

— Эви, ты даже не представляешь, как я люблю их, — печально говорит он. — Ты самое прекрасное создание, которое я когда-либо видел.

— Как это возможно? Они кроваво-красные, — говорю я. — Почему они не белые или черные, как твои?

— Они маленькие, потому что ты Серафим. Если бы ты была Архангелом — они были бы белые, или если бы ты была Войнам, как я, — тогда они могли бы быть разных других цветов.

Только у Серафимов такой цвет крыльев как у тебя, и это твое превосходство над Архангелами, Главными, Стражами, Херувимами, Войнами... но не позволяй им забраться тебе в голову, потому что пока мы здесь, ты должна меня выслушать.

«Не смешно. Как я могу кого-нибудь превосходить? Я — мутант, и если ты не заметил, многие ангелы хотят завладеть моей душой», — тупо отвечаю я.

— В тот день на регистрации ты был прав, когда сказал, что мы влипли. Я облажалась, не так ли? У меня нет шансов выжить.

— Ты выживала вопреки всему. Зефир — машина для убийства, когда дело касается убийства Падших... и все-таки тебе удалось выжить, — твердо говорит Рид. — Не только это, могу поспорить, что он будет сражаться, чтобы защитить тебя. Ты одержала над ним победу, и теперь он наш сильный союзник. Еще ты пережила регистрацию и меня. У тебя есть какая-то власть над нами. Кажется, в каждой ситуации можно найти слабость, которая переводит нас на твою сторону. Даже один Падший был пленен.

— Я пережила Себастьяна, потому что ты был там, а что касается тебя, ну, а моей стороне были бабочки, — тихо отвечаю я. — И я не уверена на счет Зефира. Он до смерти меня напугал.

— Мне жаль, что сегодня меня здесь не было, — мрачно говорит он. — Когда я думаю, что с тобой могло что-то случиться... я не знаю, чтобы я сделал, если бы он причинил тебе вред, — взволнованно говорит он. — Я отправился в Чикаго, чтобы забрать свой подарок. Я собирался отдать тебе его на вечеринке, но Рассел позвонил, когда я уже возвращался в город. Он сказал мне, что ты придешь сюда и рассказал причину. До этого мне уже звонил Зефир и рассказывал, что он здесь, потому что весь город наводнили души. Я не думал, что расшевелил их всех... — в отчаянии говорит он.

— Рид, ты не единственный в городе ангел. Когда я была в Дэльта доме, то видела еще двух. Я попросила Рассела позвонить тебе. Рассел! Я должна позвонит Расселу и сказать, что я в порядке. Я была на вечеринке и сбежала — он знает, почему я должна была уйти. Должно быть, он волнуется... и никто не присматривает за ним! — задыхаюсь я, сжимая руку Рида, отодвигая на второй план то, что я точно знаю, почему по городу бродят души. — Пожалуйста, дай мне свой телефон.

Рид протягивает мне телефон, но я медлю, перед тем как набрать его номер.

Я слышу хруст гравия по подъездной дорожке, свидетельствующий о том, что сюда приехал новый посетитель. Автомобиль остановился возле входной двери. Затем кто-то выпрыгивает из машины, даже не потрудившись закрыть дверь.

— Рыжик! — кричит Рассел, с грохотом распахивая входную дверь. — Черт! Это Рассел, что мне делать? Он не может увидеть это! Как мне убрать их обратно? — спрашиваю я Рмда, поворачиваясь обратно к зеркалу.

Я снова попыталась ими подвигать, но они не двигались.

— Не волнуйся, я только уговорю его уйти, — начинает говорить Рид, пока я не хватаю его за руку.

— Нет, ты не сделаешь этого! Я должна была оберегать Рассела, помнишь?

Ты должен уговорить его остаться, и помочь мне убрать мои крылья! — умоляю я.

— Но мне нравятся твои крылья, — мило улыбаясь, говорит он, снова поглаживая мои

крылья.

Клянусь, если он и дальше продолжит это делать, я замурлыкаю как котенок.

Не думай об этом, просто сосредоточься.

— Пожалуйста! — сквозь стиснутые зубы говорю я, закрыв глаза и сжав руки в кулаки.

В следующую секунду он вышел из ванной, но я не успеваю задуматься о том, куда он ушел, потому что уже через мгновение он вернулся.

— Выпей. Это поможет тебе расслабиться, и тогда ты попытаешься втянуть их обратно, — предлагает он мне, протягивая что-то подозрительно похожее на коньяк.

— Если ты продолжишь паниковать, они не уберутся. Я пойду, поговорю с Расселом, а потом вернусь.

В следующую секунду Рид снова ушел, и я слышу, как он разговаривает с Расселом этажом ниже. Потом он ведет Рассела в направлении библиотеки.

Поскольку у меня нет времени на то, чтобы посмаковать моим коньяком, я выпиваю его одним большим глотком и чуть не умираю. Я кашляю и хриплю и только через пару минут начинаю неглубоко дышать.

Рид снова заходит в ванную, пытаюсь подавить смех.

— Эви, я с тобой никогда не соскучусь. Ты залпом выпила весь стакан? — ухмыляясь, спрашивает он.

— Да. Теперь покажи мне, как втянуть мои крылья обратно, — говорю я, вытертая слезы ни имеющими ничего общего с моими эмоциями, или с тем, что я только что проглотила.

— Ты должна успокоиться... расслабиться, — наклоняясь, шепчет мне на ухо Рид, щекоча его своим дыханием.

— Как я могу расслабиться? Рассел внизу с ангелом, который всего несколько минут назад пришел убить меня, а я стою здесь с ярко красными крыльями, торчащими из моей спины, и ты не помогаешь мне! — расстроено говорю я, снова пытаюсь втянуть мои крылья в тело.

Взглянув на Рида, вижу, что он пытается сдержать ухмылку.

— Теперь ты смеёшься? По-твоему это смешно? — спрашиваю я.

— Ну, видела бы ты выражение лица Рассела, когда я познакомил его с Зефиром.

Он выглядел скорее раздраженным, что ты тут со мной, — улыбаясь, говорит Рид. — Зефир был не слишком рад встретиться с Расселом. Интересно почему...

— Рид! Вернись вниз и убедись, что Зефир не убил Рассела, — категорично говорю я.

— Зефир не причинит боль Расселу... если он не скажет ничего глупого, — отвечает Рид, равнодушно облокотившись на столешницу.

— Рид! Помоги мне! — в отчаянии умоляю я.

— Тебе нужна моя помощь? — спрашивает он, и я киваю головой.

— Ок, я помогу.

Он отталкивается от прилавка и медленно, не отрывая от меня взгляда, подходит ко мне.

Быстро поднимает меня на руки, сажая на столешницу. Мгновенно через меня проходит всплеск эмоций, пока я ожидаю, что он будет делать дальше.

Стоя между моих ног, он по одной вытаскивает заколки из моих волос, кладя их на стол, пока я поедаю взглядом каждый сантиметр его ангельского лица. Мои волосы свободно рассыпаются по спине, пока его рука нежно массирует мой затылок. Потянув мою голову

назад таким образом, чтобы мое лицо оказалась на его уровне, он медленно прижимает свои губы к моим. Когда наши губы, наконец, соединяются, его поцелуй действует на меня более успокаивающе, чем коньяк, мое лицо пылает, а дыхание становится прерывистым.

Обхватив его плечи руками, я слегка впиваюсь в них когтями, пытаюсь притянуть его ближе к себе.

— Что это, Эви, ты пытаешься притянуть меня ближе к себе, — шепчет Рид возле моих губ.

Обернув ноги вокруг его талии, я поцеловала его со всей страстью, о которой думала только минуту назад, я никогда больше не хочу его ни с кем делить.

Потом Рид отстраняется от меня.

Я открываю глаза, и через меня проходит разочарование.

— Почему ты остановился? — затаив дыхание спрашиваю я, изучая его лицо, которое, на мой взгляд, выглядит чересчур самодовольным.

— Ты сделала это, — улыбается он. Должно быть, я выгляжу смущенной, потому что он добавляет, — твои крылья...

Он указывает на зеркало позади меня. Глядя через зеркало на свою спину, я больше не вижу крыльев.

Я снова стала похожа на человека, но не могу подавить чувства разочарования, потому что он уже очень долгое время не делал этого, и этот метод помог крыльям втянуться обратно и это очень удивительно.

— О, — запинаясь, говорю я, прикасаясь кончиками пальцев к моим распухшим губам.

— Я думала, ты скажешь, что я должна отдохнуть. Потому что я не чувствую себя расслабленной.

«Я чувствую, будто меня поглотил огонь», — думаю я.

— Был и другой способ сделать это, — с тлеющим взглядом отвечает Рид. — Ты была настолько сосредоточена на нашем с тобой притяжении, что смогла убрать свои крылья.

— О, — еще раз смущенно говорю я, — спасибо.

— Нет, спасибо тебе, — мягко говорит он, наклоняясь вперед и лаская мою шею своими губами. — Сейчас ты хочешь пойти вниз? — шепчет он.

— Вниз? — запинаясь я.

— Рассел... библиотека... — отвечает он, все еще касаясь моей шеи.

— Эм... а... да, — отодвигаясь от него стону я. — Я лучше спущусь вниз до того, как Рассел пойдет искать меня. Не хочу объяснять ему, что произошло в твоей комнате.

Спрыгиваю с тумбочки, я должна успокоиться, потому что выпитый алкоголь только начал «расслаблять» меня.

— Это должно быть интересно, — оглядывая свои плечи, бормочу я.

— Зефир еще внизу? — поколебавшись, спрашиваю я, потому что в действительности я не уверена, что хочу снова с ним встречаться.

— Да, он еще здесь. Он хочет поговорить с тобой. Ты меня поражаешь — не думаю, что мне удастся заставить его уйти, пока ты не ответишь на все его вопросы, — отвечает Рид, выводя меня из ванной.

— Что если я получу ответы на свои неправильные вопросы? — в страхе спрашиваю я, что заставляет крылья внутри меня беспокойно дергаться.

Я должна успокоиться, иначе снова вытолкну их наружу. Делаю глубокий вдох, пытаюсь расслабиться.

— Ты не получишь неправильных ответов, — заверяет меня Рид, пока мы рука об руку идем к библиотеке.

Как только Рассел видит меня, сразу же поднимается со своего места, и у меня даже нет времени подумать, как отреагирует на это Зефир.

Прежде чем я успеваю сказать хоть слова, он заключает меня в свои медвежьи объятия, отрывая от земли; даже слыша низкий рык ангелов, в его объятиях я чувствую успокоение.

— Рассел, как ты так быстро оказался здесь? — спрашиваю его я, надеясь, что он поставит меня на ноги, прежде чем ангелы решат, что он обнимает меня слишком долго.

Судя по их дыханию, для этого не потребуется много времени.

— Я сказал Фредди, что забыл кое-что в общежитие, и он дал мне свой ключ. Моя одежда была все еще в машине, так что я просто изменил направление, — мрачно говорит Рассел, указывая на джинсы и футболку, вместо тех вещей, в которых я видела его ранее.

Он ставит меня на ноги, но по-прежнему держит за руку.

— Но ты оказалась здесь раньше меня... — умолкает он.

— Да, я оказалась здесь раньше тебя, — прошептала я, бледнея.

— Когда я вошел внутри, чтобы взять у Фредди ключ, я видел тех, о ком ты говорила — Себастьянов, — сузив глаза, говорит он. — Я начинаю распознавать их, — говорит он, повернувшись к Риду.

— Просто посмотрите на суперпривлекательных людей находящихся в этой комнате, и оба они светятся, я кожей чувствую это, — угрюмо говорит Рассел. — Они, безусловно, что-то ищут. И они продолжали говорить со стенами. Это было жутко, — с дрожью добавляет Рассел.

Украдкой взглянув на Зефира, я пытаюсь увидеть его реакцию на рассказ Рассела. Что сделает Зефир, если поймет, что Рассел скоро поймет кто они такие? Сидя в своем кресле, Зефир играл со стаканом в руке.

Он не смотрел на Рассела, а вместо этого изучал меня.

Я тяну Рассела к софе. И сажусь рядом с ним.

— Они поняли, что ты наблюдал за ними? — многозначительно спрашиваю его я.

— Не думаю, — говорит он. Поднявшись с дивана, я иду к стоящему в углу бару. Налив в бокал янтарной жидкости, я возвращаюсь и отдаю его Рассела. Взяв его, он начинает потягивать его, в то время как я снова сажусь рядом с ним.

Рид садится рядом со мной с другой стороны.

— Рыжик, я один из них? — спрашивает Рассел, о стаканам в руке, указывая на Зефира, а затем на Рида.

С секунду я сидела молча, пытаюсь сформулировать ответ на его вопрос, поскольку он всегда знает когда я лгу. Но он продолжает прежде, чем я могу продолжить.

— До вчерашнего дня... я никогда не видел твоего свечения... но теперь, ты светишься изнутри. Твоя кожа, светится также, как и у них, — говорит он, снова указывая на Зефира и Рида.

— Что я делаю? — слабо спрашиваю его я, глядя на свои руки так, словно они вовсе не мои.

Моя кожа светилась тусклым свечением, которого я никогда раньше не замечала. Интересно, последствие ли это того, что у меня появились крылья. Снова смотрю на Рассела, а он печально кивает мне.

— Я не знаю, что сказать тебе Рассел, но возможно, это шанс чтобы сказать тебе это: я

не одна из них... — говорю я, видя, как Рассел вздыхает с облегчением. — И я не одна из вас... я, понемногу того и другого, — продолжаю я, почти не понимая себя, но я должна хоть как-то объяснить ему.

Он не отвечает; а только смотрит на меня со смесью шока и боли. Ему нужно больше объяснений, поэтому я говорю дальше:

— Помнишь, как я сказала тебе, что меня нет родителей? Ну... моя мама умерла. Она умерла при родах, но никто не знает, кто мой отец? Не думаю, что остались какие-то сомнения, что он очень похож на Рида, — объясняю я, молясь за то, что это в последний раз, когда я ответственна за боль в его глазах.

«Почему я продолжаю делать это с ним? Продолжаю причинять ему боль», — сожалением думаю я.

— Как давно ты знаешь об этом? — многозначительно спрашивает меня Рассел, его тон пригвождает меня к моему месту, а он отдергивает руку.

— Я узнала об этом прямо перед тем, как ты начал встречаться с Кэндис, — шепчу я. — Прости, но я не могла рассказать тебе этого. Есть правила, и...

— Что, правила? — с отвращением спрашивает он, но его боль быстро превращается в гнев.

«Я ошиблась! Он не понимает. Я должна что-то сделать, но что?» — в отчаянии думаю я.

— Я не могу рассказать тебе, — говорю я, потянувшись за его рукой, но он отпрянул от меня, так чтобы я не смогла снова дотянуться до него.

— Ах... еще больше секретов, конечно, почему я не удивлен? Они знают, не так ли? — риторически спрашивает Рассел, глядя на Рида и Зефира.

Я киваю, но это, кажется, делает его только злее.

— Так ты говоришь, что ты наполовину человек, а на половину... — замолкает он, ожидая моего ответа, чтобы заполнить пустоту.

Он по очереди смотрит на каждого из нас, и когда мы все молчим в ответ на его вопрос, он говорит:

— Вы все монстры. Я должен уйти отсюда.

— Рассел, не уходи... — когда он встает с дивана, говорю я.

— Почему? Ты объяснишь мне, что здесь происходит? — саркастически спрашивает он. — Потому что я должен сказать, Рыжик, я чувствую, что вы играете со мной в игру, игру со мной, и я не знаю название этой игры или ее правил.

— Поверь мне Рассел, это не игра, — категорично говорю я.

— Тогда расскажи мне, Эви, — выдавливает Рассел, потянув себя за волосы.

— Не могу, — в отчаянии говорю я, в ответ на его упорство, зная, что это запечатает его судьбу.

— Прощай, — говори Рассел, шагая в направлении выхода из библиотеки. Я иду обратно к софе и падаю на подушки.

— Рассел, помнишь, когда мы возвращались от главного здания, и я умоляла тебя вернуться, чтобы помочь Риду бороться с Себастьяном? — от моих слов Рассел останавливается. — Помнишь, что ты сказал мне? Ты сказал мне заткнуться, и что ты не собираешься возвращать меня туда. Ты сказал, что единственный способ спасти меня, это не возвращаться, и что ты защитишь меня, даже если это против моей воли. Ну, только так я могу защитить тебя, если ничего не расскажу тебе то, о чем ты сейчас меня просишь, и я

буду держать рот на замке, даже если тебе это не нравится.

— Да, Рыжик, я помню. Я все-таки пойду. Увидимся позже, — не поворачиваясь, говорит он, выходя из библиотеки.

Я бы последовала за ним, но Рид удерживает меня за запястья таким образом, что я не могу подняться с софы.

— Позволь ему уйти, Эви. Он должен выяснить это самостоятельно, и ты не будешь ему помогать, рассказав больше, — пытается вразумить меня Рид, пока я пытаюсь вырваться.

Развернувшись, я падаю на подушку.

— Как я могу защитить его, если полностью оттолкнула его от себя? Он думает, что я монстр... — печально говорю я.

— Ты не монстр, — успокаивающе говорит Рид, беря меня за руку.

— Ты не судья для монстра, Рид, ты страшнее меня, — осторожно говорю я, посмотрев на Зефира, когда слышу, как он смеется над моим комментарием.

— Я не хотел смеяться дружище, но это трудно, потому что ты самый странный монстр из нас всех.

Они оба смеются. А мне не смешно, я очень серьезна.

— Эви, как раз тогда, когда я уже подумал, что под солнцем нет ничего нового, ты пришла, чтобы спасти меня от скуки, — говорит мне Зефир.

— Я рада, что вы находите меня забавной, но рискую показаться грубой, как долго вы планируете оказаться здесь? — спрашиваю я, с притворной милостью.

— Так долго, как ты будешь нуждаться во мне, — нежно отвечает Зефир. Потом он адресовал свой комментарий Риду. — Что ты больше делать дальше. У меня есть несколько вариантов, если, конечно, вам интересно. Мы должны обучить ее самозащите, тогда она будет сильнее. Ты планируешь нанять для этого помощь? Я могу помочь тебе.

— Я думал о том, где мало народу, Гренландия или Исландия, но Эви не говорит на датском или исландском. Один из вариантов Фолкендские Острова; там говорят на английском, по крайней мере, большая их часть, — стремительно отвечает Рид.

Они говорят о стратегии и уходе.

— Я никуда не пойду, — говорю я, вставая с дивана и шагая по комнате.

Рид знает, что я не могу уехать, так почему они обсуждают это?

— У меня есть вариант лучше. Частный остров, — говорит Зефир, игнорируя меня, он оставляет план ухода из Крествуда.

Мою спину снова пронзает резкая боль, я знаю, что должна сохранять спокойствие.

Подойдя к барной стойке, я наливаю себе янтарную жидкость из красивого графина.

Я не знаю, как называют это они, но я называю это жидким теплом, когда я делаю глоток, он горит даже жарче, чем тот коньяк, который пила я

В этот момент Рид на моей стороне, принимая бокал из моих рук. Он наливает воды и вручает стакан мне. Я медленно пила, пытаясь восстановить дыхание.

— Я никуда не поеду, Рид. Ты же знаешь, что я не могу его оставить.

— Что ты сказала Эви? Конечно, ты можешь уехать отсюда, — прервавшись, говорит Зефир. — Есть души, которые бродят вокруг этого города. Они как маяк — привлекают всех, и есть вещи, с которыми ты еще не готова столкнуться.

— Я не могу оставить Рассела. Он нуждается во мне, так что я остаюсь, — твердо говорю я.

— Ты говоришь о мальчишке, который только что назвал тебя монстром? Он твоя

родственная душа, не так ли? — напряженно спрашивает Зефир, его пронзительные голубые глаза ничего не выражали.

Внутри меня снова задвигались крылья. Черт.

— Меня не волнует, если он будет считать меня самым отталкивающим существом на Земле. Я должна помочь ему, так что я никуда не еду. И Уилл уже предупредил меня о душах. Он сказал, что душа в здании изобразительного искусства видела, как я говорю с ним, и сказал, что все остальные души тоже знают об этом.

Они все смотрели на меня.

— Уилл сказал, что если я притворюсь, что просто не вижу их, они, в конце концов, просто уйдут, — как можно небрежнее говорю я, садясь обратно на софу.

— Я просто спрячусь, пока они не уйдут.

— Кто такой Уилл? — озадачено спрашивает Зефир.

— Уилл душа, — нахмурившись, отвечает Рид. — Когда ты снова говорила с Уиллом? — спрашивает меня Рид.

Я рассказываю ему о краже композиции, войне на пляже и сегодняшнем предупреждении Уилла на вечеринке Дэлт.

Лицо Рида мрачнеет, а руки скрещиваются на груди.

Брови Зефира поднимаются, и он вопросительно смотрит на Рида.

— Ей только исполнилось восемнадцать, — говорит Рид, обращаясь к Зефиру. — Я не понимаю, как это безответственно, когда тебе восемнадцать, но опять же, я не помню, что было восемнадцать. И у нее есть какие-то сомнительные друзья.

— Чья это была идея, копать окопы на пляже возле воды? — напряженно спрашивает Зефир, но, не дожидаясь от меня ответа, говорит, — Это хорошо, что ты была на песчаной местности — это хорошо, потому что ее нельзя поджечь, но это проходимая местность, что означает что твой враг не сможет сжечь тебя, но сможет подойти к тебе. Ты позволила своим силам быть в изоляции, не используя плавсредство, и ты не умеешь летать, так что это вариант не для тебя. Тогда ты находилась на опасной территории, и ты должна как можно скорее покинуть его. Когда твой враг прибыл с неожиданным союзником, твое положение стало роковым, а значит ты должна была быть готова к борьбе с силой и волей к жизни, потому что воевать учатся не для того чтобы умереть. Кто был твоим генералом? — спрашивает Зефир.

— Зефир, они — человеческие дети. У них были пистолеты с краской. Это была игра, — серьезно говорит Рид.

— Я видел, — немного недовольно говорит Зефир. — Но все же, Эви, для своих врагов ты должна быть непостижима, так, чтобы ты смогла отбросить своих врагов на позицию, с которых они не смогут уйти, — наставляет меня Зефир, продолжая мою тактическую подготовку.

Он кажется, искренне обеспокоен тем, что у меня нет знаний о войне.

Это необъяснимо заставляет меня смягчиться по отношению к нему. И я улыбнулась ему, а он улыбнулся в ответ.

Я перестаю улыбаться, когда Рид говорит: — Эви, мы действительно должны покинуть Крествуд. Это место будет кишеть любопытными ангелами.

— Нет, — отвечаю я, нахмурившись и скрещивая на груди руки. — Я остаюсь здесь, в твоём доме, если хочешь, я подожду их здесь, но я не уеду из Крествуда.

Зефир садится обратно в свое кресло и спрашивает:

— Я чего-то не понимаю, или это твоя стратегия, чтобы быть неортодоксальной? — Рид рассказывает ему о моем предчувствии в Seven-Eleven и об ожерелье падающего света.

Когда Рид заканчивает рассказывать обо всем, что произошло, Зефир хрюкает.

— Но это очень, очень опасно для тебя. Ты понимаешь это, не так ли?

— Я могу справиться с этим, но не буду бежать от этого. Если я сейчас убегу, то Рассел проиграет. Я не могу этого допустить. Так что нужно придумать план, при котором мы можем остаться здесь, пока Рассел не будет в безопасности, а я не нарушу закон.

— Я обещаю, — говорю я, прочитав выражение лица Рида. Я поворачиваюсь к Зефиру и продолжаю, — Зефир, это кажется ваша сильная сторона, как мы можем победить? — спрашиваю я, пытаюсь заставить их понять мою точку зрения.

— Эви, — с нежностью произносит Рид, медленно скользя по мне взглядом, и я знаю, что он смотрит не на мое лицо; это его «это-для-твоего-же блага-лицо»

— Нет, Рид, — настойчиво говорю я, задыхаясь от того, что мои крылья по собственной воле выстрелили из спины.

По крайней мере, моя кофта осталась на месте, я стараюсь дышать ровно, пока из моих легких не вышибло весь воздух.

Когда мои крылья снова восстановились, я хмурюсь: «Отлично! Ты видишь? Прямо сейчас я даже уйти не смогу. Не с этими штуками, вышедшими из моей спины, когда я расстраиваюсь, и я буду очень, очень расстроена, если ты сейчас заставишь меня уйти».

Ты можешь рассчитывать на это.

— Зефир, у нас нет шансов, не так ли? — тихо спрашивает у него Рид, проходя на диван, чтобы сесть рядом со мной.

— Это действительно ты? — спрашивает Зефир, глядя на меня так, словно увидел аквариум с яркими тропическими рыбками.

— Ну, тогда у нее не было крыльев, так что нет, не совсем, — невесело отвечает Рид.

— Ты права Эви, мы не можем сейчас путешествовать, — говорит мне Рид, беря меня за руку. — Мы должны остаться пока ты не привыкнешь к своим крыльям.

С этого момента ты остаешься здесь, в моем доме.

— Спасибо! — говорю я, восторженно обнимая его. — Ты не пожалеешь об этом, я буду очень, очень тихой. Буду соблюдать все правила.

— О, будет много правил. Думай об этом доме, как о соединении. Отныне, ты не должна выходить отсюда одна, — нехотя отвечает он.

— Зефир, ты останешься?

— Ты еще спрашиваешь? — отвечает Зефир. — Для защиты есть два объекта. Потребуется умение координировать, и дает мне прекрасную возможность научить Эви тактической стратегии

— Спасибо, Зефир. Если ты сможешь мне спасти Рассела, я прошу тебя за то, что напугав меня, ты заставил появиться моим крыльям, — ухмыляясь, говорю я.

— Уверен, что буду сожалеть об этом, но если ты простишь меня, то я должен помочь, — в ответ усмехается он.

Пока Рид обсуждает стратегию с Зефиром, мой самый длинный день настигает меня.

Положив свою голову на плечо Рида, мои глаза закрываются и засыпаю, потому что следующее что я помню, как меня опускают на кровать, на которой с я спала в последний раз когда была здесь.

— Рид... сколько время? — спрашиваю я, пытаюсь подняться с кровати.

— Тсс, уже поздно. Поспи, Эви, ты просто устала? — мягко говорит он.

— Куда ты идешь? Ты должна остаться. Сегодня у нас с тобой практически не было времени, ну, мало времени помимо того, когда мы спорили о чем-нибудь.

— Ты не говорил мне о Чикаго, — говорю я, пытаюсь держать глаза открытыми, и смогла это сделать только ненадолго.

— Я могу рассказать тебе об этом завтра, — говорит он, улыбаясь моей упрямой решимости бодрствовать.

— Я засну быстрее, если ты останешься со мной, — говорю я, надеясь, что он может лечь рядом со мной.

Когда он поддается и падает рядом со мной на кровать, я прижимаюсь к нему.

— Если бы я могла остановить мгновение, это определенно было бы оно. Похоже, мне никогда не будет достаточно времени с тобой, — мечтательно шепчу я, чувствуя, как он обнимает меня.

— Пойдем со мной, и у тебя будет целая вечность со мной, — говорит он, но его голос был напряжен от волнения.

— Если я уйду сейчас, то Рассел всегда будет сожалеть о том, что он сказал мне, и это будет стоять между нами как болезнь, — говорю я, кончиками пальцев поглаживая его по щеке.

— Я никогда не хотела, чтобы между нами что-то было. Я хочу, чтобы были только ты и я.

— Позволь мне кое-что объяснить тебе, Эви, — говорит Рид, придвинувшись ближе ко мне.

— Все эти годы, что я здесь, я словно спалю. Я всегда претворяюсь, что я не претворяюсь человеком. Когда я не притворяюсь человеком, я охочусь на зло, на злых ангелов, которые хотят нечто большее чем... — его голос затихает, и пустота в его голосе отражает одиночество его существования. — Но сейчас, я проснулся, впервые, за все мое существование, и я не только проснулся, но также я чувствую пламя, когда нахожусь рядом с тобой. Ты изменила мои взгляды на вещи. Нет никаких причин, чтобы претворяться рядом с тобой. Если бы мне пришлось жить без тебя сейчас... сейчас, когда я знаю, чего был лишен... Необходимость в его голосе заставляет меня хотеть пообещать ему все, тать ему все что угодно, лишь бы заполнить его пустоту.

— Я не могу снова уснуть, Эви.

Ты единственная, кто заставляет меня хотеть жизни. Если ты уйдешь, или взойдешь в Рай, или даже если будешь сброшена в пропасть, или превратишься в падшую... мне придется последовать за тобой, куда бы ты не пошла.

Даже если мне придется последовать за тобой в темноту... если тебя не будет, то так оно и будет.

Ты мой грех и мое искупление.

— Рид, не говори так — я никогда не хотела этого для тебя, никогда, — говорю я, крепче обнимая его.

— Тогда это твоя работа — выжить. Обещай мне, что ты сделаешь все, что в твоих силах, чтобы выжить, — говорит он.

— Шшш, Рид, — сразу говорю я, пытаюсь успокоить его.

— Я это и имею в виду, Эви. Я говорил с Зефиром, и он рассказал мне, что ты сделала — что ты сказала, ты торговала своей жизнью ради меня. Я не могу этого допустить, —

шепчет Рид.

— Рид, я раньше никогда не любила и никогда не была любима в ответ... никогда. Нет предела тому, что я хотела бы сделать для тебя, — шепчу ему я, пытаюсь заставить его понять, как много он для меня значит.

— Ты заставляешь меня желать большего — больше времени, больше любви, больше тебя — и я обещаю тебе, я прослежу за тем, чтобы ты никогда, никогда не скучала. Эви, если у меня есть ты, я знаю, что мне больше никогда не будет скучно, — улыбается он, и обнимает меня, пока я не засыпаю в его объятьях.

Глава 19

Выставка изобразительного искусства

Утром я проснулась, когда в гостевую спальню Рида проникли яркие лучи солнца. Когда я открыла глаза, Рид сидел рядом со мной.

— Это тебе, — улыбаясь, говорит он, подавая мне коробку из черного дерева.

Беру ее и сажусь, опираясь на подушки.

— Что это? — улыбаясь, спрашиваю я.

— Твой подарок на день рождения. Открой его, — в ожидании улыбается он.

Поднимаю крышку коробки и вижу изысканное ожерелье, лежащее на подушке из черного шелка. Я абсолютно ничего не знаю о драгоценностях, но платиновый камень в центре — это самый красивый камень, который я когда-либо видела.

Он кроваво-красный в форме щита.

— Что это? — с благоговением спрашиваю я, касаясь дрожащими пальцами драгоценного камня.

— Это бриллиант. Я нашел его давным-давно, — пожимая плечами, объясняет он.

— Бриллиант? — расширенными глазами спрашиваю я.

— Фактически, это красный алмаз, — говорит он, доставая его из шкатулки.

Я убираю волосы и позволяю ему надеть его на меня.

— Я огранил камень, но хотел, чтобы его вставили правильно, так что я отвез его моему другу в Чикаго.

Когда он заканчивает застегивать его на мне, я поднимаю камень, чтобы посмотреть, и говорю:

— И ты нашел этот алмаз? — недоверчиво спрашиваю я. — Просто валяющимся?

— Да, это напоминает мне тебя... он тоже полон скрытого огня, — говорит Рид мягким, наполненным любовью голосом. — Тебе нравится?

— Он совершенен, — вздыхаю я, обнимая за шею и крепко прижимаясь к нему. — Когда ты нашел его?

— Несколько веков назад — в Африке, — отвечает он.

— Конечно, — чтобы скрыть шок, говорю я. — Тебе придется рассказать мне об этом.

Я провела в доме Рида несколько следующих недель, прибираясь и обосновываясь. Я не ходила на занятия, но Рид позаботился об этом для меня. Он забирал все мои задания, а потом отдавал мне, так что я не отстала.

Я могу сказать, что он считает это пустой тратой времени, поскольку его план заключался в том, что когда Рассел окажется в безопасности, мы покинем Крествуд, но он любезно не напоминает об этом.

Надеюсь, что могу остаться здесь достаточно долго, чтобы вернуться к нормальной жизни. Ну, может быть, не совсем нормальную, потому что для меня нормальная — это понятие растяжимое, но вернуться к тому, как было раньше, так что это достаточно безопасно для того, чтобы остаться.

Я не хочу уезжать из Крествуда. Я буду скучать по Брауни, Булочке, Фредди и... Расселу. Булочка и Брауни думают, что я спуталась с Ридом в нашем собственном любовном гнездышке. Я позволила им так думать, потому что не нашла лучшего повода, чтобы оставаться здесь все время. Если бы они только знали, какая это пытка, спать в одном доме с

Ридом. Одно его присутствие заставляет мою кровь кипеть, но сейчас я просто сломлена. К счастью, моя якобы любовь всей жизни не мешает им каждый день приходить и проводить меня. Так как хоккейный сезон закончился, я могу не сочинять, почему не прихожу на тренировку. Но они беспокоятся, что я опять слишком одержима Ридом.

— Конфетка, ты должна вернуться в общежитие. Мы скучаем по тебе, — однажды ночью говорит Булочка, пока мы сидели в домашнем кинотеатре Рида и смотрели фильм.

Зефир тоже здесь. Когда приходят Булочка и Брауни, он не может оставаться в стороне.

— Булочка, я знаю, что должна вернуться в свою комнату, но здесь намного лучше. Вам рады здесь в любое время, можете приходить сюда и тусоваться когда хотите. Плюс, таким образом, Зи тоже может тусоваться с нами, — отвечаю я, глядя на Зефира, который сидит между Булочкой и Брауни, выглядя очень довольным.

Думаю, девочки предпочитают приходить сюда ради Зефира, но я не говорю этого вслух. Итак эти вещи становятся рутинной. Девочки приходят ко мне каждый день после занятий, а я ищу способы добраться до Рассела.

Хотя и скучаю по Фредди. Я каждый день говорю с ним по телефону, но он не приходит в дом Рида, чтобы увидеть меня, что меня раздражает.

Рид пригласил моего дядю Джима в свой дом в Крествуде на день благодарения. Это якобы потому, что Рид не хочет проводить праздник в одиночестве, так как его родители предположительно находятся в Европе по работе. Так как дядя Джим и я обычно просто делаем индейку и бутерброды, поэтому дядя Джим соглашается приехать на праздники в Крествуд. Когда они снова встречаются, кажется, дяде Джиму очень понравился Рид, но что если это не так?

Мы представляем Зефира как кузена Рида, который приехал в город последнюю минуту. Это не такая уж ложь. Они многим похожи друг на друга, поскольку оба: и Рид, и Зефир выглядят молодо, так как они застыли в своих двадцати годах. Однако когда говоришь с ними, абсурдно, что никто не замечает, что они не могут быть такими молодыми, как выглядят. Никто из них свободно не владеет сленгом.

После лучшего ужина, который заколдовал Андрэ на день благодарения, Рид повел моего дядю в свою игровую комнату. Дядю Джима очень заинтересовала высокотехнологичная жидкость для ноутбука. Интересно наблюдать, как мой дядя и Рид вместе обсуждают стратегии и рассуждают о новейших технологиях.

Я наслаждалась проведенными с ними днями, но в глубине души я скучала по Расселу, который уехал домой, чтобы повидаться со своей семьей. Со дня моего рождения Рассел не говорит со мной, с тех самых пор как назвал меня монстром. Когда после каникул снова начинаются занятия, я стараюсь сделать все что могу, чтобы убедить Рассела прийти в дом Рида, чтобы я могла поговорить с ним, но игнорирует все мои попытки.

Я звоню ему, а он не берет трубку. Отправляю ему смс, емейл и даже пишу ему письма. Рид абсолютно не преклонен, когда прошу его отпустить меня и попытаться поговорить с Расселом. Зефир оказался лучшим средством из того, о чем я просила, потому что он согласился присматривать за Расселом, пока я находилась здесь.

Он не жаловался на то, по крайней мере, до сегодняшнего дня. Он заходит в библиотеку и идет прямо к бару, чтобы налить себе выпить. Зайдя за ним в комнату, я пытаюсь заговорить, но он поднимает руку, потирая виски, словно у него болит голова.

— Расскажи мне про кислую блондинку, — повернувшись, говорит он мне, после того, как делает пару глотков.

— Прости, кислую блондинку? — в замешательстве спрашиваю его я, зайдя в библиотеку вслед за ним.

— Да, о той, которая никогда не перестает говорить, но никогда не говорит ничего существенного. Единственная, которая заставляет меня желать кого-нибудь убить, — объясняет он и делает еще один глоток из своего бокала.

— Кэндис! — сделав глубокий вздох, говорю я, беру бокал из его рук и делаю большой глоток. — Что он делает? Он вернулся вместе с ней? — страдальческим голосом спрашиваю я, чувствуя, как жидкость обжигает мое горло.

Нахмурившись, он забирает стакан из моих рук и заменяет его другим стаканом с водой.

— Почему я пытаюсь спасти его, если он решил медленно убивать себя с ней? Она словно яд, ты знаешь, что это медленный яд, который не убивает сразу, он убивает постепенно, каждый день понемногу, — говорю я.

— Я понимаю тебя, сначала я думала, она просто для поддержки.

— Но факт в том, что он не избавляется от нее, приводит меня к мысли, что ее постоянная болтовня отвлекает его от раздумий о чем-то или ком-то, — многозначительно отвечает он, держа свой стакан так, чтобы я снова не украдала его у него. — Пей свою воду, — строго говорит он.

— Думаю, он любит девушек, которые много говорят. Он как-то сказал мне, что его сестры тоже много говорят. Может быть, Кэндис — его типаж, — говорю я, пытаюсь говорить спокойно.

— Как это возможно, она совершенно не похожа на тебя, а ты его родственная душа? — спрашивает он, почесывая бровь.

— Он не отвечает на мои звонки и, думаю, удаляет мои сообщения, даже не читая их. Он думает, я монстр... хотя, может быть, я... — уныло говорю я. — Я должна что-нибудь сделать.

— Почему? Он в опасности из-за... извини, как ее зовут? — спрашивает меня Зефир.

— Кэндис, — отвечаю я, морща нос, словно от противного запаха. — Если он снова с ней, значит ему больно... а если ему больно, это моя вина.

— Какая-то боль все равно неизбежна, — отвечает Зефир.

— Зи, вечером ты должен взять меня с собой. Я должна увидеть его. Я должна убедиться, что он в порядке. Я не могу просто оставаться здесь. Если я не поговорю с ним, он никогда не простит меня, — умоляю я Зефира, надеясь, что он поймет меня.

— Тебе нужно его прощение? Для чего? — спрашивает он меня, серьезным тоном.

Я ничего не говорю, но он все понимает.

— Ты хочешь прощение за то, кто ты есть, что ты не совсем человек? — я киваю, опуская глаза, потому что его взгляд заставляет меня чувствовать себя неловко.

— Он не простит тебя за это, а может быть, ты должна перестать бороться за отпущение грехов, за то, что не подвластно твоему контролю.

— Пожалуйста. Ты позволишь мне увидеться с ним? — прошу я. — Рид не будет этого делать. Он слишком защищает меня. Я знаю, что он просто осторожничает, но ты сказал, что души еще бродят, но они исчезают. В эти дни ты больше не видел других ангелов, особенно после того, как позаботился о тех падших, которые ошивались вокруг кампуса. Кажется, они получили сообщения: придешь сюда — умрешь.

— Да, — со слабой улыбкой говорит он, — этого было вполне достаточно для твоей защиты. Ты как приманка для сверхъестественного, ты нас всех притягиваешь к себе. Может

быть. мы должны отпустить тебя. Я все еще чувствую, как убиваю кого-то.

Хотя Зефир сказал это с усмешкой, я подпрыгнула от его комментария.

— Это должно случиться сегодня. Сегодня Рид должен принять участие в сборе средств, — говорю я.

— Он будет недоволен, что ты ушла без него, — говорит он, наблюдая за моей реакцией на его слова. — И ты обещала, что будешь следовать инструкциям из письма, — напоминает он мне, бросая мои же слова мне в лицо.

— Я говорила, что останусь здесь, пока здесь безопасно. И я пойду с тобой в качестве компаньонки, что может быть безопаснее? — спрашиваю его я, играя с его самолюбием.

Он прищуривает глаза. Я расширяю свои, пытаюсь выглядеть невинно.

— Если ты получишь согласие Рида, тогда я возьму тебя с собой, но Рид должен дать согласие. Я не собираюсь поддаваться на твои манипуляции. Дай мне знать, что он скажет. Не беспокойся, я сам спрошу его, пока он не уедет, — отвечает Зефир, смотря на меня поверх своего стакана и делая еще один глоток.

— Отлично, Зи! — расстроено говорю я, и добавляю. — Сколько тебе лет? Ты не позволишь мне уйти одной.

— Это не возраст, это опыт, и меня не обвести вокруг пальца, — улыбаясь, отвечает он. — Но ты действительно милая. Мы должны развить твою способность играть на слабостях противника.

— Какие у тебя способности? — резко спрашиваю его я.

— У меня их нет, — с непроницаемым лицом говорит он, что заставляет меня рассмеяться.

— Угу, я их найду... поверь мне, — усмехаюсь я.

Я сижу на пассажирском сидении Рендж Ровера. Погода понемногу меняется на зимнюю. Я хочу попросить Рида повернуть машину обратно, так что я могу взорвать нагреватель прямо на мои замерзшие пальцы, но я уже чувствую вину за то, что он уже делает, так что стараюсь вести себя как можно неприхотливее.

— Ты замерзла? — мягко спрашивает Рид.

— Нет, — качаю я головой, — я в порядке.

— Ты дрожишь, — отмечает он.

— Я в порядке, — настаиваю я.

— Эви, — с раздражением произносит Рид.

— Ок, я замерзла, — говорю я, включи печку.

Он сразу заводит машину. Включив обогреватель на полную, Рид направляет его на меня.

— Почему ты не сказала мне? — нахмурившись, спрашивает он.

— Я не хотела беспокоить тебя, — вздыхаю я, наклонившись ближе к обогревателю.

Брови Рида взлетели.

— И замерзнуть для тебя предпочтительнее, чем побеспокоить меня?

— Я знаю, что ты не хотел делать это. Я просто пытаюсь причинить меньше боли, — говорю я, посмотрев на него. — Я могла бы пройти с Зи.

— Это не значит, что я против того, чтобы ты была здесь, просто думаю, что ты должна быть дома... в безопасности, — его идеальные губы сжимаются в тонкую линию.

— Рассел не захочет говорить там со мной, — шепчу я, смотря перед собой на общежитие Рассела.

— Я мог бы привести его к тебе, — с высокомерной улыбкой говорит Рид.

— Это не поможет, — хмуро говорю я, представляя, как Рид заставляет Рассела прийти и увидеть меня.

— Зачем тебе говорить с ним именно сейчас? — спрашивает Рид. — Зефир охраняет его. Он в безопасности, которую только мы можем предоставить. Мы просто должны позволить Зи прийти на сегодняшний вечер, как и планировали.

— Я не знаю, почему я хочу поговорить с ним именно сейчас, просто делаю это, — говорю я.

— Ты любишь его, — грустно говорит Рид, и боль в его глазах заставляет меня чувствовать себя ужасно.

— Я люблю тебя так сильно, как никого никогда не любила, — говорю я, взяв его за руку. — Когда ты не хотел говорить со мной, я будто не могла дышать, как будто тонула без тебя. Я знаю, что должна быть с тобой. Но так же я знаю, что часть меня любит Рассела — потому что он мой лучший друг. Я должна убедиться, что он переживет все, что происходит, или эта часть меня будет вечно страдать. Я не могу позволить себе совершать ошибки. В этой ситуации у нас нет вторых шансов. У меня нет такой роскоши как время, чтобы ты или Рассел видели мои мотивы. Я чувствую, что время почти истекло. Ты понимаешь, что я говорю? — печально спрашиваю его я. — Пожалуйста, не воспринимай мое отчаяние, как мою нелюбовь к тебе.

Он мягко поднимает мою руку и нежно целует ее.

— Ты знаешь, очень легко забыть, что тебе всего восемнадцать лет. Я уверен, что ты была на Земле много раз, во многих своих жизнях. Знаю, ты не помнишь Рая, но уверен, что ты оттуда, — тихо говорит он.

Его уверенность в том, что я не зло, успокаивает боль внутри меня.

— Почему души возвращаются? Я имею в виду: жизнь довольно сложна. Почему мы делаем это больше одного раза? — спрашиваю я.

— Есть много разных причин, почему души возрождаются к новой жизни, но в твоём случае, я бы сказал, потому что ты туз рода, — улыбается он мне.

— Туз? — спрашиваю я, не совсем понимая, что он имеет в виду. — Туз, в колоде карт.

— Ты когда-нибудь играла в игру карточные войны? — спрашивает меня Рид, и я киваю. Это, наверное, единственная игра, которую я знаю. — Туз — это самая высокая карта, а двойка — самая низкая. Цель игры — собрать все карты, с которыми они сталкиваются друг против друга. Когда ты играешь, туз всегда собирает больше карт. Я подозреваю, что ты выигрываешь больше душ, чтобы забрать их с собой в Рай. Бог, что-то вроде туза. Он играет ими так часто, как может.

— Ты действительно думаешь, что моя душа — это туз? — спрашиваю его я, пытаюсь понять то, что он говорит. — Но ты не знаешь этого точно... я имею в виду, я могла быть тузом по другую сторону команды? Ты не можешь сказать, есть ли в моей душе зло, или что-то подобное тебе? — спрашиваю его я, пытаюсь прояснить его теорию.

— Ты не зло, — говорит он нахмурившись.

— Я знаю, ты думаешь, что я не зло, но ты не можешь быть полностью в этом уверен, — вздыхаю я.

— Я уверен, — сразу отвечает он, не желая дальше развивать теорию, о том, что я в другой команде.

Я спокойно сижу рядом с Ридом, пока он гладит мою руку.

— Ты думаешь, что время почти истекло... у тебя предчувствие? — говорит Рид обманчиво спокойным тоном, но это спокойствие не касается его глаз.

— Ага, — киваю я, в то время как мое сердце сильно стучит.

— Если время почти вышло... мы уезжаем сегодня вечером, — говорит Рид со смесью законченности и облегчения.

— Рид... Я не могу, — начала я.

— Эви, ты не представляешь что ты значишь для меня... наш язык подходит гораздо лучше, чтобы описать любовь которую я испытываю к тебе, но это не переводится, — говорит он. — Если с тобой что-нибудь случится, — его челюсть напрягается. — Ты должна избежать этого, прежде чем хаус погребет тебя под собой. Я больше не хочу рисковать твоей жизнью. Я не могу отпустить тебя... не могу.

— Я никогда тебе не оставлю, — шепчу я, крепко обнимая его. — Обещаю, что не оставлю.

— Зи может защитить Рассела, — говорит Рид, крепче обнимая меня.

— Просто позволь мне поговорить с Расселом, — умоляю я, пытаюсь не дать ему переубедить себя.

— У тебя есть сегодняшний вечер, — вздыхает Рид. — Если ты не найдешь его, пошлешь ему открытку. Я договорюсь, чтобы мы уехали утром.

Он отстраняет меня от себя и смотрит мне в глаза.

Отстранившись от Рида, я пытаюсь придумать способ смягчить Рида, чтобы он позволил мне остаться. Потом я вижу, как Рассел выходит из общежития с рюкзаком книг, а мое сердце начинает биться сильнее. Это выглядит так, будто он идет в библиотеку, чтобы готовится к занятиям. На следующий неделе начинаются каникулы, так что не удивительно, что он углубился в учебу.

— Он будет там. Пожелай мне удачи, — нервно говорю я, повернувшись к Риду.

— Удачи, — с хмурой улыбкой бормочет Рид.

— Спасибо, — отвечаю я, открываю дверцу машины и выхожу из нее. Закрываю дверь и осторожно прячу ожерелье подаренное Ридом, под моей блузкой.

Затем я догоняю Рассела на парковке возле магазина.

— Рассел. Пожалуйста, остановись... Мне нужно поговорить с тобой.

— Уходи, Женевьева, — говорит Рассел, увидев меня за спиной.

По его хмурому выражению, я вижу, что он хочет именно этого.

— Рассел, пожалуйста — я знаю, ты думаешь, что я монстр, но ты должен поговорить со мной, — умоляю его я.

— Почему? — развернувшись, гневно спрашивает Рассел. — Почему я должен говорить с тобой? Почему ты просто не можешь оставить меня в покое?

Он убирает волосы с глаз.

— Потому что я беспокоюсь за тебя. Потому что я не успокоюсь, пока тебя все не наладится, ты не в порядке, так что я пытаюсь быть твоим другом, — отвечаю я.

— Ты не можешь быть моим другом, — говорит он, не задумавшись.

— Почему? — печально спрашиваю его я.

— Потому что ты не нормальная, ты — фрик! — выпаливает он.

— Да, я догадалась, я фрик, но так же я все тот же человек, которого ты встретил в первый день в колледже, — говорю я, пытаюсь игнорировать боль, сжимающую мое сердце. — Особой разницы нет, кроме того, что с тех пор я немного изменилась, но, по сути,

я все та же.

— Что ты пытаешься сделать со мной? Что ты от меня хочешь? — спрашивает меня Рассел, и боль в его голосе почти разрывает меня.

— Я просто хочу помочь тебе. Пожалуйста, Рассел, — отвечаю я.

— Ты хочешь помочь мне? Тогда убирайся из моей головы — вон их моих снов, не звони и перестань писать мне. Уходи, и никогда не возвращайся. Я никогда больше не хочу видеть твое лицо. Ты наполовину монстр... это факт! — сквозь сжатые зубы говорит Рассел.

Подумав, что он может ударить меня, я вытягиваю перед собой руки.

— Шшш. Рассел, все в порядке... Обещаю, я скоро уйду. Обещаю тебе. В ближайшее время тебе не придется снова видеть меня. Я только хочу знать, что ты в безопасности, а затем я уйду. Мне так жаль, Рассел, прости, — шепчу я, и из моих глаз бегут горячие слезы.

Рассел поворачивается, глядя на меня в отчаянии.

Схватив меня одной рукой за подбородок, он заставляет меня посмотреть ему в глаза.

— Я правильно понимаю, ты просто будешь держаться от меня подальше? Просто держаться подальше.

— Рассел, мне так жаль... — шепчу я, потому что он все крепче сжимает мое лицо, заставляя меня морщиться. Он отпускает меня, и отступает. Он разворачивается и поднимает рюкзак, и идет в направлении библиотеки. Не оглядываясь назад. Прислонившись к препарированной машине, я пытаюсь перестать плакать. Часть меня, любящая Рассела, корчится от боли.

Интересно, смогу ли я существовать без души?

Собираюсь это узнать, потому что чувствую, как часть меня умирает.

Я медленно иду обратно к машине. Когда я появляюсь, Рид мгновенно оказывается на моей стороне. Он рычит, когда видит мой ушибленный подбородок.

— Я сломаю ему челюсть, — с холодной яростью говорит он, — я действительно причиню ему боль.

— Нет! — схватив его за руку, плачу я. — Рассел действовал не специально. Ничего страшного, — указывая на свой подбородок, говорю я. — Просто, в дальнейшем, я должна держать все в секрете, поскольку ясно, что он больше ни хочет иметь ничего общего с таким фриком, как я. Мы просто должны быть незаметными, так, чтобы он не знал, что мы присматриваем за ним, — шепчу я, потому что у меня возникли проблемы с голосом.

— Нам больше не нужно оставаться здесь. Я убью его, и тогда мы уйдем, — просто говорит Рид.

Мое сердце в панике заколотилось.

— Ты не пойдешь убивать Рассела. Через минут десять я буду в порядке, — категорично говорю я.

Рид угрожающе нахмурился.

— Он причинил тебе боль, — жестко говорит Рид.

— Помнишь, я поджарила тебе на озере? — тихо спрашиваю его я.

— Это было необычно, — хмурясь, мрачно говорит он.

— Ты была напугана и даже не ранила меня.

— Рассел был тоже напуган. Я видела его реакцию, сейчас происходит тоже самое, и я справлюсь, — говорю я, открывая дверь и забираясь на пассажирское сидение. — Как ты сказал ранее, у меня есть дар распознавать сильные эмоции у других. Сейчас я это вижу.

Взглядом прошу его сесть в машину и завести двигатель.

— Остерегайся силы мутанта.

Рид хмурится.

— Ты не мутант. Я видел мутантов, и они совершенно на тебя не похожи, — говорит он.

— Ты выдел мутантов? И как же они выглядят? — спрашиваю его я, наблюдая за тем, как его хмурый взгляд немного смягчился.

— Я хочу кое-что показать тебе, — говорит Рид, заводя двигатель и отъезжая от обочины.

Вернувшись в машину, я сразу же включаю печку на полную мощность и направляю на себя обогрев.

— Я помогал Зи охранять твою родственную душу всю прошлую неделю, — продолжает он. — И я видел, как он приходит сюда, всю неделю с момента его открытия. Я покажу тебе свое место, — говорит он, направляясь к «Sage Cente».

Выйдя из автомобиля, Рид ведет меня в здание, где в самом разгаре выставка изобразительного искусства. В холле первого этажа расположен бар, а элегантно одетые мужчины и женщины ходят по залу, обсуждая искусство и художника. Он ведет меня по главной лестнице на второй этаж, где стены украшает художественная выставка Сэма МакКинона. Сегодня выставка привлекла хорошо одетых меценатов, и в своих джинсах я чувствую себя немного неуместно. Я рада, что на мне один из сексуальных шелковых топов, который Рид дал мне; он подходит к моим джинсам.

По мере приближения к галерее, я расстегиваю пальто и снимаю перчатки.

Рид ведет меня к нескольким красивым портретам, висевшим в стороне от остальных, словно за остальными занимая свое почетное место. У этих картин было специальное освещение, рядом стояли скамьи.

Глядя на изящные мазки, я в восторге, что позировала для этого портрета. Это выглядело так, словно было нарисовано века назад; в стиле Рэмбрандта или Вермеера.

Рид показывает мне на скамейку прямо перед ними.

— Здесь сидит Рассел, когда приходит сюда, — говорит он, указывая на скамью. Он тихо садится на скамейку, а я критически изучаю портрет.

Сэм решил изобразить меня в чувственной позе, которую должно быть увидел, когда я в тот день смотрела на Рида. Я замечаю нескольких людей, которые открыто любовались им.

На мгновение Рид исчезает, а через мгновение появляется с брошюрой. На ее обложке был мой портрет.

— Каждый раз, когда Рассел приходит сюда, он берет одну из них. Словно не может помочь сам себе, — говорит он, садясь рядом со мной на скамейку.

— Спасибо, — просто говорю я, а на глаза наворачиваются слезы.

Мы долго вместе сидели там, ни один из нас ничего не говорил, пока не уходят люди.

Потом я чувствую, как Рид напрягается. Этого не видно, напряглись только его мышцы, но это посылает в мою голову сигнал тревоги. Взглянув на него, я пытаюсь понять, что же вывело его из себя.

— Эви, — спокойно говорит Рид, — когда я скажу тебе, ты должна бежать так быстро, как только можешь добраться до моего дома и найти Зи. Ты не должна колебаться и пытаться помочь мне. Поняла? — спрашивает он, настолько тихим тоном, что только я могу слышать его.

— Кто это? — спрашиваю я, с глухо бьющимся сердцем.

— Падшие, по крайней мере, трое, — кратко отвечает он. — Не волнуйся, я помогу тебе

убежать, просто будь готова, — говорит он.

— Я не оставлю тебя... — начинаю я, но Рид останавливает меня.

— Ты последуешь моему приказу, — твердо говорит он. Взгляд Рида быстро пробегает по комнате, оценивая наши шансы. Его челюсть напрягается.

— Снаружи Падших может быть больше чем здесь. Я должен вытащить тебя отсюда. Иди к Зефиру; он удержит тебя в безопасности, пока я не приду, — быстро говорит он.

Вдруг я чувствую, что мы окружены, и у нас нет возможности двигаться дальше.

— Но, что насчет тебя... — начинаю говорить я.

— Я не такой хрупкий, как ты, — быстро объясняет Рид. — Сейчас, ты должна послушать меня, Эви, — рычит он, смотря мне в лицо и видя мои сомнения.

Сердцебиение отдается у меня в ушах, когда вижу прекрасного ангела, входящего с черного входа.

Он поразителен, с черными, доходящими почти до талии волосами и глазами цвета топаза. Он мог быть Атстетским воином, если бы не тот факт, что он одет в стиле художественной выставки. Его взгляд был на мне, словно он знал, что я буду здесь.

В одно мгновение волоски на моей шее встают дыбом. За спиной двигаются крылья. Они хотят выйти наружу, и я не думаю, что смогу удержать их.

Я смотрю через плечо и вижу позади нас еще двух ангелов. Один очень-очень высокий, с белокурыми волосами; телосложением он походил на викинга. Другой — более нормальный, с русыми волосами, но, несмотря на это, очень красивый. Как они нас нашли?

Поднявшись со скамейки с немыслимой скоростью, Рид опрокидывает мольберт, на котором стоит другая картина. Быстрым движением, он отрывает от него пару деревянных ножек, держа их как дротик. Отведя руку за спину, он бросает один из них с такой скоростью, что я не могу отследить его. Увидев падшего с каштановыми волосами и деревяшку позади него, я понимаю, в кого улетел дротик.

Дервяшка, воткнутая в стену позади нас, удерживает его там. Думаю, что Рид убил его, но его олова движется, и он снова злобно смотрит на нас. Встав на ноги, он безжалостно пытается вытащить из себя деревяшку, которая удерживала его.

Рид бросает остальные ножки прямо в его голову, и он перестает бороться. В моем горле зародился душераздирающий крик.

Снова взглянув на Атстетского ангела перед собой, вижу, что у него уже появились крылья; они покрыты густыми черными перьями, а по краям отделаны белым, как у коршуна. Рид, не колеблясь, сбрасывает свою рубашку, и со свистящим звуком выпускает свои крылья.

Он поднимает скамейку, стоящую передо мной и использует ее как щит. Что-то загадочное ударило по скамье, прожигая дерево. Когда канонада огня прекращается, Рид бросает скамью в Атстетского ангела; он отшвыривает ее на лестничную площадку, выбивая оружие из его рук.

Все это происходит за долю секунды.

Люди даже не поняли, что среди них есть ангелы. Они не слышали выстрелы из глушителя. Все они, кажется, застыли на месте, словно статуи, в то время как вокруг них сражались ангелы.

Но потом я понимаю, что они на самом деле не заморожены; ангелы настолько быстрее их, что это выглядит так, словно у нас с людьми разная плоскость существования.

Рид наклоняется и из-под ремня на ноге достает нож и маленький металлический диск. Одним плавным движением, он выбрасывает нож вперед, выпуская лезвие. Спирали со

свистящим звуком, летят в ангела позади нас. Лезвие попадает прямо в глаз ангела викинга.

Я отворачиваюсь от него, меня душит тошнота.

Я не вижу, останавливает ли его ножевое ранение, потому что Рид в мгновение ока подхватывает меня на руки как ребенка. Диск открывается, извергая в комнату мутный, белый дым.

Дым скрывает в облаке мертвых ангелов.

После этого, Рид в мгновение ока активирует пожарную сигнализацию, в миллисекунду мы оказываемся на перилах балкона с видом на лобби.

— Когда окажешься на земле, беги, — шепчет мне на ухо Рид. — Не останавливайся, ока не найдешь Зи.

У меня нет времени, чтобы сказать «Прости», как я уже парю в воздухе по направлению к фойе.

Рид подбросил меня на балкон на пару этажей выше. Приземлившись на ноги, присев на корточки, я слегка касаюсь ладонями пола. Думаю, я в порядке, когда оправившись от шока, я прыгаю с балкона. Поднимаюсь с колен и бегу в сторону выхода.

Везде царит хаос.

Люди спешат к выходу, чтобы избежать дыма и шума, исходящего от пожарной сигнализации. Почти у выхода, своим периферийным зрением, я вижу, как кто-то приближается ко мне. До того, как я успеваю отреагировать, это бежит прямо на меня, принуждая выпрыгнуть прямо с ним через окно, прямо во двор Sage Center.

Стекло вдребезги разлетается, в то время как мы приземляемся в кучу листьев на лужайке прямо перед аудиторией. Осколки стекла режут мою кожу. Пытаясь очистить голову, я оглядываюсь и вижу, точеный профиль ангела, лежащего передо мной на земле.

Повернувшись лицом ко мне, он издает звериный рык; но прежде чем он успевает причинить мне боль, Рид прыгает на него, ударяя ангела прямо в челюсть, сминая одну сторону его лица. Пока я застывшая сижу, наблюдая, на меня брызжет кровь.

— Беги, Эви! — рычит Рид, то время как другой ангел, пытается обойти Рида, чтобы добраться до меня. Рид поворачивается и хватается за шею.

Они сражаются на земле, а затем Рид отрывает ему голову. Сквозь разбитое окно Sage Center раздается рычание еще нескольких ангелов.

Наши взгляды с Ридом встречаться.

— Беги! — кричит он мне.

Я вскакиваю на ноги, уклоняясь от ангела. На раздумья у меня нет времени, я бегу к стоянке. Петляя между небольшими группами людей паркующих машины, я бегу в сторону белого мерседеса.

— Эви, привет, как дела? — улыбаясь спрашивает меня Фредди из салона своего автомобиля.

— Фредди! — говорю я, открывая дверь его машины и запрыгивая на пассажирское сидение. — Едем! — кричу ему я, закрывая окно и запирая дверь.

Со скоростью улитки автомобиль движется вперед, в то время как Фредди восхищенно улыбается мне.

— Эви, так здорово видеть тебя. Я скучал по тебе! Ты ужасно выглядишь! — смеется он.

— Фредди, ты должен поторопиться. Я должна добраться до дома Рида! Эти плохие парни уже здесь, и они пытаются причинить мне боль. Езжай быстрее! — в панике убеждаю его я. — Я должна найти Зи, — кричу ему я.

Через зеркало заднего вида его машины я ищу ангела, который мог бы пойти за мной.

«Он должен быть там», — думаю я. — «Наверняка, он может передвигаться быстрее, чем этот автомобиль».

Я морщусь, когда поворачиваюсь на своем месте, меня пронзает адская боль. Я пачкаю авто кресла Фредди кровью, думаю, кровь сочиться из раны на моей голове.

— Наверное, они сломали тебе ребра три, когда вытолкнули из окна? — говорит Фредди, сочувственно цокая языком. — Чтобы получить мою машину в личное пользование, нужны необходимые действия, так что я не буду жаловаться на то, как это было сделано.

— Фредди, я... — говорю я, а мой разум застилают облака пуганицы. — Ты знаешь, мне действительно нравится то, что ты делаешь для меня... Фредди. Это так невинно и чисто. Фредди, я никогда не обижала тебя, не так ли? Фредди будет твоим лучшим другом.

— Альфреда всегда называют хорошим всезнайкой, — морща нос, говорит он. — Если ты не возражаешь, я собираюсь сохранить свое имя, Фредди, потому что оно действительно подходит для моей новой жизни. На этот раз я планирую сделать все правильно. Больше никаких убийств и увечий — это будет новая глава в моей жизни, — весело говорит Фредди, нежно мне улыбаясь.

— Я... не... о чем ты говоришь? — спрашиваю его я, чувствуя, как по моему позвоночнику пробегает холодок.

— Ох, верно, ты не понимаешь, о чем я говорю? — говорит Фредди так, будто напоминает о чем то.

— Ну, ты Фредди... мой друг, — слабым голосом шепчу я, зажимая ноющие ребра.

Фредди грустно улыбнулся, прежде чем убрать волосы с моего лица

— Я так много раз хотел тебе рассказать, ты даже не представляешь. Знаю, ты единственный человек, который поймет меня и примет любого. Я действительно сожалею, что все обернулось таким образом. Но на самом деле это твоя вина. Я уже справляюсь со всем. Ты была моей и Рассел тоже, и я бы мог сделать так, чтобы остались со мной навсегда. Ну, может быть не Рассела, но тебя безусловно. Но ты все испортила, не так ли?

Я бледнею, а с моей щеки капает кровь.

— Фредди, — шепчу я, — ты ангел?

— Конечно. Я удивлен, что ты так и не догадалась.

— Может быть, это потому, что я не такой, как те, которые тебя окружают в последние время, — мягко отвечает он. — Я должен держаться подальше Войнов, иначе они отошлют меня. Обычно они стараются не замечать Жнецов. Вот почему я был послан, чтобы сделать эту работу. Вот почему до сих пор у меня было все хорошо. Они меня почти не замечали; я вне их радаров. Ангелы Войны не интернируются мной, потому что у меня есть законные основания быть здесь.

Я дрожащими пальцами касаюсь пареза на голове.

— Жнец? — в замешательстве спрашиваю я

Фредди снова сочувственно мне улыбается

— Эви, я Жнец... ангел смерти. Я освобождаю души проклятых, — просто говорит он, а я пытаюсь закрыть рот, открытый от удивления. — Я думал, что скажу тебе раньше, особенно когда мы были в Coldwater и видели одержимых. Ты знаешь, поехал ли он за нами? Он хотел вырвать тебе сердце, но я не позволил. Мне пришлось исповедать одержимую душу, просто чтобы остановить его от твоего убийства. Что плохо восприняли там, откуда я родом, — говорит он, и его челюсть со злостью напрягается.

— Ты спас меня от тени человека? — шепотом спрашиваю я, так как меня сжимает спазм.

Фредди внезапно усмехается.

— Да, тень человека... это хорошо и весело, — хихикает Фредди. — Я заметил, что ты заметила его. Я был впечатлен, как храбро ты пыталась защитить меня от того, кого видела. Мне пришлось позаботиться о нем, потому что ты — моя любовь, — убедительно говорит он, по моим рукам побежали мурашки. — Но, я потерял тебя, не так ли? Войны заберут тебя у меня, и нет даже малой возможности, что я смогу остановить это. Мне просто придется отвечать за свои ошибки и исчезнуть, если я позволю тебе ускользнуть от меня. Они не прощают ошибок, — содрогаясь, говорит Фредди.

— Фредди, — я с трудом дышу, — я помогу тебе...

— Как? — спрашивает он.

— Я... не... Рид может... — начала я.

Фредди бросает на меня сердитый взгляд.

— Когда твой Воин поймет, что я рядом с тобой, искромсает меня в то же мгновение, — зловещим тоном говорит он.

— Но, — запинаясь я.

— Я думал, что той ночью на берегу озера, он собирается искромсать тебя. Но он не... вместо этого, он влюбился в тебя, — мрачно говорит Фредди. — Так что в тебе есть что-то волшебное Эви... Ты его околдовала... — он замолкает, задумавшись. — Я должен был заставить вас расстаться... думал, что розы на постели были умным ходом. Я знал, что в них ты узнала ожерелье Рассела... и что у Рида будет истерика, потому что он лучше всего знает, что бывает между родственными душами. Божественные прислужники всегда так жалки... всегда ищут в вещах знаки, ожидая, что их снова призовут в Рай, — усмехается он.

— Так это сделал ты — розы в доме Рида? — спрашиваю я с дрожащими руками. Он не знал о моем кошмаре; он просто сделал это, чтобы разлучить нас.

— Я был в отчаянии. Вы все время были вместе. Если Преисподняя узнает, что я потерял над тобой контроль... — Фредди легко хмурится и продолжает. — Но не бойся, я придумал план, как избежать кары Преисподней. Конечно, это разозлит их, но все же. Ты мой бесплатный проезд из всего этого, не так ли? — улыбается он, и даже если я не поняла, что он имел в виду, я чувствую от этого тошноту.

— Сегодня вечером мне пришлось прибегнуть к помощи других Падших, просто чтобы избавить тебя от твоего парня. Мне нужны сильные бойцы — Войны и Архангелы. Но у всего есть цена. Мне пришлось пообещать им, что когда я получу то, что мне нужно, я отдам тебя им. Они думают, что Серафимом в аду известен мой план.

— Ты имеешь в виду Падших Серафимов? — пишу я.

Голубые глаза Фредди казались скучающими — бездушными.

— Как ты думаешь, кто послал меня наблюдать за тобой? Они все в тебе заинтересованы, — лукаво говорит он.

По моей коже пробегают мурашки.

— Почему Падшие заинтересованы во мне? — прямо спрашиваю его я.

— Ты спрашиваешь? — недоверчиво спрашивает он. — Чего же тебя не интересует?

Мои губы сжимаются в тонкую линию.

— Но, я просто... я не... — заикаюсь я.

Фредди становятся задумчивым.

— Ты действительно не знаешь? Мне всегда было интересно, если ты чего-то не знала, потому что в это трудно поверить, что ты такая наивная... невинная. Интересно... есть так много вещей, которых от тебя хотят. Я удивлен, что твой бойфренд не посвятил тебя в те многие факты, кем ты можешь быть, — уклончиво говорит Фредди.

— И кем я могу быть? — шепчу я.

— Ты можешь быть мощным оружием... если ты сможешь контролировать, — сузив глаза, задумчиво говорит Фредди.

— Что? — затаив дыхание спрашиваю я.

Фредди иронически улыбается.

— Конечно, до сих пор никто не знает, куда ты пошла... Я не сказал им, что ты придешь в Crestwood, после того, как не вернулся в Преисподнею. Мне пришлось остаться в стороне, чтобы ты не узнала на мне его запах. Он может быть очень... могущественным. Только ангелы, которые подчиняются мне, знают, что сейчас ты здесь со мной, но все они ужасные обманщики, которых практически невозможно контролировать. Я не доверяю не одному из них, по крайней мере, до сегодняшнего дня. Они собираются помочь мне получить то, что я хочу.

Что-то болезненно сжимает мое сердце.

— И что же это, Фредди? — спокойно спрашиваю его я, о мои руки тряслись.

— Чтобы решить все мои проблемы и начать все с чистого листа? — спрашивает он.

— Я не... — я затихаю, со мной что-то происходит.

— Да, — он мрачно улыбается, замечая как мое лицо все больше бледнеет. — Твоя душа подарит мне избавление. Если после того, как ты отдашь мне грех, я откажусь от него, меня допустят в Рай.

Его жестокое выражение лица, начинает меняться на мечтательную улыбку.

— Не могу дождаться, чтобы увидеть выражение лиц Херувимов, когда я буду прогуливаться по... — начинает говорить Фредди на своем ангельском языке, поэтому я не понимаю, какое слово он говорит.

В то, как он витает в своих мечтах.

Я прерываю его.

— Почему моя душа подарит тебе искупление? Откуда ты знаешь, что это не зло, и она подойдет для твоего Рая? — проницательно спрашиваю его я.

Выражение его лица становится горьким.

— В Аду Серафимы не делятся своей информацией со Жнецами; они только отдают приказы, я знаю только то, что послан, чтобы наблюдать за тобой, — говорит он, со злостью.

— Так ты не знаешь, откуда я пришла? — мягко спрашиваю его я.

— Нет, меня к тебе назначили совсем недавно, только перед началом занятий, — отвечает он.

— Зная тебя, я думаю мало вероятно то, что твоя душа никогда не была в Шиол, но меня не волнует, если это так и есть. Так или иначе, когда я приму ее от тебя, я очищу ее, — самодовольно говорит он.

— Мне придется вырвать твою душу из тела, чтобы оценить ее уровень греха и зла. До вырывания души, мы никогда не знаем что получим... а потом начинаются переговоры.

Я морщусь от его слов.

— Очищаешь ее? как? — спрашиваю его я.

Глаза Фредди сужаются.

— Я Жнец, я знаю все способы для достижения искупления — бескорыстные действия, прискорбная компенсация... После того, как я получу твою душу, я больше не буду проклят, и тогда я заберу тебя со мной в вечность, потому что я действительно люблю тебя, Эви, — говорит он тоном, чем-то похожим на сожаление.

— Я бы позаботился о тебе, но ты предпочла игнорировать меня. Я был всем, что тебе нужно, но ты все испортила.

Испытывая шок о того, что он мне говорит, я все больше хочу сбежать от него.

— Фредди! — говорю я, пытаюсь, ногтями вытащить ручку двери, но она заперта.

— Если ты попытаешься сбежать, я сломаю тебе руку, — с угрозой говорит Фредди.

Он кладет свою руку на мою и сжимает ее с такой силой, что думаю, может сломать. Я хныкаю от боли, и он отпускает меня.

— Ты практически на одном дыхании говоришь, что хочешь украсть мою душу, а потом еще и что любишь меня; ты немного шизофреник. Ты думаешь, я своими руками отдам тебе свою душу? — тонким голосом спрашиваю я. — Я даже при желании не знаю, как это сделать.

— Не волнуйся, я эксперт по душам — Жнец, помнишь? — с хмурой улыбкой спрашивает он.

— Так Жнецы это зло, или что? — спрашиваю я, оглядываясь вокруг, чувствуя себя как насекомое в пекле.

— Нет, не все Жнецы — Падшие, — хмуро говорит Фредди, — но немногие знают, что мы по обе стороны. Среди других ангелов, мы не очень высокого ранга.

Он показывает на свою грудь, и говорит: — Я давал обещание в раю тем, кто мог бы изменить это, но мы все были изгнаны. После падения для меня это было еще хуже, — от невыполненных обещаний озлобленно клопочет Фредди. — Но... теперь я главный. У меня здесь полный контроль. Другие ангелы будут исполнять мои приказы, — говорит он так, словно больше хочет убедить в этом себя, чем меня. — В прочем, им это не понравится — заговорщически говорит он. — Мы работаем на то, что вы называете кастовой системой. В этой системе я один из самых низших. В основном, Жнец — это как сборщик мусора. Я просто один из тех, кто приносит мусор. Они просто не понимают, как много требуется усилий, чтобы доказать что душа — зло, — воинственно заканчивает он.

— Фредди, я не отдам тебе свою душу, — тихо говорю я.

— Когда Рид достанет тебя, ничего не помешает отправить тебя обратно в ад, — предупреждаю я, пытаюсь убедить его отказаться от своего плана.

— Ты уверена в этом, Эви? — спрашивает Фредди. — Потому что Рассел будет очень разочарован, если ты это не сделаешь.

— Рассел? — затаив дыхание спрашиваю я, в то время как он повернул на стоянку Seven-Eleven. Мое сердце бешено колотится, и я чувствую головокружение, когда вижу фасад Seven-Eleven. Везде горит свет, но все размыто; они не закрыты, но от них исходят волны тепла, вроде тех, что летом исходят от асфальта — но сейчас зима. Я почти могу представить себе мираж, который может исчезнуть в любой момент.

Фредди на сверхъестественной скорости движется к моей двери, чтобы открыть ее для меня.

Он подает мне руку, но я не принимаю ее.

— Давай Эви, — раздраженно вздыхает Фредди. — Ты знаешь, я легко могу заставить тебя пойти туда без особых усилий. Но знаю, что мне это не нужно, потому что ты нужна

Расселу. Ты же не собираешься позволить ему умереть, твой родственной душе. Я позволю тебе спасти его. Это может быть твой последний самоотверженный поступок.

Я дрожу от его слов, сказанных без злого умысла.

Я не принимаю его руку, которую он предлагает мне, и выхожу из машины без помощи. Выпрямившись, смотрю на здание, пытаюсь услышать, что происходит внутри.

Он молчит. Из размытого окна не доносится ни звука, но доносится запах, которого я никогда прежде не вдыхала.

Это если бы все вокруг было усыпано отходами и осталось преть на солнце и даже с этой аналогией я не могу описать запах.

Мои крылья самостоятельно выскакивают из моей спины, я только успеваю повернуться, и меня сразу вырывает прямо в салон мерседеса Фредди.

Возможно, это было бы довольно удовлетворительно, если бы не было так больно; мои сломанные ребра ломит от движения.

— Ты Серафим! — с ревностью рычит на меня Фредди.

Я не отвечаю ему, так как пытаюсь вытереть рвоту со рта.

— Ты самый красивый Серафим, которого я когда-либо видел, — нехотя говорит он.

Он протягивает руку и нежно касается моих крыльев, а меня снова тошнит.

— Ты знаешь, что Серафимы, это высший ранг... — начинает он.

— Меня не волнует это, Фредди, — хрипло отвечаю я.

Мой комментарий удивляет его.

— Хочешь посмотреть на мои? — спрашивает он меня, но прежде чем я отвечаю ему, он снимет рубашку и выпускает свои крылья.

Не знаю, чего я ожидала от крыльев Фредди, но они настолько далеки от ожидаемых, что убеждена, я бы не догадалась. Они не похожи на крылья Рида, или мои, потому что у нас обоих они похожи на крылья птиц. Нет, его крылья точная копия крыльев стрекозы; четыре крыла по два с каждой стороны. Они голубовато-зеленые с радужным отливом и выглядят так, что я могу видеть сквозь них. Когда он двигает ими, они издают звук жужжащей пилы тот, который я бы ожидала от стрекозы. В ужасе и восхищении я тянусь кончиками пальцев, чтобы дотронуться до его крыльев; они нежные как плотная бумага.

— Я такая глупая, Фредди, как я могла разобраться в тебе? — печально спрашиваю его я, одергивая от него свою руку.

Я хочу оплакать смерть моего друга, потому что это уже не тот Фредди, которого я знаю.

— Фредди, я люблю тебя как брата. Не делай этого.

Он злобно прищуривается.

— Тогда просто посмотри на это, как на соперничество. У тебя есть то, что мне нужно, и если выбирать между тобой и мной, то я выбираю себя. Я не могу вернуться в Ад, и сказать им, что мне не удалось забрать душу, и позволить тебе уйти. Рид никогда не позволит мне быть рядом с тобой. Я специально избегал его, чтобы зайти так далеко. Он не дурак, он обнаружит меня рано или поздно. Хотя он немного слеп, когда дело касается тебя. Он не видит ничего, кроме тебя. Ты его Ахиллесова пята, и ты знаешь, что я имею в виду. Я должен пойти туда, и принести часть Рассела, чтобы убедить тебя, что он действительно там? Или ты будешь сотрудничать со мной, чтобы я смог начать новую жизнь?

Я беру его за плечо.

— Ты не хочешь делать этого, Фредди, — говорю я, пытаюсь образумить ее. — Вы с

Расселом друзья. Рассел любит тебя, ты знаешь это, — умоляю я.

— Я в этом не уверен. Просто я видел, как на стоянке вечером Рассел смотрел на свою вторую половинку. Сомневаюсь, что Рассел любит кого-то как тебя, он чуть не разбил тебе лицо, — говорит Фредди так, будто это его козни.

— Я не ожидал этого. Этим Рассел подарил мне новый запах. Он может быть включен, и я подозреваю, что мы можем переманить его на нашу сторону. Хочешь увидеть, как я переманю его на сторону зла? — спрашивает меня Фредди, и я снова чувствую тошноту

— Оставь его в покое! Он не сделал ничего, чтобы заслужить это! — отрезаю я.

— Вот оно, Эви, я знал, что могу рассчитывать на тебя. Ты сделаешь все, чтобы защитить его, не так ли? Я надеялся, что ты захочешь. Теперь мы пойдем? Я оставил Рассела с очень опасными ангелами. Они не лучшая компания, — говорит Фредди, берет меня за руку и без усилий тянет ко входу в Seven-Eleven

— Время спасти свою вторую половинку.

Он придержал для меня дверь, а я отвернулась от происходящей впереди сцены.

Положив руку на мою поясницу, Фредди пригласил меня на дневной сеанс фильмов ужасов. Ища Рассела среди запустения и разрушения царящих вокруг меня, я вижу его спину на полу.

Его охранял рыжеволосый ангел с белыми крыльями Архангела.

Рассел не двигался, но дышал. Возле левого виска у него был синяк, а из пареза над левым глазом на пол капала кровь. Он был без сознания. Легко шагая вперед, я вижу мусор усыпавший землю, но я знаю, что это не мусор, а куски плоти.

Их так много, будто кто-то нечаянно наступал на мины и был разорван на куски. Прежде чем я смогла продвинуться на несколько футов, мои ноги раз или два скользят. Я вижу везде части тел. Увидев торс в красной блузке, я понимаю, что продавец не пережил гнева ангелов. Рядом с расчлененным телом, я замечаю сидящего на полу потрясающе красивого ангела с оливковой кожей. Он держал руку мертвой девушки у своих губ, зубами небрежно отрывая плоть с ее пальцев. С обеих сторон по его подбородку стекала густая кровь. На мгновение, взглянув на меня, он замирает, потому что выражение его лица было точным отражением моего. Дрожа от страха, я отворачиваюсь от запаха, вида крови на его лице и зубах, хотя он мне и улыбается.

Невероятный страх заставляет мои внутренности разрываться на части, когда я узнаю монстра из моих кошмаров.

Фредди жестко кладет руку на грудь.

— Гаспер, еще не все! Она еще не готова это сделать для нас, — говорит Фредди, кивая в мою сторону.

— Будь терпелив, это не займет много времени, и потом я отдам ее тебе, как и обещал.

Гаспер говорит со мной на ангельском языке, но это звучит далеко не привлекательно, если это произносится с кровавыми плевками.

Не обращая на него внимания, когда он заканчивает фразу, потому что понимаю, что они считают это грубостью, так что я шиплю низким тоном: — Я не говорю на вашем языке.

Гаспер снова мне улыбается, демонстрируя плоть, застрявшую между его зубами.

— Это очень плохо. На ангельском языке это звучит намного лучше, чем на человеческом. Я просто сказал, что века здесь стоят каждую минуту того, что сейчас я оскверню тебя, моя прекрасная Серафим, — вздыхает он, вздрагивая от восторга и прижимает свою щеку к моей.

Кровь на его лице размазывается по моей щеке, посылая металлический запах мне в ноздри.

— Уверена, что не буду наслаждаться моментом как Госпар, — в ответ шепчу я, стиснув зубы, чтобы не ляпнуть глупость.

Нахождение рядом с Гаспером вскружило мне голову, потому что он странный, даже абсурдный. Его черные волосы прекрасно ухожены, открывая его идеальный лоб и формы его изогнутых бровей. Только ангел имеет такой прямой нос как у него. Его губы были чувственны и в меру полны, но кровь, покрывающая его верхнюю губу, заставляет мое сердце с отвращением колотиться и желать уйти.

Гаспар ангельски улыбается.

— Это может удивить тебя... ты так вкусно пахнешь. Из тебя просто льется страх. Этот запах такой... возбуждающий, — говорит он, глубоко вздохнув, он слизывает кровь с моей щеки.

Я отпрыгиваю и шарахаюсь от него, а из его горла вырывается звериный рык. Он мгновенно поворачивается от меня к ангелу, приближающему к нему сзади. Он предупреждающе огрызается, как будто защищаясь от другого хищника — чтобы тот не убил меня.

Мои ноги уже затекли, но я не уверена от облегчения или страха когда другой ангел говорит:

— Она не твоя, Гаспар. В этой миссии я старше тебя по званию. Ты должен оставить ее мне.

Ангел с белыми крыльями и рыжими волосами, который постоянно стоял рядом с кофемашиной. Он ангел, который охранял обмякшее тело Рассела. Поколебавшись лишь мгновение, Гаспар встал в оборонительную позицию.

Отступив от меня, он молча пожимает плечами. На лице рыжеволосого ангела появляется зловещая улыбка, и он подходит ко мне. Я настраиваю себя на то, что он может сделать со мной, но так и не узнаю об этом. Гаспар протягивает руку и хватается за горло. Ударив его по шеи, Гаспер отрывает голову от тела Архангела. Он продолжает расчленять ангела, а кровь брызжет на мое лицо и тело. Хруст и скрежет почти невыносим, я закрываю глаза, чтобы не видеть ужасной картины.

— Ну, не думаю, что Кейд видел, на что шел, — замечает Фредди — Архангелы думают, что они владеют всем; они немного снобы и забывают, что Ангелы войны никогда не играют, — повернувшись ко мне, говорит Фредди.

— Хреново ему будет.

Гаспар тяжело дышит, расчленяя своего противника, но не выглядит раскаявшимся. Он почти нежно мне улыбается. Его кривая улыбка исчезает, и он своей рукой пытается стереть кровь с моего лица.

Это не срабатывает, поскольку на его руках больше крови, чем на моем лице.

— Ах, Мон Шер, — соблазнительным тоном говорит он, — он никогда не получит тебя. Ты моя, и я не разделю тебя ни с кем.

— Спасибо Гаспер, ты слишком хорош для меня, — мягко отвечаю я, пытаюсь скопировать его соблазнительный тон. — Но ты знаешь, наверное, все это было напрасно, поскольку Фредди собирается забрать у меня душу. Сомневаюсь, что без нее я долго проживу. Ты только что убил своего друга из-за ничего.

В следующее мгновение Фредди бьет меня по лицу, швыряя в стеллаж с книгами.

Отрываясь от пола, где я приземлилась, я смотрю на двух ангелов, которые спорили о том, что я только что сделала.

Осторожно приложив трясущиеся пальцы к щеке, я чувствую боль как в моем кошмаре. Мое внимание привлекает движение в углу магазина. Повернувшись, я вижу, что там толпятся несколько людей. На их лицах был ужас и недоумение. Они бледны и цепляются друг за друга, так что я начинаю двигаться, чтобы заставить их бежать.

Не думаю, что ангелы будут преследовать их, теперь у них есть я. Но увидев ужас на лице девушки с пирсингом в брови, я поняла, что она та, чей торс я видела ранее. Не будет никакой разницы, если они сейчас убегут, потому что они уже мертвы.

Я должна отвернуться от их лиц.

Я не спасу их — не понимаю, чего хотел добиться Фредди, совершая эти преступления, теперь они все просто души, беспомощно захваченные здесь вместе со мной.

На миг я думаю, что сойду себя; страх, который я испытываю, теперь медленно сводит меня с ума.

Отползая на четвереньках от душ, я пытаюсь добраться до Рассела. Я не ушла далеко, рука Фредди за плечо поднимает меня наверх, удерживая меня над землей.

Его лицо исказила ярость, в то время как он насмеялся надомной, прежде чем легко отшвырнуть меня в стеклянную дверь холодильника в задней части магазина.

От удара, что-то в одном моем крыле зашевелилось, а по стеклу, как паутина пошла трещина. Соскользнув на пол, я лежу до тех пор, пока мои легкие не восстанавливаются. Кашляя, я отчаянно пытаюсь восстановить дыхание.

Подойдя ко мне, Фредди присаживается передо мной на корточки, приблизив свое лицо туда, где моя щека упереться в пол.

— Ты знаешь, — рычит он, — думаю, я передумал, Эви. Думаю, я просто пойду и убью Рассела, а потом, я выбью из тебя твою душу. Ты отдашь ее мне, если я причиню тебе достаточно боли. Как я понимаю, это действительно не имеет для меня никакого значения, — говорит он.

Я хочу попросить его не причинять нам вреда, но все что я могу, это простонать. Схватив меня за руку, он играючи тащит меня по полу обратно к кофе-машине, туда, где находится Рассел. Пока он тащит меня, мое тело оставляет на полу чистую дорожку, очищая его от мусора.

Подтащив меня к телу Рассела, Фредди отпускает мою руку, и она безвольно падает. Пока я рядом с Расселом, я не могу двигаться, поэтому смотрю на Гаспара рядом с собой; он очень взволнован. У него появились серые крылья; они длинные и мощные. Он расхаживает по полу со сверхъестественной скоростью, и каждый раз он делает паузу, чтобы провести рукой по своим черным волосам. Кажется, что его что-то тревожит. Может быть, он боится, что после игр Фредди от меня мало что останется. Может это и хорошо, думаю я.

Подойдя к прилавку с кассовым аппаратом, Фредди берет лежащую на нем красную скатерть. В ткани лежат несколько инструментов и несколько ножей. Выбрав тонкий острый нож с ручкой цвета слоновой кости, он отбрасывает остальные в сторону. Пройдя между нашими с Расселом телами, Фредди приседает и показывает мне лезвие ножа в своей руке. Приложив палец к губам, он хихикает, а потом его лицо искажает насмешка. Затем он поворачивается, и погружает нож в бедро Рассела.

Как только из горла Рассела раздастся хриплый крик, а из его глаз текут слезы, от моего лица отливает кровь, и в глазах появляются слезы.

— Нет, Фредди, остановись! Я сделаю все, что ты захочешь, отдам все что захочешь... только остановись, пожалуйста... остановись, — хрипло умоляю его я.

— О, я знаю, что ты это сделаешь.

— Просто это весело, — говорит он, — вытаскивая нож из бедра Рассела и вытирая лезвие о мой шелковый топ.

— Сукин сын... Господи, это чудовищно! Я убью тебя, Фредди! Обещаю, я убью тебя. Я раздавлю тебя как букашку, — кричит Рассел, потом корчится от боли.

Повернувшись к Расселу, могу только представить, каким шоком будет для него, снова увидеть меня. Я вся в крови, и мои красные крылья вылезли наружу.

Когда Рассел замечает меня, он замирает, и от его лица отливает кровь.

— О, черт, Рыжик, что ты здесь делаешь? — держась за бедро, орет он на меня. — Я сказал тебе уйти, — говорит он, закрывая глаза. — Я сказал тебе уйти и никогда не возвращаться.

— Я хотел спасти тебя! И не спас! — сжав руки в кулаки, он подносит их ко лбу.

— Что, Рассел? Нет... ты ошибаешься! Фредди здесь из-за меня. Ему нужно то, что у меня несть, — говорю я, смотря ему в лицо. — Как только я отдам ему это, он отпустит тебя, не так ли, Фредди?

— Верно, Эви. Только отдай мне это, и Рассел сможет уйти, — с ангельской улыбкой говорит Фредди.

Рассел убирает кулаки с глаз.

— Что ему нужно, Рыжик? — между вздохами спрашивает Рассел, пытаясь контролировать боль в ноге.

Сейчас он смотрит на меня так, словно видит в первый раз, имеет смысл, потому что до этого момента, он никогда не видел мои крылья. Я знаю достаточно, чтобы понять, что это последний шанс, чтобы побыть с Расселом.

Этот мой образ останется с ним до конца его жизни.

— Ничего из того, что не могу не дать ему, верно Фредди? — мягко говорю я, убедившись, что Фредди знает, что я собираюсь следовать его плану, так что он больше не сможет причинить боль Расселу.

— Я просто хочу убедиться, что Фредди сдержит свою часть сделки, когда я отдам ему то, что он хочет.

— Рыжик, чего он хочет? — в отчаянии спрашивает Рассел. Я не отвечаю ему. Найдя его руку, я сжимаю ее.

— Эви, ты должна сказать ему, так как это и его касается, — он говорит Фредди.

— Видишь, Рассел, Эви — это самое необычное из того, что мы когда-либо видели. — Она полукровка — ангел, который обладает человеческой душой. Она согласилась отдать мне свою душу, если я соглашусь не убивать ее родственную душу, тебя. Она может быть уверена, что я буду не в состоянии убить тебя после того, как она отдаст мне свою душу, потому что я буду очень стараться снова не грешить, чтобы я мог снова вернуться в Рай. Но, самое интересное, когда я заберу у нее ее душу. Тогда мы с тобой будем родственными душами, ты и я? Надеюсь, что это так! Потому что я не хочу ждать, чтобы встретиться с тобой в следующей жизни. Разве это не весело?

— Рыжик, если ты отдашь свою душу дьяволу, я никогда не прощу тебя! Никогда! Лучше я умру сейчас, чем останусь навсегда с ним, — выпаливает Рассел.

— Ты заставляешь меня остаться с ним и... тьфу... я никогда не сделаю этого, —

умоляет он меня.

— Шшш, Рассел, все будет хорошо. Я уверена, ты никогда не будешь привязан к Фредди, потому что он садист и мерзавец. Рано или поздно он все испортит, и тогда будет отправлен обратно в Ад. Ты будешь в порядке, — успокаивающим тоном говорю я.

— Что с ней произойдет, ли она отдаст тебе свою душу? — в отчаянии спрашивает Рассел Фредди.

Фредди морщит брови.

— Я не знаю, но думаю, некоторое время она будет висеть в воздухе, ожидая, пока ее тело медленно умирает, и скорее всего тогда, она в одиночестве отправится в темноту. Подозреваю что Гаспар, ускорит темноту, так как он очень жестокий, — говорит Фредди,

Он получает то, что хочет, и это заставляет его испытывать эйфорию. От этого заявления Гаспар испытывает облегчение, перестает ходить и ухмыляется.

— Рыжик... ты не можешь этого сделать. Это не правильно, и я знаю это! — умоляет меня он.

— Что я буду делать здесь без тебя? Я не могу сделать это, просто не могу!

— Я не могу смотреть на то, как он убивает тебя, Рассел. Ты должен жить, — говорю я, сжимая его руку, когда вижу боль и страх в его карих глазах.

— Не могу смотреть, как я умру, — треснувшим голосом говорит Рассел.

Фредди брезгливо рычит рядом с нами.

— Ок, от этого я хочу блевать. Сейчас я готов к своей душе. Просто не сопротивляйся мне, а я позабочусь об остальном, — сжимая рукоятку, говорит Фредди, оседлав мои бедра так, чтобы я не могла под ним двигаться.

Фредди начинает говорить на ангельском языке; его голос такой музыкальный и это успокаивает меня, убаюкивая меня, пока я смотрю на него.

Закрыв глаза, он сконцентрировался, рисуя ножом в воздухе символы.

Мое тело пронизывает тянущее ощущение, тогда он указывает ножом на меня, в нескольких дюймах от моей плоти.

Когда его нож снова опускается, мои глаза расширяются, и из меня вырывается мучительный вдох.

Сжимая свою грудь, я пытаюсь держать себя в руках, хотя меня душат слезы.

Но это бесполезно; внутри я разрываюсь на части.

— Альфред, ты глупый, злой паразит! Отойди от Эви, иначе я оторву твою поганую голову!

Звонкий голос Брауни раздается от двери магазина. Гаспар слышит рычание Брауни, он перестает ходить и готовится к атаке.

— Конфетка, ты не можешь отдать Альфреду свою душу; он разрушит Рай, — кричит Булочка, стоящая рядом с Брауни.

Ее глаза ни на миг не оставляют Гаспара, в ее руках тоже, что и у Брауни; это палка, которая напоминает биту для хоккея на траве, но изготовленную из блестящего золотого металла, со смертоносным лезвием, изогнутым на конце.

Не уверена, то ли от боли в груди или шока вижу Брауни и Булочку с крыльями бабочек.

Булочка выглядела как волшебница; у нее тонкие, золотистые крылья бабочки, переливающиеся в дневном свете. Крылья Брауни более бронзовые, со смелым коричневым акцентом. Их крылья двигались без особых усилий, а в глазах отражался Гаспер. На мгновение отвлекшись, от своей задачи, Фредди теряет концентрацию, позволяя мне

дышать. Глубоко вдыхая воздух, я поворачиваю голову, чтобы лучше видеть происходящее. Девочки расходятся в разные стороны от Гаспара, а он ищет их слабые места, чтобы защищаться.

Я замечаю их незаметные сигналы друг другу, прежде чем они синхронно нападают на Гаспара. Видя, что девушки отвлекли Фредди, Рассел не тратил времени. Он быстро садится; отводит руку назад и со всей силы бьет Фредди по лицу. Когда Рассел бьет его, Фредди даже не двигается, доказывая нам обоим как много в нем ангельского

Мгновение, Фредди хмуро смотрит на Рассела, потом берет свой костяной нож и вонзает его в грудь Рассела; нож издает отвратительный хлюпающий звук, пока он проворачивает его несколько раз, прежде чем выдернуть его.

Кровь мгновенно хлещет из груди Рассела, заливая его рубашку красным.

— Ой, — усмехается Фредди, развлекаясь и наблюдая за Расселом

Рассел немедленно кладет руку на свою грудь, глядя на зияющую дыру, что проделал нож Фредди, потом откидывается спиной на один локоть.

Он не может надолго удержать себя.

Упав на пол, он лежит, уставившись в потолок, задыхаясь от боли и шока. Во мне пробуждается ужас и ярость, и я мгновенно просыпаюсь, выхватывая нож из рук Фредди.

Поворачивая лезвие в сторону, я пронзаю им Фредди, сбивая его с меня одним плавным движением.

— Ой, — кричит он, в этот раз из-за того, что я ранила его в бок и рана сильно кровоточила.

— Ты ранила меня, Эви! — недоверчиво огрызается он, сердито смотря на рану, а потом снова на меня. Но я не отвечаю.

Встав на колени, я размахиваю ножом, пытаюсь порезать его, пытаюсь сделать так, чтобы он отступил. Он мгновенно отпрыгивает от меня, оставаясь вне моей досягаемости.

Если я хочу снова ударить его, мне придется попробовать встать, но не уверена, что я справлюсь с этим.

Шум позади нас растет.

Булочка и Брауни сражаются, отрывая маленькие кусочки от Гаспара, а потом мы отошли, прежде чем он сможет вернуть должок.

Я не могу долго бороться, сосредоточив все свое внимание на Фредди.

— Не важно, что ты делаешь Эви, ты не сможешь выиграть. Рано или поздно один из нас убьет тебя. Также ты сейчас можешь отдать мне свою душу, и я могу очистить ее. В противном случае, ты умрешь и отправишься в ад, потому что сейчас она чистейшее зло, — улыбается он мне.

— Дай мне нож, и я избавлю тебя от нее. Я избавлю тебя от гиены огненной, — успокаивающе говорит он, протягивая руку за ножом.

Моя решимость становится слабее, а глаза наполняются слезами. Я качаю головой, очищая свои мысли.

— Моя душа — зло... и я попаду в ад? — спрашиваю я его, глядя ему в глаза.

Фредди улыбается мне, и кивает. Медленно, я беру нож и начинаю протягивать ему. В последнюю секунду я поворачиваю лезвие на его ладони и делаю глубокую рану.

Дрожу, когда вижу, как с его руки капает кровь, и он прижимает руку к груди.

— Ты лжец, Альфред. Я не собираюсь доверять тебе.

— Это было ошибкой, Эви. Я собираюсь причинить тебе столько боли, что бы будешь

умолять меня забрать твою душу, — обещает он, и в его тоне просачивается горечь.

— Нет, Фредди, — дрожащим голосом прошу я.

— Ты можешь просто уйти... пожалуйста... оставь нас в покое... Крепко сжимая нож в руке, я в отчаянии бью его, но он уже не слушает меня.

Он наблюдает за борьбой между Гаспаром и девочками. Хмурый взгляд на его лице говорит обо всем, что я хочу знать: Гаспар проигрывает.

— Ты проиграла, Эви, — ухмыляется Фредди, взглянув на Рассела.

— Твоя родственная душа, умирает. Хреново быть человеком.

— Я вернусь, когда наступит твоя очередь, — быстро рычит он.

Затем он обходит девушек и Гаспара и выходит из магазина. Услышав хрипы Рассела, я поворачиваюсь и вижу на полу его неподвижное тело.

Подползаю к нему на четвереньках, мертвой хваткой сжимая нож. Я кладу руку на щеку Рассела, его лицо было бледным.

Потом он взглянул на меня; его карие глаза расширились настолько, что коричневый цвет закрыл практически весь зрачок.

— Рассел! — со страданием говорю я, выронив нож и ища его руку.

Найдя, я крепко сжимаю ее. Он кашляет, и из его рта бежит кровь. Альфред прав, Рассел умирает.

— Пожалуйста, не умирай, Рассел, — умоляю я, — пожалуйста...

По моим щекам текут горячие слезы, и я в панике оглядываюсь назад, ища то, что могло бы помочь ему.

Я кладу руку на его рану пытаюсь остановить кровь, которая вытекает из его тела.

— Господи, пожалуйста, помоги мне! — мысленно прошу я.

Все лампы дневного света в здании начинают мерцать, а моя рука на ране Рассела начинает нагреваться и светиться.

Крича в агонии, я пытаюсь отдернуть руку от Рассела, потому что жар превращается в огонь. Мы оба горели в агонии Инферно энергии, пульсирующей во мне. Крича от боли, я не могу оторвать от него руку.

Мы спаяны вместе, как обжигающий металл. Так же боль распространилась и на голову. Пульсирующая боль в моем бедре, наконец, достигает крещендо и ломает меня.

Положив другую руку на бедро, я пытаюсь облегчить боль. Из меня рвется рыдание, разрывая грудь, и я оседаю на пол.

Животом я ощущаю что-то теплое и влажное и вяло смотрю вниз; растущее пятно красного цвета распространяется по моей блузке, из моей грудной клетки просачивается кровь.

Тепло в моей руке уменьшается, но из-за колющей боли в сердце, я вряд ли понимаю это.

Вкус крови чернота затмевает мое видение. Через меня текут волны энергии, смешиваясь с воздухом, как запах цветка дрейфующего в бризе.

«Теперь я могу отдохнуть... я так устала», — думаю я, начиная уплывать в неизвестность.

«Ты обещала мне», — шепчет голос в моей голове, лаская меня.

В моих глазах сияет свет, и я со всех сил пытаюсь видеть, кто говорит со мной таким изящным голосом. Образ разрушения и неясный цвет извилин кровотока вместе с искаженным калейдоскопом боли.

Темнота такая холодная... успокаивающая; он плывет и колыхается вокруг меня, заворачивая в одеяло пустоты и боли что мучает меня.

— Борись... — шепчет мне голос, но это звучит уже не так красиво — это звучит напряженно и наполнено настойчивостью, которую я не понимаю.

Я должна найти его — сказать, чтобы не грустил.

Я борюсь, и тьма отступает; ее заменяет жгучая рваная боль, заставляя меня желать вернуться во тьму.

Я не могу найти его, — дезориентировано думаю я.

Пытаясь напрячь слух, чтобы найти его голос, моя голова раскалывается пока я ищу его.

Голос Рида звучит сломлено и бесчувственно, говоря со мной на Ангельском, заставляя меня найти его.

Другой голос, прорывается в поток музыкальных слов, за которые я цепляюсь, как за облака, которые они создают в моей голове.

Думаю, я узнаю этот глубокий командный голос, просто не могу сейчас думать...

— Рид, — говорит командный голос, — ты должен позволить нам помочь. Мы должны остановить кровотечение...

Другой, более мягкий голос добавляет:

— Конфетка, отдай Эви, Зи. Он собирается перевязать ее раны так, чтобы ты смог перенести ее. Мы отдадим ее обратно тебе, — жалобно говорит он.

Мое сердце болезненно стучит.

— Положи ее сюда и можешь держать ее за руку.

Из Рида вырывается низкий ворчливый рык.

— Не прикасайтесь к ней...

— Сладенький, пожалуйста... — звучит мягкий голос.

Проходит мгновение, а затем, каждая клеточка моего тела начинает возражать против того, что меня переложили.

— Пока я закрываю рану на груди, ты можешь держать ее за руку, — говорит командный голос.

Думаю, я кричу из-за абсолютной боли, обрушившуюся на меня как лавина снега, укрывая в своей глубине, и я подчиняюсь ей.

Глава 20

Откровение

Голова болит... нет, не так... у меня болит все тело. Даже мои ресницы ноют, думаю я, с трудом открывая глаза. Свет в комнате тусклый, но по ощущением ослепляющий, от него у меня слезятся глаза.

Белые шторы, висят в моей комнате в доме Рида, закрыты, так что у меня с этим не должно быть проблем.

В замешательстве я осматриваюсь вокруг, потому что это не та комната, в которой я остановилась последние несколько недель. Это оборудована под больницу. Есть тележки с аппаратурой которую я даже не знаю. Заметив возле моей кровати капельницу, я проследую взглядом вниз по пластиковой трубочке к моему запястью, где она неудобно торчит из моей руки. Я хочу вытащить ее, но отвлекаюсь от дискомфорта на злой шепот, доносившийся за моей дверью.

— Ты должен позволить людям уйти — ее лихорадка прошла, ты не можешь убедить их оставаться здесь дольше, — напряженно шепчет Зефир.

— Я скажу медсестрам чтобы уходили, но оставлю врача, — голос Рида едва ли громче шепота.

— Он не нужен... — снова начал убеждать Зефир, но Рид обрывает его.

— Когда все это закончится, я внушу доктору что он был на медицинской конференции.... - тихим тоном убеждает Рид.

Я не знаю о чем они говорят, но это звучит не особо хорошо, и Рид не лжет. Он был раздражителен и нелогичен, что являлось необычным. Что я нашла ненормальным, так это то, что он звучал так отчаянно.

— Для них оставаться здесь, это ненужный риск, — жестко шепчет Зефир, продолжая убеждать его.

— Зи, оставь Рида одного, — слабо говорю я, чувствуя тревогу по поводу их аргументов. — Он не прав.

Но мой голос звучит как-то не правильно; звучит слабо и скрипуче. Я больна? Не понимаю, что происходит.

В холле воцарилось молчание, а потом дверь в мою комнату с грохотом распахнулась. Рид немедленно оказался возле меня. Осторожно улыбнувшись ему, я поражаюсь, как он может выглядеть так привлекательно, когда выглядит так плохо. Хотя он по прежнему захватывающе дух красив, он непривычно взъерошен; одежда помята, а волосы растрепаны. Он выглядел так, словно не спал несколько дней. Бледным и осунувшимся.

— Привет, — хриплю я, что на меня совершенно не похоже. Он ничего не отвечает, поэтому я спрашиваю: — Ты в порядке?

Глядя на меня, Рид не отвечает на мой вопрос, а взглядом изучает мое лицо.

— Вот, присядь рядом со мной, — мне удалось сказать это своим нормальным голосом, указывая на свободное место на большой кровати рядом со мной. Он заползает на кровать рядом со мной, вплотную прижимаясь ко мне. Положив голову на мою подушку, его волосы падают на лоб, поэтому я поднимаю руку и убираю прядь с его лица. Я ощущаю тяжесть в руках, и она вяло падает на кровать. — Что со мной случилось? — осторожно спрашиваю я Рида.

В уголках рта Рида образуются мрачные линии.

— Ты болела... — тихим тоном отвечает Рид, его голос замолкает.

Я поднимаю брови.

— У меня? Да. Ты тоже заболел? — сочувственно спрашиваю его я, потому что он действительно выглядит уставшим.

Он кивнул на мой вопрос, и когда я положила руку на его щеку, он поворачивается к ней губами, чтобы поцеловать мою ладонь.

— Останься здесь, со мной. Тебе нудно отдохнуть... — шепчу я.

Рид глубоко вздыхает и закрывает глаза. Я поражена его реакцией на мои слова. Он выглядит таким печальным.

— Рид, что случилось? — спрашиваю я, боясь его ответа.

— Ничего не случилось Эви. Ты жива, — хриплым тоном отвечает он.

— О... — говорю я, не совсем понимая, о чем он говорит.

Должно быть, я очень больна. Я едва могу двигаться и чувствую, что кто-то просверлил дырку в моей груди... я резко вздыхаю.

Поднимаю руку к груди и скольжу пальцами по свободной белой рубашке, надетой на мне. В меня сразу хлынул поток воспоминаний. Я не могу дышать. Я не могу думать. Я паникую, я должна... что? Я должна остановить его... Я должна остановить Фредди. Он собирается убить Рассела!

— Рид! — шепчу я, мой голос настолько тонкий, что даже не понятно, сможет ли он понять меня. — Фредди, он мертв — он хочет навредить мне — он хочет навредить Расселу — он убил Рассела! О Господи, Рид! — в ужасе хриплю я, — Он убил Рассела — и я с не смогла — я пыталась, но не смогла остановить его...

Рид протягивает руку и притягивает меня в свои объятия. Он гладит меня по волосам и говорит нежным успокаивающим тоном:

— Рассел не умер, Эви. Ты спасла его.

Плача у него на груди, я качаю головой.

— Нет, — рыдаю я, — Фредди заколол его прямо в сердце, — говорю я, касаясь своей груди и морщась, как будто у меня там рана.

Рид крепче сжимает меня.

— Я знаю. Ты излечила Рассела. Ты взяла его рану и приняла его в свое тело, — последнюю часть он произносит гневно, словно он вообще этого не одобряет.

— Я исцелила... Рассела? — у меня перехватило дыхание. — Это... Как я смогла сделать это? — скептически шепчу я, еще скорбя по Расселу.

Губы Рида коснулись моего лба.

— Эви, как ты вообще существуешь? Это все не имеет смысла, но ты здесь, и Рассел внизу, и я думал что потерял тебя... — он замолкает. Он просто нежно поглаживает мои волосы, так, словно я сделана из хрупкого стекла. — По крайней мере ты была каналом для его исцеления, — после минутного молчания говорит он. — Это была твоя рука, которая коснулась его и другая, которой ты прикоснулась к своему телу, она поглотила его раны.

— Так Рассел жив? — спрашиваю я.

— Да, — отвечает он.

— И ты думаешь, что это я излечила Рассела? — спрашиваю я, вытирая слезы.

— Да, — говорит Рид.

— И недостаток в том, что мне пришлось самостоятельно перенести свои раны? —

уточняя спрашиваю я у Рида.

— Я скажу, что есть и обратная сторона, Эви, — быстро кивая, говорит Рид.

Наклонившись, он аккуратно расстегивает мою рубашку и показывает мне грубый шрам на моей груди. Он был на том же месте, где Фредди ударил Рассела ножом. Чуть выше находится ожерелье, которое Рид подарил мне. Затем Рид отбрасывает одеяло, показывая небольшой красный шрам на бедре. Похоже, в ту же ногу и в том же месте, куда был ранен Рассел.

Когда я касаюсь шрама на ноге, морщусь от его чувствительности.

— Рассел действительно внизу? — тихо спрашиваю его я.

— Да, хочешь чтобы я привел его к тебе? — со вздохом спрашивает он.

Я качаю головой.

— Нет, пока нет. Сейчас я ни хочу никого кого видеть, кроме тебя, — честно шепчу я. — Он в порядке? — спрашиваю я Рида, пока он поправляет мое одеяло.

— Он больше чем в порядке, — жестко отвечает Рид. — Ты исцелила все раны, что у него были. Ты даже выпрямила ему нос. Он выглядит по другому. Я мог бы снова его разбить, — ворчит он, крепко обнимая меня. — Брауни и Булочка тоже внизу, — более мягким тоном добавляет он. — Они не оставляют тебя. Они беспокоятся о тебе, так что я позволил им остаться здесь.

Мои глаза расширяются и я глубоко вздыхаю.

— Они ангелы! Я не знала, что они были ангелами! Почему мне никто не сказал? — спрашиваю я, пораженная их обманом. — А их крылья! Ты должен увидеть их крылья! Они выглядят как крылья бабочек! — восклицаю я.

Губы Рида тронула небольшая улыбка.

— Они Жнецы, — говорит Рид, но когда видит страх в моих глазах, быстро добавляет, — они не Падшие. Они собирают души для Рая. У жнецов крылья отличаются от наших. Некоторые из них, как крылья бабочек, а некоторые выглядят как крылья божьих коровок и жуков, — начинает объяснять Рид, чтобы успокоить меня.

— А некоторые выглядят как у стрекозы, — от боли в груди, шепчу я.

— Да... пока я не найду Альфреда, и тогда у него не будет крыльев, — спокойно говорит Рид.

Меня сотрясает дрожь когда я думаю о Фредди... он больше не Фредди — мой Фредди умер. Теперь остался только Альфред.

Чувствуя, как сильно бьется сердце, я спрашиваю:

— Откуда Брауни и Булочка узнали, что мы будем там? Если бы не девочки, я осталась бы без души, а Гаспар сломал бы новую игрушку.

Глаза Рида темнеют и он хмурится.

— Сначала они не знали что ты будешь там. Они пришли в ярость когда почувствовали души, которые были освобождены в ходе массовой резни. Альфред совершил ошибку, когда позволил Гаспару убить всех тех людей. Он должен был подождать после того, как лейтенант забрал душу, прежде чем убивать людей, — объясняет он.

— Но он не... — говорю я, почувствовав себя хуже, вспомнив валяющиеся на полу трупы.

— Нет, он не ждал, — соглашается Рид, сжимая рот в тонкую линию. — Булочка и Брауни были там и выполняли свою работу, собирали души, но потом они нашли там тебя с Альфредом и Гаспаром. Видимо девочки считают, что ты их клиент, и они не приняли то,

что Альфред и Гаспар могли убить тебя. Жнецы как правило не причиняют вреда.

Сейчас я с ясностью все вспомнила, и это заставляет меня дрожать от омерзения и страха. Я пытаюсь рассказать Риду все, что помню и то, что я должна рассказать ему, дается мне с таким трудом, мое горло горит, словно кто-то душит меня. Прежде чем продолжить, я несколько раз останавливаюсь, чтобы выпить воды.

Самое трудное рассказать Риду, что Падший Серафим знает обо мне, и послал Альфреда, чтобы тот следил за мной. Точно не знаю почему, рассказывая ему это, я чувствую такой стыд, но подозреваю, что это потому, что я боюсь того, что это означает. Если они знают что я существую и прислали кого-то, чтобы следить за мной — следить, но не убивать, это значит, они приложили руку к самому моему существованию? Я не знаю, о чем думает Рид, но одна мысль об этом, вызывает у меня тошноту.

Видя боль и беспокойство в моих глазах, Рид крепче обнимает меня, как если бы он защищал меня от моих страхов.

— Мне очень жаль Я никогда не позволю тебе уйти, — собственнически говорит он. — Я должен знать об Альфреде. Жнец прав; я слеп когда дело касается тебя. Я ничего не замечал, и это делает меня бесполезным, — потирая лоб говорит Рид.

— Рид, единственная причина, почему я зашла так далеко — это ты, — недоверчиво говорю я. — Если бы не ты, вероятно уже сейчас Себастьян бы сделал подушку из моих костей, или все те ужасные вещи, которые он делает.

Я содрогаюсь, воочию увидев то, на что способны Падшие.

— В будущем я должен быть более дисциплинированным. Больше никаких ошибок, — продолжает Рид. — Я должен как можно скорее найти Альфреда. Я позволил ему уйти, и сейчас он может быть где угодно, но... не думаю, что он будет слишком далеко от тебя. Если то, что он сказал о Аде — правда, то он будет в отчаянии. Ему нужна твоя душа теперь даже больше чем когда-либо.

Я сжимаю руки вместе, когда думаю о нем.

— Альфред сказал что у него есть законная причина быть здесь. Как ты думаешь, что он этим хотел сказать? — спрашиваю его я, потому что не совсем понимаю все, что здесь произошло. У меня начала болеть голова, и я хочу закрыть глаза, но борюсь с этим желанием.

— Он Жнец, как и твои друзья, — сжимая мою руку, говорит Рид — Они проводники душ в Рай, или если душа проклята, они заберут ее в пропасть. Ангелы смерти идут туда, куда их призывают. Мы как и Войны не обращаем на них особого внимания, потому что даже если они и зло, они здесь чтобы выполнять работу, которую не оспаривают.

— Ты имеешь ввиду, что если человек плохой, то, когда он умирает, за ним приходит кто-то вроде Фредди? — спрашиваю я, и Рид кивает.

— Пока мы не найдем и не уничтожим Альфреда, ты в опасности, — мрачно говорит он.

— Это означает, что и Рассел в опасности. Мы должны защитить его, Рид. Альфред все знает о Расселе. Вот почему он использовал его, чтобы заставить меня пойти с ним в Seven-Eleven^[1].

— И чтобы защитить Рассела, ты готова была отдать свою душу, — тихо с болью в голосе говорит Рид. — Эви, почему? Ты обещала мне, что ты будешь делать все, чтобы выжить. Я думал, что смотрю как ты умираешь.

Увидев ноющую боль на лице Рида, я кое-что понимаю.

— Ты думаешь вместо тебя я выбрала Рассела? — спрашиваю его я, видя, как должно быть это выглядит для него, после всех тех обещаний, которые я дала ему.

— А разве это не так? — спокойно говорит он.

Я мотаю головой.

— Нет. Никогда. Я никогда не хотела никого сильнее, чем хочу тебя. Я никогда не любила никого так сильно, как люблю тебя, — неистово говорю я.

— Тогда почему ты сделала это? — в недоумении спрашивает он.

— Потому что мне пришлось, и я надеюсь, что однажды ты простишь меня за это.

— Тогда... ты все еще моя? — пронизательно спрашивает он меня.

— Это никогда не оспаривалось. Я всегда буду твоей, — вытираю я слезы. — Прости, — все сильнее плачу я.

— Шшш... моя храбрая девочка... моя любимая. Сейчас ты должна отдыхать, или сделаешь себе только хуже, — успокаивающе шепчет Рид.

Он притягивает меня ближе, осушая мои слезы в уголках глаз.

— Я сделаю это для тебя. Я сделаю тебя таким счастливым, что в конце концов тебе придется меня простить, — хрипло шепчу я, пытаюсь облегчить боль в груди.

— Тебя не за что прощать... и я счастлив. Ты жива, и любишь меня.

— Рид, — говорю я.

— Эви, — отвечает он также, как я привыкла делать, когда мы спорили, еще до того как я узнала, что он ангел.

Он мне улыбается.

Мои глаза закрываются, и я знаю, что засыпаю.

— Не уходи. Ты выглядишь очень уставшим. Ты должен отдохнуть. Спи здесь со мной, ок?

— Спи любимая, — говорит Рид, и, так как я не могу больше сопротивляться, то повинуюсь.

— Почему никто не сказал мне что я пропустила финал? Я потеряю свою стипендию! — в панике говорю я, пытаюсь подняться с постели.

Чувствую руки на своих плечах, удерживающие меня внизу. Сидящий рядом со мной Рид по видимому переживал, что не подготовил меня к этой новости, ведь я провела в постели не несколько дней, а несколько недель. Я пропустила финальный матч, и скоро наступят зимние рождественские каникулы.

— Конфетка, мы позаботились об этом за тебя, — говорит Булочка, сидящая в рядом стоящим кресле. — Я написала письмо в административный корпус, о том, что ты очень больна. Когда тебе станет лучше, они примут у тебя экзамены.

— Я помогу тебе подготовиться к твоему экзамену по истории изобразительного искусства, так как я встречалась с некоторыми художниками, которых ты изучаешь, — стоя у окна, говорит Брауни.

Мои глаза должно быть и в самом деле расширились, потому что она смеется над выражением моего лица.

— А я помогу тебе с экзаменом по Западной цивилизации, — говорит Зефир.

Булочка одаривает его скептической улыбкой.

— Зи, ты действительно думаешь, что это хорошая идея? — спрашивает Булочка.

— Конечно, — нахмурившись говорит Зефир. — Зачем мне делать плохой выбор, чтобы

помочь ей?

— Милый, твой взгляд на историю, немного отличается от взгляда людей, — мягко говорит Булочка.

Я вижу как она очень старается не ухмыляться, чтобы не обидеть Зефира. Зефир рычит из угла комнаты, затем скрещивает на груди руки и угрюмо смотрит.

— Я подкорректирую факты. Не моя вина, что люди ошибаются в исторических записях. Я должен знать, потому что я был там.

Я вздыхаю потирая лоб.

— Тфу, так много предстоит сделать. Я даже не знаю, где мои книги, — с сожалением говорю я. — Я должна это сделать или потеряю стипендию.

— Конфетка, у тебя ангельский интеллект. Это будет не трудно, — замечает Булочка. — Но даже если бы у тебя его не было, ты бы все равно не потеряла стипендию. Рид благотворитель вашего стипендиального фонда, и я сомневаюсь, что он позволит, чтобы тебя оттуда исключили.

Убрав руку ото лба, я поднимаю брови.

— Что? — спрашиваю ее я, осуждающе глядя на Рида.

— Ты мог в любое время лишиться меня стипендии и отправить восвояси? — недоверчиво спрашиваю его я.

— Да. Но это было бы невежливо, — сладко улыбается он мне.

— Насколько близко ты подошел к этому? — спрашиваю я, ни на минуту не поверив.

— Я заполнил документы, но потом поговорил с тобой на регистрации и не смог пойти дальше, — отвечает он, взяв меня за руку и целуя ее.

Внезапно мне в голову пришла одна мысль.

— О Господи, дядя Джим! Что я должна рассказать ему? Он звонил? Он знает, что я была больна? Что произошло с людьми в Seven-Eleven? Вы обращались в полицию? Где Рассел? Он тоже пропустил финал? Ты не позволил ему вернуться домой, не так ли? Он не может вернуться домой, Фредди... Альфред все еще поблизости! Мне нужно одеться. Я должна позвонить дяде, — быстро говорю я, в то время как в моей голове крутится куча вопросов.

— Брауни и я заботимся о душах; сейчас они в безопасности. Ты не должна волноваться за них, конфетка, — просто говорит Булочка, смотря на меня.

Я не знаю, что-то в этом действительно не правильно, но я это чувствую.

— Ты мне чего-то не договариваешь, — говорю я, начиная чувствовать себя параноиком, я смотрю на их лица, оторые внезапно становятся мрачными. — Где Рассел? — спрашиваю я их.

— Думаю, он внизу в библиотеке, конфетка, — мягко говорит Булочка. — Мы хотели первыми поговорить с тобой, прежде чем ты будешь говорить с Расселом.

По моей коже ползет тревожный холодок, образуя на руках мурашки. Скатываюсь к краю кровати, опуская ноги на пол. Чувствую себя такой слабой, думаю я. У меня больше не стоит капельница. Когда я была ранена, Рид уговорил кардиолога и еще нескольких специалистов из своего персонала приехать и позаботиться обо мне. Затем он стер у них все воспоминания о прибывании здесь. Сейчас они ушли, потому что я чувствую себя лучше.

Снова взглянув на выражение лица Булочки, ее лицо изменилось от вынужденной бодрости до чопорной статической мины.

— Как мне говорили, душа твоего дяди Джима, самая чистая, самая нежная и добрая,

какую Жнец перехода еще никогда не имел чести встретить... — начинает она с элегантною скромностью.

— Нет? Булочка, не рассказывай мне, — в горле встает ком, а сердце сжимается. — Я не хочу знать. Пожалуйста, не говори мне, — шепчу я, встаю и пытаюсь сделать шаг к двери ванной. Я должна уйти от них. Я не могу слышать то, для чего они здесь, и что хотят рассказать мне.

Мои ноги овивает легкий ветерок, а затем Рид поднимает меня на руки.

— Эви, ты должна простить меня. Я был так сосредоточен на тебе — на сохранении твоей жизни, что ничего другого для меня не было важным.

Меня ослепили слезы.

— Не говори мне, Рид, — с трудом говорю я, приложив палец к его губам, чтобы он замолчал.

— Эви, — с ноткой вины говорит Булочка, — мы думали, что Альфред будет убегать от нас и прятаться в самой глубокой яме, которую только сможет найти. Мы не подозревали — мы пошли туда, в дом твоего дяди, но было слишком поздно. Должно быть Альфред пошел напрямик туда, так что мы, наверное, не смогли бы остановить его, даже если бы знали... — Булочка замолкает.

— Нет, Булочка! — сердито кричу на нее я, борясь с Ридом, чтобы он поставил меня на ноги.

Он это делает, но только потому, что вероятно думает, что я убьюсь, а не потому, что это произвело на него какой-то эффект.

Про хромав в ванную, я закрываю дверь. Осматриваюсь вокруг ища куда спрятаться, я выбираю душевую, вяло подхожу к ней. Включаю душ и захожу внутрь все еще одетая в белую рубашку Рида. Позволяю воде смыть слезы, которые, чувствую, никогда не закончатся. Я прислоняюсь к стенке душевой, но больше не могу удержаться на ногах, так что сползаю на пол.

Мой бедный дядя Джим, что он с тобой сделал?

Мой разум плачет в такой интенсивной и подавляющей тоске, что кажется боль, которую я сейчас переживаю, не идет ни в какое сравнение ни с чем.

Альфред обещал причинить мне такую боль, что я буду просить его забрать мою душу. Он поставил на это обещание. Я бы отдала свою душу, чтобы спасти дядю Джима, но он не дал мне возможности.

Дверь в душевую открывается. Прежде чем забрать меня с мокрого пола, Рид выключает воду. Он укачивает меня в своих объятиях.

— Он мертв? — мучительным шепотом спрашиваю я.

— Да, — отвечает Рид, не посвящая меня в детали.

Пройдя к туалетному столику, он усадил меня на него. И завернул в толстый, теплый халат.

— Его уже похоронили? — тихо спрашиваю я, потому что это должно было произойти еще неделю назад.

Я безвольно прогибаюсь на встречу Риду.

— Там был один. Жнецы договорились. Ты была слишком больна, чтобы идти. Все равно быть тебе там, было бы плохой идеей, из-за Альфреда. Когда будет безопасно, можем пойти на кладбище, — спокойно говорит он, убирая с моего лица мокрые волосы.

— Полиция ведет расследование? — отупело спрашиваю его я.

Странно, что мой мозг все еще работает, хотя внутри я чувствую себя мертвой. Прежде чем поднять меня со столешницы, он заканчивает завязывать пояс на халате. Он ведет меня обратно в спальню к моей кровати. Все ушли вниз, так что мы остались одни.

— Да. Они приходили сюда поговорить с тобой, но поверили, что ты попала в автомобильную аварию. Зи и я уничтожили твою машину. Я куплю тебе еще одну. Нам нужно было, чтобы она выглядела так, как будто ты пострадала, — говорит он.

— Полиция расследует убийство твоего дяди, они считают, что он вероятно был убит одним из разгневанных супругов, чье дело расследовал.

— Почему они так думают? — спокойно спрашиваю его я.

— Они так думают, потому что в этом преступлении есть элементы насилия, — неохотно говорит он, хмурясь от беспокойства.

— Как он умер? — сдерживаю дыхание в ожидании ответа Рида.

Сначала Рид ничего не отвечает, пока я не поворачиваюсь и не смотрю ему в глаза.

— Плохо, — отвечает Рид, больше ничего не сказав.

Я киваю, подтверждая, что поняла, что он сказал. Он говорит, что я не захочу знать, и я верю ему. Он подталкивает меня, чтобы я легла в постель, укрывая меня одеялом.

— Я должна была дать ему то, что он хотел. Я не противостояла... почему я противостояла? — жалко шепчу я.

— Нет Эви, не говори так. Я позабочусь о нем. Пока Альфред не понимает что такое боль... пока нет, но он поймет, я обещаю тебе, — говорит Рид. — Я определю для него слово страдание.

Слова Рида предназначались для моего успокоения, но в этот момент месть за моего дядю, вряд ли имеет для меня значения. Дядя Джим мертв и уже ничего не изменит этот факт, даже причинение боли Альфреду. Закрываю глаза. Я ничего не хочу больше, чем заснуть и больше никогда не просыпаться. По моим щекам снова потекли слезы, но я слишком устала, чтобы вытирать их.

Я просыпаюсь и обнаруживаю, что кто-то держит меня за руку, и вижу, как на меня с сожалением смотрит Рассел, он подъехал на стуле к моей кровати.

— Эй Рыжик, вот он я, — говорит он с теплотой во взгляде, наклоняется к моей руке и целует ее.

— Рассел, ты... в порядке? — нетвердо спрашиваю я, пытаюсь сесть в кровати.

Я все еще чувствую слабость, но не хочу чтобы он видел это. Но он все равно замечает и осторожно помогает мне сесть. Наблюдаю за ним, чтобы посмотреть, есть ли у него какие-то травмы, но он выглядит абсолютно здоровым.

— Прости, Рыжик, — прямо говорит Рассел, глядя на мою маленькую руку в его огромной. — Я пытался заставить тебя уйти. В течении нескольких дней мне снились кошмары о Seven-Eleven. Я знал, что случится что-то плохое, и не хотел, чтобы ты была в это вовлечена, поэтому я пытался заставить тебя уйти. Но ты упряма, и я должен был понять, что ты не сдашься, — говорит он, снова глядя мне в глаза и морщась. — Я не понимал, что происходит.

— У тебя были сны, в которых была я? — обалдело спрашиваю его я.

— Я бы так не сказал, я никогда не был поражен светом, или ожерельем в моих кошмарах, — прямо говорит он, и я понимаю, что Рид или кто-то еще, посвятил Рассела в некоторые детали, которые он до сих пор не знал.

— Ты не должна была идти с Фредди. А должна была пойти за помощью... и найти

Зефира, — ругает он меня, качая головой.

— Рассел, я должна была пойти, ты моя родственная душа, — прямо говорю я, и знаю, что он понимает о чем я, потому что я тоже его родственная душа.

— Да, я знаю, как ты себя чувствовала, пытаюсь отдать за меня свою душу. Ты никогда снова не сделаешь ничего подобного, поняла? — с жаром говорит он.

Я бледнею.

— Рассел, Альфред все еще где-то здесь. Он все еще хочет мою душу, так что пока мы не поймаем его, ты в опасности.

Рассел немного сутулится и хмурит брови.

— Да, Рыжик, я знаю. Пока он здесь, моя семья тоже в опасности. Рид принял меры предосторожности, чтобы моя семья была в безопасности. — Отвечает Рассел. — Булочка и Брауни на рождество собираются вместе со мной поехать ко мне домой. Я не могу вернуться домой один. Мне нужно, чтобы они были моими телохранителями, — говорит Рассел.

В нем что-то изменилось, и я пытаюсь выяснить что именно. Он немного хмурый.

— Не могу дождаться, чтобы увидеть свою семью. Я так сильно по ним скучаю, — говорит он и затем быстро смотрит на меня, словно сказал что-то неуместное.

Я знаю, что он думает о моем дяде, и я очень стараюсь не расплакаться.

— Держу пари, они тоже по тебе скучают, — шучу я и горжусь, что не захлебываюсь словами.

— Не знаю, как собираюсь объяснять семье мой, свой нос, — говорит мне Рассел, пытаюсь быть веселым, и улыбается мне. Он слегка поворачивает голову в сторону, так что под другим углом я могла более ясно разглядеть его прямой нос.

Он выглядит отлично; это факт, прямой нос Рассела выглядит даже более красиво чем это возможно. Есть в нем и другие менее заметные перемены, которые я тоже начинаю замечать.

— Я знаю, что никогда не понимал тебя, пока в Seven-Eleven не увидел ангела с белыми крыльями. Я не знал, что есть и плохие ангелы. Плохие ангелы... это не то, что они называют оксюморон (фигура речи, обозначающая ложную истину)? — печально спрашивает меня он, и я киваю ему, понимая, о чем он. — Что они сделали там с этими людьми.... - вздрагивает он, я крепче сжимаю его руку, потому что не могу говорить. — Ну, я рад узнать что не все такие... как эти Падшие.

Он знает, думаю я. Они, должно быть, все ему рассказали.

Я удивлена, что они ему рассказали, потому что есть правила:

— Прости Рассел. Альфреду нужно было только понаблюдать за нами, чтобы понять, что ты моя родственная душа, и из-за этого он причинит тебе боль. Я хотела его остановить, но не смогла. Мне так жаль... — говорю я, опуская голову на руки.

— Рыжик, ты разве не слышишь, что я говорю? Я прошу прощения, потому что если бы я знал обо всем этом раньше, то дьявол не смог бы чуть не убить тебя, — с отчаянием отвечает он. — Я позабочусь об этом. Я найду его, как маленькое злое насекомое и уничтожу.

Я смотрю на него, и удивляюсь, как уверенно он об этом говорит.

— Рассел, о чем ты говоришь? Он ангел, а ты человек. Ты с ним не справишься, — предупреждаю я.

— Зи сказал, что когда я буду готов, он начнет тренировать меня, а потом мы начнем охотиться на маленького опарыша и отправим его во тьму, как он хотел это сделать с

тобой, — стиснув зубы, говорит Рассел, в ожидании этого дня.

Запутавшись, я морщусь лоб.

— Что? — спрашиваю его я, в то время как меня охватывает страх. — Зи не может тренировать тебя. — Он должен быть действительно осторожным, чтобы не причинить тебе боль, потому что он может раздавить человека как кусок масла, — объясняю я, пытаюсь его вразумить.

— Пока он не может меня тренировать. Ты права, сейчас я слишком мягкий, но это не навсегда. Я вижу, Эви, что когда ты исцелила меня, то изменила, — тихо говорит Рассел. Пытаюсь быть деликатным в своих объяснениях. — Булочка думает, что когда ты приняла на себя мои раны, то в замен ты подарила мне частичку твоей силы, чтобы вроде как заполнить пробелы. Это для меня что-то значит. Теперь я тоже эволюционирую, как и все вы, — грустно говорит он, наблюдая за моей реакцией на его слова.

— Что ты сказал? — спрашиваю я. Я до сих пор не смотрю на него, ожидая ответа.

— Я тебе говорю, что я уже не просто человек, — прямо говорит он.

— Ты хочешь мне сказать, что ты превращаешься в ангела? — настороженно спрашиваю я.

— Это выглядит так, как будто ты здесь больше не единственный ангел с душой, — говорит он. — Я тоже фрик, — шутит он, пытаюсь улыбаться, но улыбка не касается его глаз, потому что он улыбнулся только ради меня.

— Откуда ты знаешь? — в отчаянии спрашиваю его я, пытаюсь отрицать то, что он сказал. Мне нужно найти лазейку, которая позволит ему избавиться от моей способности. Я должна найти способ, чтобы Рассел был нормальным человеком, и у него была нормальная жизнь.

Глядя на меня, он достает из джинсов перочинный ножик. Он выпускает лезвие, а затем делает небольшой надрез на большом пальце.

Я вижу, как с его руки капает кровь.

Через минуту кровотечение остановилась, а через десять минут все исчезло, как будто ничего и не было.

Я сажусь на подушку.

Затем я отворачиваюсь от него. Я не могу на него смотреть, на то, что я уже с ним сделала.

Я спасала его, чтобы он мог охотиться так же, как охочусь я, оскорблять так же, как оскорбляют меня, и проклинать также, как проклинали меня.

— У меня нет слов, чтобы сказать, как много я хочу... — задыхаюсь я, стискивая зубы, — как сильно я сожалею... я никогда не хотела этого для тебя. Я должна была... но я не могу тебя отпустить. Теперь на тебя будут охотиться также, как и на меня.

Я не могу двигаться дальше. Я перенесла свое разрушение на него, и теперь нет пути назад. Я спрашивала Господа, как спасти жизнь Рассела, но не знала о специфике дел, я не знала о последствиях, с которыми он после этого столкнется. Я не Бог, я не знаю его мыслей; это для меня урок.

— Рыжик, я не делал этого для тебя. Это нечто больше, чем ты, — говорит он, поднимает мой подбородок, и снова поворачивает мое лицо к нему. — У меня здесь есть работа, которую я должен выполнить, и я могу кричать об этом, или я могу быть как мой друг и смело взглянуть в лицо всему, что происходит. Я хотел бы думать, что я не трус, так что я буду мужчиной... или ангелом... нем угодно, — иронически говорит он. — В любом

случае, ты не можешь повернуть время вспять. Это уже сделано, и, думаю, можно наслаждаться тем, что ты ангел. Должен сказать, что я уже наслаждаюсь некоторыми преимуществами, которые ты мне подарила.

— Какими преимуществами? — спрашиваю его я, наверное есть какие-то преимущества, когда ты наполовину ангела, наполовину человека.

— Ну, например, Рид больше не может что-то мне внушать, — ухмыляется Рассел. — И теперь они посвятили меня во все тайны, которые известны тебе. Булочка думает, что у меня будут такие же красные крылья, как у тебя — что я также буду Серафимом, что, кажется, раздражает Рида. Если мы когда-нибудь доберемся до рая, то я превзойду его по иерархии.

— Рассел, мы вроде мутантов, не думаю что мы кого-то превосходим, — серьезно говорю я.

— Знаю, что не мог быть более взволнованным, чем когда думал, что вы инопланетяне. Когда я думал, что был каким-то видом иностранца или кем-то еще... но, это намного страннее, — с некоторым легкомыслием говорит он.

— Расскажи мне об этом. Пытайся мыслить как чистокровный американец, хотя можно просто подождать и посмотреть, что из тебя получится, — отвечаю я, пытаюсь привнести в разговор свой собственный бренд юмора. — Это скорее жутко, нежели весело, правда?

— Неа, но по крайней мере мне не было жутко. Во всяком случае, у меня должна быть интересная вечность. Не могу дождаться, чтобы увидеть что же произойдет дальше.

— Это должно быть интересно... и у нас есть для этого целая вечность, так что, может быть, мы должны дать Эви отдохнуть, чтобы ей стало лучше, — непринужденным тоном говорит Рид.

Как только Рид вошел в комнату, Рассел встает.

Он неприятно кривит губы.

— Ты прав, — жестко отвечает Рассел Риду, — у нас Рыжикам будет целая вечность, чтобы обсудить это. Я просто волнуюсь за тебя. Я имею ввиду, ты в любое время можешь позвонить на небеса. Вероятно, некоторое время у меня были Р и Р. Кто знает, что будет дальше?

Услышав рычание Рида, вижу, как сразу же напрягается Рассел и принимает защитную позу ангела. Я коротко задаюсь вопросом, не инстинкт ли это.

— Что происходит? — спрашиваю их я, удивленная их отношением друг к другу.

Глядя то на одного, то на другого, но не один из них не отвечает на мой вопрос.

Они просто продолжают смотреть друг на друга.

— Ничего любимая. Я просто проверял как ты, — говорит Рид.

— Я прекрасно. Просто мы с Расселом говорили о том, что оба теперь монстры, — объясняю я, протягивая к нему руки.

— Ты не монстр, — садясь рядом со мной на кровать, говорит он. Берет мою руку и легко целует ее: — Для дискуссии есть другая рука, Рассел.

— Рид! — оборонительно говорю я. — Не говори так.

— Все нормально, Рыжик, — говорит Рассел. — Я действительно должен идти и собираться домой. Мы перевезли сюда все мои вещи, поскольку я предполагаю, что теперь это будет штаб-квартира, пока Рид и Зи не продумают наш следующий шаг.

— Когда ты уезжаешь домой, — с беспокойством спрашиваю его я.

— Сегодня вечером у нас девочками рейс в Детройт. Мы вернемся через пару недель. Я буду скучать по тебе, Рыжик. Я хотел бы, чтобы ты тоже могла поехать, — заботливо говорит

Рассел.

— Я тоже буду скучать по тебе, — говорю я, но чувствую облегчение от того, что никуда не собираюсь ехать. Я испорчу ему каникулы, потому что буду в трауре из-за дяди. Даже сейчас я с трудом способна сдерживать жгучую боль в себе, так, чтобы Рассел не заметил ее.

— Позаботься о ней, — строго говорит Рассел Риду.

— Как о своей жизни, — сразу отвечает Рид, но это больше похоже на клятву, чем на возражение.

Рассел подходит к постели, наклоняется и нежно целует меня в щеку.

— Я люблю тебя, Рыжик, — говорит он.

— Я тоже люблю тебя, Рассел, — улыбаюсь ему я. — Счастливого Рождества.

— Счастливого Рождества, — отвечает он и разворачивается, он выходит из комнаты, оставляя меня с Ридом.

Глава 21

Зимние каникулы

В течение следующих нескольких дней я нахожу в себе силы подняться с постели и начать заботиться о себе. Мои шрамы быстро заживали, а потом они совсем исчезли, словно их никогда и не было. Если бы только эмоциональные шрамы заживали так же, но я знаю, что я буду носить их так долго, как только моя память сможет выдержать это. Думаю, моя память решила никогда не забывать о той ночи, произошедшей недели назад, поскольку каждый раз, когда я закрываю глаза, чтобы отдохнуть, мне снятся кошмары. Я пыталась быть нормальной для Зефира и Рида, но не думаю, что могу одурачить хоть одного из них, так как у них сверхъестественный слух, а я плачу каждую ночь, как только ложилась спать.

Я понимаю, насколько тяжела для Рида была моя болезнь, когда я первый раз за все это время спускаюсь на первый этаж, то увидела, что он сделал со столовой. Она была почти пуста, потому что Рид разбил почти все, что было в комнате. Зефир говорит, что Рид превратил стол в щепки, так что они уже избавились от него. Шикарный подсвечник, который раньше украшал стол, сейчас превратился в неясные куски металла, но что-то что немного похоже на картину Дали; Рид согнул их так, что они выглядели, словно их расплавили.

Отчасти это причина того, что Рид отказался от своего персонала: Андре и Греты.

После всех волнений с моим выздоровлением, здесь побывали врачи и полицейские, увидевшие мою машину, разбитую в хлам, Рид просто не мог внушить своим сотрудникам, что все, что здесь происходит, это норма. Так же он осознавал, что скоро у нас в резиденции будет четыре полноценных ангела и две полукровки, поэтому всегда кто-то в самый неподходящий момент будет совершать ошибки перед Андре и Гретой.

Он дал им огромные выходные, нашел им новое место работы в другом месте.

В Рождественское утро Рид, Зи и я собираемся в библиотеке, где Рид и Зефир дарят мне грудой подарков.

— Эм, вау, ребята, — мямлю я, почти похороненная под грудой подарочных упаковок. — Это очень приятно, и все такое, но никто не получает такое количество подарков. Это слишком много.

— Что это значит? — серьезно спрашивает меня Зефир.

Я снова смотрю вокруг на огромную кучу подарков.

— Я имею ввиду, что ты меня избалуешь, а потом я совсем испорчусь и перестану тебе нравиться, — отвечаю я.

Зефир хмурится.

— Ты не испортишься, — отвечает он, — твоя физиология защищена.

— Я думаю Зи, она говорит это не в буквальном смысле, — с улыбкой прерывает его Рид.

— Не обращай внимания, — говорю я, когда понимаю, что они оба не понимают, что это означает.

Я должна постараться, чтобы не испортить их первое рождество с полукровкой.

Я открываю коробки с экстравагантными подарками. В них: духи, телефон, iPod, MacBook, сумка, куртка, ремень, драгоценности, косметика, одежда, аксессуары для волос, полное хоккейное снаряжение, новые лыжи и лыжные ботинки, сноуборд, и это только то,

что было завернуто. Есть и другие вещи, которые не могли быть завернуты, например, новый красный Рендж Ровер.

Рид пытается скрыть свое волнение, пока держа меня за руку, ведет по дорожке, чтобы посмотреть на автомобиль.

— После того, что я сделал с твоим автомобилем, я должен был заменить его, так что это не подарок, — объясняет Рид.

— Рид, этот Рендж Ровер не подверженный автомобиль, — отвечаю я, зная, что он стоит в десять раз больше, чем мой прошлый автомобиль, а может быть и дороже.

— Тебе не нравится? — спрашивает он, пытаясь скрыть от меня свое разочарование.

— Я никогда не ожидала, что ты купишь мне новую машину! Спасибо тебе, Рид, — говорю я, обнимая его, и скрывая лицо у него на груди.

Я так поражена всем тем, что они подарили мне; не знаю что делать. Кажется Рид доволен моей реакцией. Приподнимая меня, он дарит мне нежные объятия, полные сдержанности — потому что боится причинить мне боль.

— Мне нравится Рождество. Это весело, — с улыбкой в голосе говорит он, ставя меня на ноги.

— Знаешь... ты не должен был дарить мне такой дорогой подарок... Мне просто нравится быть здесь с тобой, — говорю я, пока мы идем обратно к дому.

— Эви, большинство из нас имеет столько денег, что мы не знаем, что с ними делать, так что ни мне, ни Зи ничего не стоит купить тебе все, что ты захочешь, — сообщает он мне, возвращаясь в библиотеку.

— Почему ты не используешь свои деньги, ну не знаю, на лекарство от бедности или что-то вроде этого, или у тебя их еще больше? — спрашиваю его я. Мы сидим в библиотеке, и я восхищаюсь тем светом, который излучает Рид.

— Мы не можем. Это не допускается. Мы не должны вмешиваться в жизнь людей, в любых обстоятельствах. Мы не можем вмешиваться в нечто подобное. Это нарушит баланс, подкосит их, — говорит он, пытаясь объяснить мне.

— О, я понимаю. Я не могу пойти и помочь людям, — с сарказмом говорю я. — Так как же ты отвертишься за все то, что ты подарил мне? — спрашиваю его я, разводя руками и показывая на все подарки, заполнившие комнату.

— Лазейка, теперь ты не совсем человек, не так ли? — искушающие улыбается он мне, а я улыбаюсь в ответ.

— Если ты не можешь поддерживать людей, давая им деньги, тогда как ты являешься главным спонсором Крествуда? — спрашиваю, его я и понимаю, что он весь день не сводит с меня глаз.

— Я не отдаю им все свои деньги. В основном я убеждаю богатых, чтобы они вложили в школу немного своих денег, — объясняет Рид.

— Но разве это не обман? Я имею ввиду, если ты убеждаешь их сделать это? — с кривой улыбкой спрашиваю я.

Рид кладет свой палец на мои губы.

— Т-с-с, этого кажется никто не замечает, — гордой улыбкой говорит он.

— Ты тоже делаешь это, Зи? — спрашиваю я Зефира, который проверяет ручное GPS которое дал ему Рид.

— Почему ты думаешь, что я могу убеждать людей что-то делать? — в замешательстве хмурится Зефир.

Мои глаза расширятся.

— Ты не можешь? Но я думала, эта способность присуща всем ангелам, — в замешательстве говорю я.

— Рид — единственный ангел, которого я когда-либо знал, который умеет влиять на людей, — говорит Зефир, посмеиваясь над моей наивностью. — Можешь представить, если бы мы все могли делать это? Падшие, наверное, точно бы победили, они бы внушили людям поубивать друг друга, а потом бы просто собирали их души и отправляли в ад. Они победили, игра окончена. Нет, к счастью, Рид единственный кто может убеждать, и он использует это только во благо. Ну, по большей части — у меня такое ощущение, что врачи просто так не согласились бы, но это была чрезвычайная ситуация, и мы сейчас не будем об этом беспокоиться.

— Он уникален, — говорю я, видя, как смотрит на меня Рид.

— Да, — пожимая плечами говорит Зефир.

Я вспоминаю, что у меня тоже есть для них подарки.

— О, я почти забыла, что у меня тоже есть для вас подарки! — возбужденно говорю я, подходя к елке и находя подарки, которые заказала через интернет.

Я вручаю каждому по завернутой коробке, наблюдая, как они открывают их.

Зефир улыбается, когда открывает свой первый подарок. Это нож каракара.

— Из высоко-углеродной нержавеющей стали с черным покрытием DLC вольфрама и титановой ручкой с углеродным волокном.

— Спасибо, — говорит Зефир, не глядя на упаковку, но зная, как выглядит оружие.

Я дрожу, видя его владение ножом, проверяя его на вес и маневренность, благодарная за то, что он ему кажется нравится.

Он открывает следующий подарок, который упакован в коробку Твинкис.

— Что это? — сконфужено спрашивает он.

— Это твинки; они хорошо считаются с коньяком, — объясняет Рид, в то время как я пытаюсь заглушить хихиканье.

Зефир не выглядит убежденным, но это не останавливает его от открытия коробки новым ножом и злобное вскрытие бедного, беззащитного Твинкис.

Рид открыл свой первый от меня подарок, который состоял из нескольких коробок замороженных макарон с сыром, которые были в герметичной упаковке, чтобы они не растаяли, пока лежали под деревом.

— Что это? — недоверчиво спрашивает Зефир.

— Это макароны с сыром. Ты когда-нибудь их ел? — спрашивает Рид у Зефира.

— Нет, — уверенно говорит он.

— Ты не жил, Зи, — говорит Рид, улыбаясь мне.

Он открыл следующий подарок и в замешательстве посмотрел на меня.

— Это кольцо моего дяди Джима. Он всегда носил его, а я любила играть с ним, когда была еще маленькой. Я позвонила своей подруге Молли и спросила: не смогла бы она сходить ко мне домой и прислать его мне. Я хочу, чтобы оно было у тебя. Ты не обязан носить его. Я буду счастлива от осознания, что оно у тебя. Я любила его больше всего на свете, а теперь, я люблю тебя так же сильно, как и его, — говорю я, изо всех сил стараясь не заплакать, потому что кажется будто это единственное, что я могу делать.

Взяв меня на руки, Рид держит меня.

— Спасибо, — шепчет он мне на ухо, а потом скользит по кольцу на пальце.

— Не знаю, как ты сделала это, Эви, но ты заставила нас выглядеть скупыми, — говорит Зефир, вставая со своего места и беря свою коробку с пирожными, он выходит из библиотеки оставляя нас одних.

— Спасибо тебе за все подарки, — говорю я Риду, целуя его в щеку и ощущая гладкую кожу под моими губами.

— Ты знаешь, о чем я продолжаю думать? — спрашивает меня Рид.

— Нет, о чем? — отвечаю я.

— Я продолжаю думать о том, на сколько мне это нравится, — говорит он.

— Рождество? — шепчу я, не отвлекаясь от его соблазнительных губ.

— Да... и ты будешь здесь, со мной. Теперь у меня есть семья, ты и я... — он умолкает, смотрит на меня, ожидая мою реакцию.

Мое сердце забилося быстрее.

— Я? — спрашиваю я, чувствуя как мое сердце обволакивает теплом. — Я твоя семья?

— Да, — мягко говорит он, — и я буду защищать свою семью от всех угроз.

Он подносит мою руку к своим губам и мягко целует мои пальцы.

— Почти от всего, что ей угрожает, — грустной улыбкой отвечаю я.

Пальцы Рида зарываются в мои волосы.

— Эви, Зи и я работаем над стратегией, чтобы изменить это, — серьезно говорит он.

— Ты? — спрашиваю я, чувствуя, как внутри меня, растет маленькая искорка надежды.

— Ты не должна беспокоиться; я позабочусь о тебе, — с такой убежденностью говорит он, что я чувствую, он сам начинает верить в то, что он сможет это сделать.

В моих глазах была озабоченность.

— Может тебе не стоит, — говорю я, желая защитить его.

— Эви, — ласково произносит он мое имя, — я люблю тебя... и я не спрашиваю твоего разрешения на твою защиту, — с улыбкой говорит он.

— Нет, ты не понял, думаю, я должна позволить сделать это, потому что я тоже тебя люблю, — говорю я.

— Я предполагал это, — усмехается он, слишком счастливый, чтобы скрыть это.

Он мягко притягивает меня к себе, нежно прикасаясь своими губами к моим, и впервые за несколько недель я чувствую себя действительно полностью защищенной.

Конец

Больше книг на сайте - Knigolub.net

---

notes

Seven-Eleven — оператор крупнейшей сети небольших магазинов в 18 странах под управлением Seven-Eleven Japan Co., Ltd...